Российское кореееведение в прошлом и настоящем

Первые известия о Корее в России

Том VII

РОССИЙСКОЕ КОРЕЕВЕДЕНИЕ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

том седьмой

- 한국국제교류재단 지원 -

러시아 과학아카데미 동방학연구소

모스크바 삼일문화원

러시아 한국학 원시 자료

- 1675~1884년 -

(한국학 총서 제VII권)

편저 : 박보리스 D. 와닌 U. V. 박벨라 B.

편집 위원 : 와닌 U. V. 이형근. 박보리스 D.

보론쏘프 A. V. 꼰쎄비치 L. R.

모스크바
2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
КОРЕЙСКИЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ПЕРВОЕ МАРТА»

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КОРЕЕ В РОССИИ

(1675—1884)

МОСКВА
2010

ББК 63.3(5 КОР)
П 26

Книга издана при финансовой поддержке Корейского фонда
(Korea Foundation, Republic of Korea)

Составители:
Ю. В. Ванин, Б. Д. Пак, Б. Б. Пак

П26 **Первые известия о Корее в России** (1675–1884). — М.: Первое марта, 2010. — 358 с. (Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем». — Т. 7).

ISBN 978-5-8125-1328-3

Сборник освещает процесс зарождения российского корееведения, уровень знаний о Корее в России ко времени установления между ними дипломатических отношений (1884 г.), ранний этап формирования корейской политики России. В него включены полностью или частично первые публикации о Корее в России, в большинстве своем ставшие библиографической редкостью, а также материалы российских архивов. Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей российско-корейских отношений и корееведения в России.

ISBN 978-5-8125-1328-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В июле 1884 г. Россия установила дипломатические отношения с Кореей. С этого времени началось ее непосредственное знакомство с дальневосточной соседкой, разностороннее и углубленное изучение Кореи, налаживание с ней межгосударственных контактов. На этой основе возникло российское корееведение, составляющее ныне существенную часть востоковедной науки. В России, однако, имели уже некоторое представление о Корее задолго до 1884 г. Тому, что именно знали о Корее в России к 1884 г., когда, как, из каких источников получали первые сведения о ней, каковы были их масштабы, характер и содержание, посвящена данная книга.

Есть основания полагать, что русские люди встречались с корейцами (солангами, как их иногда называли средневековые авторы) еще в XIII веке в ставке монгольских правителей. Так, Плано Карпини, католический прелат, посетивший Монголию в 1245–47 гг., писал: «...Мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руссии, а также сын царя и царицы грузинской и много великих султанов, а также князь солангов не получали среди них (монголов.— *Сост.*) никакого должного почета...».[1] На устроенных монголами торжествах, отмечал он, «снаружи ограды был русский князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей китаев и солангов»[2].

Эпизодические контакты такого рода не давали, конечно, русским серьезных знаний о Корее и корейцах. Да в них и не было большой необходимости: слишком далеко были друг от друга Русь и Корея. Положение стало меняться с XVI–XVII в., по мере освоения Россией Сибири и продвижения на восток, к берегам Тихого океана.

Вот что, например, сообщал известный русский писатель и историк Н. М. Карамзин (1766–1826): «Уже твердо зная путь в сию (сибирскую.—

[1] Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга марко Поло. М., 1997, с. 40–42.

[2] Там же, с. 77.

Сост.) столицу Едигерову и Кучюмову, где бывали чиновники Московские, любопытный Иоанн (Грозный.— *Сост.*) желал узнать и страны дальнейшие: для того в 1567 году послал двух Атаманов, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, за Сибирь на Юг, с дружественными грамотами к неизвестным Властителям неизвестных народов. Атаманы благополучно возвратились и представили Государю описание всех земель от Байкала до моря Корейского...»[3].

Первые сведения о Корее стали поступать в Россию с началом ее официальных отношений с Китаем. Их доставляли ездившие туда россияне, собиравшие (в основном через опросы общавшихся с ними китайцев) информацию о самом Китае и соседних с ним странах, в том числе о Корее. Самое раннее сообщение о ней, известное к настоящему времени, принадлежит молдавскому ученому, писателю и дипломату Н. Г. Спафарию-Милеску, служившему переводчиком в Посольском приказе России. В 1675–76 гг. он возглавлял российское посольство в Китай. Одним из итогов пребывания в Пекине явилось представленное им в Посольский приказ в 1677 г. «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его городы и провинции». Среди разделов этого содержательного очерка было и «Описание государства Корей, сколько в ней городов и что в них сыщется», в котором впервые сделана попытка указать местонахождение Кореи, сообщить некоторую информацию о ней. Составленным Н. Г. Спафарием кратким описанием Кореи открывается настоящий сборник.

В силу ряда причин, прежде всего из-за активного противодействия цинского Китая, выход России на побережье Тихого океана, к границам с Кореей, затянулся до середины XIX в. Сбор сведений об этой стране в России между тем продолжался. Появился новый их источник — эпизодические контакты российских представителей с корейцами, по разным поводам посещавшими Пекин. Отчетные материалы возвращавшихся из Китая российских посольств, включая упомянутый выше труд Н. Г. Спафария, содержавшие иногда и данные о Корее, начали публиковаться в нашей стране лишь с XIX в. Однако до этого они расходились по рукам в десятках списков, способствуя появлению первых представлений о Корее в России.

Сведения о Корее, собираемые русскими первопроходцами освоения Сибири и Дальнего Востока, а также членами посольств в Китай, во многом обусловили накопление первичных знаний о ней и в Европе. Туда нередко попадали копии отчетных материалов российских посольств,

[3] Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. третья. Т. IX. М., 1989, с. 221–222.

фрагменты которых публиковались там в разных изданиях задолго до того, как их стали печатать в России[4].

«Казаки,— писал известный английский востоковед В. Е. Гриффис,— когда впервые пересекли Уральские горы в 1579 г., обратив лицо в сторону Тихого океана, никогда не прекращали продвижения, пока не присоединили к владениям царя часть земли величиной с Соединенные Штаты и половину Европы. Как только они добрались до степи, началась длительная дуэль между казаками и татарами, не кончавшаяся до тех пор, пока Россия не соприкоснулась границами с Кореей, Японией и Британской Америкой. Казаки открыли, обследовали, завоевали и обжили трехзонный регион вечной мерзлоты, лесов и плодородных земель, приведя свыше шести миллионов квадратных миль территории под крылья двуглавого орла. Они доставляли сообщения о Корее в Россию, и именно из русских источников сэр Джон Кэмпбелл в его плаваниях и путешествиях получил данные для своей “Commercial History of Corea and Japan”, опубликованной в Лондоне в 1771 г.»[5].

Важный этап знакомства с Кореей в России связан с деятельностью выдающегося русского китаеведа Н. Я. Бичурина, в монашестве Иоакинфа (1777–1853). В 1807–1821 гг. он возглавлял российскую духовную миссию в Пекине, впоследствии за свои научные достижения был избран членом-корреспондентом РАН. Приводимые в некоторых его трудах многочисленные выдержки из китайских хроник и других источников впервые более или менее обстоятельно познакомили российских читателей с древней и средневековой историей Кореи. До сих пор без обращения к этим трудам не обходится у нас ни один историк-кореевед. В настоящем сборнике помещена глава о Корее «Королевство Чао-сянь» из опубликованного Н. Я. Бичуриным в 1842 г. двухтомного «Статистического описания Китайской империи».

С начала XIX в. Корея стала изучаться русскими моряками, осваивавшими просторы Тихого океана. Возле нее побывали корабли состоявшейся в 1803–1806 гг. первой российской кругосветной экспедиции под командованием адмирала И. Ф. Крузенштерна. Ее участники уточнили и расширили имевшиеся в науке сведения о Корейском полуострове и прилегающем водном пространстве. «Берег Кореи,— предсказывал И. Ф. Крузенштерн,— в результате предприимчивости европейцев не останется, конечно, долго в неизвестности. Торговля с населяющим оный до ныне

---

[4] Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 26–27.

[5] Griffis W. E. Corea. The Hermit Nation. London, 1882, с. 162–163. Изложение этой книги опубликовано в Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XIV. СПб, 1885.

незнакомым народом обещает такие выгоды, которые тщетно искать в Японии»[6].

Моряки были первыми русскими, ступившими на корейскую землю. В 1854 г. вдоль берегов Кореи прошла еще одна кругосветная экспедиция, которую возглавлял адмирал Е. В. Путятин. Она внесла дополнительные коррективы в существовавшие тогда географические описания этого участка Тихого океана. Небольшие группы офицеров и матросов высаживались на корейский берег, где происходили не всегда благоприятные для них встречи с местным населением (об этом ниже). Впечатления о Корее и ее народе, обстоятельства своего знакомства с ними участники экспедиции, среди которых был известный русский писатель И. А. Гончаров, изложили в нескольких популярных публикациях, частично представленных в данном сборнике.

Пекинский трактат 1860 г., внесший важные уточнения в российско-китайскую границу, фактически установил одновременно и границу между Россией и Кореей. В 1861 г. Россия в одностороннем порядке провела конкретное разграничение с Кореей. Смыкание границ открыло путь к прямым контактам России с Кореей, значительно расширило возможности ее изучения. С конца 1860-х гг. русские люди стали периодически бывать в Корее, описывать ее в печати. Одним из первых Корею посетил знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский, опубликовавший свои впечатления о ней.

В 1860-е гг. началось и постепенно приняло массовый характер переселение корейцев на русский Дальний Восток, создавшее новый канал получения знаний о Корее. В настоящий сборник материалы о первых корейских переселенцах включены в минимальном размере, поскольку это отдельная тема, отраженная уже в ряде работ[7].

Первые контакты россиян с корейцами на корейской земле не были и не могли быть спокойными и гладкими. Как известно, Корея с XVII в. весьма строго проводила политику изоляции от внешнего мира, надеясь таким образом предотвратить вторжения иностранцев. В частности, населению прибрежных районов под страхом смертной казни запрещалось общаться с появлявшимися там иностранцами, предписывалось силой изгонять их и т.д. Поэтому русских моряков поначалу не всегда встречали в Корее доброжелательно. Иногда им даже приходилось принимать меры самоза-

[6] Крузенштерн И. Ф. Путешествия вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 1950, с. 144.

[7] Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994; его же. Россия и Корея. М., 2004; Корейцы на Российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — нач. XX вв.). Документы и материалы. Кн. 1 и 2. Владивосток, 2004, и др.

щиты, что в нескольких случаях привело к незначительным локальным конфликтам. Особенно в этом отношении выделялся инцидент с российским военным судном «Соболь» в 1869 г., достаточно полно освещенный во включенных в данный сборник материалах.

За рубежом, прежде всего в Корее (Северной и Южной), действия российского флота в 50–60-х гг. XIX в. относят часто к «актам иностранной агрессии» против Кореи. Между тем, как показывают публикуемые материалы, российские корабли подходили тогда к берегам Кореи преимущественно с ознакомительными или хозяйственными целями. Моряки экспедиции Путятина высаживались там, в основном, чтобы только поохотиться, пополнить запасы продовольствия. «Соболь» в 1869 г. должен был лишь проверить, не заняли ли французы корейский остров Канхва (они пытались сделать это в 1866 г.). По поводу происшедшей при этом вооруженной стычки с российской стороны в официальном обращении к корейским властям было выражено сожаление и пожелание не допускать подобного впредь. В любом случае, ставить отдельные мелкие столкновения русских моряков с корейцами, возникавшие по большей части из-за недоразумений и взаимного недопонимания, на одну доску с попытками США, Англии, Франции насильно «открыть» Корею, навязать ей неравноправные договоры,— неправильно и несправедливо.

Соединение границ России и Кореи с неизбежностью ставило вопрос об установлении между ними обычных межгосударственных отношений. На подготовку к такому решающему шагу понадобилось более 20 лет. В эти годы складывалось сотрудничество пограничных органов, завязывались торговые связи соседних районов двух стран, предпринимались необходимые меры по дипломатическим каналам относительно Китая, традиционно претендовавшего на роль сюзерена Кореи. Одновременно продолжало шириться знакомство России с этой страной. В 70-е — начале 80-х гг. XIX в. заметно увеличилось количество публикаций о Корее в российской печати, причем большую их долю составляли переводы на русский язык зарубежных изданий. В этом проявилась одна из особенностей мирового изучения Кореи: если на первых порах, как отмечалось выше, Запад во многом исходил из русских источников о Корее, то со временем, по мере роста в XIX в. притязаний Запада на «открытие» Кореи, теперь уже Россия чаще пользовалась его информацией, поскольку своей все еще не хватало.

Примечательная черта указанного периода — появление в России крупных переводных трудов, целиком посвященных Корее. Первой из наиболее значительных для того времени явилась, на взгляд составителей, работа П. Ждан-Пушкина «Корея. Очерк истории, учреждений, языка,

нравов, обычаев и распространения христианства» (1876). Это — перевод пространного введения к книге французского миссионера Далле «История церкви в Корее» ("Histoire de l` eglise de Coreé" par. Ch. Dallet. Paris, 1874, 2 vol.). Даже из названия, выбранного переводчиком для русского издания, видно, что в книге освещается ряд важных сторон существования государства и народа Кореи. В ней активно использовался опыт и наблюдения европейских католических миссионеров, проникавших, несмотря на все преграды, в Корею и общавшихся с ее населением. Хотя в книге заметно некоторое преувеличение степени отсталости Кореи (что вообще было свойственно западным публикациям), это не снижало ее ценности для российского читателя, впервые получившего обобщающий труд о соседней стране. Несколько самых интересных, по мнению составителей, его глав включено в настоящий сборник.

Установление Россией дипломатических отношений с Кореей также отличалось определенным своеобразием. В 1876 г. Япония нарушила изоляцию Кореи и вынудила ее подписать с ней первый неравноправный договор, угрожая нападением своего военно-морского флота. Из содержащейся в этой книге статьи «Об открытии Кореи для внешней морской торговли», автор которой обозначен инициалами «Д. М.», видно, что и западные государства поступали таким же образом: торговые трактаты с Кореей подписали в 1882–1884 гг. начальники тихоокеанских эскадр США, Англии и Германии. Россию же при заключении договора с Кореей в 1884 г. представлял не военный деятель, а кадровый дипломат К. И. Вебер, и действовал он только дипломатическими методами, не прибегая, как другие, к военному давлению. Предложения последовать в этом примеру Запада и Японии высказывались и у нас, но они не воплотились в официальную политику.

Читателей не должно смущать, что материалы, включенные в настоящий сборник, содержат много ошибок, неточностей, противоречий. Не следует забывать, что в большинстве своем они принадлежат к раннему периоду знакомства России с Кореей, когда сведения об этой стране черпались не из главного источника — самой Кореи, а поступали, в основном, от ее соседей или от представителей далеких от нее стран, сообщавших не всегда проверенную и достоверную, а порой и тенденциозную информацию. Длительное время не были ясны даже такие, казалось бы, очевидные для нас сегодня вопросы: Корея — это остров или полуостров? Наличие такого рода неясностей, путаницы, заблуждений показывает, насколько непрост и долог был путь России к реальному познанию и пониманию Кореи, без чего невозможно было строить нормальные взаимоотношения с ней.

Статьи, отдельные главы книг, архивные документы и материалы представлены в этом сборнике в хронологическом порядке и в своем первозданном виде, лишь отчасти скорректированные в соответствии с требованиями современного русского языка. Некоторым фрагментам больших публикаций названия даны составителями. Дополнительные комментарии, подготовленные составителями, должным образом отмечены.

В предлагаемой вниманию читателей книге «Первые известия о Корее в России. 1675–1884» содержатся почти все доступные в настоящее время материалы, освещающие процесс изучения Кореи в России, предшествовавший установлению в 1884 г. дипломатических отношений между ними. Некоторые из включенных в нее материалов в той или иной мере использованы в трудах российских ученых Б. Д. Пака, Б. Б. Пак, Г. Д. Тягай и др. Однако собранные воедино, отражая пройденные этапы накопления знаний о Корее, их объем и научную значимость на каждом этапе, эти материалы публикуются впервые. Думается, что такая книга окажется полезной для всех, кто интересуется предысторией и историей российско-корейских отношений, проблемами зарождения и развития корееведения в России.

Ю. В. Ванин

Н. Г. Спафарий

ОПИСАНИЕ ГОСУДАРСТВА КОРЕЙ, СКОЛЬКО В НЕЙ ГОРОДОВ И ЧТО В НИХ СЫЩЕТСЯ [1]

Меж уезда Леаотунга и меж Амура есть государство Корей, в котором есть хан особной, только поддан китайскому хану. И у них многие такие ханы подданы и признак тот, что те ханы возьмут от царя китайскаго печать золотую. И наипаче для того тутошней хан поддан китайскому царю, потому что всегда со страхом живут от жителей Японского острова, а китайцы их обороняют от японцев. Однакожде и японцам дань дают корейские ханы. Только хан корейской как умрет, тогда тот, которого выбирают, должен ехать в Пежин и тут подданство свое показать тем китайскому царю. И у отца нынешнего богдыхана был хан корейской в Пежине для подтверждения ханства своего, как эзуиты сказывают, потому что из них многие и католическую веру приняли.

И то государство стоит на великом носу морском неподалеку от усть Амура, и для того от усть Амура только та трудность есть, что надобно обходить тот нос далеко по морю. А как бы не было того носа, от усть Амура зело бы было близко ехать в Китай, однакожде и так мочно ехать, только далеко будет объехать. Только тот путь морской еще не проведан, потому что никто от русских еще от усть Амура не ходили направо. А Корей именуют японцы то государство, а китайцы зовут Хао-сиэн. И китайцы многие бои учинили с кореанами и многижды свобождались от подданства, а многижды их и китайцы смирили. Также и с богдойцами[2] многие бои учинили. А ныне тому лет больше 20-ти что богдойцы понудили их волосы брити по своему обычаю богдойскому и платья носить такие же, и они изменили и многие бои с богдойцами учинили, покаместь они от богдойцев во всем свободились.

[1] Издается по рукопис. списку Спафария «Описание Китайского государства», хранящемуся в Моск. Румянц. Библиотеке, Собр. Большакова № 322.

[2] Богдойцы — маньчжуры (*прим. сост.*).

А вся та страна разделяется на 8 уездов, а в среди государства стоит прекрасной и великой стольной город именем Пингианг, и опричь того есть и иные многие городы их. И уложение, и обычаи, и лицо, и язык, и учение, и вера все равная, что и у китайцев. А мертвых у них не хоронят в землю до третьего году, что и китайцы, только кладут в деревянные прекрасные гробницы, держат дома и всегда честь воздают им и курят. Только том они разделяются от китайцев, что они жен не так крепко хранят, что китайцы: только пускают их ходить по улицам гулять и для того поругаются им китайцы. Также и не сватаются, что и китайцы, потому что они самовольно выбирают и женятся с кем им любо, а китайцы сватаются чрез родителей своих и кого они хотят и с тем сватаются.

А государство то во всяких вещах зело плодовитое. Пшеница и всякие плоды родятся, наипаче Сорочинская, которая двойная, что и в Японском острове родится, се есть которая родится на воде, и которая на суше[3]. И только в сей стране родится, и та есть лучше всех иных пшеница. Также всякие овощи здесь родятся, и бумага китайская и олифа, что и в Японском острове родится же и корень Гинзен, и золота и серебра множество есть. Только то государство ни с которыми государствами, опричь с китайцами и японцами, не торгуют и не знаются; также и жемчюгу множество доброго на том море промышляют. И та страна во всем прехвальная, только еще не проведанная ни от наших людей русских, ни от иных государств.

Известия Оренбургского отдела Императорского
Русского географического общества. 1896. Вып. 10, с. 56–58

[3] На полях текста пояснено: рис.

Избрант Идес

О СИБИРИ И КИТАЕ

Граница между Сибирью и Китаем. От реки Аргунь и великой мировой реки Амур я перейду теперь к [описанию] реки Горбица, которая является границей между владениями его царского величества и землями китайского богдыхана. Устье Горбицы и все, что лежит к востоку, вплоть до моря, является областью Китая; все, что лежит к западу и к северу от названной реки, принадлежит его царскому величеству. Сейчас я займусь областью на восток от реки Горбицы до рек Тугур и Уда, которые берут свое начало к северу от Амура и впадают на востоке в Китайский океан, или Амурское море. Между этими двумя реками водится, как передают, много прекрасного темного соболя. По берегам обеих этих рек живут тунгусы, ламуты и корейцы.

Описание корейцев. Последняя народность должна быть родом из Кореи, т. е. страны, лежащей неподалеку отсюда и до которой при хорошем ветре можно доплыть в несколько дней. Передают, что корейцы вначале поселились по реке Амур и лишь впоследствии распространились дальше.

Избрант Идес и Адам Бранд[1]*. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М, 1967, с. 285*

---

[1] Избрант Идес – голландец, русский посол в Цинскую империю в 1692–1695 гг.; Адам Бранд — датчанин, участник посольства (*прим. сост.*).

ИЗ ЗАПИСОК Д. БЕЛЛА[1] О ПУТЕШЕСТВИИ В ЦИНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1719–1722 гг.

На другой день (23 января 1721 г.) попалися мне два жителя с полуострова Кореи. Вид лица их походит на китайский, но одежда их отлична. Более же всего удивило меня то, что столько ж мало разумели они китайский язык, как и я, и принуждены были употреблять переводчика. Когда имеют они какое важное дело сообщить, то подают его на письме, и китайцы понимают оное без труда. Они пишут так же столбцами, подобно им, и употребляют к тому такую же кисть, как живописцы.

Корея зависит от Китая, лежит она между Великою стеною и рекою Амуром и оканчивается кряжем к острову Япону или Нифону и Восточному окияну. Страна сия изобильна житами и скотом.

Русско-китайские отношения в XVIII веке.
Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978, с. 530.

[1] Белл Джон Артемони, шотландец, врач, участник посольства Л. В. Измайлова в Цинскую империю в 1719–1722 гг. (*прим. сост.*).

ПОДЕННАЯ ЗАПИСКА ПРЕБЫВАНИЯ г. ЛОРЕНЦА ЛАНГА[1], АГЕНТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА РОССИЙСКОГО, ПРИ КИТАЙСКОМ ДВОРЕ, 1721 ГОДА

Жители Кореи, данники китайские, всякий год приезжают по два раза в Пекин[2], то есть в месяцах марте и августе, числом от 40 до 50 человек, как для платежа дани, так и для торговли, которая особенно производится следующими товарами: толстою и большою, делаемою из сырца бумагою, похожею на европейскую картузную, которую в Китае употребляют вместо стекол; бумагою с золотыми и серебряными фигурами, употребляемою в обои внутри покоев; всякого рода веерами; тонкими и отлично сделанными циновками, употребляемыми летом вместо ковров; курительным табаком, весьма мелко изрезанным, которого в Китае расходится великое количество, — наилучшим почитается у китайцев растущий у них; бумажною полосатою тканью; мехами, называемыми у русских *хорьковыми*, а в Сибири *колуками*, которые в великом множестве водятся в Корее и составляют значительный предмет торговли в Пекине; сушеною рыбою, добываемою из некоторых больших раковин в Японском море.

Сими товарами производят они торг, и хотя бы их должно почесть за один народ с китайцами, а некоторым образом и за их подданных, однако ж они, во время пребывания своего в Пекине, не пользуются ни малейшею свободою. Всякое сообщение, не только с иностранцами, но даже с самими китайцами, им совершенно запрещено: и оттого они в таком же презрении у китайцев, как и все прочие народы.

Поелику же они не могут производить своими товарами обширной торговли, то обыкновенно привозят в Пекин большое количество денег

[1] Лоренц Ланг — швед, секретарь посольства Л. В. Измайлова в Цинскую империю, российский торговый агент в Пекине (*прим. сост.*).

[2] Полуостров Корея лежит на востоке от великой стены китайской. С запада Корея смежна с китайскою областью Леавтунн, к северу с странами восточных монголов. Жители Кореи с давнего времени платят дань китайцам, которые очень жестоко поступают с ними, не позволяя иметь никакого сообщения с иностранцами. Впрочем, они тайно ездят со своими товарами на реку Амур, а оттуда чрез Наунду в город Наин для торговли с монголами, а некоторым образом и с россиянами.

монетою гишпанскою и голландскими ефимками, которые в Пекине 5-ю и даже 7-ю процентами ниже внутреннего достоинства китайской монеты, которую чеканят из чистого серебра и вообще называют ханскими деньгами. Из сего видеть можно, что жители Кореи должны иметь какую-нибудь торговлю с островами Японскими или, по крайней мере, с лежащими между Япониею и Кореею, несмотря на то, что им совершенно запрещено иметь малейшее сообщение или торговлю с другими народами и впускать иностранные суда в свои пристани. На сей конец находится всегда у них от Двора мандарин для надзора за их поступками. На означенные деньги покупают они в Пекине: лучший тонкий шелк сырец; камку, русскими называемую голью, а китайцами кули-тоанза, то есть, камкою корейскою, потому что сначала одни только корейцы покупали такого рода камку; некоторый род тонкого шелкового штофу, годного для подкладки, называемого китайцами фанзою; чай и фарфор; белую глиняную домашнюю посуду; хлопчатую бумагу; собольи хвосты для опушки шапок и подолу платья.

Кажется, что шелком и камкою, вывозимыми из Пекина, они торгуют в других местах, потому что покупают они больше, нежели сколько нужно для их страны.

Когда нет ни одного каравана или других людей русских, то корейцы живут на подворье, назначенном для россиян; но когда есть русские в сем городе, то им дают другое. По сей причине китайцы называют дом сей Кули-Коан, или магазином корейским, когда он занят корейцами; а Уруссу-Коан или магазином русским, когда его занимают русские.

Лишь только корейцы, хотя бы то были поверенные от народа или купцы, прибудут и остановятся в Пекине, то тотчас назначают к ним двух мандаринов, которые и поселяются на их подворье, для наблюдения за людьми, входящими к ним и выходящими от них, и для разведывания, зачем приходили и откуда произошло знакомство их с сими людьми. Вокруг подворья ставят стражу, чтобы никто из них не мог иметь с корейцами тайного сношения. Когда кто из них захочет выйти за каким-нибудь делом, стража везде за ним следует с большими бичами, чтобы никто не приближался к нему, да и он не смеет видеть никого без позволения стражи. Поелику жители Кореи не привыкли ездить верхом и даже не осмелятся сесть на лошадь, из опасения какого-нибудь несчастия, то к ним приставляют пешую стражу, не имеющую никакого оружия, кроме бичей, потому что ее посылают из гарнизона. Сверх всего этого, прибивают еще к их подворью повеление Двора, которым запрещается ходить к ним без ведома приставленных для сего мандаринов, кои разыскивают все, что нужно приходящему, ведут точную записку их именам и посылают с ними в дом сол-

дата для надзора за тем, что они там будут делать. Таковое препоручение весьма прибыльно для мандаринов, поставленных на страже у корейцев, потому что они позволяют иметь сообщение с ними только по откупу от купеческого общества, которое дорого им за сие платит, да и они со своей стороны не позволяют уже никому, исключая их, торговать с корейцами.

Северный архив. СПБ, 1822, № 18, с. 427–431

ИЗ РЕЛЯЦИИ Н. П. КРИСНИЦА[1] В КОММЕРЦ-КОЛЛЕГИЮ О ПЕРСПЕКТИВАХ ТОРГОВЛИ С ЦИНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ (АПРЕЛЬ 1722 Г.)

Известие о вещах японских,
о которых он (крисниц) возмог проведать

Пенинсуля[2] Корея под владением Хинского[3] Хана даже до первых островов Японских, которая в семи стах верстах от России, а те острова платят дань Хану Хинскому, такожде и японцам, а от тех островов до Японии тысяча верст.

Хинцы никакого купечества с японцами не имеют, токмо подданные острова к обеим купечествуют морем в городах, именуемых Кангосциана и Фиранда, а те города изобильны золотом и серебром…

Вышеупомянутая Пенинсуля Корея от Хины на левой стороне устья реки Амура, которой обитатели ездят сухим путем до Науна реки[4], которая впадает в Амур ниже Албазина[5], что прежде сего бывал Его Императорского Величества. А сравняв при последнем мире с хинцами, оные вверх по реке Науне плавают до города, именуемого тем же именем Наун, откуда ездят в Пекин с своими товарами в сорок дней.

Сказывают, что дважды в двадцать четыре часа бывает такая убылая вода, что море в сорока верстах от берегов отходит, а на том море много штурмов бывает и ветров…

Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Императрицы Екатерины Великой. М., 1785, с. 115–116

[1] Крисниц Николай Павел, итальянец на русской службе, участник посольства Л. В. Измайлова в Цинскую империю (*прим. сост.*).

[2] Пенинсуля (Peninsula) — полуостров (*прим. сост.*).

[3] Хина — Китай (*прим. сост.*).

[4] Наун — р. Нуньцзян в Северо-Восточном Китае (*прим. сост.*).

[5] Албазин — русская крепость на Амуре (1651–1689). Упразднена по российско-китайскому Нерчинскому договору (1689) (*прим. сост.*).

С. Л. Владиславич-Рагузинский

ИЗ «СЕКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ О СИЛЕ И СОСТОЯНИИ КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА» (1731)

Только не мог я получить совершенного известия: есть ли навигация морем кругом Корейского острова или нет? А по географическим картам, также и по сказкам служивых казаков из старожильцов, которые большими лодками до носа Корейского острова в море выходили, оная навигация быть имеет. И сказывают, что тамо около моря находятся камыши, так велики, якобы сосновый лес. А ходили те служивые еще до разграничения графа Головина[1], а по разграничении помянутая река Амур осталась с обеих сторон в китайском владении, и Албазин, последний город, трактатами разорен...

Русский вестник, т. 5. СПБ. 1842, с. 337

[1] Головин Ф. А.— сподвижник Петра I, подписал в 1689 г. Нерчинский договор о границе между Россией и Китаем (*прим. сост.*).

Хр. Винцгейм

КОРЕА

Сие самодержавное государство, которое китайскому богдыхану некоторую дань платит, или, по объявлению других, временем без всякого принуждения для одной дружбы по нескольку подарков посылает, почитается от многих за полуостров, а от других за совершенной остров, понеже оно из востоку, югу и западу океаном окружено, а к северу от Леаотунгской провинции также через немалую реку отделено. Корейская земля положением своим очень велика, и больше, нежели японская, хотя сия последняя первую плодородием и богатством далеко превосходит, однако ж и в Корейском государстве находится в разных местах золотая руда, а особливо получает оно немалые доходы от дорогого корня, гинсенг называемого, и от хорошей красной краски циль либо сандарх. Корейских обывателей почитают за древних китайцев, которые от нынешних особливо в том разнствуют, что они только на одной жене женятся и одной оборонительной войны держатся, также и в том, что мужского и женского полу люди в одном собрании бывают, что у нынешних китайцев в великом презрении; впрочем, отправляют корейцы с китайским и японским народами свои торги. И хотя в сем государстве более 200 городов считают, однако ж мы не признаем за надобно, чтобы об оных здесь упоминать.

Винцгейм Хр. Краткая политическая география к изъяснению изданного на российском языке небольшого Атласа, сочиненного для употребления гимназии при Императорской Академии наук. СПБ, 1745, с. 282–283

Е. Ф. Тимковский[1]

КОРЕЯ И КОРЕЙЦЫ

...Посетили меня три корейских чиновника, приехавших в Пекин вместе с своими генералами.

Офицерам сделано приличное угощение. Старший из них, лет под 60, показал великое любопытство касательно русской одежды, домашних вещей и проч. Особенно корейцы любовались нашими саблями и пистолетами. Для большего знакомства с чиновниками земли, столь отдаленной от России, подарено двум офицерам по небольшому погребцу с чайною посудой, а третьему хороший ножик с пружиною. Сверх того, я подарил каждому из них по чашке из лучшего фарфору Императорскаго Санкт-Петербургского завода и несколько листов белой бумаги Петергофской Фабрики: все сии подарки приняты ими с отменным удовольствием, а особливо наша писчая бумага. Через час они оставили меня со всеми изъявлениями дружбы.

Корейцы, подобно японцам, единоплеменны китайскому народу. Сие доказывается наружностию их лица, буквами их, образом жизни, и, наконец, верою в Фое[2] и Конфуция. Но, в отношении к языку, странным покажется, что китаец и кореец друг с другом разговаривать не могут; на письме же не только свободно объясняются, но корейцы в красоте почерка даже превосходят китайцев. Буквы или значки у них одни и те же; вся разность состоит в том, что кореец иначе произносит их. Такова участь китайского языка: знаки его приемлются в одинаковом смысле, но произношение образуется местными жителями каждой провинции. Самый китаец, родившийся на севере, не может понимать соотечественника своего, живущего в южных губерниях, и, при всяком случае, для объяснения прибегает к помощи толмача.

Корейцы роста среднего, сложения довольно крепкаго; лицо имеют смуглое, волосы черные, вид смелый. Они ходят в таком платье, какое

---

[1] Тимковский Е.Ф. — чиновник Азиатского департамента МИД России (*прим. сост.*).

[2] Фое (*кит.*) — Будда (*прим. сост.*).

носили китайцы до покорения своего маньчжурами: с длинными и чрезвычайно широкими рукавами из дабы, т. е. полотна, сделанного из хлопчатой бумаги; черные остроконечные шляпы их, плетенные из бамбука, имеют необыкновенно широкие поля. В обращении корейцы просты и не весьма заботятся о сохранении правил благопристойности. Их называют здесь *Гавли* и *Чаосянь.*

Бывшие у меня сего дня офицеры открыли нам, что в Корее продолжается народный мятеж против царствующей ныне Династии[3]. Король не смеет иначе выйти из дворца, как в сопровождении своей гвардии, состоящей более из конницы. Владетель Кореи утверждается в сем достоинстве китайским императором. На сей конец, при восшествии на престол нового короля, Пекинский Двор посылает к нему Королевскую грамоту чрез своего сановника, который обязан присутствовать при обряде коронования. В начале каждого года, как выше замечено, корейский король в знак верности своей присылает Богдохану дань и от него взаимно получает подарки, далеко однако ж уступающие в числе и качестве тем, которыми пользуются от Его Премудрого Величества князья монгольские, за их непрекословную покорность. Малолюдство и мирный дух корейцев являются причиною невнимания к ним со стороны Китайской Державы и самого пренебрежения, что весьма отражается на стеснительных поступках китайских чиновников с приезжающими в Пекин корейцами. Япония равным образом собирает с Кореи установленную подать золотом. Я не имел случая узнать достоверно, на чем основана сия зависимость, весьма отяготительная для Кореи, ибо японское правительство строго наблюдает, чтобы корейцы не имели никаких сношений с иностранцами, исключая китайцев.

Корейцы, бывая в Пекине, немало уже ознакомились с русскими и весьма довольны ласковостью наших; разумеют географическое положение и самое величие нашего государства. Иные, вероятно, через китайских купцов получили даже понятие о обширности Кяхтинскаго торга и самых предметах мены, там производимой. Наша Северо-Американская Компания, при счастливейших обстоятельствах, могла бы войти в торговые[3] связи с Кореею, основав новый порт где-нибудь на берегу восточной Азии.

Главным произведением Кореи может почесться хлопчатая бумага и выделанные из оной полотна. С сими товарами, а равно с писчею бумагою, столь крепкою, как холст, шелком-сырцом и материями из него, впрочем, весьма грубыми, с курительным табаком и лошадьми корейские купцы приезжают каждый год в Пекин, при посольстве от корейского короля.

---

[3] Видимо, речь идет о восстаниях, происходивших после массового народного движения 1811–1812 гг. на северо-западе Кореи (*прим. сост.*).

Из всех означенных произведений весьма уважаются, по особенной их прочности, полотна (Гольская даба) и писчая бумага, а равно лошади, по их необыкновенно малому росту и крепкому сложению. На сии произведения корейцы выменивают в Пекине хорошие шелковые материи, разные металлические вещи, фарфор и проч.

Апр. 8. Около полудня посетил О. Иакинфа (Н.Я. Бичурина) старый генерал Корейской свиты... Я был приглашен О. Иакинфом для свидания с знаменитым корейцем. Сей генерал, по фамилии Лиюйху, 64 лет, вида благородного и весьма скромен, в сравнении с маньчжурами. Еще с сыном его, бывшим здесь назад тому лет 5, О. Иакинф познакомился довольно коротко. Генерал объяснялся с нами письменно: вопросы с нашей стороны излагал домашний учитель духовных членов новой Миссии, молодой ученый китаец. Лиюйху спросил: сколько мне лет от роду (обыкновенное приветствие, по китайскому обыкновению, между незнакомыми); давно ли приехал я из отечества и т. п. Мы показали на ландкарте расстояние между полуостровом Корейским и Санкт-Петербургом, и кореец весьма изумлялся, видя необъятное пространство, почти на 10 т. верст отделяющее столицу нашего отечества от Пекина, и постигая все трудности столь отдаленного пути.— От О. Иакинфа гость пошел в нашу церковь; оттуда в монастырский сад, в библиотеку Миссии; посетил О. Архимандрита Петра, который принял его с возможным гостеприимством. Потом требовал он позволения видеть и мое жилище, где любовался видом и одеждою казаков, рассматривал с великим вниманием некоторые наши вещи, ружья, пистолеты, сабли и проч.

Сообщаю отрывок моего разговора с Лиюйху, на письме:

Мой вопрос: Смею спросить, как далеко находится отсюда столица Гаульского государства (Кореи) и как она называется?

Ответ: От нашей столицы до Пекина считают более 3000 ли; имя ей Ханьян[4].

Вопр. Гаульское государство на сколько разделяется областей, и какие имена им?

Отв. Наше государство невелико; от востока к западу содержит 1000, а от юга к северу 4000 ли. Области у нас называют *дорогами,* по кит. *Дао.* Всего восемь Дорог: Цзин-цзи (Кёнги.— *Сост.*). подобная губернии Чжилиской; южная дорога называется Чжунцин (Чхунчхон.— *Сост.*), еще южнее Цюаньло (Чолла.— *Сост.*); восточная Цзяньюань (Канвон.— *Сост.*), юго-восточная Циншань (Кёнсан.— *Сост.*); западная называется Хуанхай (Хванхэ.— *Сост.*), еще западная Пинъ-ань (Пхёнан.— *Сост.*);

[4] Католические миссионеры именем сей губернии Цзинцзи-дао (Kin-ki-tao) называют и столицу Кореи, что доселе твердят их ревностные последователи.

северная называется Сяньцзин (Хамгён.— *Сост.*). В сем числе некоторые Дороги имеют имя сложное из имен двух больших областей, как то: Чжунчжеу и Цинчжеу, Цюаньчжеу и Лочжеу. Всего считается более трехсот шестидесяти областей, правлений, губерний и уездов. Области заведывают правлениями, правления губерниями, губернии уездами; все же вообще состоят под главным распоряжением своих Правителей.

Вопр. Есть ли в Гаульском государстве большие реки и озера?

Отв. Много высоких, неприступных гор, но мало равнин; а по причине множества гор, много и вод, образующих великие реки и озера, которые после излучистого течения впадают в море, и число их простирается до нескольких десятков. *Позвольте мне возвратиться.*

В заключение всего от меня поднесена корейскому генералу офицерская сабля (Сибирского Златоустовского завода), которая понравилась ему чрезвычайно. Я уверял его, сколь приятно будет для русских, ежели сие слабое произведение наших отечественных заводов и в Корее будет ему напоминать о России. Генерал благодарил за подарок с приметным удовольствием. Потом он отправился домой, приказав своему толмачу спрятать саблю сколь можно лучше, дабы китайские привратники нашего и корейского подворья не могли увидеть и даже отнять сего подарка. Маньчжурские Бошки напоминали уже корейцам, что они слишком часто ходят на Российский двор.

Корейский генерал приезжал в закрытой китайской коляске, в сопровождении своего секретаря, старика лет 80, носящего очки и павлиное перо на шляпе, также с толмачами и двумя служителями...

Корейский генерал, по азиатскому обычаю, прислал мне взаимные подарки: 2 веера, курительную трубку, фунт табаку и несколько прохладительных пилюль. Толмачу, принесшему сии вещи, дан за труды складной ножик, а слуга награжден деньгами, 1000 чехов.

Тимковский Е. Ф.

Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах.
Ч. 2. СПб, 1824, с. 254–261

Г. Клапрот[1]

ОБ АРХИПЕЛАГЕ ГРАФА ПОТОЦКОГО (Из Memaoires Relatifs á l' Asie Г. Клапрота)

Желтое море, между северо-восточною частью Китая и Кореею, до 1795 г. не было посещаемо европейскими мореходцами, а в сем году английский корабль (Lion), на котором посол лорд Маккартней прибыл в Пекин, проходил по сему морю и по заливу Печели. Но во время сего плавания оный корабль не удалялся от китайских берегов и не приближался к корейским, ни к области маньчжуро-китайской Лиао-Тунг. Около 1809 г. Английская компания отправила эскадру для обозрения Китайских морей, которая также не достигла до северных берегов Желтого моря, т. е. до Кореи и Лиао-Тунга. Уже в 1816 г. начальники кораблей «Алцесты» и «Лиры», капитаны Муррей Максвель (Murray Maxwell) и Базиль-Галль (Basil-Hall), доставившие посольство лорда Амгерста, обстоятельно узнали сии берега и обозрели залив Печели, также западный берег Кореи. Они-то открыли вдоль берегов многие острова. Но корабль «Алцеста», подавшись к северу внутрь залива Лиао-Тунга, возвратился к югу и осмотрел южный мыс области того же имени, названный англичанами Мечом Принца-регента, потом пошел к северному мысу китайской области Шантунгской, а оттуда прямо на восток под 58° с. ш., даже до берегов Кореи, и там открыл гряду островов, получившую имя Джемса Галла (James Hall). Сей корабль в последнем плавании всегда удален был на 2–3° от южных берегов Лиао-Тунга, а потому берега сии остались неизвестными европейцам...

Азиатский вестник. Февраль 1825, с. 141–142

[1] Клапрот Г. Ю.— немецкий востоковед и путешественник (*прим. сост.*).

Н.Я. Бичурин (Иакинф)

КОРОЛЕВСТВО ЧАО-СЯНЬ

Королевство Чао-сянь, известное в Европе под названием Кореи с того самого времени, как сделалось предметом, известным для истории, находилось в ближайших и непрерывных сношениях с Китаем, Маньчжурией и частью с Монголией. По сей уважительной причине не излишним считаю в кратких исторических очерках изложить политическое его существование.

Королевство *Чао-сянь* в глубокой древности составляло независимую, малоизвестную страну, которую населяли народы, соплеменные тунгусам, обитавшим по рекам Уссури, Сунгари и Амуру, и впоследствии перемешавшиеся с китайскими переселенцами. Оно лежит на полуострове, выдавшемся в море между Китаем и Японией, от востока к западу содержит около 6° восточной долготы от Пекина, от юга к северу до 7° северной широты.

История первых времен сего полуострова темна и проясняется несколько около времен Троянской войны. Когда дом Чжеу овладел престолом Китайской империи в 1121 году до Р. Х., то Ци-дзы[1], один из ближайших родственников павшей династии Шан, удалился на северо-восток, где получил во владение страну, названную им ***Чао-сянь,*** и основал столицу ***Пьхин-сян,*** что ныне город Ван-сянь-чен. Сей князь первый ввел в сей стране гражданское образование, научил подданных земледелию и шелководству, и весьма вероятно, что он же ввел в Чао-сянь китайское письмо и положил основание тому китайскому наречию, которым ныне корейцы говорят. Потомки сего законодателя царствовали в Чао-сянь — с некоторою зависимостью от Китая — до второго века перед Р. Х. Великие замешательства, происходившие в сие время в Китайской империи, имели влияние и на судьбу королевства Чао-сянь. ***Вэй-мань,*** подданный китайского княжества Янь[2], собрал сообщников до 1000 человек и ушел с

[1] Ци есть название удела, цзы — название княжеского титула. Впоследствии первое слово обращено в прозвание, а ци-цзы — почти в собственное имя основателю царственного колена.

[2] Ныне губёрния Чжи-ли.

ними на восток, за границу. Там он присоединил к себе разных инородцев и китайцев, бежавших из нынешних губерний Чжи-ли и Шань-дун, потом вторгнулся в Чао-сянь и, выгнав оттуда потомков Ци-цзы, овладел престолом их. Ци-чжунь, последний владетель из дома Ци, бежал с частью своих подданных в море, на юг, и хотя овладел княжеством Ма-хань, но не в силах был надолго утвердиться на престоле. Вэй-мань, напротив, в непродолжительном времени усилился от стечения благоприятствовавших обстоятельств. Долговременная внутренняя война в Китае только что прекратилась, и дом Хань, для утверждения себя на престоле империи, наиболее желал мира, почему Вэй-мань признан был законным владетелем королевства Чао-сянь, а сие обстоятельство много помогло ему к покорению окрестных небольших владений. Сын его, вступивший по нем на престол, спокойно царствовал, но внук Вэй-ю-цюй начал во множестве переманивать к себе китайцев, чем и вооружил против себя китайский двор. В 110 году перед Р. Х. китайцы произвели нашествие на Чао-сянь и с сухого пути и с моря, а в следующем году сами корейцы убили Вэй-ю-цюй и поддались китайской державе. Таким образом, царствовавшее колено Вэй пресеклось, и королевство Чао-сянь разделено было на четыре области: Чхень-фань, Линь-тхунь, Ло-лан и Юань-тху, но по прошествии 20 лет первые две области присоединены к двум последним. С сего времени королевство Чао-сянь, около 340 лет находясь под китайскою державою, не имело самостоятельных государей.

В третьем столетии по Р. Х. тунгус *Чжу-мын,* по прозванию *Гао,* сын владетеля в Фу-юй, переправился через реку Да-тхун-хэ на юг, занял земли, составляющие нынешнюю дорогу Сань-цзин-дао, и основал здесь новое царство, названное им *Гао-ли*[3], потом *Гао-цзюй-ли.* Сие новое царство к югу смежно было с Чао-сянь и Ме-мо, к востоку с Во-цзюй, к северу с Фу-юй. В 244 году Чжу-мын, пораженный китайцами, лишился своих владений, но вскоре опять занял оные. В 342 году монгольский полководец Му-юн-хуан завоевал большую часть королевства Гао-ли, но Гао-лянь, правнук государя Чжу-мына, снова усилился и завоевал все земли, составляющие нынешнее королевство Чао-сянь. Он утвердил свое пребывание в древней столице Пьхин-сян и разделил свои владения на восемь *дорог* под теми названиями, под которыми они и до сего времени известны. В 413 году добровольно вступил он под покровительство китайской державы и признан ею в королевском достоинстве. В 435 году вступил под покровительство монгольского дома Тоба, овладевшего Северным Китаем, и также признан им был в королевском достоинстве. Гао-лянь умер в

[3] Сие слово европейцами превращено в слово Корея.

491 году, вступивший по нем на престол сын его Гао-юнь умер в 519 году. Внук Гао-ань, преемник престола, овладел страною Ляо-дун[4], а около 590-х годов король Гао-юань вторгнулся в Ляо-си[5]. Сия война с Китаем продолжалась — с небольшими промежутками — около 40 лет. Наконец Гао-цзянь-ву, брат покойного короля Гао-юань, опять признал себя вассалом Китайской империи, а с 624 года признан ею в королевском достоинстве. В 643 году восточные корейские вассалы убили Гао-цзянь-ву, а на престол возвели родственника его Гао-цзан. Китайский двор, оскорбленный своевольством корейских вельмож, объявил им войну, которая кончилась в 668 году взятием столицы Пьхин-сян и уничтожением царствующего дома Гао. Королевство в другой раз превращено в китайскую область, и множество пленных корейцев отведено было во внутренность Китая.

В скором времени после сего киданьцы произвели нашествие на северные пределы Китая, а в сей промежуток *Да Ци-ци-чжун-сян,* потомок дома Гао, соединившись с мохэским главой *Ци-ци-биюем,* вторгнулся в Ляо-дун, чем в один раз решил завоевание королевства Гао-ли. Они разделили между собой покоренные земли, но вскоре пришли китайцы для возвращения потерянного, и Ци-ци-биюй пал на сражении с ними, а Ци-ци-чжун-сян в то же время умер от болезни. *Цзо-юн,* сын Ци-ци-чжун-сян, овладел обеими частями. Усилившись таким образом, он покорил владение И-лэу и основал новое царство, названное им *Бо-хай*[6] Цзо-юн, чтобы упрочить под собой все завоеванное, вступил под покровительство китайской державы и признан был законным владетелем королевства, им основанного. Сей государь часто отправлял молодых людей в китайскую столицу для образования в тамошнем Педагогическом Институте, и сии воспитанники основательно изучили древние и новейшие узаконения Китая. При их содействии Цзо-юн произвел новое образование в государстве, разделив его на пять столиц, пятнадцать областей и 62 округа, В древнем владении Су-шень учредил верхнюю столицу под названием области *Лун-цюань-фу,* в ведомстве ее было три округа. Владение Ме-мо превратил в восточную столицу под названием области *Шань-чен-фу,* в ведомстве ее было четыре округа. В стране, лежащей от Су-шень на юг, учредил среднюю столицу под названием области *Сянь-дэ-фу,* в ведомстве ее было шесть округов. Во владении Во-цзюй учредил южную столицу под названием области *Нань-хай-фу,* в ведомстве ее было три округа. В прежнем владении Гао-ли учредил западную столицу под названием области *Я-лу-фу,* в ведомстве ее было четыре округа. Сверх сего учреждены области *Чжан-ли-фу* и *Фу-юй-*

[4] Ныне Фын-тьхян-фу в Маньчжурии.

[5] Ныне Цзинь-чжеу-фу в Маньчжурии.

[6] Бо-хай есть название Корейского залива.

фу — каждая с двумя округами. В сей стране, составлявшей древнее владение Фу-юй, сосредоточено было сильное войско для предосторожности от киданей. Область *Чжен-цзе-фу* содержала в себе два округа, область *Бянь-ань-фу* также два округа. Древнее владение И-лэу превращено в область *Дин-пхань-фу* с двумя округами, страна Шуай-бинь в область *Шуай-бинь-фу* с тремя округами, страна Фо-не в область *Дунь-пьхин-фу* с пятью округами. В стране Тьхе-ли учреждена область *Тьфе-ли-фу* с шестью округами, в стране Юе-си область *Хуай-юань-фу* с девятью округами. Область *Ань-юань-фу* разделена на три округа, округ *Ду-цзэу-чжеу* на три же округа. Округ Су-чжеу, по близости его к Сунгари, назван *Су-мо-шуй.* Поморье от Лун-цю-ань-фу на юго-восток названо *Жи-бэнь-дао,* южная оконечность названа *Синь-ло-дао,* Я-лу-фу названа *Чао-сянь-дао,* Чжан-лин-фу названа *Ин-чжеу-дао,* Фу-юй-фу названа *Кидань-дао.*

Дом *Да* около двух столетий царствовал в Чао-сянь и Маньчжурии, и в 905 году неожиданно пал. *Миао-сэн-гун-ча,* собрав толпу мятежников, овладел страною Гао-ли и, заняв город Кхай-чжеу, объявил себя королем. В 922 году кореец Ван-цзюн со своими сообщниками убил Гунча и также провозгласил себя королем в Гао-ли. По прошествии около 20 лет он покорил южные владения Синь-ло и Бо-цзи, и таким образом сделался сильным государем. Владения его смежны были на севере с Нючжи, на западе с Кидань, на юге с Японией. Он имел две столицы, на востоке в Кхай-чжеу, на западе в Пьхин-сян. В 945 году Ван-цзюн умер. Потомки его царствовали в Гао-ли около четырех столетий. Они находились под покровительством китайской державы, но вместе с тем числились вассалами соседних с ними домов — монгольского Ляо и тунгусского Гинь. В 1219 году король Ван-дун покорился Чингис-хану, и вскоре потом отложился. В 1232 хан Угэдэй опять покорил Гао-ли и поставил в разных городах 72 даругаци, но в 1234 году корейцы убили всех даругаци. После сего монгольские войска произвели великие опустошения в королевстве и сделали новые распоряжения для управления оным. В 1368 году, когда монгольский дом Юань был изгнан из Китая, король Ван-чжуань добровольно поступил под покровительство китайской державы. Но через четыре года открылись в Гао-ли внутренние смятения, в продолжение которых усилившийся министр *Ли-жень-жень* убил короля. Наконец, в 1392 году, после долговременных потрясений, некто *Ли-чен-гуй,* по вступлении на престол в Гао-ли, просил китайский двор принять его под свое покровительство и дать королевству древнее название *Чао-сянь.* С сего времени пресеклось владычество дома *Ван,* место его заступил дом *Ли,* ныне царствующий в Чао-сянь.

По прошествии 110 лет (1502) японский *гуань-бо (кубо) Пьхин-сю-ци* вступил в Чао-сянь с многочисленным войском и покорил сие королевство.

Вдвое многочисленнее против японцев вступило в Чао-сянь ополчение китайское и соединилось с корейскими войсками, но все их усилия к удалению японцев не имели успеха. Наконец в 1506 году Пьхин-сю-цзи умер, и японские войска добровольно отплыли в свое отечество.

Еще по прошествии столетия восстали на севере маньчжуры и потребовали от Чао-сянь покорности. Отказ был поводом к новой войне, и сильное маньчжурское войско вступило в Чао-сянь. Король Ли-цзун со своим семейством бежал на остров Цзян-хуа-дао, а между тем через брата своего заключил мир с маньчжурами. Но в 1622 году сами корейцы нарушили сей мир, и маньчжуры, после долговременных переговоров, в 1636 году вторично вступили в Чао-сянь. Хан под личным предводительством осадил столицу, и король Ли-цзун, доведенный до крайности, принужден был покориться на условии — представлять дань ко дню рождения государева, к зимнему повороту, к Новому году и сверх того обыкновенную годовую. Сия четверная дань и ныне доставляется пекинскому двору ежегодно к Новому году единовременно. Посольство при сей дани состоит из посланника с товарищем, секретаря, 3 переводчиков, 24 конвоирующих офицеров, 30 служителей и до 300 торговцев, не принадлежащих к посольству, а посему не имеющих участия в наградах от китайского двора.

Ныне королевство Чао-сянь разделено на восемь губерний под названием ***дорог (дао),*** которые суть:

1) ***Цзин-цзи-дао,*** по произношению южных китайцев ***Гин-ги-дао,*** а по произношению корейцев ***Гын-гы-дао.*** Главное правление в столице, лежащей в средоточии королевства. Столица собственно называется ***Го-чэн, Ван-чен*** и ***Хань-чен,*** что значит: *королевский город,* от Пекина в 3096 ли, от Шен-цзин в 1800 ли.

2) ***Цзян-юань-дао,*** главное правление в ***Цзян-лин-фу,*** от столицы на восток. Сия дорога заключает в себе земли древнего владения Ме-мо.

По китайской энциклопедии под названием Вынь-сянь-тхун-кхао, Ме-мо в древности принадлежало к королевству Чао-сянь, оно смежно было на юге с Чень-хань, на севере с Гао-цзюй-ли и Во-цзюй, на востоке простиралось до моря, на западе до Ло-лан, то есть до древнего Чао-сянь. В 129 году перед Р. Х. Нань-люй, владетель в Ме-мо, поддался китайской державе с 280 000 душ, и владения его названы были провинцией Цан-хай-цзюнь. В 108 году китайский двор, уничтожив королевство Чао-сянь, сделал из него четыре области. Владение Ме-мо причислено было к области Ло-лан. В 30 году по Р. Х. Ме-мо и Во-цзюй раздроблены были на небольшие уделы, владетели коих обязаны были ежегодно приезжать к китайскому двору. Старики того времени уверяли, что жители в Ме-мо

суть соплеменные с жителями Гао-ли, и в языке имеют небольшую разницу[7].

3) ***Хуан-хай-дао,*** главное правление в ***Хуан-чжеу,*** от столицы на запад. Сия дорога заключает в себе земли древних владений ***Чао-сянь*** и ***Ма-хань.***

Владение Чао-сянь выше было описано. Что касается до владения Ма-хань, до времен Р. Х. не было определительных сведений о нем. По *Истории старшей династии Хань* известны были только владения: Гао-цзюй-ли, Фу-юй и Хань. По *Истории младшей династии Хань* сказано: дом Хань разделяется на три владетельные линии: ***Ма-хань, Чень-хань*** и ***Бянь-хань.*** Ма-хань содержит в себе 54 удела, на севере смежно с Ло-лан, на юге с Японией. Чень-хань содержит в себе 12 уделов, на севере смежно с Ме-мо. Бянь-хань лежит от Чень-хань далее на юг и также заключает в себе 12 уделов, а все три владения делятся на 78 уделов, из коих большие имеют до 10 000, а меньшие — по несколько тысяч семейств. Живут вдоль поморья по долинам и островам, с востока и запада окружены морем. Ма-хань есть сильнейшее из трех владений, но владетели избираются из дома Чень-хань. Старики в Чень-хань уверяли, что при династии Цинь, то есть за два с небольшим века до Р. Х., множество китайцев, уклонявшихся от тягостных повинностей, перешло в Хань. Им отведены были восточные земли в Ма-хань, где они построили городки и остроги, и сами поставляли себе начальников. Все они говорили китайским языком, а владетеля себе избирали из дома Ма-хань. Ци-чжунь, владетель королевства Чао-сянь, изгнанный китайцем Вэй-мань, пустился с несколькими тысячами своих подданных в море, покорил Ма-хань и объявил себя владетелем сей страны. Но когда он погиб, то жители Ма-хань опять поставили себе государя из дома Чень-хань. В 277 году по Р. Х. владетель из Ма-хань прибыл к китайскому двору. Но вскоре после сего дом Хань пришел в бессилие, и место его заступили дома ***Бо-цзи*** и ***Синь-ло.***

4) ***Цюань-ло-дао,*** главное правление в ***Цюань-чжеу,*** от столицы на юг. Сия дорога заключает в себе земли древнего владения Бянь-хань, перешедшего впоследствии к дому Бо-цзи.

В трех владениях дома Хань находилось 78 удельных княжеств, в сем числе было княжество Бо-цзи, лежавшее от реки Хань-цзян на юг. Впоследствии оно мало-помалу усилилось и овладело другими небольшими княжескими уделами. Князь имел пребывание в городе Цзюй-ба-чен, иначе Гу-ма-чен. Он происходил из дома Фу-юй. Предок его только со 100 се-

---

[7] Ежели сие место свести с другими подобными же местами в сей статье, то открывается, что первобытные жители королевства Чао-сянь говорили языком, отличным от нынешнего, сходного с китайским.

мействами приплыл сюда, отчего и название принял Бо-цзи[8]. В 621 году китайский двор признал его в королевском достоинстве. Впоследствии он, соединившись с Гао-ли, завладел 30 городами в княжестве Синь-ло и прекратил представление дани Китаю, почему в 660 году китайский полководец Су-дин-фан занял его владения, и как сии владения прежде делились на пять поколений, в которых считалось 37 областей, 200 городов и 760 000 семейств жителей, то китайский двор разделил их на пять областей, над которыми самого владетеля поставил правителем. В 665 году Фу-юй-лун, король в Бо-цзи, съехался в городе Сюн-чжень-чен с Цзинь-фа-минь, владетелем королевства Синь-ло. Они положили клятвенный договор над белой заколотой лошадью, но первый вскоре снова пришел в страх и уехал в китайскую столицу. Китайский двор в 677 году признал его в королевском достоинстве и предписал ему возвратиться в наследные свои владения. В сие время королевство Бо-цзи уже было разорено и большею частью захвачено домом Синь-ло, почему Фу-юй-лун не смел ехать и умер в Китае.

5) ***Цин-шан-дао,*** главное правление в ***Цин-чжеу,*** от столицы на юго-восток. Сия дорога заключает в себе земли древнего владения *Чень-хань.*

Владение Чень-хань впоследствии завоевано домом Синь-ло. Предки дома Синь-ло произошли из дома Чень-хань, который вначале состоял из шести, а потом разделился на 12 владетельных линий. Каждая линия имела свой удел. Удел Синь-ло на юго-востоке простирался до Бо-цзи, на восток, до моря. Жители были из выходцев из Китая, Гао-ли, Бо-цзи и других соседних владений. Король родился в Бо-цзи. Он овладел королевством Синь-ло с моря. Потомок его Цзинь-чжень-пьхин послал в 594 году дань китайскому двору и признан был в королевском достоинстве. Он умер в 638 году, не оставив по себе преемника, почему сестру его Шань-дэ возвели на королевский престол, а по смерти сей королевы меньшую сестру ее Чжень-дэ объявили правительницей королевства. Сия королева отправила сына своего в Китай и просила китайский двор дозволить ему посмотреть на обряды возлияния и предложения в Педагогическом Институте и слушать преподаваемые в нем науки. Государь отлично принял ее сына. В 650 году королева одержала совершенную победу над владетелем в Бо-цзи и отправила Бай-фа-минь с донесением к китайскому двору, причем послала государю оду на мир из пятисловных стихов, вытканных на шелковой материи. Государь был очень доволен. В 737 году китайский государь назначил чиновника Син-дао посланником в Синь-ло для возведения короля на престол. Он сам сочинил предисловие к стихотворению, а наследнику с прочими князьями,

[8] Бо-цзи на китайском языке от слова в слово значит: *с сотнею переплывший.*

также чиновникам приказал каждому написать стих для отправления в Синь-ло. Перед отъездом посольства государь позвал Син-дао и сказал ему: *Синь-ло есть просвещенное государство, в котором столь же занимаются науками, как и в самом Китае. Вы по своему образованию в состоянии рассуждать о разных предметах, вот почему я назначаю вас посланником. По прибытии в Синь-ло постарайтесь раскрыть ваши глубокие сведения в книгах и тем показать, до какой степени доведено просвещение в нашем государстве. Еще слышно, что там многие хорошо знают шахматную игру, для сего я придал в помощники вам двух офицеров гвардейских.* Сие посольство принято было в Синь-ло с отличным уважением. Впоследствии еще было два посольства из Синь-ло к монгольскому дому Ляо, в 920 и 925 годах.

6) ***Чжун-цин-дао,*** главное правление в ***Чжун-чжеу,*** от столицы на юго-запад. Сия *дорога* заключает в себе земли древнего владения Ма-хань.

7) ***Сянь-цзин-дао,*** главное правление в ***Сянь-син-фу,*** от столицы на северо-восток. Сия *дорога* заключает в себе земли древнего владения Гао-ли.

8) ***Пьхин-ань-дао,*** главное правление в ***Пьхин-сян-фу,*** от столицы на северо-запад. Сия *дорога* заключает в себе земли древнего владения Чао-сянь.

Бичурин Н. Я. Статистическое описание
Китайской империи. Ч. 2. М. 2002, с. 383–391

Ф. Зибольд

ЗАМЕЧАНИЯ О КОРЕЕ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ РАССКАЗОВ НЕСКОЛЬКИХ ТУЗЕМЦЕВ, ЦУСИМСКИХ ЧИНОВНИКОВ И ЯПОНСКИХ ПРИСТАВОВ ФУЗАНКАЙСКОЙ ФАКТОРИИ

Полуостров, лежащий к западу от Японии и описанный нашими географами XVII века под именем Кореи, называется корейцами *Коре,* японцами — *Корай.* Это название, как и первое, произошло от китайского *Гаоли.* Некогда имя это принадлежало только одному из *Саньго,* или трех царств; вероятно, не раньше X века, когда кореец *Ван Цзянь* соединил под один скипетр и другие два царства, *Пеци* или *Боцзи и Синьло,* весь полуостров получил у китайских и японских историков нынешнее свое название. До основания трёх царств, в отдаленной древности, полуостров назывался *Чаосянь (утренний свет),* на народном языки *Цио-Сянь,* по-японски *Чжиоцянь* или *Чжаоцянь:* название Чаосянь корейцы дают своему отечеству до сих пор. Это имя, употребительное вообще в Китае, заслуживало бы предпочтения во многих отношениях; однако, мы сохранили полуострову название «Кореи», чтоб не отличаться мелочами от наших предшественников.

Корейский полуостров, между 34° и 43° с. ш., окружен с трех сторон морем, а с севера ограничен реками *Ялу-цзян, Тумынь-цзян* (Амноккан, Туманган.— *Сост.*) и высокою горой *Чанбо* (Чанбэксан.— *Сост.*). Таковы естественные границы этого государства, простирающегося от юга к северу на двадцать семь дней пути, а от востока к западу на десять дней. От *Ляодуна* Корея отделяется рекою *Ялу-цзян,* которая, как говорят, протекает сто японских ри[1], а от *Нингута* — рекою *Тумынь-цзян.* В северной и восточной частях полуострова возвышаются громадные горы; высочайшая из них, *Чанбо-шань (длинный белый хребет),* покрыта вечным снегом. По уверениям японцев, от подошвы горы до вершины полагается двадцать ри,— возвышение очень значительное над уровнем моря. Корейцы же утверждают, что белая вершина *Чанбо-шань* совершенно теряется в небе

[1] Ри — японская мера длины (3927 м) (*прим. сост.*).

и что точное определение ее положения в воздушном пространстве невозможно. Река Тумынь-цзян, вытекающая из этих гор, как обозначено на подлинных географических картах, также служит доказательством значительного возвышения почвы. Из горной цепи, к востоку от Кореи, вытекает еще несколько рек; мы упомянем: *Хань-цзян* (Ханган.— *Сост.*), которая впадает в Желтое море на расстоянии однодневного пути от столицы, и *Цзинь-цзян,* которая, близ Фузанкаи (Пусан.— *Сост.*), снабжает водою Корейский канал. Климат во всей этой стране суровее, чем в Японии под теми же широтами; в северных горах зимы бывают жестоки; земля покрывается толстым слоем снега, а Ялу-цзян, как и другие реки, замерзает так крепко, что по льду можно переправлять всякие тяжести. Японцы, посещавшие эту страну, почитают ее неплодородною. Посевы риса и проса дают жатву не столько богатую и доброкачественную, как в Японии; в северных же провинциях урожаи вообще ненадежны и скудны. На самих обычаях и правах жителей лежит отпечаток бедности, которая представляет неотрадную противоположность с веселою и удобною жизнью счастливых обитателей Японии.

Корея производит пшеницу, сарацинское пшено, ячмень, просо, капусту китайскую и восточную, разные виды паровой редьки и огурцов, бобы *de soja*, *de cajan,* деревья: восковое, кедр, груша, орешник, корень женьшень, каштаны, бамбук, лаковое дерево, или сумах, папирус, табак, травянистый хлопчатник, красильная гречиха, пенька и крапива. Там разведены также деревья: померанцевые, сливные, абрикосовые, грушевые, гранатовые, какийные и особый вид пихты, которой шишки или орехи употребляются в пищу. Чайное деревцо редко там встречается, потому что любимый напиток японцев мало употребителен между корейцами и заменяется у них биньлановым взваром, который и называется биньлановым чаем. Биньлан — плод, похожий на орех, не растет в Корее и доставляется китайцами, получающими его из государств Аньнань и Хайнань.

Одно из произведений Кореи требуется в значительном количестве в Китай и Японию; мы говорим о женьшене, всеобщем лекарстве по понятиям тамошней медицины. Утверждают, что качество его преимущественно зависит от местности, где он собран, и лучшим почитается женьшень, растущий в горах на севере полуострова. Трудно поверить, что лучший женьшень продается по двести руб. сер. и даже дороже, за фунт в Пекине. Как бы то ни было, факт действительно справедлив, в чем не раз уверяли нас японцы, да и мы сами были свидетелями, как за корешок женьшеня в несколько дюймов платили очень дорого. Корень совершенно прозрачный, цвета желто-янтарного, хранят в красивых золотых и серебряных ящичках, наполненных рисом. Но обыкновенный корейский женьшень, корень

белый, длиною около вершка, продается в Пекине по 25 р. сер. за фунт и, по отзыву русских медиков, совершенно не имеет того возбудительного свойства, которым отличается лучший и дорогой женьшень.

Домашние животные: рогатый скот, лошади, свиньи, козы, собаки и кошки. Особая порода небольших, но крепких и сильных лошадей, называется *мон-ква.* В лесах и степях водятся олени, зайцы, лисицы, волки и шакалы; королевский тигр и барс попадаются в таком множестве, что шкуры их составляют особую статью заграничной торговли, замечательную по северному положению Кореи. Эти звери в Корее отличаются от тождественных с ними пород, водящихся в тропических странах, большею длиною шерсти и потому из здешних мехов королевского тигра приготовляются мантии роскошнее и красивее, чем из шкур тигров бенгальских и водящихся на Сонских островах. Корейский мускус употребляется в составе лекарств и благовоний; это дает повод думать, что мускусовая кабарга принадлежит также к фауне Корейского полуострова. У жителей мы видели: домашних кур, голубей, гусей, уток, бакланов, а из диких птиц — фазанов, соколов, цаплей и журавлей. Еще в Японии мы видели перелетных птиц из Кореи: воронов, европейских сорок и разные виды зябликов и дроздов. Судя по обилию рыбы у японских берегов, можно полагать, что и берега Кореи весьма выгодны для рыбной ловли. В Корейском проливе, обильном китами, японские китоловы с успехом занимаются сим промыслом. В Корейском королевстве добываются золото, серебро и медь; но железа мало, и то дурного качества. Статьи вывоза: тигровые и скатовые шкуры, шелк-сырец, шелковая бумага, шелковые и бумажные ткани и женьшень.

Страна разделяется на восемь округов; китайцы и японцы сообщили нам их названия, но туземные заслуживают предпочтения. Впрочем, мы выставим здесь и те и другие:

Корейско-китайские названия		Китайские названия	Японско-корейские названия
I	Кин-куй-то.	Цзинцзи-дао.	Кеи-ки-то.
II	Кан-он-то	Цзян-юань-дао.	Ко-ген-то.
III	Гуан-гай-то.	Хуанхай-дао	Кво-кай-то.
IV	Цюаньло-то.	Цюаньло-дао.	Цю-ло-то.
V	Пиншан-то.	Циншан-дао.	Ци-си-то.
VI	Чжунцин-то.	Чжунцин-дао.	Чжу-си-то.
VII	Сяньцзин-то.	Сяньцзин-дао.	Сань-цзи-то.
VIII	Нин-ань-то.	Пин-ань-дао.	Пинань-то.

В японских сочинениях о Корее названия ее округов пишутся неверно и представляют искажение настоящих имен. Названия, принятые Мартинием и д'Анвилем, точнее. Сочинение Клапрота... заключает в себе драгоценные материалы для топографии и истории Корейского полуострова, и мы не можем указать никакого другого, более достоверного источника.

По японской энциклопедии и по *Циоценумоногатари* эти восемь округов делятся на сорок один уезд, *цзюнь,* по-кит. тоже *цзюнь,* в которых считается 33 города первого класса (фу), 38 второго (чжеу) и семьдесят третьего (сянь). Столица королевства лежит в Цзинцзиском округе и называется *цзинцзи* или *хань-чень* т. е. резиденция; иногда называют ее *ванчен* или королевская крепость. *Цзяилин,* в *Цзян-юаньском* округе занимает второе место между корейскими городами. В японском *Сан-кок-цю-ранг* помещена довольно любопытная статистическая таблица, которую мы и передаем здесь:

округи	местопребывание правительственных лиц	правление	города	уезды	присутственные места	местопребывание приставов или ревизор.	почтовые управления	укрепленные места	адмиралтейства	чины армии и флота	Корабли	
											большие	малые
I	28	4	9	8	5	12	6	6	2	4	9	9
II	26	1	6	7	2	9	4	5	–	3	–	–
III	24	2	4	7	4	–	6	7	–	9	–	–
IV	54	4	1	11	1	37	6	6	–	3	20	20
V	57	4	4	12	6	31	6	18	–	24	42	12
VI	69	4	11	14	1	34	11	24	–	33	56	51
VII	42	2	10	17	8	5	2	18	–	49	–	–
VIII	32	2	15	4	–	2	3	3	–	55	–	–
	332	23	60	80	27	130	44	87	2	180	127	92

Корея управляется королем, который носит титул *Цио-сян ван* (цюсяньский король) и пользуется неограниченною властью, хотя и считается данником Китая и Японии. Относительно Китая зависимость корейского владетеля ограничивается тем, что он ежегодно отправляет к пекинскому двору посольства с подарками и извещает о всех политических событиях, замечательных в каком-нибудь отношении. Говорят, что китайскому императору принадлежит право утверждения корейского короля и что он получает дань каждый раз при вступлении на престол нового короля.

Такие отношения едва ли можно назвать *политическою зависимостью;* начало их относится к 1636 году, когда нынешняя маньчжурская династия установила их силою оружия.

Со времени вторжения японцев, от 1592 до 1598 года, при сиогуне *Фидеиози,* обыкновенно называемом *Таико,* между японскими и корейскими государями установились сношения, более похожие на союзнические, чем на отношения сюзерена к вассалу. Оба двора присылают взаимно представителей, когда новый государь вступает на престол. Некогда обоюдные посольства при подобных случаях снаряжались с ослепительною роскошью для извещения о восшествии на престол государя и для поднесения подарков. С 1790 года эти церемонии значительно поупростились и совершаются нынче на острове Цусиме. Предусмотрительное японское правительство назначило этот остров местопребыванием одного из принцев императорского дома и отдало в его управление торговлю с Корейским полуостровом.

Как эта торговля и самый остров Цусима доставляют незначительный доход, то принцу-правителю отведены под названием *вознаграждения,* земли в одной из плодороднейших провинций острова Киу-Зиу *(Цу-сю),* изобильного рисом, в котором так нуждаются корейцы. Остров Цусима весьма важен в политическом отношении для Японии; пребывающий на нем принц основал в самой Корее, близ Фузанкаи, портового города цинсянского округа, японскую колонию в 500 душ. Эти поселенцы, род наблюдательного отряда, живут в огражденном месте около четверти мили в окружности; только этих японцев и можно встретить в Корее, разумеется, за исключением корабельных экипажей. Все: солдаты и должностные лица, ремесленники и купцы — живут вместе, почти в совершенном удалении от природных жителей; в браки вступают они только в своей общине и без особого разрешения не могут посещать внутренности страны. По отношению к богатству обоих народов, торговля между Кореей и цусимским князем почти не заслуживает этого названия; по уверению японцев, ее скорее можно почитать взаимным разменом подарков. Цусимский князь отправляет в Корею рис, перец и буйволовы рога, а взамен получает оттуда прославленный женьшень и тигровые и скатовые шкуры. Японцы фузанкайской фактории торгуют также шелковыми и бумажными материями, превосходным сырцом, лакированными изделиями и шелковой бумагой, вошедшей издавна в употребление.

Округи управляются сановниками, присылаемыми из столицы. По учреждению, сходному с японским, они обязаны личною ответственностью за свои действия, но пользуются неограниченною властию, самопроизвольно применяя законы и действуя, большею частью, по видам личной

пользы. Народ делится на четыре сословия: земледельцев, ремесленников, военных и духовенство. Вооружение солдата состоит из ружья или лука и сабли, которая висит за спиною и вынимается из ножен через плечо. Ружья с фитилями, как у японцев и китайцев, походят на европейские XVI века, а большие и толстые луки приготовляются из буйволовых рогов. Вообще оружие грубой отделки и далеко уступает японскому. Корейцы беспрестанно упражняются в стрельбе, приобретают большую ловкость и всегда попадают в цель на расстоянии шестисот футов.

Пушки, употребляемые на суше и на флоте, небольших калибров. В военном искусстве корейцы следуют правилам китайской стратегии. Каждый кореец есть уже солдат; сословие же, которое называется собственно *военным,* состоит исключительно из воинов высших званий, вроде римских всадников. Такие избранные воины образуют в Корее, как и в Японии, класс дворянства.

Буддизм, господствующая религия, проник в Корею из Китая в 372 году; значительное число жрецов и монахов обоего пола соразмерно числу кумирен, молелен и монастырей; но эти религиозные здания пользуются большим уважением, чем их обитатели. Из Кореи буддизм перешел в Японию, и, вероятно, в обеих странах жреческий костюм одинаков, за исключением разве мелочных изменений, которые допускаются этою религиею в каждой стране для сближения с народными обычаями.

Г. Блумгоф, который управлял голландскою торговлею в Японии с 1818 до 1823 г. и которому Королевский Гаагский Музей обязан самою значительною частью своих японских редкостей, успел также достать несколько одежд и других принадлежностей частной жизни корейцев и, между прочим, два идола из жировика *(кан-ин,* по-японски *кан-он).*

В ниппонском капище, посвященном всем богам, находятся два разряда этих божеств; в одном заключается семь, а в другом тридцать три, и японские буддисты, слепо в них верующие, воздвигли в честь их великолепные храмы по всей империи. Одним из отличительных признаков канонов служит покрывало, накинутое на голову и плечи; они украшаются также ожерельем, спускающимся на грудь. На корейских идолах замечено нечто похожее на надпись.

Божество сидит на цветке лотоса; левая нога поджата, а правая вытянута; в таком положении нередко изображаются и другие каноны. Идола, подаренного нам корейским приставом, можно почитать за *Бозаң* (по-кит. *Пуся),* небесное существо особого разряда, но также покровительствующее человеку. Головной убор на изображениях бозацов почти такой же, как и у канонов; только плечи вместо покрывала украшаются лентою, которая

ниспадает до земли или спускается только до лотоса, обыкновенного их седалища. В правой руке у них или ваза с цветами, или род лилии.

Кажется, что в Корее, кроме буддизма, существует еще особая древняя религия, как *синто* в Японии и *даосы* в Китае. Нравоучение Кунфу-цзы высоко уважается в Корее и имеет там многочисленных последователей.

Земледелие, рыболовство и охота в горах на севере принадлежат к главным отраслям промышленности страны, где потребляется также в значительном количестве молоко и мясо домашнего скота, за которым ухаживают старательнее, чем в Японии. Бойни подчинены особому постановлению, которым определено, сколько должно бить скота в каждом селении. Корейцы так же воздержны, как китайцы и японцы, у которых только богачи отступают от прародительской простоты нравов: рис, ячная крупа, некоторые овощи, рыба, дичь, мясо и соляная подливка составляют повседневный стол у загангских народов. Японцы находят различие между своею кухнею и корейскою, которая, впрочем, им также довольно нравится. Мануфактурная промышленность полуострова показалась нам на низшей степени, чем в двух соседственных империях на крайнем востоке Азии; столярная работа, изделия гончарные, фарфоровые — все у корейцев грубее и обнаруживает младенчество искусства. Железные орудия, особенно сабли и острые инструменты, невысокого достоинства; но встречаются превосходные шелковые материи, весьма хорошие шерстяные и бумажные ткани и отличная писчая или шелковая бумага.

Торговая деятельность Кореи, за исключением самых незначительных сношений с Китаем и Япониею, ограничивается внутренними оборотами и состоит в размене туземных произведений, перевозимых частью на вьючном скоте, частью посредством довольно деятельного судоходства. О значительности этой торговли можно судить по государственными доходам и по населенности страны, особенно южных областей. Нам не удалось собрать об этом предмете точных сведений; но с вероятностью можно заключить, что внутренняя корейская торговля, по сравнительным результатам, не уступает торговле соседственных империй, потому что эта страна, не один раз уже высылавшая свои колонии в восточный архипелаг, в течение двух веков пользуется ненарушимым миром, в умеренном климате. Доходы ее полагают до 400 ман-коков[2] или 4 миллионов кобанов, что составляет на наши деньги около двадцати пяти миллионов руб. сер.

Ходячая монета преимущественно медная, а частью и железная. В середине каждой монеты есть отверстие, чтоб можно было надавать ее на веревочку Самая обыкновенная теперешняя монета называется *ся-пин*

[2] Кок — мера объема (180 л), ман — 10000 (*прим. сост.*).

тю-по (чан-пин-тун-бао), то есть, *продолжительный, постоянный мир, общая ценность.* Она льется в трех видах, различных по величине, и представляет большое разнообразие в изображениях на оборотной стороне, или на реверсе, представляющем иногда две или три буквы, иногда несколько изображений солнца, луны и звезд. Самая крупная монета, ценою в десять монов, составляет около копейки серебром. Другая ходячая, хотя и древняя, монета называется Цио-янь-тю-по (чао-сянь-тун-бао); она чеканена, вероятно, около 1392 года, когда *Лин-ченгуй* восстановил для своего государства название *Чаосянь.* Из китайских медных монет, обращающихся также и в Корее, упомянем о *Канси-тунбао.* Древние корейские монеты изображены и описаны в разных нумизматических японских сочинениях *Сань-ган-дао-бао*, ходячая монета в три гана, и *Хай-дун-чжунбао;* тяжеловесная монета восточного моря, по-видимому, самые древние. Надписи различаются, больше или меньше, видом и размещением букв.

Мы старались изобразить народ, представителей которого, из всех состояний, удалось нам видеть и даже прожить с ними несколько времени; мы в главных чертах обрисовывали племена, от которых произошли корейцы, и полагаем, что наше описание их общественного быта изменит в хорошую сторону господствовавшее до сих пор об этом народе мнение. Бедствие голландского корабля «De Sperwer», потерпевшего крушение у этих берегов в половине XVII века; суровый плен корабельного экипажа, которому воспрещено было возвращение в отечество; отважное бегство пленников, возврат их в Голландию и их баснословные рассказы, жадно собираемые и преувеличиваемые, в такую эпоху, когда всему чудесному легко верили; все это вместе окружило Корею каким-то грозным мраком. Впоследствии, когда сделалось известным, что корейцы едва снискивают себе пропитание рыбною ловлею или обработкою полей, а в горах, вместо золота и серебра, добывают лишь небольшое количество мехов, тогда и смелые мореходцы, не страшившиеся опасностей подобного путешествия, не захотели пускаться в эту страну. Таким образом, европейцы избегали Корейского полуострова с лишком сто лет, пока общее стремление к открытиям и торговле не увлекло к этим берегам сперва Лаперуза, потом Братона, Мексвеля и Безиль Галля, которые сделали любопытные наблюдения над географическим положением страны и над народами, в ней обитающими. Но подробности, сообщенные этими путешественниками о недоступности страны и о враждебном взгляде правительства и народа на все попытки европейцев войти с ними в дружественные сношения, были так неблагоприятны, что не оставляли вовсе надежды на успех.

Политическое положение государства, первое впечатление, произведенное на его правительство появлением европейцев, а потом наблюдения над

нравственностью содержавшихся в плену мореходцев могли бы достаточно объяснить, почему западным народам воспрещен доступ в Корею, если бы эта строгость не оправдывалась желанием обеспечить спокойствие народа, счастливого тем положением, какое доставляют ему внутренние торговые обороты и произведения его промышленности.

Кровавая борьба, которую корейцам пришлось выдержать с 1592 по 1598 год против японского завоевателя Таико, распространила повсюду разорение и рабство. Уже все королевство подпало под иго Таико, когда у самих японцев вдруг вспыхнула междоусобная война, возженная европейцами, которые были приняты ими как братья. Корейскому правительству не остались неизвестными последовавшие затем религиозные преследования и продолжительные раздоры, и тогда какое понятие должно было составиться у него о людях, которые в самом ничтожном числе могли колебать в основаниях сильную империю? Могли ли они не страшиться союза с неизвестным народом, руководимым страстью к насильственным завладениям, едва успев избавиться от владычества государства, с которым они в течение веков находились в дружественных сношениях, которому передали они свои общественные нравы, религию и даже часть своего народонаселения? Запрещение входа иностранцам, основанное на таких важных соображениях, можно ли почитать несправедливым, если взглянуть на дело с точки зрения, соответственной этому полудикому обществу? Значит, нечему удивляться, что корейцы упорно, но без жестокостей, вооружаются против тех иностранцев, которые по отваге или по прихотям моря прибывают в их страну.

Таким образом, в 1627 году три матроса с яхты «Оверкерк» *(Ouwerkerk),* сошедшие на берег за водою и съестными припасами, были задержаны корейцами. Двое из них вступили к королю в службу против татар, а третий, по имени Вельтеврее (Weltevree), сделался переводчиком. Он приобрел доверенность при дворе и жил мирно в своем семействе до глубокой старости. В 1652 году корабль «De Sperwer» претерпел крушение у корейских берегов. Начальник экспедиции Гаммель и тридцать пять его спутников были спасены, но задержаны как чужеземцы и отправлены под надежным конвоем в столицу, а там объявили им указ, воспрещавший им выход из страны. Король включил их в число собственных своих стрелков, и по положению своему они походили на людей вольнонаемных, за исключением некоторых неважных ограничений. Они могли даже улучшить свой быт; но, при исследовании их поведения и собственных хвастливых рассказов, оказывается, что поступки их и во всяком другом государстве навлекли бы на них наказания, гораздо строже тех, которым подвергались они в Корее за разные измены и побеги. Убедившись, что эти иноземцы не

только бесполезны, но даже вредны, правительство сослало их в безопасные места; приговор этот, кажется, был внушен желанием отделаться без шума от таких недостойных гостей. Так должно полагать, потому что у большой части народов северо-восточной Азии законы, объявленные во всеобщее сведение, признаются неизменными, так что и верховная власть не может уже изменить их, ни отменить. По этой причине нашли средства избегать точного исполнения закона без явного его нарушения. Многие из этих пленников успели избавиться от рабства и изобразили его в самой страшной картине; но их неблагодарность возбуждает в такой же степени негодование, как и преследования, которым они подвергались в плену.

Когда слухи об этих происшествиях достигли Голландской-Индейской-Компании, она обратила свое внимание на Корею. Сведения, собранные ею чрез свою японскую факторию, оказались очень неудовлетворительными в торговом и политическом отношениях и не могли побудить к вступлению в сношения с Кореей. Сверх того, Компания опасалась, чтобы японская торговля, находившаяся тогда в цветущем состоянии, не потерпела от новых связей и чтобы голландский флаг не исчез впоследствии с японских морей.

Прибытие Лаперуза, который в 1787 г. появился перед Квельпартом[3] и прошел довольно близко вдоль восточного берега Кореи, должно было произвести там сильное впечатление. Без сомнения, туземцы тогда в первый раз увидели европейские военные корабли, сторожевые огни, которые каждую ночь раскладывались вдоль морского берега, и суда, отправлявшиеся для разведываний и обозрений, обличали беспокойство, которое, впрочем, скоро окончилось — с удалением иностранных кораблей. Журнал Гаммеля, бывший у Лаперуза перед глазами, отнял у него охоту пристать к Корее, а когда он хотел пристать к открытому им острову Дажелету (Dagelet), быть может, в надежде войти в сношения с туземцами, противные течения заставили его отказаться от этого намерения.

Более отважный Братон в 1797 г. вошел в Фзанскую гавань (Fusan), под 35° 2' *С.* Ш. и 126° 47' В. Д. Неожиданность входа, вид корабля и его экипажа не могли внушить доверенности тамошнему подозрительному народонаселению и побудить его к принятию дружественных предложений; поэтому должно извинить заблуждение жителей, которые считали Братона скорее морским разбойником, чем посланником морской державы.

Из всего видно, что Мэксвель и Безиль Галль во время своих путешествий для открытий в Желтом море справедливее судили о корейском приморье. Усилия их привлечь к себе туземцев и ознакомиться с топографией страны заслуживали лучшего успеха. Жаль, что они неудачно выбрали средства для достижения своей цели. Проникнуть во владения полуобра-

[3] Квельпарт — корейский остров Чеджудо (*прим. сост.*)

зованного племени, при правительстве весьма подозрительном, было не так легко, как пристать к берегу, заселенному племенем простодушным, под патриархальными законами, или проехать через земли кочующих народов, предводимых воинственными начальниками. В последнем случае достаточно сделать кстати несколько подарков; иногда же благоразумие и оружие обеспечивают успех высадки и битвы; но в первом случае, кротостью достигнешь не больше как и насилием, потому что приходится иметь дело с бесстрастными стражами, не отступающими ни на волос от своих обязанностей, не внемлющими ни мольбам, ни угрозам. Кто ни являлся в течение двухсот лет в гавани Кореи, Китая или Японии, каждый встречал в этих стражах непреодолимое препятствие. Почтенный старик, которого видели Галль и Мэксвель, был одним из таких орудий восточной политики. Мы говорим о *кензи,* или блюстителе общественного спокойствия, который, под личной ответственностью, наблюдал с величайшею точностью за исполнением законов.

Как в настоящее время, так и в будущем нельзя открыть свободный доступ в эти государства путем, на котором правительство, поддержанное общим мнением, воздвигло подобные затруднения, и предприятие исследовать эти страны никогда не совершится с успехом, если в основание его не будет положено глубокое изучение духа учреждений, нравов, обычаев и народного языка.

Зибольд Ф. Путешествие по Японии или Описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях. СПб. 1854, с. 31–55

ИЗ «ВСЕПОДДАНЕЙШЕГО ОТЧЕТА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА ГРАФА ПУТЯТИНА О ПЛАВАНИИ ОТРЯДА ВОЕННЫХ СУДОВ НАШИХ В ЯПОНИЮ И КИТАЙ. 1852–1855 год»

Отправив корвет «Оливуца» к берегам Сибири и предписав ему, войдя в сношение с начальником Амурской экспедиция, следовать в Петропавловский порт для усиления средств обороны Камчатки, я 21-го марта 1854 г. снялся с якоря. Задерживаемые часто штилями в тропиках, частью противными ветрами, по выходе из жаркого пояса, мы достигли острова Гамильтона[1], только 2-го апреля. На сем острове мы застали шхуну «Восток», возвратившуюся от острова Лю-чу (Рюкю.— *Сост.*), куда ей предписано было зайти для собрания сведений о месте нахождения американской эскадры.

Транспорт «Князь Меншиков» через три дня присоединился к отряду, доставив нам бумаги и письма из Шанхая, подтверждавшие разрыв с Англиею и Франциею. После сего я, с шхуною «Восток» и транспортом, еще раз отправился в Нагасаки, куда все три судна прибыли менее нежели в 24 часа.

Здесь взяв некоторое количество провизии... я с фрегатом «Паллада» направился на третий день Святой Недели в Татарский пролив. Транспорт «Князь Меншиков» отправлен был мною прямо в гавань, назначенную общим местом соединения для всех судов отряда, чтобы сдать нагруженную на него провизию и прочие запасы назначенному мною офицеру для хранения на берегу; командиру же шхуны «Восток» я предписал, описав, сколько позволит время, группу островов Гото, поспешить в Шанхай к прибытию следующей европейской почты, но с крайнею осторожностью, не обнаруживая своего прихода, остановиться в одном из рукавов Янсекиянга, и там, взяв китайскую лодку, пробраться в Шанхай и, получив от американского консула бумаги и письма, собрать последние сведения о наших отношениях к Англии и Франции и спешить соединиться с отрядом также в назначенной гавани.

[1] О-ва Комундо на юге Корейского полуострова (*прим. сост.*).

Опасаясь застать на севере льды, я предпринял воспользоваться остававшимся тогда месяцем времени до наступления весны для описи восточного берега Кореи, и чтобы пополнить весьма неточную карту этих берегов. Погода нам благоприятствовала, и мы проследили весь восточный берег полуострова, в расстоянии от него от полумили до 4 миль; сделанная при этом опись показала в карте атласа Адмирала Крузенштерна, как равно в карте Английского адмиралтейства: The Peninsula of Korea,—лучших из до сего имевшихся, значительные неверности, особенно в положении берега по долготе, при этом открыт нами в обширном заливе Броутона порт, названный мною именем покойного адмирала Лазарева[2]. Карта и опись берегов Кореи представлены были мною на благоусмотрение Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала.

Доброе согласие наше с корейцами было прервано на короткое время следующим неприятным случаем: в бухте Лазарева, в одном из корейских местечек, на катер, приставший с офицерами и матросами фрегата «Паллада», напала толпа корейской черни вследствие какого-то недоразумения и осыпала наших градом каменьев и кусков свинца. В ответ на это с катера должны были выстрелить в толпу из охотничьих ружей, причем двое или трое корейцев были ранены, и только тогда прекратилось метание в катер каменьев, которыми три матроса уже получили значительные ушибы.

На другой день я отправился на место этого происшествия с вооруженными людьми и потребовал от старших жителей деревни объяснения. Сии последние униженно просили прощения, объясняя это происшествие тем, что несколько негодяев без ведома их старшин возбудили толпу к этому неприязненному поступку, к которому со стороны наших не подано было никакого повода, ибо как офицеры, так и матросы при съезде на берег соблюдали предписанную им крайнюю осторожность и кротость в обхождении, и в этот раз плыли мимо означенного местечка, но жители знаками просили их пристать к берегу.

Я счел нужным оставить в другом местечке бумагу на китайском языке с описанием этого происшествия, как оно случилось, для отсылки в корейскую столицу, чтобы местные начальники не представили этого события в превратном виде и тем не внушили невыгодного понятия о нашем народе на случай могущих со временем возникнуть, по соседству наших пределов с этими местами, каких-либо сношений.

Восточный берег Кореи, на всем его пространстве, от 35° до 42° северной широты представляет с моря самый печальный вид. Песчаные берега уставлены часто высокими гранитными скалами, лишенными от

---

[2] Залив Йонхынман на северо-востоке Корейского полуострова (*прим. сост.*).

сильных морских ветров и туманов всякой растительности. Но за первым рядом краснопесчаных холмов, возведенных большею частью морем и ветром, подобно дюнам Голландии, картина изменяется. Обработанные поля сплошь покрывают всю внутреннюю волнистую местность, и весенний вид этих пространств, тогда еще не покрытых зеленью, оживлялся только небольшими, но частыми кедровыми рощами, служащими местом погребения хозяев полей и их семейств. Жители прибрежных деревень снискивают себе пропитание, как мы видели, ловлею рыбы, трепангов и других слизняков и ракушек, также собиранием морской травы, которая, кажется, составляет один из главных предметов их продовольствия. На требование наше продать нам мяса, живности или зелени они отозвались, как первым их гостям, и ожидать следовало неимением этих предметов. Хотя, по всей вероятности, корейцы касательно сношений с иностранцами подвержены тому же стеснению, как и все вообще народы крайнего востока, но как в посещенных нами местах иностранцы никогда не появлялись, то и не было принято достаточных со стороны правительства мер для воспрепятствования нашим сношениям с народом. Вследствие этой оплошности, корейцы свободно приезжали на фрегат и не препятствовали ходить по берегам, а в разговорах откровенно высказали, что производят торг с японцами и что на восточном берегу есть у них значительный город, вероятно, Панх-Гай, производящий торговлю хлебом, металлами и другими предметами.

Я адресовал к их правительству также бумагу, в которой предлагал вступить в торговые сношения с российскими подданными и обещал прийти в течение лета за ответом. Политические события помешали мне впоследствии исполнить это намерение, но я полагаю, что было бы полезно возобновить переговоры при первом случае.

За наступившими в начале мая месяца густыми туманами я не мог довести опись Корейского и Маньчжурского берегов до того места, от которого начинаются исследования Лаперуза, и принужден был окончить оную заливом в 42° 34' N широты, названным мною заливом Посьета...

Морской сборник. 1856, № 10, с. 64–68

ИЗ ДНЕВНИКА ВОИНА АНДРЕЕВИЧА РИМСКОГО-КОРСАКОВА

1 марта (1854 г.) шхуна «Восток» получила приказание идти вперед к острову Батану — заготовить там свежую провизию для всей эскадры. 7 марта шхуна была уже там, испытав по дороге не особенно сильный шторм. 9 марта пришел туда фрегат «Паллада», который, как оказалось, немного пофорсировал на этом переходе парусами и у него треснул топ фок-мачты. Адмирал Путятин решил, в ожидании войны, передвинуться поближе к нашим новым сибирским владениям, и, решив предварительно исправить повреждения фрегатского рангоута на о-ве Камигвин, он послал шхуну в порт Гамильтон, назначив там общее рандеву. У шхуны, во время последних переходов, ослабла набивка сальника винтовой муфты, и порт Гамильтон благодаря своим высоким приливам и отливам был очень подходящим местом для исправления подобного повреждения, что и было, как увидим, там исполнено. Переход в Гамильтон был сделан шхуною в 17 дней, с заходом на сутки в Напакианг, при благоприятных условиях.

28 марта. Воскресенье. Ясно, ветер N-бом-брамсельный. С рассветом увидали три островка (два назначены у Крузенштерна под именем Высокого и Низменного), а третий, поболее — порт Гамильтон. В полдень подошли к последнему с южной стороны на 5 миль. Видны в глубине бухты три деревни, из коих одна очень большая. Подняли на фор-брам-стеньге флаг с китайскою надписью, служивший нам при входе в Нагасаки. В 2 часа вошли в бухту и бросили якорь в левой гавани, образуемой небольшим проливом в два кабельтова шириною. И тишина, и малая глубина — все здесь мне как нельзя более но вкусу: берега зеленеют яровыми полями и местами оттенены рощицами камелий. После обеда я на гичке с Савичем съехал на берег в ближайшую, против нас лежащую деревню и были на берегу встречены толпою корейцев — как чиновных, так и простых. Первые отличались более опрятными коленкоровыми халатами и шляпами из волоса с широчайшими полями. Потолковав с ними кое-как с помощью словаря, я с Савичем, Белавенцом и Зарубиным пошли гулять.

Толпа с шумом и угрожающими криками хотела нам запретить прогулку, но мы, не обращая внимания на это, мигом вскарабкались на крутизну берега и взошли на холмы, господствующие над нашим якорным местом. Несколько человек пошли за нами, беспрестанно заслоняя нам дорогу и требуя, чтобы мы воротились, но мы не слушали ничего и, по временам прикрикивая на неотвязчивых провожатых, шли вперед до самой вершины холма, на котором уселись отдохнуть. Здесь обступили нас снова корейцы, но уже мирно и весело с нами разговаривали. Отдохнув, мы пошли назад в шлюпки тем же путем, еще немного потолковали с корейцами на берегу и воротились на шхуну.

Беседа моя с одним корейцем, носившим очки и, по-видимому, имевшим между ними какой-то авторитет (ученый или должностной — не знаю), состояла в следующем:

— Какого вы царства?

— Российского.

— Ваш корабль торговый или рыболовный?

— Нет, военный.

— Вы северные или южные варвары?

— Северные.

— Богаты вы?

— Да.

— В службе вы?

— В службе. Дайте мне апельсинов?

(Ответа не было.)

— Хотите ли посмотреть шхуну?

— Да.

И так далее, в этом роде, только очень мирно и весело. Водою нас потчевали прекрасною, но ни зелени, ни скота мы у них не заметили. В самое селение не ходили, ибо не хотелось с первого раза оскорбить их явным нарушением обычаев. Бухта вообще прекрасная и заперта от всех ветров.

29 марта. Понедельник. С 9 часов утра пошел дождь и не прерывался целый день. В малую воду Белавенец ездил промерять небольшую бухту, огражденную молом, в которую жители вводят свои лодки, когда их беспокоит прибой, как, например, сегодня. Там он нашел глубину повсюду три фута, и кажется, что шхуну будет весьма удобно ввести туда для осмотра наружного кормового подшипника и для набивки его. Доктором найдена трава очень похожая вкусом на капусту и очень годная во щи; у ней лист мягкий и мшистый, а цвет желтый — вроде куриной слепоты. Много при отливе видно устриц, но они малы и с трудом отделяются от каменьев. Утки плавают во множестве и совсем не дичатся.

30 марта. Вторник. С рассветом еще шел дождь, но к 8 часам прояснило. Ветер N, тихий. Съехав в 9 часов для обсерваций, я обманом затащил на шлюпку одного простолюдина-корейца и привез его на шхуну, где угостили его ромом, сахаром и сухарями, надарили ему пуговок, табаку и других безделок. Кажется, вследствие этого, тотчас отвалила от берега большая лодка с разными очень опрятно одетыми джентльменами и барынями, как будто с намерением заехать на шхуну, но, как мы ни махали, лодка не пристала. Вслед за тем мы свезли корейца в селение, где старшина, кажется, дал ему нагоняй.

Сейчас воротился я с обсерваций для полуденной высоты. Кончив наблюдения, хотел садиться в шлюпку, но окружавшая толпа любопытных (из джентльменов и простолюдинов) звала нас в сторону — на берег же, к другой толпе. Там посадили меня на чистенькую соломенную рогожку, против которой на рогожке же сидело несколько пожилых людей в обыкновенных одеждах — «в шляпах». Один из них, весьма почтенной и строгой наружности, хотел посмотреть полухронометр и часы — ему показали. Потом он спрашивал знаками — сколько дней мы здесь пробудем; я отвечал: двадцать. Затем он просил привезти с собой книжку, вероятно, намекая на словарь Синόфила (Philosinensi) и я обещал. Было уже время обеденное, и мне не хотелось долее оставаться с ними разговаривать без словаря, а то, вероятно, аудиенция со старшинами продлилась бы немало, потому что им явно хотелось нас осмотреть с головы до ног и даже проникнуть во внутренность. Любопытство написано было на их лицах, но, вероятно, азиатская важность их удерживала. Прочие, как джентльмены, так и простолюдины, последовали за нами, обступали нас, ощупывали платье и, казалось,— с сожалением нас отпустили.

После обеда я съехал на берег с чаем в той надежде, что угощу старейшин, но они не явились, а потому все от старого до малого были угощаемы чаем, сахаром, сухарями и рисовою кашею с изюмом. На все это корейская публика бросалась с жадностью, особенно на сухари. На этот раз мы прогулялись и по селению, невзирая на сопротивление корейцев. Так же, как и третьего дня, они очень шумели, покуда мы входили в селение, но когда прошли их, они стали гораздо смирнее и на обратном пути мы у колодца довольно долго с ними беседовали о крапиве, свежей провизии, воде и проч., но, по-видимому, не очень-то понимали друг друга. Видели мы в селении коровий кал, и, следовательно, есть у них скот; видели цыплят, но, кажется, трудно будет от них чем-нибудь поживиться. Истребив все угощение, корейцы без церемоний показывали нам знаками, что пора спать, вероятно, опасаясь за своих женщин, и в сумерки мы воротились на шхуну.

Селение состоит из плохих шалашей, с прочными соломенными крышами, которые, будучи несоразмерно более домов, одни только и видны с моря, что и заставило нас подумать, когда мы подходили к порту Гамильтон, что здесь есть многолюдные поселения. Шалаши разделены невысокими заборами из каменьев, и между ними оставлены узенькие улицы. Посреди селения бежит небольшой ручей с прекрасною водою. Тут можно небольшому судну, как наше, наливаться водою.

31 марта. Среда. День прекраснейший, ветер тот же от N, что и вчера, и мы тируем такелаж.

Поутру три корейца решились на нашей шлюпке приехать на шхуну, посидели в кают-компании минут десять очень покойно, но потом, вероятно, боязливое и чуткое ухо их различило что-нибудь грозное на берегу, и они вдруг начали проситься на берег с видимым страхом на лице. Покуда для них готовили нашу шлюпку, приехала за ними с берега их собственная, с каким-нибудь, вероятно, альгвазилом, потому что наши гости сели в свою лодку, поджавши хвост, и очень смиренно выслушивали сердитую рацею альгвазила, вероятно, нотацию за их дерзкое поползновение знакомиться с иноземцами.

Посланы были два матроса в селение нарвать по берегу речки крапивы для щей, и их не гоняли. Вечером отправлены на берег мастеровые ставить палатку для бани у ручья, а к полночи отправлено еще четыре человека для подсмены и топить баню в продолжение ночи. Полагая, что, может быть, туземцы начнут настаивать на том, чтобы на ночь наши люди не оставались, я послал с ними артиллерийского кондуктора и приказал держать в готовности сигнальную ракету, потому что со шхуны банного места не видать. У ракеты велено было держать часового с заряженным нахолосто мушкетоном. На шхуне же изготовлен был холостой пушечный выстрел в ответ на сигнальную ракету, и по этому выстрелу должна была немедленно изготовиться вооруженная партия в помощь банной. Все эти предосторожности оказались, однако, излишними, потому что никто ночью не трогал наших, и даже не было запрещено им рубить хворост для дров. На этом основании я хочу здесь же учредить и рабочую дачу, куда свезутся наши поросята и наша мастерская.

1 апреля. Четверг. Баня к рассвету поспела и команде я предоставил весь день на мытье. Русло ручья, у которого расположена баня, поросло густыми камелиями, и нет сомнения, что ветви их, так уважаемые в Петербурге, пойдут на банные веники для услаждения тела наших матросиков.

2 апреля. Пятница. Меня разбудили в 7 часу утра известием, что идет наш фрегат, который в 8 часов подошел ко входу на рейд, а в ½ 9-го он бросил якорь в северной части бухты. Выйдя из Камигвинской бухты,

он имел 12-дневный, довольно спокойный переход. После обеда пришел «Меншиков» с новостями из Шанхая и из Европы. Он входил в самый Янг-цзы-кианг. В Шанхае он встретил английские пароходы *«Рэттлер»* и *«Энкоунтер»* и американский корвет *«Плимут»*. Из Европы главная новость та, что англо-французский флот уже вошел в Черное море, покрейсировал там две недели и воротился в Босфор, оставив у турецких берегов эскадру из семи кораблей...

3 апреля. Суббота. Поутру гуляли с адмиралом в нашей деревне, а после обеда я с Унковским поехали на восточный остров, неудачно стреляли уток, пили чай на травке и смотрели на лов рыбы фрегатским неводом.

4 апреля. Воскресенье. День провели, как и вчера. Адмирал поехал кататься на катере с Посьетом, Пещуровым и Лосевым. В деревне они вышли на берег, но на обратном пути собралась довольно шумная кучка корейцев, которая начала грубить более обыкновенного. Дело обошлось не более, как толчками, но, разумеется, надо было пугнуть эту трусливую и блудливую шваль. Лишь только адмирал воротился, им послано было с фрегата 50 человек десанта с ружьями, под начальством Посьета и с тремя офицерами. С приближением десанта вся деревня разбежалась, так что поймано было не более четырех человек, из коих два седых старика. Стариков отпустили, а парням дали по несколько линьков. Посьет со своею умеренностью многое испортил относительно эффекта, какой могла бы произвести на туземцев высадка 50 вооруженных человек. Тактически распорядясь, можно бы изловить целую толпу и при ней серьезно наказать виновных.

6 апреля. Вторник. Адмирал хотел сняться с якоря в полдень, но отложил по случаю противного ветра. После полудня я попросил сигналом переменить якорное место, чтобы выйти на простор. Получив согласие, я в ½ 5 часа вечером снялся под парусами, но при тихом ветре шхуна долго не могла укатиться под ветер, а задний ход имела по обыкновению очень большой, так что паруса подействовали поздно и, только что взяв передний ход, шхуна прилегла всем лагом к прибрежной отмели у деревни. Тогда была малая вода, опасности повалиться на бок не предстояло, и мы немедленно приступили к завозам. Корейцы в этом случае выказали большую услужливость и примерное добродушие. Не успели мы еще закрепить паруса, как уже до пяти лодок подоспели к нам, предлагая свои завозы и услуги. Их деревянные якорьки, конечно, не могли нам служить, но они в ту же минуту завезли наш верп за корму и сами помогали тянуть завоз. Уже гораздо позже их поспел с фрегата катер с верпом и кабельтовым. Фрегатский верп брошен был в первый раз не чисто, и мы притащили его к себе; второй раз он завезен был удачнее и, кроме того, большая корей-

ская лодка завезла нам с носу плехт с цепью. Выбрав цепь, мы задержали нос, а двумя кормовыми сдернулись с отмели в 8 час. вечера, а потом, разведя пары, окончательно снялись в 1 час ночи и бросили якорь в двух кабельтовых от фрегата, на глубине 10 саж. Корейцы работали усердно и, разумеется, почти бескорыстно...

7 апреля. Среда. В 2 часа дня ветер отошел к NNW, пасмурность начала проясниваться, и мы снялись с якоря. «Меншиков», как подветренный, снялся первым, а я по сигналу вместе с фрегатом и, чтобы не помешать ему, снялся на тот же левый галс…

Морской сборник. 1896, № 6, с. 200–205

К. П(осьет)

ИЗ «ПИСЕМ С КРУГОЗЕМНОГО ПЛАВАНИЯ»

Китайское море, 25 мая (6 июня) 1854 года.

Давно, очень давно не писал вам с крайнего Востока. Причины были разные: бури, качка, тропический жар, неуверенность, что письма мои доходят, и досада, что не получаю ваших.

Мы направились вторично в Нагасаки. Из Японии мы пошли на Ликейские Острова или Острова Лучу — средняя группа из расположенных между Япониею и Филиппинскими островами; население — смесь японцев и китайцев. Патриархальная жизнь и мирные нравы. Остров Большой Лучу — огромнейший сад с селами и городом. На один из вопросов наших жителям: какое они употребляют оружие,— старшина, показав свой веер, сказал: «Вот наше оружие».

Мы были одни из самых первых, посетивших внутренность земли их; но все любопытное описание этого острова я должен отложить до следующего раза. Из Лучу отряд пошел на Филиппинские острова, в Манилу, чтобы запастись на зимнее время всем нужным. Из Манилы курс наш был на остров Батан и остров Камичуина, из группы Баши; опять Нагасаки и Корея, у берегов которой мы сделали открытия, шесть раз посещали их и даже углублялись вовнутрь.

Транспорт «Князь Меншиков». Тихий океан. 1 июня 1854 г.

На обратном пути к эскадре, исполнив поручение, данное мне адмиралом, мы третий день без ветра и в густом тумане, и, может быть, туман этот скрывает транспорт, с которого пишу, от близких неприятельских крейсеров[1]. Наконец туман сел, небо прояснило, и наступил прекрасный летний день.

Я видел в Корее землю, о которой едва ли в состоянии сказать кто-либо более. Но нельзя, говоря о земле, едва известной по одному очерку, избегнуть некоторых географических подробностей.

[1] В период Крымской войны Англии, Франции и их союзников против России (1853–1856) английский флот действовал на Дальнем Востоке (*прим. сост.*).

Из всех стран Азии, в продолжение веков избегавших иностранцев, в настоящее время, может быть, один только Тибет в той же степени заслуживает названия terra incognita, в какой прилично это название Корее. Закрытой, так сказать, Китаем и Япониею, главными представителями азиатской системы уединения, Корее легко было подражать им и казаться неприступною. Внутренность этого полуострова до сих пор посещена только немногими миссионерами и Гамелем, шкипером голландского судна, разбившегося в 1653 году на одном из ближайших к югу островов. Он был отведен в столицу Кин-ки и после тринадцатилетнего жестокого заключения бежал. Берега Кореи описаны немногими мореплавателями, и то поверхностно. На основании их карт и карт корейских географов, добытых миссионерами, изображена Корея на всех наших географических атласах.

Оставив в третий раз Нагасаки и имея свободное время, мы прошли с фрегатом весь восточный берег Кореи, от островков южного берега ее до малоизвестной реки Тю-манг-ганг, составляющей северную границу этого государства. Во время плавания мы восемь раз становились на якорь и открыли значительные неверности: весь берег должен быть восточнее, местами на целый градус; а в широте 39° 19' открыли превосходнейший порт, который назвали портом Лазарева.

Вдоль всего этого берега тянутся песчаные, бесплодные холмы, в два, три и даже четыре ряда, возведенные, подобно дюнам Голландии, морем и ветром... В глубине поднимаются утомительно однообразные горы, которые в немногих отличительных пиках доходят до высоты около восьми тысяч футов. Холмы, защищая средину от морских ветров, способствуют растительности, которою трудолюбивые корейцы пользуются в полной мере. Перейдя за первые холмы, мы большею частью встречали волнистую местность, исквадраченную полями, насколько глаз мог обнять. Вид этот оживляется небольшими кедровыми или лиственничными рощами, оставленными между полей и служащими местом погребения хозяев. Иногда для этой же цели среди обширных вспаханных полей вы видите небольшие оазисы, потому что главное имущество и любимое занятие корейца составляют его поля.

Корейцы вообще больше чем среднего роста, ширококостны, цвета темного; волосы у них черные, решительно у всех; черты грубые, скулы монгольские, поднятые, глаза маленькие. Последние у корейцев иногда с косою прорезью. Весь берег густо заселен, и южная его половина имеет на каждой версте по деревне. Как китаец непременно в синей китайке, так кореец и на юге и на севере в белой холстинке. Короткий и неполный халат с широкими рукавами, при мешковатых, широких брюках на вате, которые

перевязываются на коротких чулках, над самою ступнею, и соломенные башмаки — вот постоянная одежда простого корейца. Рубашек простой народ не носит. Чиновники ходят в голубых халатах, и чем кто старше, тем рукава шире. Я набрал целую коллекцию шляп: китайскую, батанскую, сингапурскую и проч., и всех оригинальнее и глупее из них корейская: она плетенная как будто из черных волос, с прямыми полями, которых диаметр два фута; на голову не находит и удерживается только повязкой; будучи вся ажурная, она не защищает ни от солнца, ни от дождя, и в последнем случае на нее закидывается род зонтика из напитанной маслом бумаги. Волос мужчины не стригут, зачесывают их кверху и на темени собирают в короткий стоячий пучок, который и входит в дно шляпы.

Женщины белее мужчин и, сколько можно было видеть на расстоянии, на котором они нам показывались, некоторые имели приятное выражение глаз, при румяных щечках (большая редкость между азиатками), и вообще, отдаленное сходство с татарками. Волосы они тоже расчесывают пробором и, не заплетая кос, убирают последние от затылка до ушей, так что кажется издали, будто бы на голове полувенок. Варварское обыкновение, по которому женщин заставляют носить на голове различные тяжести, вероятно, причиною такой прически... Одеваются кореянки довольно небрежно: короткая белая курточка не доходит до пояса и обыкновенно имеет одну только верхнюю застежку; сверх брюк, подобно мужским, носится у них, как у наших малороссиянок или как у тагалок на Филиппинских островах, широкая простыня в виде юбки. Сорочек они тоже не употребляют, и потому, при коротких, можно сказать, половинных куртках, темное их тело не все покрыто. Грудных своих детей они носят, как тагалки, ликеянки и сахалинские аники, на спине. Посадив ребенка верхом на поясе, они подхватывают его холстинною перевязью, вроде полотенца, которое берут через плечо... Корейцы неженатые носят, как китайцы, длинную косу, висящую вдоль спины. Борода у них в большом уважении, потому что едва-едва растет.

В сравнении с китайцами и японцами, корейцев можно назвать необразованными, а в сравнении с европейцами — полудикими. Когда в одной деревне увидели, что перевязки, сделанные нашим доктором двум мальчикам с золотушными глазами, облегчили их зрение, то кривой старшина, у которого одного зрачка совсем не было видно, тоже стал просить перевязки, также хотел, чтоб и ему непременно пощупали пульс и чего-либо дали внутрь. Корейцы нравственнее своих соседей, особенно японцев, но хлебную свою водку страстно любят, и этот порок у народа, не бывшего в сношениях с европейцами, может служить нам доказательством, что жители Полинезии и других стран сами дошли бы до этой пагубной

привычки, без содействия гостей из Старого Света. Воровство у них, как у всех диких и полудиких,— весьма обыкновенный порок; и прежде, нежели мы их узнали покороче, пропал не один платок из кармана, ложка при поездах с самоварами и т. п. Впрочем, эти поступки нельзя столько приписать самому пороку, сколько непреодолимой их жадности иметь что-либо от тех, на которых они смотрят как на людей другого мира. До некоторых внутренних мест Кореи вряд ли доходит и слух, что на земле есть другие люди. Во все время нашего плавания вдоль берегов, на горах жгли огни для извещения ближайшего начальства о приближении *черного* корабля; и когда мы раз спросили корейцев, для чего они уничтожают напрасно столько лесу, то получили в ответ: «Дети играли в лесу и заронили искры». Когда мы просили их продать нам рогатый скот, корейцы отвечали, что как быки, так и коровы им необходимы для обработки полей и что такое полезное животное грешно убивать. Когда мы требовали кур, то они наивно отвечали, что этот род пернатых им необходим для указания времени. Несмотря на это, мы везде встречали самый радушный прием и удивлялись такой перемене. В порте Лазарева мы стояли трое суток и поднимались по реке верст на двадцать. Селения здесь из низких, соломою покрытых изб; поля тщательно обработаны то по чернозему, то по красноватому песку.

Мы доехали до города или большой деревни и имели оригинальное свидание с начальником его. Зная из опыта докучливость любопытных и дерзких корейцев, мы остановились для закуски на маленьком островке. Корейцев собралось вскоре по обоим берегам до семисот человек, и многие пытались переходить к нам, кто вброд, кто вплавь, но были обращаемы назад гребцами нашими, которые сторожили берег острова. Вскоре мы увидели, что из города потянулась к нам целая процессия. Впереди на лошадке начальник города, весь в синем и в большой своей шляпе; по сторонам его несли четыре фляжки и знамя вроде большого плоского зонтика; за ним: сперва шесть человек музыкантов с пискучими кларнетами и пастушьими трубами да два барабана вроде бубен и наконец, толпа человек в тысячу. Когда он приблизился к берегу реки, адмирал послал меня с переводчиком китайского языка пригласить его на наш островок. Мы переехали на гичке, и когда взошли на берег, народ раздался, и мы увидели старичка с редкою длинною бородою, с умным, но мнительным лицом. Он сидел на волчьем меху, постланном прямо на землю, и окруженный низенькою ширмою, вплоть к которой придвинулась толпа. Перед ним лежали его соломенные башмаки, трубка и табачный кисет, тушь и кисть для письма, и веер. Мы присели тоже на землю, протянули по очереди ему руки, с которыми он не знал сначала, что делать,

и начали приглашение. Прежде чем ответил, он спросил: «Какая цель привела нас с большего моря так далеко внутрь земли?» Мы отвечали, что любопытствуем видеть чужие земли; что имели бумагу к их правительству, которую отдали в селении при устье реки, и повторили приглашение. Когда он поднялся, раздирающая уши музыка опять зашумела. Надобно было видеть его любопытство и страх, когда он сидел на гичке. Адмирал обласкал его и угостил всем лучшим, что было у нас с собою. На вопросы, которые ему делали, он отвечал неопределительно, боясь, конечно, сказать что-либо лишнее. Наконец, ему предложили в подарок кусок синего сукна. Он сказал, что хотя и желал бы иметь одежду из такой материи, но не смеет принять подарка. В продолжение этого времени толпа все увеличивалась и, несмотря на присутствие начальника, все рвалась к нам. Наконец, мы стали собираться, и старик, вместе с другими старшинами, отправился обратно вброд, верхом на своих корейцах, не желая нас задерживать перевозкою его персоны.

На следующий день он обещал быть на фрегате, но не приехал. Когда мы тронулись вниз по реке, половина толпы пустилась провожать нас по обоим берегам и бежала несколько верст...

К. П.

Отечественные записки. 1855. Т. 19. № 4, с. 123–127

И.А. Гончаров

БЕРЕГА КОРЕИ

4-е апреля (1854 г.). Наконец, 2-го апреля, пришли и на Гамильтон. Шхуна была уж там, а транспорта, который послан в Шанхай, еще нет. Я вышел на ют, когда стали становиться на якорь, и смотрел на берег. Порт, говорят наши моряки, очень удобный, а берегов почти нет. Островишка весь три мили, скалистый, в каменьях, с тощими кое-где кустиками и реденькими группами деревьев. «Это всё камелии,— сказал К[орсаков], командир шхуны,— матросы камелиями парятся в бане, устроенной на берегу». Некоторые из наших тотчас поехали на берег. Я видел его издали — не заманчиво, и я не торопился на него. Кое-где над сонными водами маленьких бухт жались в кучу хижины корейцев. Видны были только соломенные крыши, да изредка кое-где бродили жители, все в белом, как в саванах. Наконец нам довелось увидеть и этот последний, принадлежащий к крайне восточному циклу народ.

Корею, в политическом отношении, можно было бы назвать самостоятельным государством; она управляется своим государем, имеет свои постановления, свой язык: но государи ее, достоинством равные степени королей, утверждаются на престоле китайским богдыханом. Этим утверждением только и выражается зависимость Кореи от Китая, да разве еще тем, что из Кореи ездят до двухсот человек ежегодно в Китай поздравить богдыхана с новым годом. Это похоже на зависимость отделенного сына, живущего своим домом, от дома отца. К сожалению, до сих пор мало сведений о внутреннем состоянии и управлении Кореи, о богатстве и произведениях страны, о нравах и обычаях жителей. О[тец] А[ввакум][1] сказывал мне только, что обычай утверждения корейского короля китайским богдыханом до сих пор соблюдается свято. Посланные из Кореи являются в Пекин с подарками и с просьбой утвердить нового государя.

[1] Честной Д.С. (в монашестве Аввакум) – китаевед, начальник Российской духовной миссии в Пекине (*прим. сост.*).

Богдыхан обыкновенно утверждает и, приняв подарки, отдаривает посланных гораздо щедрее. Впрочем, он не впутывается в их дела. Когда однажды корейское правительство донесло китайскому, что оно велело прибывшим к берегам Кореи каким-то европейским судам, кажется английским, удалиться, в подражание тому, как поступило с этими же судами китайское правительство, богдыхан приказал объявить корейцам, что «ему дела до них нет и чтобы они распоряжались, как хотят».

Еще известно, что китайцы и корейцы уговорились оставить некоторое количество земель между обоими государствами незаселенными, чтоб избежать близкого между собою соседства и вместе с тем всяких поводов к неприятным столкновениям и несогласиям обоих народов.

Когда наша шлюпка направилась от фрегата к берегу, мы увидели, что из деревни бросилось бежать множество женщин и детей к горам, со всеми признаками боязни. При выходе на берег мужчины толпой старались не подпускать наших к деревне, удерживая за руки и за полы. Но им написали по-китайски, что женщины могут быть покойны, что русские съехали затем только, чтоб посмотреть берег и погулять. Корейцы уже не мешали ходить, но только старались удалить наших от деревни.

Через час наши воротились и привезли с собой двух стариков, по-видимому, старшин. За ними вслед приехала корейская лодка, похожая на японскую, только без разрубленной кормы, с другими тремя или четырьмя стариками и множеством простого, босоногого, нечесаного и неопрятного народа. И простой, и непростой народ — все были одеты в белые бумажные, или травяные (grasscloth), широкие халаты, под которыми надеты были другие, заменявшие белье; кроме того, на всех надето было что-то вроде шаровар из тех же материй, как халаты, у высших белые и чистые, а у низших белые, но грязные. На некоторых, впрочем, немногих, были светло-желтые или синие халаты.

Сандалии у них похожи на японские, у одних тростниковые или соломенные, у других бумажные. Всего замечательнее головной убор. Волосы они зачесывают, как ликейцы, со всех сторон кверху в один пучок, на который надевают шляпу. Что за шляпа! Тулья у ней так мала, что только и покрывает пучок, зато поля широки, как зонтик. Шляпы делаются из какого-то тростника, сплетенного мелко, как волос, и в самом деле похожи на волосяные, тем более что они черные. Трудно догадаться, зачем им эти шляпы? Они прозрачны, не защищают головы ни от дождя, ни от солнца, ни от пыли. Впрочем, много шляп и других форм и видов: есть и мочальные, и колпаки из морских растений.

Я очень пристально вглядывался в лица наших гостей: как хотите, а это всё дети одного семейства, то есть китайцы, японцы, корейцы и ликейцы.

Китайское семейство, как старшее и более многочисленное, играет между ними первенствующую роль. Ошибиться в этом сходстве трудно. Тогда как при первом взгляде на малайцев, например, ни за что не причтешь их к одному племени с этими четырьмя народами. Корейцы более похожи на ликейцев, но только те малы, а эти, напротив, очень крупной породы. Они носят бороду; она у них большею частью длинная и жесткая, как будто из конского волоса; у одних она покрывает щеки и всю нижнюю часть лица; у других, напротив, растет на самом подбородке. Многие носят большие очки в медной оправе, с тесемкой вокруг головы. Кажется, они носят их не от близорукости, а от глазной болезни. В толпе я заметил множество страждущих глазами.

В 1786 году появилось в Едо сочинение японца *Ринсифе,* под заглавием: *Главное обозрение трех царств,* ближайших к Японии — *Кореи, Лю-цю* (Лю-чу) и *Есо* (Матсмая). Клапрот как-то достал сочинение, обогатил разными прибавлениями из китайских географий и перевел на французский язык. Между прочим, там о корейцах сказано: «Корейцы роста высокого и сложения гораздо крепче японцев и китайцев и других народов. Замечено, что кореец ест вдвое больше японца. Корейцы отличаются лукавством, леностью, упрямством и не любят *усилий».*

Гостей посадили за стол и стали потчевать чаем, хлебом, сухарями и ромом. Потом завязалась с ними живая, письменная беседа на китайском языке. Они так проворно писали, что глаза не поспевали следить за кистью.

Прежде всего, они спросили, какие мы варвары, северные или южные? А мы им написали, чтоб они привезли нам кур, зелени, рыбы, а у нас взяли бы деньги за это или же ром, полотно и тому подобные предметы. Старик взял эту записку, надулся, как петух, и с комическою важностью, с амфазом, нараспев, начал декламировать написанное. Это отчасти напоминало мерное пение наших нищих о Лазаре. Потом, прочитав, старик написал по-китайски в ответ, что *«почтенных* кур у них нет». А неправда: наши видели кур.

Прочие между тем ели хлеб и пили чай. Один пальцем полез в масло, другой, откусив кусочек хлеба, совал остаток кому-нибудь из нас в рот. Третий выпил две рюмки голого рома, одну за другою, и не поморщился. Прочие трогали нас за платье, за белье, за сапоги, гладили рукой сукно, которое, по-видимому, очень нравилось им. Особенно обратили они внимание на белизну нашей кожи. Они брали нас за руки и не могли отвести от них глаз, хотя у самих руки были слегка смуглы и даже чисты, то есть у высшего класса. У простого, рабочего народа — другое дело: как везде.

Старику повторили, что мы не даром хотим взять провизию, а вот за такие-то вещи. Он прочитал опять название этих вещей, поглядел на нас

немного, потом сказал: «пудди». Что это значит: нельзя? не хочу? Его попросили написать слово это по-китайски. Он написал: вышло «не знаю». Думали, что он не понял, и показали ему кусок коленкора, ром, сухари: «пудди, пудди»,— твердил он. Обратились к другому, бойкому и рябому корейцу, который с удивительным проворством писал по-китайски. Он прочитал записку и, сосчитав пальцем все слова в записке, которыми означались материя, хлеб, водка, сказал: «пудди».

Передали записку третьему. «Пудди, пудди»,— твердил тот задумчиво. О[тец] А[ввакум] пустился в новые объяснения: старик долго и внимательно слушал, потом вдруг живо замахал рукой, как будто догадался, в чем дело. «Ну, понял, наконец»,— обрадовались мы. Старик взял о. А. за рукав и, схватив кисть, опять написал «пудди». «Ну, видно, не хотят дать»,— решили мы и больше к ним уже не приставали.

Вообще они грубее видом и приемами японцев и ликейцев, несмотря на то, что у всех одна цивилизация — китайская. Впрочем, мы в Корее не видали людей высшего класса. Говоря о быте этих народов, упомяну мимоходом, между прочим, о существенной разнице во внутреннем убранстве домов китайских с домами прочих трех народов. Китайцы в домах у себя имеют мебель, столы, кресла, постели, табуреты, скамеечки и проч., тогда как прочие три народа сидят и обедают на полу. Оттого эти, чтоб не запачкать пола, который служит им вместе и столом, при входе в комнаты снимают туфли, а китайцы нет.

Корейцы увидели образ Спасителя в каюте; и когда, на вопрос их, «кто это», успели кое-как отвечать им, они встали с мест своих и начали низко и благоговейно кланяться образу. Между тем набралось на фрегат около ста человек корейцев, так что принуждены были больше не пускать. Долго просидели они и, наконец, уехали.

Довольно бы и этого. Однако нужно было хоть раз съездить на берег, ступить ногой на корейскую землю. Вчера нас человек шесть, семь отправились в катере к одной из деревень. У двоих из нас были ружья стрелять птиц, третий взял пару пистолетов. На берегу густая толпа сжалась около нас, стараясь отклонить от деревни. Но мы легко раздвинули их, дав знать, что цель наша была только пройти через деревню в поля, на холмы. Видя, что с нами нечего делать, они предпочли вести нас добровольно, нежели предоставить нам бродить, где вздумается. Мы все хотели идти внутрь села, а они вели нас по окраинам. Впрочем, у нас у самих тотчас же пропала охота углубляться в улицы, шириною в два шага.

Мы шли между двух заборов, грубо сложенных из неровных камней, без всякого цемента. Из-за заборов видны были только соломенные крыши и больше ничего. Какая разница в этих заборах с постройками этого рода

у ликейцев! Там тщательность, терпение, порядок и искусство; здесь лень, небрежность и неуменье. Должно быть, корейцы в самом деле не любят «усилий». Когда мы пытались заглянуть за забор или входили в ворота — какой шум поднимали корейцы! Они даже удерживали нас за полы, а иногда и толкали довольно грубо. Но за это их били по рукам, и они тотчас же смирялись и походили на собак, которые идут сзади прохожих, сгорая желанием укусить, да не смеют.

Они успокоились, когда мы вышли через узенькие переулки в поле и стали подниматься на холмы. Большая часть последовала за нами. Они стали тут очень услужливы, указывали удобные тропинки, рвали нам цветы, показывали хорошие виды.

Мы шли по полям, засеянным пшеницей и ячменем; кое-где, но очень мало, виден был рис да кусты камелий, а то все утесы и камни. Все обнажено и смотрит бедно и печально. Немудрено, что жители не могли дать нам провизии: едва ли у них столько было у самих, чтоб не умереть с голоду. Они мочат и едят морскую капусту, выбрасываемую приливом, также ракушки. Сегодня привезли нам десятка два рыб, четыре бочонка воды, да старик вынул из-за пазухи сверток бумаги с сушеными трепангами (род морских слизняков, с шишками). Ему подарили кусок синей бумажной материи и примочку для сына, у которого болят глаза.

Погуляв по северной стороне островка, где есть две красивые, как два озера, бухты, обсаженные деревьями, мы воротились в село. Охотники наши застрелили дорогой три или четыре птицы. В селе на берегу разостланы были циновки; на них сидели два старика, бывшие уже у нас, и пригласили сесть и нас. Почти все жители села сбежались смотреть на редких гостей.

Они опять подробно осматривали нас, трогали платье, волосы, кожу на руках; с меня сняли ботинки, осмотрели их, потом чулки, зонтик, фуражку. Разговор шел по-китайски, письменно, чрез о[тца] А[ввакума] и Г[ошкевича]. «Сколько вам лет?» — спрашивали они кого-нибудь из наших. «Лет 30–40»,— отвечали им. «Помилуйте,— заговорили они,— мы думали, вам лет 60 или 70». Это крайне восточный комплимент. «Вам должно быть лет 80, вы мне годитесь в отцы и в деды»,— сказать так, значит польстить. Они, между прочим, спросили, долго ли мы останемся. «Если долго,— сказали они,— то мы, по закону нашей страны, обязаны угостить вас, от имени правительства, обедом». Совершенно как у японцев; но им отвечали, что чрез два дня мы уйдем и потому угощения их принять не можем.

В толпе я видел одного корейца, с четками в руках: кажется, буддийский бонз. На голове у него мочальная шапка.

5-е апреля. Вчера случилась маленькая неприятность. Трое из наших отправились на берег. Толпа корейцев окружила их и не пускала идти от берега далее. Они грозили им и даже толкали их в ров. Наши воротились на фрегат, но отправились обратно уже в сопровождении вооруженных матросов; надо было прибегнуть к мерам строгости. Сегодня старик приехал рано утром и написал предлинное извинение, говоря, что он огорчен случившимся; жалеет, что мы не можем указать виновных, что их бы наказали весьма строго; просил не сердиться и оправдывался незнанием корейцев о том, что делается «внутри четырех морей», то есть на белом свете. Его и товарищей, бывших с ним, угостили чаем, водкой и сухарями и простились с ними надолго, если не навсегда.

В самом деле, им неоткуда знать, что делается «внутри четырех морей». Европейцы почти не посещали Корею. Последний был здесь Бельчер, кажется в 1842 году. Это отважный путешественник и бойкий писатель: он живо описывает свои путешествия. Он два раза обошел вокруг земли и теперь странствует в полярных странах. Путешествия его — ряд приключений, одно занимательнее другого. Чего с ним не было? Никто столько не выдерживал штормов; в ураган он должен был срубить в Гон-Конге мачты; где-то на Борнео его положило на бок, и он, недели в три, без посторонней помощи, встал опять. Это настоящий морской волк. Кроме того, он увлекательно рассказывает свои приключения. Он всюду совался с своим фрегатом; между прочим, заходил и в Корею, описал островок Гамильтон, был на соседнем большом острове Квельпарт, где, говорит он, есть города, крепости и большое народонаселение. Кругом нас по горизонту везде разбросаны острова. Корейский архипелаг неисчислим. Корея еще представляет обширную, почти нетронутую почву для мореходцев, купцов, миссионеров и ученых…

18-е. Прошли остров Чу-сима. С него в хорошую погоду видно и на корейский и на японский берега. Кое-где плавали рыбацкие лодчонки, больше ничего не видать; нет жизни, все мертво на этих водах. Японцы говорят, что корейцы редко, только случайно, заходят к ним, с товарами или за товарами.

А какое бы раздолье для европейской торговли и мореплавания здесь, при этой близости Японии от Кореи и обеих стран от Шанхая! Корея от Японии отстоит где миль на сто, где дальше, к северу, на сто семьдесят пять, на двести, то есть на сто семьдесят пять, на триста и на триста пятьдесят верст, а от Японии до Шанхая семьсот с небольшим верст. Из Англии в Японию почта может ходить в два месяца, чрез Ост-Индию. Скоро ли же и эти страны свяжутся в одну цепь и будут посылать в Европу письма, товары и т. п.? Что за жизнь кипела бы тут, в этих заливах,

которыми изрезаны японские берега на Нипоне и на Чу-симе, дай только волю морским нациям!

Сегодня, 19-го, штиль вдруг превратился почти в шторм; сначала налетел от NO шквал, потом задул постоянный, свежий, а наконец и крепкий ветер, так что у марселей взяли четыре рифа. Качка сделалась какая-то странная, диагональная, очень неприятная: и привычных к морю немного укачало. Меня все-таки нет, но голова немного заболела, может быть, от этого. Вечером и ночью стало тише.

Вчера и сегодня, 20 и 21-го, мы шли верстах в двух от корейского полуострова; в 36° широты. На юте делали опись ему, а смотреть нечего: все пустынные берега, кое-где покрытые скудной травой и деревьями. Видны изредка деревни: там такие же хижины и так же жмутся в тесную кучу, как на Гамильтоне. Кое-где по берегу бродят жители. На море много лодок, должно быть, рыбацкие.

Часов в пять вечера стали на якорь в бухте. Говорят, карты корейского берега — а их всего одна или две — неверны. И в самом деле вдруг перед нами к северу вырос берег, а на карте его нет. Ночью признано неудобным идти далее у неизвестных берегов, и мы остановились до рассвета. Ветер был попутный к северу; погода теплая и солнечная. Один из наших катеров приставал к берегу: жители забегали, засуетились, как на Гамильтоне, и сделали такой же прием, то есть собрались толпой на берег, с дубьем, чтоб не пускать, и расступились, когда увидели у некоторых из наших ружья. Они написали на бумаге по-китайски: «Что за люди? какого государства, города, селения? куда идут?» На катере никто не знал по-китайски и написали им по-русски имя фрегата, год, месяц и число. Жители знаками спрашивали, не за водой ли мы пришли. Отвечали, что нет. Так и разошлись.

25-е. Корейский берег, да и только. Опись продолжается, мы уж в 39° широты; могли бы быть дальше, но ветра двое суток были противные и качали нас по-пустому на одном месте. Берега скрывались в тумане. Вчера вдруг показались опять.

Про Корею пишут, что, от сильных холодов зимой и от сильных жаров летом, она бесплодна и бедна. Кажется, так, по крайней мере берега подтверждают это как нельзя больше. Берег с 37° пошел гористый; вдали видны громады пиков, один другого выше, с такими сморщенными лбами, что смотреть грустно. По вершинам кое-где белеет снег или песок; ближайший к морю берег низмен, песчан, пуст; зелень — скудная трава; местами кусты; кое-где лепятся деревеньки; у берегов уныло скользят изредка лодки: верно, добывают дневное пропитание, ловят рыбу, трепангов, моллюсков.

Сегодня вдруг одна из лодок направилась к нам. На ней сидело человек семь корейцев, все в своих грязно-белых халатах, надетых на такие же куртки или камзолы. На всех были того же цвета шаровары на вате; один в шляпе. Издали мы заслышали их крики. Им дали знать, чтоб они вошли на палубу; но когда они вошли, то мы и не рады были посещению. Объясниться с ними было нельзя: они не умели ни говорить, ни писать по-китайски, да к тому же еще все пьяны. Матросы кучей окружили их и делали разные замечания, глядя на их халаты и собранные в пучок волосы. «Хуже Литвы!» — слышу я, говорит один матрос. «Чего Литвы: хуже черкес! — возразил другой,— этакая, подумаешь, нация!» Им дали сухарей, и они уехали. Один из них, уходя, обнял и поцеловал О. А. Г[ошкевича], который пробовал было объясниться с ними по-китайски. Мы засмеялись, а бедный Осип Антонович не знал, как стереть следы непрошеной нежности.

У нас идет деятельная поверка карты Броутона, путешествовавшего в конце прошлого столетия, вместе с Ванкувером, только на другом судне. Ванкувер описывал западные берега Америки, Броутон ходил у азиатского материка. Он разбился у островов Меджико-Сима, близ Ликейских островов, спасся и был хорошо принят жителями. Карта его неверна: беспрестанно надо поправлять, так что фигура Кореи должна значительно измениться против обыкновенно показываемой до сих пор на картах. Искали всё глубокой, показанной у Броутона бухты, но под той широтой, под которой она у него назначена, не нашли. Зато вчера, севернее против карты, открылся большой залив. Входя в него, не подозревали, до какой степени он велик. Он весь уставлен островками. По мере того как мы двигались, открывались все новые, меньшие заливы; глубина везде прекрасная. Войдя в средину залива, в шхеры, мы бросили якорь. Моря уже не видать: оно со всех сторон заперто берегами; от волнения безопасно, а бассейн огромный. Здесь поместятся целые военные и купеческие флоты. Со всех сторон глядят на нас мысы, там и сям видны маленькие побочные заливы, скалы и кое-где брошенные в одиночку голые камни. Все это немного похоже на Нагасаки, только берега не так зелены и не так унылы, как кажутся издали. Зелень, кажущаяся мили за две, за три скудным мохом, оказалась вблизи деревьями и кустами. Много зеленых посевов, кое-где деревеньки, то на скатах гор, то у отмелей, близ самых берегов.

Сегодня, часу в пятом, после обеда, мы впятером поехали на берег, взяли с собой самовар, невод и ружья. Наконец мы ступили на берег, на котором, вероятно, никогда не была нога европейца. Миссионерам сюда забираться было незачем: далеко и пусто. Броутон говорит или о другой бухте, или, если и заглянул сюда, то на берег, по-видимому, не выходил, иначе бы он определил его верно.

Шлюпка наша остановилась у подошвы высоких холмов, на песчаной отмели. Тут, на шестах, раскинуты были сети для рыбы; текла речка аршина в два шириною. Весь берег усеян раковинами. Кроме сосны, около деревень росли разные деревья, которых я до сих пор нигде еще не видал. У одного зелень была не зеленая, а пепельного цвета, у другого слишком зеленая, как у молодого лимонного дерева, потом были какие-то совсем голые деревья, с иссохшим серым стволом, с иссохшими сучьями, как у проклятой смоковницы, но на этом сером стволе и сучьях росли другие, посторонние кусты, самой свежей весенней зелени. Красиво, но и странно: неестественность, натяжка, точно нарумяненная и разряженная старуха!

К сожалению, с нами не было никого из наших любителей-натуралистов, и некого было спросить об этих деревьях. Мы шли по вязкому песку прилива к хижинам, которые видели под деревьями. Жители между тем собирались вдали толпой; четверо из них, и, между прочим, один старик, с длинным посохом, сели рядом на траве и, кажется, готовились к церемониальной встрече, к речам, приветствиям или чему-нибудь подобному. Все младенцы человечества любят напыщенность, декорации и ходули. Но мы, бегло взглянув на них и кивнув им головой, равнодушно прошли дальше по берегу, к деревне. Какими варварами и невежами сочли они нас! Они забыли всякую важность и бросились вслед за нами с криком и, по-видимому, с бранью, показывая знаками, чтоб мы не ходили к деревням; но мы и не хотели идти туда, а дошли только до горы, которая заграждала нам путь по берегу.

Мы видели, однако ж, что хижины были обмазаны глиной, не то, что в Гамильтоне; видно, зима не шутит здесь; а теперь пока было жарко так, что мы сняли сюртуки и шли в жилетах, но все нестерпимо, хотя солнце клонилось уже к западу. Корейцы шли за нами. Рослый, здоровый народ, атлеты, с грубыми, смугло-красными лицами и руками: без всякой изнеженности в манерах, без изысканности и вкрадчивости, как японцы, без робости, как ликейцы, и без смышлености, как китайцы. Славные солдаты вышли бы из них: а они заражены китайской ученостью и пишут стихи! О[тец] А[ввакум] написал им на бумажке по-китайски, что мы, русские, вышли на берег погулять и трогать у них ничего не будем. Один из них прочитал и сам написал вопрос: «Русские люди, за каким делом пришли вы в наши края, по воле ветров, на парусах? и все ли у вас здорово и благополучно? Мы люди низшие, второстепенные, видим, что вы особые, высшие люди». И все это в стихах.

Я ушел с б[ароном] К[риднером] вперед и не знаю, что им отвечали. Корейцы окружили нас тотчас, лишь только мы остановились. Они тоже, как жители Гамильтона, рассматривали с большим любопытством

наше платье, трогали за руки, за голову, за ноги и живо бормотали между собою.

Между тем наши закинули невод и поймали одну камбалу, одну морскую звезду и один трепанг. Вдруг подул сильный норд-вест и повеял таким холодом и так быстро сменил зной, что я едва успел надеть сюртук. Горы покрылись разорванными клочьями облаков, вода закипела, волны глухо зашумели.

Около нас во множестве летали по взморью огромные утки, красноносые кулики, чайки, голуби и много мелкой дичи. То там, то сям раздавались выстрелы, и к вечеру за ужином явилось лишнее и славное блюдо. Я подумывал, однако ж, как бы воротиться поскорее на фрегат: приготовлений к чаю никаких еще не было, а солнце уж закатывалось. У нас не было ничего, кроме сюртуков, а холод настал такой, что впору одеться в мех. По лугу паслись лошади, ростом с жеребят, между тем это не жеребята, а взрослые. Мы видели следы рогатого скота, колеи телег: видно, что корейцы домовитые люди.

Я пошел берегом к баркасу, который ушел за мыс, почти к морю, так что пришлось идти версты три. Вскоре ко мне присоединились б[арон] Ш[липенбах] и Г[ошкевич], у которого в сумке шевелилось что-то живое: уж он успел набрать всякой всячины; в руках он нес пучок цветов и травы.

Наконец завидели баркас и пришли, когда он подымал уже верп и готовился отвалить. Мы были по крайней мере верстах в трех от фрегата. Луна взошла, но туман был так силен, что фрегат то пропадал из глаз, то вдруг появлялся; не раз мы его совсем теряли из виду и тогда правили по звездам, но и те закрывались. Мы плыли в облаке, которое неслось с неимоверной быстротою, закрывая горы, берега, воду, наконец небо и луну. Сырость ужасная: фуражки и сюртуки были мокрые. На берегу мелькнул яркий огонь: упрямые товарищи наши остались пить чай.

Полтора часа тащились мы домой. С каким удовольствием уселись потом около чайного стола в каюте! Тут Г[ошкеви]чу торжественно принесли змею, такую большую, какой, за исключением удавов, мы не видали: аршина два длины и толстая. Она шевелилась в жестяном ящике; ее хотели пересадить оттуда в большую стеклянную банку со спиртом; она долго упрямилась, но когда выгнали, то и сами не рады были: она вдруг заскользила по полу, и ее поймали с трудом. Матрос нашел ее в кусте, на котором сидели еще аист и сорока. Зачем они собрались — неизвестно; может быть, разыгрывали какую-нибудь ненаписанную Крыловым басню.

28-е. Сегодня туман не позволил делать промеров и осматривать берега. Зато корейцев целая толпа у нас. Мне видно из своей каюты, какие лица

сделали они, когда у нас заиграла музыка. Один, услышав фортепиано в каюте, растянулся, от удивления, на полу.

С 1-го мая. *Японское море и берег Кореи.*

Наши съезжали всякий день для измерения глубины залива, а не то так поохотиться; поднимались по рекам внутрь, верст на двадцать, искали города. Я не участвовал в этих прогулках: путешествие — это книга; в ней останавливаешься на тех страницах, которые больше нравятся, а другие пробегаешь только для общей связи. «Как, новые, неисследованные места: да это находка! скоро совсем не будет таких мест»,— скажут мне. И слава Богу, что не будет. Скучно с этими детьми. Притом корейцы не совсем новость для нас. Я выше сказал, что они моральную сторону заняли у китайцев; не знаю, кто дал им вещественную. Увидишь одну, две деревни, одну, две толпы — увидишь и все: те же тесные кучи хижин, с вспаханными полями вокруг, те же белые, широкие халаты на всех, широкие скулы, носы, похожие на трефовый туз, и клочок как будто конских волос вместо бороды, да разинутые рты и тупые взгляды; пишут стихами, читают нараспев. На чем же тут долго останавливаться?

Если б еще можно было свободно проникнуть в города, посмотреть других жителей, их быт, а то не пускают. В природе нет никаких ярких особенностей: местность интересна настолько или *потолику,* сказал бы ученый путешественник, *поколику* она нова, как всякая новая местность.

Одну особенность заметил я у корейцев: на расспросы о положении их страны, городов они отвечают правду, охотно рассказывают, что они делают, чем занимаются. Они назвали залив, где мы стояли, по имени, также и все его берега, мысы, острова, деревни, сказали даже, что здесь родина их нынешнего короля; еще объявили, что южнее от них, на день езды, есть место, мимо которого мы уже прошли, большое и торговое, куда свозятся товары в государстве. «Какие же товары?» — спросили их. Хлеб, то есть пшеница, рис, потом металлы: железо, золото, серебро и много разных других продуктов.

Даже на наши вопросы, можно ли привезти к ним товары на обмен, они отвечали утвердительно. Сказали ли бы все это японцы, ликейцы, китайцы? — ни за что. Видно, корейцы еще не научены опытом, не жили внешнею жизнью и не успели выработать себе политики. Да лучше, если б и не выработали: скорее и легче переступили бы неизбежный шаг к сближению с европейцами и к перевоспитанию себя.

Впрочем, мы видели только поселян и земледельцев; высшие классы и правительство, конечно, имеют понятие о государственных сношениях, следовательно, и о политике: они сносятся же с китайцами, с японцами и с ликейцами. Образ европейских сношений и жизни, конечно, им изве-

стен. Здесь сказали нам жители, что о русских и о стране их они никогда не слыхивали. Мы не обиделись: они не слыхивали и об англичанах и о французах тоже. Да спросите у нас, в степи где-нибудь, любого мужика, много ли он знает об англичанах, испанцах или итальянцах? не мешает ли он их под общим именем немцев, как корейцы мешают все народы, кроме китайцев и японцев, под именем «варваров»? Впрочем, корейцы должны иметь понятие о нас, то есть не здешние поселяне, а правительство их. Корейцы бывают в Пекине: наши о[тец] А[ввакум] и Г[ошкевич] видали их там и даже, кажется, по просьбе их, что-то выписывали для них из России.

Здесь же нам сказали, что в корейской столице есть что-то вроде японского подворья, на котором живет до трехсот человек японцев; они торгуют своими товарами. А японцы каковы? На вопрос наш, торгуют ли они с корейцами, отвечали, что торгуют случайно, когда будто бы тех занесет бурей к их берегам.

Корейцы называют себя, или страну свою, *Чаосин* или *Чаусин,* а название Корея принадлежит одной из их старинных династий.

Мне кажется, всего бы удобнее завязывать сношения с ними теперь, когда они еще не закоренели в недоверчивости к европейцам и не заперлись от них и когда правительство не приняло сильных мер против иностранцев и их торговли. А народ очень склонен к мене. Как они бросились на стеклянную посуду, на медные пуговицы, на фарфор — на все, что видели! На наши суконные сюртуки у них так и разбегались глаза; они гладили сукно, трогали сапоги. За пустую бутылку охотно отдавали свои огромные тростниковые шляпы. Все у нас наменяли этих шляп. Вон Фаддеев и мне выменял одну, как я ни упрашивал его не делать этого, и повесил в каюте. «У всех господ есть, у в[ашего] в[ысокоблагородия] только нет»,— упрямо отвечал он и повесил шляпу на гвоздь. Она заняла целую стену. Наменяли тоже множество трубок медных, с чубуками из тростника. Больше им нечего менять. Требовали от них провизии, но они, подумав, опять попотчевали своим *һудди* и привезли только трех петухов, но ни быков, ни баранов, ни свиней.

Третьего дня наши ездили в речку и видели там какого-то начальника, который приехал верхом, с музыкантами. Его потчевали чаем, хотели подарить сукна, но он, поблагодарив, отказался, сказав, что не смеет принять без разрешения высшего начальства, что у них законы строги и по этим законам не должно брать подарков.

Толпа сменяла другую с утра до вечера, пока мы стояли на якоре. Как еще дети натуры, с примесью значительной дозы дикости, они не могли не взглянуть и враждебно на новых пришельцев, что и случилось. Третьего дня вечером корейцы собрались толпой на скале, около которой один из

наших измерял глубину, и стали кидать каменья в шлюпку. По ним выстрелили холостым зарядом, но они, по-видимому, мало имеют понятия об огнестрельном оружии. Утром вчера послали в ближайшую к этой скале деревню бумагу, с требованием объяснения. Они вечером прислали ответ, в котором просили извинения, сказали, что кидали каменья мальчишки, «у которых нет смысла». Это неправда: мальчишки эти были вершков четырнадцати ростом, с бородой, с волосами, собранными в густой пучок на маковке, а мальчишки у них ходят, как наши девчонки, с косой и пробором среди головы.

Только лишь прочли этот ответ, как вдруг воротилась партия наших из поездки в реку, верст за десять. Все они были очень взволнованы: им грозила большая опасность. На одном берегу собралось множество народа; некоторые просили знаками наших пристать, показывая какую-то бумагу, и когда они пристали, то корейцы бумаги не дали, а привели одного мужчину, положили его на землю и начали бить какой-то палкой в виде лопатки. После этого положили точно так же и того, который бил лопаткою, и стали бить и его. Наши нашли эту комедию очень глупой и пошли прочь; тогда один из битых бросился за ними, схватил одного из матросов и потащил в толпу. Там его стали было тащить в разные стороны, но матросы бросились и отбили. Корейцы стали нападать и на этих, но они с такою силою, ловкостью и яростью схватили несколько человек и такую задали им потасовку, что прочие отступили. Когда наши стали садиться в катер, корейцы начали бросать каменья и свинчатки и некоторых ушибли до крови; тогда в них выстрелили дробью, которая назначалась для дичи, и, кажется, одного ранили. Этим несколько остановили нападение, но корейцы продолжали бросать каменья, пока наши успели отвалить.

На другой день рано утром отправлен был баркас и катера, с вооруженными людьми, к тому месту, где это случилось. Из деревни все выбрались вон, с женами и с имуществом; остались только старики. Их-то и надо было. От них потребовали объяснения о случившемся. Старики, с поклонами, объяснили, что несколько негодяев смутили толпу и что они, старшие, не могли унять и просили, чтобы на них не взыскали, «отцы за детей не отвечают» и т. п. Они прибавили еще, что виновные ранены, и один даже будто бы смертельно — и уже тем наказаны. Делать с ними нечего, но положено отдать в первом месте, где мы остановимся, для отсылки в их столицу, бумагу о случившемся.

Сегодня, часу во втором пополудни, мы снялись с якоря и вот теперь покачиваемся легонько в море. Ночь лунная, но холодная, хоть бы и в России впору.

Я забыл сказать, что большой залив, который мы только что покинули, описав его подробно, назвали, в честь покойного адмирала Лазарева, его именем.

5 мая. *Японское море; Корейский берег.* Мы только что сегодня вступили в 41° широты, и то двинул нас внезапно подувший попутный ветер. Идем всё подле берега; опись продолжается. Корея кончается в 43 градуса. Там начинается маньчжурский берег. Сегодня, с кочующих по морю лодок, опять набралась на фрегат куча корейцев. Я не выходил; ко мне в каюту заглянули две-три косматые головы и смугло-желтые лица. Крику, шуму! Когда у нас все четыреста человек матросов в действии, наверху такого шуму нет. Один украл у П[осьета] серебряную ложку и спрятал в свои широкие панталоны. Ложку отняли, а вора за чуб вывели из каюты.

После обеда я смотрел на берега, мимо которых мы шли: крутые, обрывистые скалы, все из базальта, громадами теснятся одна над другой. Обрывисто, круто. Горе плавателям, которые разобьются тут: спасения нет. Если и достигнешь берега, влезть на него все равно, что на гладкую, отвесную стену. Нигде не видать ни жилья, ни леса. Бледная зелень кое-где покрывает крутые ребра гор. Берег вдруг заворотил к W, и мы держим вслед за изгибами. Скоро должна быть пограничная с Маньчжуриею река Тамань или Тюймэн или Тай-мень, что-то такое.

Часа два назад, около полуночи, К[риднер] вдруг позвал меня на ют послушать, *как дышит кит.* «Я, кроме скрипа снастей, ничего не слышу»,— сказал я, послушавши немного. «Погодите, погодите... слышите?» — сказал он. «Право, нет; это манильские травяные снасти с музыкой...» Но в это время вдруг под самой кормой раздалось густое, тяжелое и продолжительное дыхание, как будто рядом с нами шел паровоз. «Что, слышите?» — сказал К[риднер]. «Да; только неужели это кит?..» Вдруг опять вздох, еще сильнее, раздался внизу, прямо под нашими ногами. «Что это такое, не знаешь ли ты?» — спросил я моего фаворита, сигнальщика Федорова, который стоял тут же. «Это не кит,— отвечал он,— это все водяные: их тут много!..» — прибавил он, с пренебрежением махнул рукой на бездну и, повернувшись к ней спиной, сам вздохнул немного легче кита.

9-е мая. Наконец отыскали и пограничную реку *Тай-маньга;* мы остановились миль за шесть от нее. Наши вчера целый день ездили промерять и описывать ее. Говорят, что это широкая, версты в две с половиной, река, с удобным фарватером…

Не без удовольствия простимся мы не сегодня, так завтра с Кореей. Уж наши видели пограничную стражу на противоположном от Кореи берегу реки. Тут начинается Маньчжурия, и берег с этих мест исследован Лаперузом.

Кто знает что-нибудь о Корее? Только одни китайцы занимаются отчасти ею, то есть берут с нее годичную дань, да еще японцы ведут небольшую торговлю с нею; а между тем посмотрите, что отец Иакинф рассказывает во 2-й части статистического описания Маньчжурии, Монголии и проч. об этой земле, занимающей 8° по меридиану.

Корейское государство, или *Чао-сян,* формировалось в эпоху троян, первобытных греков. Здесь разыгрывались свои Илиады, были Аяксы, Гекторы, Ахиллесы. За Гомером дела никогда не станет. Я уже сказал, какие охотники корейцы сочинять стихи. Даже одна корейская королева, покорив соседнюю область, сама сочинила оду на это событие и послала ко двору китайского богдыхана, который, пишет о. Иакинф, был этим *очень доволен.* Только имена здешних Агамемнонов и Гекторов никак не пришлись бы в наши стихи, а впрочем, попробуйте: Вэй-мань, Цицзы, Вэй-ю-цюй и т. д. Город, вроде Илиона, называли Пьхин-сян.

Но это все темные времена корейской истории; она проясняется немного с третьего века по Р. X. Первобытные жители в ней были одних племен с маньчжурами, которых сибиряки называют тунгусами. К ним присоединились китайские выходцы. После Р. X. один из тунгус, *Гао,* основал царство *Гао-ли.*

О. Иакинф говорит, что европейцы это имя как-то ухитрились переделать в *Корею.* Это правдоподобно. До сих пор жители многие островов Восточного океана, в том числе японцы, канаки (на Сандвичевых островах) и ликейцы, букву *л* заменяют буквой *р.* Одни называют японскую и китайскую милю *ли,* другие — *ри;* одни Ликейские острова зовут *Лиу-киу,* другие — *Риу-киу,* третьи, наконец, *Руку; Гонолюлю* многие зовут и пишут *Гоноруру.* Отчего ж не переделать Гао-ли в Ко-ри? И в переделке этой виноваты не европейцы, а сами же корейцы. Когда я при них произнес *Корея,* они толпой повторили *Кори, Кори!* и тут же, чрез о[тца] А[ввакума] объяснили, что это имя их древнего королевского дома. Поэтому вся переделка европейцев состоит в том, что они из *Ко-ри* сделали *Корея.* Да много ли тут оставалось сделать?

По основании царства Гао-ли судьба, в виде китайцев, японцев, монголов, пошла играть им, то есть покорять, разорять, низвергать старые и утверждать новые династии. Корейские короли, не имея довольно силы бороться с судьбой, предпочли добровольно подчиниться китайской державе. Китайцы то сделают Корею своею областью, то посовестятся и восстановят опять ее самостоятельность. А когда на Китай, в V веке, хлынули монголы, корейцы покорились и им. Иногда же они вдруг обидятся и вздумают отделиться от Китая, но не надолго: китайцы или покорят их, или они сами же опять попросят взять себя в опеку.

За эту покорность и признание старшинства Китая китайцы наградили данников своими познаниями, отчасти языком, так что корейцы пишут, чуть что поважнее и поученее, китайским, а что попроще — своим языком. Я видел их книги: письмена не такие кудрявые и сложные, как у китайцев. Далее китайцы наградили их изделиями своих мануфактур и искусством писать стихи. Иногда случалось даже так, что китайцы покровительствовали корейцам и в то же время не мешали брать с них дань монголам и тунгусам. Наконец, в исходе XIV века, вступил на престол дом *Ли*, который царствует и теперь, платя дань или посылая подарки маньчжурской, царствующей в Китае династии.

Корея разделяется на восемь областей или *дорог*, по сказанию о. Иакинфа. Пощажу ваш слух от названий; если полюбопытствуете, загляните сами в книгу знаменитого синолога. Читая эти страницы, испещренные названиями какого-то птичьего языка, исполненные этнографических, географических, филологических данных о крае, известном нам только по имени, благоговею перед всесокрушающею любознательностью и громадным терпением ученого отца и робко краду у него вышеприведенные отрывочные сведения о Корее…

Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». М. 1976, с. 463–467, 475–483

Ф.И. Бабков

О РАЗГРАНИЧЕНИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КОРЕЕЙ

...27 июля (1861 г.), после продолжительного отсутствия, прибыл в наш лагерь капитан Турбин[1]. Оказалось, что его задержали шедшие в течение целого месяца дожди, которые останавливали съемку и растворили почву до такой степени, что движение вьюков сделалось до крайности затруднительным. Две лошади пали от изнурения, а третья была разорвана тигром в виду бивака. Наши люди, сибиряки, были более привычны к преодолению местных препятствий, но китайцам это казалось чем-то ужасным. Так, при виде громадных утесов, сдавивших р. Малый Суйфун в узкую и мрачную щель, китайцы отказались идти далее, и, когда одна из наших передовых лошадей сорвалась с утеса и упала в реку, они решительно объявили, что не пойдут далее и предложили поставить пограничный знак на берегу р. Суйфуна. Кончилось тем, что лошади китайцев были проведены в поводу нашими солдатами через утесы. Вообще, подобные случаи почти ежедневных столкновений с предрассудками, привычками и отсталыми понятиями китайцев весьма замедляли дело постановки границы. К тому же старший китайский чиновник Цзи пришел в совершенное изнурение от неумеренного употребления опиума и просил отпустить его в г. Нингуту, по-видимому, для того, чтобы снова запастись там этим продуктом. Решено было отпустить Цзи, взяв предварительно от него расписку в том, что все пограничные знаки поставлены на местах согласно описанию границы. Изъявив на это согласие, Цзи обещался присоединиться к нашей экспедиции на р. Хун-Чун.

От водораздела в верховьях рек: Хубиту и Хун-Чуна, полковник Будогоский[2] и капитан Турбин направились вниз по р. Хун-Чуну, предполагая затем перейти прямо к р. Тумени для постановки пограничного знака

[1] Турбин — помощник комиссара российско-китайской Пограничной комиссии (*прим. сост.*).

[2] Будогоский К.Ф. — комиссар российско-китайской Пограничной комиссии (*прим. сост.*).

близ ее устья. На пути следования чинов Пограничной комиссии нагнал их чиновник, посланный начальником торгового местечка Хун-Чун (по-китайски — Хун-Чун-дифон). Этот чиновник держал себя надменно и дерзко, что имело неблагоприятное влияние на сопровождавших нашу Пограничную комиссию китайцев, которые тоже стали обращаться с нами в несколько приподнятом тоне. Этот чиновник объявил, что наших судов уже давно нет в заливе Посьета. Из дальнейших частных разговоров с прибывшими китайцами оказалось, что Хун-Чунский начальник, питавший затаенную злобу к русским, был тот самый, который предлагал своему правительству вырезать наш пост в заливе Посьета, и, кроме того, он же распорядился самовольно поставить пограничный знак на самом устье р. Тумени в противность Пекинскому договору[3], по которому граничная линия упирается в р. Тумень на 20 китайских ли (10 верст) выше впадения ее в море. В то же время Пограничной комиссии сделалось известным о весьма распространенных слухах, что китайцы, живущие в долине р. Хун-Чуна и по соседним речкам, замышляют что-то враждебное против маньчжуров и что дело едва ли обойдется без столкновений. Понятно, что в случае подтверждения этих слухов на деле, могла произойти остановка в дальнейшем ходе столь важного дела по разграничению с китайцами на востоке. А потому полковник Будогоский решился, не теряя времени, принять все меры к скорейшему окончанию постановки границы. С этою целью капитан Турбин был тотчас же отправлен прямо к устью р. Тумени для постановки последнего пограничного знака, а сам полковник Будогоский отправился к заливу Посьета, чтобы взять вооруженные гребные суда с одного из наших клиперов, который, по соглашению с контр-адмиралом Казакевичем, должен был ожидать наших комиссаров в Посьете. С этими вооруженными судами предполагалось войти, под предлогом подвоза провианта, в р. Тумень и тем предупредить могущие возникнуть случайности и осложнения в приграничной местности.

21-го августа полковник Будогоский прибыл к заливу Посьета, где уже стоял на якоре клипер «Разбойник», а вслед затем пришел и корвет «Гридень». На другой день «Разбойник», на который переехал полковник Будогоский, снялся с якоря и вышел в открытое море, но по причине противных ветров, разводивших сильное волнение, клипер только на другой день утром был в виду р. Тумени. Спущенный с клипера катер не мог войти в реку по причине сильных бурунов на мелководном баре[4]. И наша команда с офицером, принужденная высадиться на соседний берег, ничего

[3] Пекинский договор 1860 г. по пограничным и другим вопросам российско-китайских отношений (*прим. сост.*).

[4] Бар – наносная гряда в прибрежной полосе морского дна (*прим. сост.*).

не могла узнать о русских, находившихся близ устья р. Тумени. Тем не менее, появление русских военных судов на близком расстоянии в виду берега не могло не быть замечено китайцами и произвело на них должное впечатление.

26-го августа, по возвращении клипера обратно в залив Посьета, прибыл туда и капитан Турбин. Последний пограничный знак поставлен им против корейского города Бянь-лянь-чжи-чень, находящегося в 22 верстах от устья р. Тумени. Это сделано потому, что у китайцев устьем реки называется то место ее течения, где пресная вода смешивается с соленою. От этого места далее до моря река теряет свое название и обозначается общим именем Хай-хэ. По измерении наших топографов, оказалось, что Хай-хэ, от моря вверх по течению реки, имеет 12 верст протяжения. Далее идет уже собственно река Тумень, по которой в расстоянии 10 верст, т. е. 20 китайских ли от Хай-хэ, и был поставлен пограничный знак, без всяких возражений со стороны китайцев.

Вскоре по прибытии капитана Турбина на р. Тумень для постановки пограничного знака, явились к нему корейские чиновники из города, находящегося на противоположном берегу реки. Корейцы выказали дружелюбное расположение к русским и пригласили капитана Турбина посетить их город. По-видимому, корейцы, ненавидевшие маньчжуров и китайцев, были очень довольны новым соседством с нами и охотно завели торговлю скотом с начальником нашего поста в заливе Посьета для снабжения им нашей флотилии на Восточном океане и постов в заливе «Петр Великий».

Бабков Ф.И. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 г. СПб. 1912, с. 80–82

И. Носков

ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ К КИТАЙЦАМ И КОРЕЙЦАМ

(отрывок из путешествия по амурской стране)

Новгородская гавань

Отношения наши к китайцам, которых называют манзами, и корейцам — говоря собственно о народе — установились здесь весьма скоро и довольно благоприятно. Все они ищут источников для сбыта своих произведений, приобретая от нас преимущественно серебро. Главный сбыт их заключается в скоте, которого они в течение 1,5 лет продали более 200 голов ценою: корейский от 8 до 12 долларов, а маньчжурский — от 10 до 20 долларов; были цены и по 20 и 30 долларов. У корейцев скота больше, но он у них мелкий, что относят к скудным кормам, ибо тот же скот, проживя в Маньчжурии года два, вырастает...

Я, будучи в посте Новгородской гавани, решился съездить в город Хуньчунь. Отправились мы втроем: один солдатик, знающий несколько китайских слов, и один манза Шу, знающий несколько слов по-русски. Поехали мы на верховых лошадях кругом бухты Экспедиции и направились внутрь страны. Перейдя хребет, на котором есть даже тележный след, мы спустились в долину, по которой протекает речка Хуньчунь, впадающая в реку Тюменьдзянь, служащую в устье пограничной межою, как между Россией и Китаем, так и вообще отделяющую Маньчжурию от Кореи...

Перейдя по хребту невысоких гор, где лежит тележный тракт верст на 10, мы поворотили прямо лугом и к вечеру вышли на долину, где протекает река Тюменьдзянь, по правую сторону которой стоит корейский город, обнесенный каменною стеною и расположенный по скату горы, обращенному к морю. Не в дальнем расстоянии от города мы нагнали 26 человек корейцев, возвращавшихся с рыбного промысла, с довольно тяжелыми ношами свежей рыбы, уложенной в плетеных корзинах. Увидя нас, они остановились, сложили ноши и сели в кружок лицом к нам, а один остался на ногах. Когда мы подъехали и приветствовали их общеупо-

требительным словом привета монголов «менду», они все отвечали и вскочили на ноги с заметною радостию, видя такую приветливую встречу. Начались объяснения на китайском языке, который многие из корейцев понимают, и с помощью письма китайских знаков, которые у корейцев употребляются те же самые, что и у китайцев. Они указали нам дорогу к сопке, на которой поставлен пограничный столб, но объявили, что они продать теперь ничего не могут, и вместе с нами не пошли. Корейцы народ рослый, лицо чистое, белое и не имеет азиатского типа. Платье у них белое; на них ничего не увидишь ни черного, ни цветного; всегда вымыты и держат себя с достоинством, не так, как монголы, буряты и даже китайцы. Подходя к берегу, что против самого города, мы увидели на лужке двух корейцев, вероятно, собиравших полевой лук, но они, как только увидели нас, бросились бежать, переправились через реку и произвели в городе тревогу, приняв нас, вероятно, за маньчжур, которых они ненавидят, и вражда между ними вечная и кровавая. Подошедши к городу, мы увидели, что все жители вышли на берег и на стену, даже в верху города, где видна особая постройка, занятая начальником города, показались зрители. Но мы, не останавливаясь, прошли дальше и, подойдя к пограничной сопке, расположились ночевать близ берега реки, которая в этих местах довольно широка — сажень во 100, и, должно полагать, глубокая, ибо русло ее сжато горами, и в ней много нерпы: пока мы брали воду, их показалось более десяти. Берег реки с обеих сторон песчаный, из коего образовались бугры, частию покрытые травой, частию открытые — но где есть какая-нибудь растительность, там видно много крупного виноградника.

На другой день мы отправились дальше к устью реки на взморье. Русло реки к устью идет шире, и потому она, вероятно, удобна для прохода разве на небольших лодках и плоскодонных пароходах. Взойдя на последнюю сопку, мы поставили на ней крест, сделав его из тоненького дубового деревца, которое едва отыскать было можно; потом мы пошли обратно; по выходе на берег и, поравнявшись с городом, расположились на видном месте пить чай; народ опять вышел на берег, и в этот раз отправилась к нам лодка, в ней было четыре человека в белых костюмах, а один в сером, вероятно — лодочник. По выходе на берег все четверо в белом подошли к нам; я пригласил их сесть на разостланный войлок, стали объясняться на китайском языке, а чего не понимали, то дополняли начертанием китайских знаков; но, к сожалению, эти смельчаки вели себя солидно недолго: вдруг слышим крики из-за реки, они вскочили и спрятались за пригорок, говоря, что идет их лои (чиновник.— *Сост.*) с войском, и если увидит их, то накажет за сношение с чужестранцами без его дозволения; видя их испуг и не надеясь, что они правильно передадут начальству об нас

и зачем мы пришли, я спросил их, можно ли послать с ними манзу Шу для объяснений с начальником; они согласились, но их ожидала большая строгость: сначала поехали за реку трое, один остался с манзою Шу, и как только те приплыли к берегу, их потребовали к амуню (местное учреждение.— *Сост.*), выстроенному на берегу,— где уже восседал лои и, кажется, им было определено наказание; на той же лодке приехали два секретаря объясниться с Шу, и объяснились с большой подробностию, прочитали бумагу, присланную из Пекина, и с первой страницы списали копию; приехавший с ними лодочник оказался знакомым нашему солдатику и успел передать ему, что если они и торгуют с русскими, то тайно от своего лои, если же он узнает, то все купленное отнимет, как это делают с ними и маньчжурские лои, когда поймают корейца на их стороне, что те люди, которые приезжали раньше, вероятно, будут наказаны. Узнав это, солдатик передал Шу, а тот поспешил прекратить объяснения с секретарями,— тем более что перевезти его через реку они не согласились. Потом мы напились чаю и отправились обратно: на берегу видно было движение и военная музыка: вероятно, лои чинил суд и расправу. Не знаю, чем это кончилось, но я вынес такое убеждение, что и у корейцев деспотизм начальников не ограничен, и что они истязают народ по своему произволу; но что собственно корейцы весьма желают с нами сблизиться и торговать, и будут делать это, разумеется, тайно от их начальника, пока не будет дано дозволения, которого нужно добиваться дипломатическим путем; а между тем, полезно было бы оказать покровительство этой торговле в таком виде: на нашей стороне недалеко от корейского города поставить небольшой пост и поселиться кому-либо из торговцев, начать дело хотя с ловли нерп, а потом, когда дело обойдется и будет потребность, тогда можно поставить пост и на самом берегу моря и ходить по реке хотя на небольших лодках. Но оставлять это дело без внимания не следует,— народ корейский стоит того, чтобы с ним сблизиться.

Кяхтинский листок, 1862, 10 сентября, с. 14–16

ИЗ ПРЕДПИСАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ М. КОРСАКОВА СОСТОЯЩЕМУ ПРИ ШТАБЕ ВОЙСК ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ШТАБС-КАПИТАНУ П. ГЕЛЬМЕРСЕНУ. 11 ИЮНЯ 1865 г. С.-ПЕТЕРБУРГ

Признавая необходимым более близкое ознакомление с Кореею и положение начала торговым сношениям между пограничными жителями наших и корейских владений, я считаю полезным командировать ваше высокоблагородие в гавань Посьета с тем, чтобы вы в сопровождении переводчика и одного или двух нижних чинов отправились бы в корейские владения, к ближайшему пограничному областному Правителю, от имени военного губернатора Приморской области, с прилагаемым при сем сообщением, которое будет сверх русского текста переведено на китайский язык.

При совершении вашего путешествия вы будете иметь в виду приглашение как местных властей, так и местных жителей к дружественным административным и торговым сношениям с нашими властями и жителями.

Вы не упустите направить всю вашу наблюдательность на приобретение по возможности более точных сведений о географических, статистических, этнографических и экономических условиях той страны, по которой вам придется совершить путешествие...

Генерал-лейтенант Корсаков.

Государственный архив Иркутской области.
Фонд 24. Опись II/3. Дело 24. Листы 33–34

ВЕЛИКОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА ГУБЕРНАТОРА ПОГРАНИЧНОЙ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ

ГОСУДАРСТВА КАОЛИ ПОГРАНИЧНОМУ ГУБЕРНАТОРУ

СООБЩЕНИЕ

Получив назначение Всемилостивейшего Государя моего на должность Губернатора пограничной с Государством Каоли области, я первым долгом своим считаю, во имя дружбы, издавна существующей между обоими нашими Государствами и народами, скрепить эту дружбу личными нашими почтениями, правильными сношениями, которые послужили бы на пользу соседних народов, вверенных нашему управлению Доверием наших Монархов.

На земле области, мне подчиненной, живут русские люди, в соседстве с народом Каоли, живущим на Тумень-Ула. Взаимные торговые дела более всего могут способствовать к укреплению давнишней нашей дружбы и послужат на пользу и благоденствию пограничных жителей обоих государств. Ради желания этой крепкой дружбы и развития торговых сношений между пограничными жителями, я посылаю к Вам, почтительнейший Сановник, такого-то (штабс-капитана Гельмерсена), с настоящим моим посланием, поручив ему засвидетельствовать Вам наши добрые в отношении к Вам желания и побуждения, в уверенности, что и Вы не откажетесь, как добрый друг и сосед, содействовать торговому и дружескому сближению наших пограничных жителей.

Там же. Листы 49–50

НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ ГАВАНЕЙ

На всем пространстве, отошедшем к нам по Пекинскому трактату, находятся превосходные земли, не требующие никакой расчистки и представляющие все удобства для хлебопашества; тем не менее, они достались нам совершенно безлюдными. Весьма сомнительно, чтобы Китайское правительство считало эти земли своей собственностью. По крайней мере, мы застали эти земли населенными несколькими бродягами, известными под именем манз, которые не имели и не имеют никакого гражданского устройства, живут артелями или шайками, не имеют с собой женщин и наполняются преимущественно беглыми китайцами, которые спасаются сюда от притеснений своих чиновников...

Но на этих же землях есть другой вид выходцев, от которых можно ожидать огромной пользы для края — это корейцы. Соприкасаясь с южной стороны Приморской области, корейцы с давних времен имели пашни и хлебопашество в окрестностях залива Посьет.

Выше было замечено, что китайское влияние на эти земли обнаруживалось только набегами и разорением; так случилось и с этими переселенцами, за несколько лет до присоединения этих земель к России китайский начальник города Хунчуна, лежащего на границе Кореи с Китаем и Россией, разорял корейские деревни, бывшие около теперешнего Новгородского поста, и прогнал жителей. С учреждением нашего поста в заливе Посьет корейцы, замечая, что вместе с этим прекратились набеги китайских чиновников и что туземцы, живущие в наших пределах, пользуются совершенною безопасностью и спокойствием, стали снова переселяться на старые места; в 1863 г. их пришло 20 семей со скотом, имуществом и проч. Начальник поста отвел им место, по их выбору, где они в тот же год не только успели устроиться, но даже обработали пашни и имели свой хлеб.

Вслед за этим начальник поста получил известие, что есть еще около 100 семей желающих переселиться к нам. Люди эти не требуют никакой

почти материальной помощи со стороны Правительства, обладают необыкновенным трудолюбием и тем искусством в земледелии, каким славятся их соседи китайцы.

Таким образом, если наше Правительство обратит внимание на это переселение, то, без сомнения, оно принесет громадную пользу для края. Переселение это не требует никаких расходов и состоит из людей, знакомых с местностью, привыкших к труду, не утомленных длинным путем, не деморализованных первыми неудачами, но которые прямо принимаются за дело и могут дать хлеба по мере запроса и сбыта…

Но главною нашей заботой в настоящее время должно быть ограждение этих корейцев от притеснений китайских чиновников и устранение всякого китайского вмешательства. Вблизи нашей границы нет корейских городов. Правительство этого народа никогда не входило и не желает входить ни в какие сношения с европейцами, доказательством чему служат неудачные попытки французов и других европейцев.

Пользуясь этим, мы можем давать у себя убежище людям, желающим подчиниться нашим законам. Китайцы также не имеют права предъявлять свои требования, потому что нельзя сказать, чтобы Корея зависела в чем-либо от Китайского правительства или чтобы последнее могло их заставить исполнить какое-нибудь свое распоряжение, напр. открыть доступ европейцам в корейские владения, на что европейцы имели бы право по трактатам с Китаем, если бы Корея составляла китайскую территорию; напротив, даже миссионеры должны тщательно скрываться в Корее и не имеют официального признания.

Восточное Поморье. № 14.04.09.1865

РАПОРТ ШТАБС-КАПИТАНА П. ГЕЛЬМЕРСЕНА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

30 сентября 1865 г.

Ваше превосходительство,

На днях я приехал из пограничного корейского города Кин-Хын (Кёнхын.— *Сост.*), не получив разрешения идти в губернский город Ха-мун (Хамхын.— *Сост.*).

Прием, оказанный мне, был довольно хороший, но начальник города решительно противился моей дальнейшей поездке, упираясь на закон, запрещающий кому бы то ни было вход в Корею, но обещался уведомить о моем требовании губернатора. Дав ему 15-тидневный срок на получение ответа, я возвратился в Посьет.

Проехать силою, против желания или без ведома властей, нет никакой возможности, потому что город Ха-мун лежит в 330 верстах от Посьета, а такое пространство форсировать нельзя, а получить разрешение тоже нечего надеяться, и таким образом поручение, возложенное на меня вашим превосходительством, не увенчалось желаемым успехом.

Поразительное сходство корейцев с японцами и все сведения, собранные мною, убеждают меня в том, что со стороны сухопутной границы нельзя ожидать никакого успеха для дипломатических сношений и что если правительство желает завязать сношения с Кореею, то добьется их только трактатами, заключенными или в столице, или в другим большом приморском городе, но во всяком случае при содействии военных судов.

Англичане посылали в прошлом году небольшое посольство с богатыми подарками, но оно не было принято, несмотря на лучшую обстановку, нежели та, какую можно придать посылке чиновника из Посьета и, вероятно, еще долго подобные попытки будут безуспешны.

Если же мы будем до времени довольствоваться нынешними сношениями, то они легче всего установятся через поселяющихся у нас корейцев и разовьются само собою…

Государственный архив Иркутской области. Фонд 24. Опись II/3, Дело 24. Листы 92–93

ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА В КИТАЕ А. ВЛАНГАЛИ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ А.М. ГОРЧАКОВУ

Пекин, 1 (13) сентября 1866 г.

Милостивый Государь князь Александр Михайлович,

...В июне месяце возвращающийся из Пекина французский адмирал встретился в Тяньцзине с аббатом Риделем, бежавшим из Кореи и сообщившим о совершенном избитии там всех католических миссионеров и около 800 местных христиан. Первых было в Корее всего 12, из коих два епископа. Они находились там без паспорта от здешнего французского посольства, которое, несмотря на все их настояния распространить и на них свое покровительство, уклонялось от этого вследствие сделанного китайским правительством заявления о том, что оно не принимает на себя ответственность в могущем случиться с миссионерами в Корее и Тибете. Несмотря на усилия французского представителя удержать миссионеров от поездок в эти страны, число их там увеличивалось. Их манило туда то обстоятельство, что миссионеров других исповеданий в тех странах нет и что, начав свои действия первыми, они заберут также в свои руки политическое влияние и будут, если не правителями, то влиятельными на народ лицами, а затем распространят свое влияние и на высшие сословия...

Аббат Ридель рассказывает, что оба епископа и семь священников были схвачены, преданы суду и затем обезглавлены. Он же с двумя товарищами успел скрыться. Преследование не ограничилось одними миссионерами: 800 христиан подверглись той же участи и едва ли на этом остановятся. Библиотека, собранная миссионерами, равно как и множество материалов для лексикона, были уничтожены...

Рассказ этот подействовал сильно на моряков, так что французский адмирал, отобрав показания с аббата Риделя, сообщил их в Пекин, самого же его взял с собой в Чифу с тем, чтобы он мог служить переводчиком в предположенной экспедиции в Корею...

Как бы то ни было, но не найдется ни одной из главных держав, которая не приняла бы участие в открытии Кореи, так как это почти единственный

уголок Азии, закрытый для европейской торговли. Многие полагают, что англичане, французы и американцы должны бы действовать вместе и открыть один или два порта в Корее; потребовать, чтобы подобно тому, как в некоторых открытых китайских портах, отведены были бы иностранцам сеттльменты, устроены были бы таможни наподобие устроенным англичанами в Китае и проч. Другие же, и в особенности французы, думают, что следует воспользоваться этим случаем, чтобы открыть Корею совершенно, так чтобы всякий иностранец мог бы проходить страну вдоль и поперек, жить, где ему угодно, заниматься любой промышленностью и где он пожелает, словом, не так как открыт внутренний Китай для иностранных купцов, что есть чистая иллюзия, а чтобы европеец не находил бы для своих действий внутри Кореи никаких препятствий...

Сказать заранее, что будет предпринято против Кореи, трудно. Однако только очень вероятно, что обе западные державы и в этом случае постараются действовать вместе, и если одной из них и предстоят какие-нибудь материальные выгоды, то это скорее всего Англии, которая именно вследствие бедности корейского народонаселения найдет там новый рынок для сбыта своих дешевых бумажных произведений. Но что будет страннее всего, это то, что наименее довольными обороту, которое примет дело, будут католические миссионеры, которые вместо того, чтобы видеть себя одними в Корее, увидят там миссионеров других вероисповеданий, из коих многие англиканские и американские уже готовятся к тому в настоящее время.

С совершенным почтением и проч. *А. Влангали.*

Архив внешней политики Российской империи. Фонд СПб. Главный архив, 11–16, 1866–1868. Дело 7. Листы 6–11

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОПИСАНИЯ КОРЕИ

Корея принадлежит к числу наименее известных стран Азии. Это обстоятельство представляет замечательный факт в истории географических открытий. Обширный полуостров, по величине своей равняющийся Италии и выдавшийся между Китайским и Японским морями, остается до сих пор краем недоступным и таинственным, тогда как со всех сторон в ближайшем его соседстве, уже лет десять как водворилась европейская жизнь. На западе Китай открыл[1] иностранным судам гавань Ню-чжуан, откуда англичане уже в 1861 и 62 г. предпринимали[2] поездки в заветный город Мукден, древнюю столицу маньчжуров, находящуюся в самом близком расстоянии от корейской границы. На юго-востоке европейское торговое движение в японских портах с каждым годом увеличивается; а из Нагасакского порта можно достигнуть берегов Кореи на пароходе, менее чем в сутки. Наконец, на севере мы, русские, сделались соседями корейцев с тех пор как, на основании Пекинского трактата, владения наши в Маньчжурии распространились до реки Тумень. Правда, что у нас уже на первых порах завелись кой-какие пограничные торговые сношения с корейцами[3], которые, как пишут в газетах, даже начинают переселяться в наши пределы[4], но это пока только отдельные случаи сближения, а серьезных попыток войти в правильные сношения с Кореею еще не сделано.

[1] По трактату с Англиею, заключенному, в Тяньцзине в 1858 г.

[2] Michie Narrative of a journey from Tientsin to Moukden. The journal of the Royal geographical Society. Vol XXXIII. 1863. Стр. 153; Reise von Niu-tschuang über Mukden nach Tien-tsin in China, в Mittheilungen Петермана (1863 г. Стр. 67). Первая из этих поездок совершена в 1861, вторая в 1862 году. Сведения, помещенные в Петермановом журнале, заимствованы из Шанхайской газеты «North China Herald» (1862).

[3] Отношения русских к китайцам и корейцам. Кяхтинский листок № 18-й, 1862 г.

Обзор южной части приморской области, Лопатина. Записки Сибирского Отдела. Кн. VII, стр. 203 и 204.

[4] Восточное Поморье № 14-й, 1865 г.

Казалось бы нам, русским, скорее всего должна была бы принадлежать честь открыть Корею для остального мира; но не предупредят ли нас в этом англичане? Мы знаем, что в последнее время в Англии начали сильно интересоваться этим краем. В годовом собрании Лондонского Географического Общества сэр Родерик Мурчисон, делая обозрение тех стран земного шара, которые представляют наибольшее поле для будущей географической деятельности, указал и на Корею[5]. Вслед за тем, на одном из заседаний того же Общества, капитан Юнг прочел статью о Корее, в которой представил очерк страны на основании китайских и японских источников и собрал сведения о различных попытках, сделанных европейцами для открытая доступа в Корею. Статья г. Юнга еще не напечатана, но из извлечения, помещенного в Proceedings[6], видно, что она нисколько не имеет притязаний сообщить что-нибудь новое об этом крае, а главным образом написана с целью обратить внимание на эту страну всех интересующихся географическими открытиями и развитием торговой предприимчивости. В течение минувшего года появились две коротенькие статьи о Корее в издающемся в Лондоне журнале: «the Chinese and Japanese Repository»[7], а также не лишенная интереса, хотя отчасти и враждебная для России, статья об открытии торговых сношений с Кореею, помещенная в «the London and China Telegraph»[8], газете, исключительно посвященной делам крайнего востока.

[5] Известия Императорского Русского Географического Общества за 1865 г. Отдел II, стр. 108.

[6] On Korea. By Captain Allen Joung. Proceedings of the Royal Geographical Society. 1865 г. № VI, стр. 296. В бывшей по поводу чтения г. Юнга ученой беседе между членами Географического Общества высказано было много любопытного о Корее председателемъ сэром Р. Мурчисоном, адмиралом W. H. Hall, и гг. G. F. Macdougall, L. Oliphant и Dallas.

[7] The Chinese and Japanese Repository: 1) Notes on Corea and the Corean Language. By the Rev. I. Edkins. Vol. II, № 14, стр. 39–44. 2) Geographical Notices on Corea. Vol. III, № 22, стр. 236–238. Кстати упомянем здесь, для полноты сведений о новейшей литературе, касающейся Кореи, и о статье г-на Leon de Rosny Apercu de la Langue Coreenne в Journal Asiatique 1864 г., март–апрель, стр. 287–325. Статья эта переведена также the Chinese and Japanese Repository. Vol. III, № 19 и 21.

[8] Opening up of British trade with the Korea, в the London and China Telegraph. Feb. 28. 1865 г. № 165. «Рудники и мануфактурные изделия Кореи,— сказано между прочим в этой статье,— несомненно заключают в себе данные для выгодной торговли, и если только эта страна, что кажется вероятным, изобилует медью, то это, для начала, весьма ценный предмет, на котором можно основать вывозную торговлю. Мануфактурные изделия, пригодные для корейцев, суть: толстые и плотные сукна, подобные тем, которые выделываются в России и Польше, неоценимые в торговле с северною Азиею, но по образцам которых наши фабриканты отказываются делать сукно; хорошие белые хлопчатобумажные ткани и вообще предметы, вывозимые в Японию. С последнею страною корейцы торгуют сабельными клинками, копьями, гарпунами, полосовым железом, свинцом, корнем женьшеня, холстом и особого рода бумагой, выменивая эти предметы на мед, шёлк, хлопчатобумажную пряжу,

Во всех вышеназванных статьях нас постоянно удивляло одно обстоятельство: никто из писавших о Корее не упоминает о землеведении Риттера, тогда как в этом сочинении[9] можно найти обстоятельную монографию Корейского полуострова, написанную, правда, тридцать два года тому назад, но представляющую самый полный свод всего, что в то время было известно об этой стране; а с тех пор к запасу сведений, собранных Риттером, прибавилось немного. Нам кажется, что для успешного разъяснения каждого научного вопроса весьма необходимы указания на исторический ход его развития. Это относится и до географии; а потому в помещаемых ниже отрывочных материалах для будущего описания Кореи мы взяли за исходную точку Риттерово землеведение, делая постоянно различие, насколько это было в наших силах, между сведениями, внесенными уже в 1832 году в обширный азиатский архив германского географа, и теми, который сделались известны и приобретены для науки позже этого времени. К сожалению, третий том Риттеровой Азии (в состав которого вошла Корея), еще не издан в русском переводе, а потому не лишним покажется

мелкие иностранные изделия, сахар, лес и лаковые вещи. В Китай Корея вывозит корень женьшеня и большую часть своих мануфактурных произведений, получая в обмен чай, шелк, иностранные товары, фарфор и др. предметы».

Объяснив политическое положение, которое занимает Корея между Японией и Китаем, английская статья обсуждает наилучшие меры для вступления в сношения с этою страною и предлагает отправить посольство прямо в столицу, а с тем вместе основать поселение на берегах Кореи:

«Благоприятное положение для иностранного поселения представляет «Олений остров» (Deer Island), защищающий один из двух входов в хорошую гавань, на южной оконечности полуострова, известную под названием Tsau-liang-hai и окруженную густонаселенною местностью. Остров этот от 5 до 6 миль в окружности с хорошею почвою для возведения зданий, большим запасом воды, здоровым климатом и находится от Тсусимы всего в расстоянии 20 миль. Сверх уступки Оленьего ос., цель переговоров должна заключаться в устройстве торговых станций и открытии портов на западном берегу, где, может быть, найдется хорошая гавань в недальнем расстоянии от столицы».

Далее автор статьи заходит уже слишком далеко, говорит о необходимости занять и Тсусимскую группу островов, которая, по его мнению, впервые открыта англичанами, указывает на завоевательные замыслы русских и оканчивает следующим образом:

«Сэр Джон Боуринг, бывший 10 лет тому назад английским посланником в Китае, был формально аккредитован к корейскому двору. Желая удостовериться, насколько может быть полезно посещение им этой страны, чтобы попытаться открыть с нею торговые сношения, он вошел в переписку с некоторыми католическими миссионерами и одним из обращенных в христианство корейцев. Если корейцы с китайскими послами обращаются более как с пленными, чем как с гостями, то тем невероятнее, чтобы они доставили совершенным чужестранцам возможность ознакомиться с размерами их средств.

В то время Боуринг не счел виды на успех достаточно ободрительными, теперь же измененное положение дел в Японии совершенно оправдало бы принятие правительством Ее Величества каких-нибудь мер».

[9] Ritter. Die Erdkunde von Asien. Том III, стр. 573–647.

для тех, которым немецкий подлинник недоступен, если мы назовем здесь главнейшие сочинения на русском языке, заключающие сведения о Корее. Эти сочинения суть следующие:

1) Описание Китайской империи Дюгальда; пер с фр. 2 ч. СПб. 1774–1777.

2) Тимковского путешествие в Китай чрез Монголию. 3 ч. СПб. 1824. Во второй части находятся многие драгоценные заметки о Корее. Автор имел личные сношения с корейцами, приезжавшими в Пекин. (Стр. 184, 251, 254–261).

3) Иакинфа Статистическое описание Китайской империи. 2 ч. СПб. 1842 г. Во второй части (стр. 250–263) помещен исторический и географический очерк Кореи, заимствованный из тех же китайских источников, которыми пользовался Риттер, по переводу Клапрота. Эти последние сведения, а равно и те, которые заключаются в первых двух поименованных сочинениях, составляют главное основание статьи о Корее в землеведении Азии. Риттер имел, впрочем, еще японское описание, также переведенное Клапротом; оно хотя и не существует на русском языке, но зато мы имеем перевод Зибольдова сочинения о Японии, третий том которого заключает сведения о Корее на основании японских источников. Из этого перечня видно, что в нашей литературе есть достаточно сочинений, из которых можно ознакомиться с положением Кореи, как она представлена Риттером.

Описание некоторых государственных учреждений и обычаев корейцев

Предлагаемое описание заимствовано из сборника, изданного в Пекине на китайском языке в начале пятидесятых годов. Наш почтенный синолог, архимандрит Палладий (нынешний начальник Пекинской духовной миссии), находившийся также и в то время в Пекине, перевел тогда же эту любопытную статью и прислал ее в Петербург, где она оставалась неизданною до сих пор. Напечатание ее в настоящее время тем более оправдывается, что о внутреннем устройстве Корейского государства, о нравах и обычаях жителей, мы всего менее имеем данных. У Риттера мы находим об этом только отрывочные сведения, заимствованные, между прочим, из рассказа голландца Гамеля, который потерпел кораблекрушение у берегов Кореи в 1653 году и вместе с товарищами своими в продолжении двенадцати лет находился в плену у корейцев.

Мы помещаем здесь китайское описание целиком, хотя некоторые в нем сведения, как напр. об административном разделении Кореи, об экзаменах и т. п., встречаются у Риттера, а также и в сочинении Зибольда.

Корея разделяется на восемь областей, называемых Дао. Средняя, в которой находится резинденция короля, Хань-чэн-фу, называется столичною; юго-западная, Чжун-цин; юго-восточная, Цин-шан; южная, Цюань-ло; западная Хуан-хай; восточная, Цзян-юан. Эти пять областей простираются вдоль моря. Северо-западная называется Пин-ань; она отделяется от Мукденской провинции в Маньчжурии рекою Ялу-цзяном; северо-восточная, отделяющаяся от Гирина рекою Тумынь-цзяном, называется Сянь-цзин. Три южные области: Чжун-цин, Цин-шан и Цюань-ло по пространству, богатству произведений, по числу важных городов, народонаселению и образованности жителей превосходят все прочие области. Они служат рассадником талантов, являющихся здесь вдвое более, чем в остальных пяти областях, взятых вместе. Жители двух северных областей, Пин-ань и Сянь-цзин, отличаются воинственным духом и физическою крепостью.

Хань-чэн-фу, резиденция короля, расположена чрезвычайно выгодно; с севера ограждают ее Хуашаньские горы, с юга опоясывает река Ханьцзянь, вдали, на востоке, ограждает хребет Гуань-лин, на западе – Бохайское море[10]. Дворец государя состоит из нескольких зданий и зал, имеющих разное назначение. Есть особая зала для принятия поздравлений от чинов; зала, в которой король советуется с сановниками о государственном управлении; зала для вечерних бесед ученых с вельможами; особое здание, в котором устроено возвышение из меди с символическим изображением на нем четырех времен года и с машиною, показывающею часы; здание, в котором, при наступлении каждого часа, деревянная статуя на пружине бьет в барабан и колокол на весь город; возвышение, на котором устроены солнечные часы с медной стрелкой; обсерватория для наблюдения небесных и атмосферных явлений; учебная зала для детей государя. Не говорим о других зданиях и увеселительных местах. Из религиозных зданий замечательны: жертвенник богам — покровителям земли и хлеба, изобретателям земледелия и шелководства, теням государей бывших прежде династий; храм, посвященный предкам государя, и, наконец, храм Конфуция.

Главные правительственные места суть: палата, заведывающая делами родственников государя; совет короля; палата, заведывающая наградами за доблестную службу; палата для приема иностранцев; апелляционный суд. Кроме того, есть шесть административных палат: чинов, финансов, обрядов, военных дел, уголовных дел и общественных строений.

Относительно общей характеристики корейцев надобно заметить, что они отличаются искренностью и чувством справедливости, страстно лю-

[10] Это Печилийский залив.

бят литературу, вежливы, скромны, ласковы и осторожны. В обрядах траура, погребения и жертвоприношения благородные корейцы следуют правилам, начертанным китайским ученым Чжу-вэн-гуном (правилам строгим, не соблюдаемым самими китайцами). По смерти отца или матери они проводят три года близ могил их в совершенном уединении. Кто не исполняет этого обряда, того общество ученых не считает своим членом. Некоторые из них в знак скорби во все время траура питаются только одною кашицею; другие не употребляют соли и приправ; иные своими руками приготовляют жертвенные яства, приносимые в память покойных родителей. У всех благородных есть домашние кумирни в честь предков, где приносятся жертвы в каждое из времен года; в поминальные дни, в которые скончались родители, дети и внуки не вкушают мяса и приносят жертву в тех комнатах, где жили покойные. Чиновники первых шести степеней чествуют жертвоприношениями родителей, дедов и прадедов; чиновники низших степеней — родителей и дедов, а простой народ — только родителей. Жертву приносит старший сын от законной жены; в случае его смерти место его занимает младший брат, а если его нет, то дети от наложниц. Кто умирает без потомства, ближние родственники присоединяют его к своим предкам или правительство само избирает из родственников кого-нибудь и утверждает его в звании наследника. В классе благородных жены, по смерти своих мужей, всю жизнь остаются вдовами; а вдовец может вступить в новый брак только чрез три года после смерти жены. Впрочем, по приказанию родителей или будучи бездетным и имея более сорока лет, он может вновь жениться на другой год по смерти жены. Браки совершаются по предварительному соглашению и условиям, чрез посредство свах.

Каждый год король приносит жертву изобретателю земледелия и сам пашет землю; хлеб, собираемый с обработанной им земли, употребляется на жертвоприношение. Королева приносит жертву изобретателю шелководства и воспитывает шелковичных червей в одном из дворцовых садов. В последнюю луну осени король угощает во дворце своем старцев; приглашенные на пиршество повышаются одною степенью; угощаются также дети и внуки, отличившиеся сыновнею почтительностью, и вдовцы, не вступившие в новый брак. Королева угощает у себя целомудренных вдов. Всем приглашенным делаются подарки. Старцам свыше ста лет государь ежегодно жалует крупы. Родителям и женам сановников, переступивших за 70-й год жизни, ежемесячно жалуются из дворца вино и кушанья. Доблестным сановникам первых двух степеней весной и осенью даются во дворце угощения. Верным друзьям, людям целомудренным, отличившимся преданностью престолу, и целомудренным девицам жалуются или должности и подарки, или похвальные надписи и освобождение от

повинностей. Бескорыстным и усердным чиновникам жалуются похвальные листы; в случае же их смерти, дети и внуки их получают должности. Детям и внукам погибших в войне оказывается вспоможение и жалуются чины. В день смерти сановника из родственников государя представление во дворце отменяется и отправляется от государя особый чиновник для поклонения праху умершего; похороны устраиваются с помощью казны. На погребение чиновника, умершего в командировке, также оказывается от казны вспоможение. На погребение родственников государя, родных, какого бы чина они ни были, также на погребение ученых толкователей классических книг во дворце, цензоров или их родителей, равно оказывается от казны вспоможение. Устроено особое управление для приготовления гробов и снабжения оными жителей.

Чиновники, уличенные в лихоимстве, и вдовы, снова вышедшие замуж, записываются в особую книгу; дети и внуки их не принимаются в число благородных. Родители, у коих пятеро сыновей все получили ученые степени, ежегодно пользуются от казны рисом; по смерти же чествуются жертвами и жалуются титлами. Получившие степени по ученой или военной части, угощаются во дворце обедом; родители их тоже угощаются от местных властей вином с музыкою; по смерти их они чествуются жертвами. Первый из получивших степень, кроме того, награждается крупой. Людям бедным, которым не на что похоронить скончавшихся родственников, равно поздно вступающим в брак, выдается от казны пособие.

Во дворце дежурят по очереди ученые сановники, с которыми король беседует ежедневно; министры и цензоры тоже приглашаются по очереди на беседы; бывают также ночные представления, в которые государь испытывает способности чиновников. Сановники, дослужившиеся с честью до первой степени и вступившие в седьмой десяток лет, хотя бы вышли из службы, приглашаются во дворец в качестве наставников. Когда сановник состоял долгое время на действительной службе первой или второй степени, предки его, в трех коленах, жалуются почетными титлами. В классе чиновных и военных, родителям семидесяти лет отпускается из службы один сын; восьмидесятилетним — два сына, девяностолетним — все дети. Каждый год, летом, государь раздает своим родственникам и сановникам лед для прохлаждения. Раздается также лед сановникам, вышедшим в отставку за старостью, чиновникам, заболевшим от жаров, и темничным узникам.

В Корее есть особая книга, в которой описаны деяния мужей, прославившихся верностью престолу или сыновнею почтительностью, и девственниц; эта книга переведена на народный корейский язык и рассылается по всему государству, дабы и женщины и дети могли понимать

ее. В столице учрежден институт, в котором воспитываются и образуются постоянно 500 студентов; студенты, на 50 году жизни еще не получившие ученой степени, несмотря на свое прилежание, получают должности; равно и люди простые, знающие четырекнижие и одну из пяти классических книг, назначаются кандидатами в студенты. По сторонам института расположены четыре училища, в которых обучаются дети чиновников и даровитые мальчики из простого народа, с 8 лет возраста, равно городские мальчики, не имеющие собственных средств на образование. В губерниях и уездах тоже учреждены училища, по образцу столичных. Когда приезжает к ним главный инспектор, он экзаменует и наставников и студентов, поощряет прилежных и делает выговоры ленивым. Летом и осенью происходит торжественное поклонение Конфуцию, совершаемое инспекторами и местными властями, причем бывает угощение студентам. Каждый год, весной и осенью, высшие правительственные места дают студентам института задачи; из отличившихся в разрешении оных три первые имеют право держать экзамен прямо на доктора. Кандидаты на студентов института и ученики четырех училищ экзаменуются ежегодно, в шестой луне, сочинением рассуждений или устным испытанием; лучшие из них, в числе 60 человек, имеют право держать общий экзамен. Общие экзамены производятся чрез каждые два года. Испытание троекратно и состоит в сочинении рассуждений и стихов на заданные темы, после чего отличившиеся испытываются снова во дворце рассуждениями о современных вопросах. В случае какого-либо радостного события, касающегося государя, или если сам государь вздумает посетить училища, бывает экзамен и выпуск экстренный. Государь по временам сам посещает кумирни Конфуция и институт и при сем предлагает ученые вопросы учителям или испытывает студентов. Получившие по экзамену ученую степень провозглашаются поименно во дворце; государь пред собой угощает их вином и дарит им цветы и зонтики, после чего, предшествуемые играющими актерами, с музыкою и барабанами, они расхаживают три дня по городу. Если получившие степени экзаменовались самим государем, то имена их провозглашают в тот же день; государь дарит им по седлу, лошади, платью и ручной дощечке. Дети короля каждый день являются к отцу с поздравлениями и для услужения; потом занимаются с учителями, посетителями и чиновниками. Встречая учителя, они сходят с крыльца. 15-го числа каждой луны для учителей их приготовляется обед, а по истолковании одной книги устраивается им пир и жалуются вещи. Дети родственников государя, достигнув 15 лет возраста, поступают в особое училище, где по жребию или толкуют им книги, или заставляют их писать рассуждения, или учить книги. Палата обрядов ежемесячно ревизует книги, преподавае-

мые в столичных училищах. Она ведет также списки книг, равно имен и прозваний учителей, живущих вне столицы. Те учителя, ученики которых особенно отличились в общем экзамене или получили степень в числе не менее 10 человек, повышаются в одной степени.

В столице есть особое здание, в коем потомки прежних династий приносят жертвы теням своих предков; на сей предмет назначено особое содержание крупой и деньгами. Кладбища государей прежних династий Синь-ло, Бо-цзи и Гаогюй-ли неприкосновенны; на них не позволено ни охотиться, ни вырубать леса. В честь основателей династий равно мужей, прославившихся какими-либо доблестями, несмотря на происхождение их, построены особые кумирни, в коих возжигают курения и произносят молитвы. Ежегодно, весной и осенью, местные власти устраивают на север от города жертвенники и приносят жертву теням их. В столице, как и в губернских городах, также весною и осенью приносят жертву бесприютным теням (не имеющим потомства).

В зимнюю пору снабжают узников в темнице постелями, а летом вычищают темницы, моют и чистят оковы, и вообще не позволяют быть в темнице ни холоду, ни духоте. Для темницы назначен особый лекарь и выдаются лекарства. Узники содержатся на свой счет; бедным же из них выдается содержание.

В областях устроены запасные магазины казенного хлеба; хлеб продается народу в случае дороговизны и скупается в казну, когда дешев; отчего цена на хлеб уравнивается. Кроме того, есть особые магазины, из коих выдается в долг неимущим хлеб в зерне для посева; выданное количество осенью, по уборке хлеба, возвращается в казну без процентов. В случае неурожая от засухи, потопления или другого какого-либо бедствия правительство оказывает вспоможение народу хлебом безденежно.

В губерниях и уездах ежегодно, весной и осенью, устраиваются общественные пиршества. Деревенские жители избирают из среды себя старшину, который заведывает сбором с домов известного количества хлеба и денег для устроения общественного пиршества; этот обычай скрепляет дружбу и согласие жителей деревни; в случае болезни кого-либо из них, крестьяне спешат помочь ему, и для покойников сообща приготовляют гроб и другие погребальные вещи.

Дети сановников первых трех степеней, цензоров и придворных наставников получают, как наследство, известную степень, и испытываются в первую луну каждого года, после чего определяются на должности; не имеющие права на это наследственное отличие могут быть рекомендуемы сановниками первых трех степеней; в таком случае палата чинов экзаменует их в классических книгах и определяет на должности по способностям

каждого; если же представляемый окажется неспособным, вина падает на поручителя.

В день рождения китайского императора, в первый день нового года и в дни солнцестояния корейский король, вместе с детьми и чинами, поклоняется, обратясь лицом к стороне Пекина. При отправлении посланца к китайскому двору, король со всем придворным штатом поклоняется четырекратно с зажженными курительными свечками в руках. Король вручает посланцу грамоту к богдохану, стоя на коленах; потом, сошедши со ступеней дворцового крыльца, делает поклон несомой грамоте; затем, под осенением желтого балдахина, со всеми регалиями, провожает оную за городские предместья. Когда же посланец возвратится с грамотою китайского государя, король встречает его за городским предместьем, в палатке, покрытой разноцветными тканями. Когда король отправляет дары к Пекинскому двору, он сам осматривает оные.

Одеяние, употребляемое при жертвоприношениях, придворный и парадный костюм должны быть, по уставу, такие же, как и в Китае.

В известные дни года, как-то: в перемены времен года и другие периоды, в Корее переменяют огонь, добывая новый посредством трения дерева.

Для подкидышей и бесприютных малюток избирают воспитателя из местных жителей; правительство, с своей стороны, снабжает их одеждой.

Известия Императорского Географического общества.
Т. II. Вып. 2. СПб. 1866, с. 31–41

ХРИСТИАНЕ НА ПОЛУОСТРОВЕ КОРЕЯ

О Корее до сих пор известно очень немного. Полуостров этот лежит между 40° и 35° сев. широты, имеет едва 4,000 кв. миль и приблизительно от 9 до 10 мил. жителей. Хотя доступ вовнутрь страны воспрещен миссионерам, но последние туда пробираются и проповедуют. До 1857 г., до 15000 корейцев уже были обращены в католичество; один миссионер («Annales de la propagation de la foi», январь 1867) полагает, что можно было бы ежегодно обращать в католичество до 10000 чел., если бы была допущена религиозная свобода. В 1865 году окрещено 907 корейцев. Другой миссионер говорит, что в 1862 году правительство, по-видимому, вовсе не заботилось о миссионерах и о распространении христианства; казалось, что и народ о них ничего не хотел знать. Но в провинции Тилунг-Занг (Чолла.— *Сост.*) язычники составили заговор и просили мандаринов изгнать миссионеров из страны. Подобные же просьбы были благоприятно приняты почти везде и в других местах, так что новообращенные христиане не знали, куда им броситься; беспомощные, они бродили, потеряв голову. В провинции Тинг-кей (Кёнги.— *Сост.*), в которой находится и главный город страны (Хан-Ианг), драбанты[1], без всякого приказания со стороны начальства, напали на 6 или на 7 деревень, ограбили их, сожгли, избили жителей палками и увлекли их в тюрьму. В провинции Хоанг-хай (Хванхэ.— *Сост.*) некоторые женщины придерживались христианской религии тайно от своих мужей. Там миссионеры окрестили до 15-ти мужчин. Во многих округах мандарины изгоняли новообращенных, а языческая чернь разрушала их дома. Многие лица высших сословий благоприятствуют христианской религии, равно как и некоторые чиновники. В главном городе полиция очень бдительна; в других местах, напротив, дозволяется открыто держаться христианского исповедания.

[1] Драбант — гвардеец (*прим. сост.*).

«В январе 1864 г.— продолжает миссионер,— умер король, который очень любил свой народ. Он не оставил после себя наследников, и правительственная власть перешла к королеве Тсіо, вдове одного из прежних королей. Она тотчас усыновила одного 12-летнего мальчика[2], сына принца[3], и он принял бразды правления. Принц этот расположен не враждебно к религии и миссионерам; он знает, что нас всего восемь европейцев в стране. Русские просили письмом дозволить им торговать в Корее. Принц поручил одному из мандаринов сказать миссионеру Бернье, что он нам дозволит религиозную свободу, если я сумею избавить его от этих чужеземцев. Я отвечал, что не принадлежу к русскому пароду и не исповедую его религии, а потому и ничего не могу тут сделать. При этом я заметил, что более, чем кто-либо, я скорблю об опасности, которой подвергается королевство со стороны русских, потому что рано или поздно они утвердятся в корейской области, и нет средства отвратить опасность, потому что правительство постоянно уклоняется вступить в сношения с европейскими державами.

Супруга принца-правителя выучила наизусть часть катехизиса и ежедневно прочитывает по две молитвы. Но королева принадлежит к фамилии Тшо, которая всегда отвергала христианство и ознаменовала себя при преследовании 1839 года. Королева удалила Кимов[4], которые при прежнем правительстве были всемогущи и делали все, что хотели: это было для нас очень благоприятно. Теперь кормило правления попало в руки людей, к нам не расположенных. Чего можем мы ожидать от таких, без толку враждебно или дружески настроенных людей?

К правительству поступили просьбы, в которых требуется, чтобы древние обычаи страны были восстановлены во всей их чистоте, а западное учение истреблено с корнем. Поговаривают даже, будто бы возобновится преследование. Все это возбуждает ужас в миссиях; приготовленные к обращению, по нетвердости своей в вере, отступают пред опасностию. В провинции Тинлун-Занг христиане много пострадали в 1864 году. Сателлиты (так миссионеры называют правительственные войска) и разбойники поступали с ними жестоко, дома их были разграблены и превращены в пепел. 1865 год прошел в обманчивой тишине. Следующий затем год был очень бурный».

К этому известию, сообщаемому миссионером и, разумеется, одностороннему, можно прибавить, что в Корее повторяется явление, которое

[2] Коджон – король (ван) Кореи (*прим. сост.*).

[3] Ли Хаын, отец Коджона, известный в истории Кореи как тэвонгун (принц-регент) (*прим. сост.*).

[4] Имеются в виду «андонские Кимы» — семейный клан, фактически правивший в Корее с начала XIX в. (*прим. сост.*).

замечается всюду, где проповедуется западное религиозное учение. Люди другого происхождения понимают его своеобразно, и так как для них в нем много остается непонятного, то они исправляют его, сообразно своим воззрениям, амальгамой самых странных представлений. Таковы тайпинги в Китае, нан-марире в Новой Зеландии. Миссионер говорит, что и в Корее образовалась новая секта — Тонгхак, т. е. восточное учение. Она приняла такое название в отличие от христианства, которое называется Сегак, западное учение. Чуждое, принесенное извне и несвойственное монголо-корейскому племени, учение путает понятия и представления этих людей. Они заимствуют из нового то или другое и составляют из этого нечто своеобразное. Правительство в Корее преследует и приверженцев Тонгхак, причем страдают и многие христиане.

В чем состоит учение новой секты, пока еще неизвестно, но подобные секты, как сказано выше, часто появляются там, где христианские миссионеры проповедуют свое учение; народы страдают от смут и преследований; миссионеры не считают нужным всматриваться в вещи поглубже, иначе они должны были бы сознаться, что многое, напр., изгнание христиан из восточного Тибета, объясняется весьма просто.

Буддизм всего менее расположен к преследованиям; напротив, он отличается терпимостью. Это испытали в Тибете католические миссионеры Гук и Габет. Но в Тибете знают очень хорошо, какие последствия имела в Китае проповедь западного учения, и употребляют все средства, чтобы отклонить от себя такой подарок. Кроме того, тут возникает одна иерархия в виде другой, и кто знает, что эта новая иерархия значит, тот легко может объяснить себе поведение тибетцев. Впрочем, нельзя жаловаться на язычников, когда, как напр. в Испании, тамошнее правительство не признает за христиан тех, которые не римские католики. Было бы несправедливо требовать от язычников того, чего не исполняют и христиане.

Всемирный путешественник. 1867. Т. 2. Вып. 25, с. 62–63

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛАННИКА В ПЕКИНЕ А. ВЛАНГАЛИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пекин, 20 июля 1868 г.

В конце 1866 года одновременно с французскою экспедициею в Корею было снаряжено некоторыми иностранными купцами американское судно «General Sherman» для отплытия с различными товарами к берегам Кореи. Как сказывают, главный груз этого судна состоял из огнестрельного оружия и пороха, продажею коих в то военное время снарядившие судно надеялись получить большие выгоды и вместе с тем воспользоваться первым открытием этого полуострова, в чем по окончании французской экспедиции не оставалось ни малейшего сомнения...

Долго об этом судне не было никаких известий; но спустя несколько времени по окончании французской экспедиции через рыбаков и местных контрабандистов узнали, что судно, отправившееся к берегам Кореи, вошло в речку Бинь-ян, также называемую Тайпин[1] и было корейцами сожжено со всем экипажем. Слухи эти возбудили гнев прессы в портах, в особенности людей, желающих открытия Кореи; стали собирать сведения, и, к сожалению, несчастье, постигшее «General Sherman», все более и более подтверждалось. О пассажирах, знавших корейский язык, говорили некоторые, что они были обезглавлены, другие же подтверждали, что они еще живы и содержатся в заточении. Для того чтобы увериться в судьбе, постигшей это судно, а также освобождения заточенных, в случае, если они действительно находились в этом положении, бывший здесь посланник Северо-Американских Штатов Ансон Бюрлингам просил командовавшего тогда эскадрою в водах Китая и Японии американского адмирала Белли послать к берегам Кореи какое-либо военное судно для изучения истины. Вместе с тем он обратился к китайскому правительству за содействием в хорошем приеме американского военного судна и для вступления в какие-либо торговые с Кореею сношения...

[1] Речь идет о г. Пхеньяне на реке Тэдонган (*прим. сост.*).

А адмирал Белль отрядил корвет «Machusett» капитана Шёфильдта к берегам Кореи, наказав командиру обратиться самым мягким и вежливым образом и не дать никакого повода к насилию или неприятным столкновениям.

Корвет пристал к месту, называемому Мутун-бу, в округе Сан-юн, и высадил одного офицера с письмом к местному губернатору. Письмо это было вручено одному из жителей для передачи по назначению. Содержание его начиналось выражением благодарности своих соотечественников за то, что корейское правительство призрело и препроводило к китайской границе экипаж одного американского судна, разбившегося летом того же года у корейских берегов. Потом приступлено было к описанию слухов, ходивших о судне «General Sherman», и прибавлено, что адмирал, послав корвет исследовать это дело, поручил вместе с тем командиру принять на свой борт тех из пассажиров и команды «General Sherman», которые находились в живых.

Так как капитану «Machusett» объявили, что ответа придется ждать долго, то он вскоре отплыл.

В ответном письме своем капитану местные власти объявили, что они лишь в настоящем случае узнали, что судно, возбудившее столкновение в реке Бин-ян, было американское и что оно погибло от взрыва находившегося на нем пороха; причем погибли также находившиеся на нем люди, так что ни одного не осталось в живых и не содержится в заточении. Изложив, что по законам страны, если какое-нибудь иностранное судно, по каким-либо обстоятельствам или ветрами прибивается к их берегу, они снабжают его провизиею до наступления возможности его отплытия; если же судно вследствие важных аварий не может продолжать свое плавание, то экипаж оного препровождается при конвое в Пекин,— корейцы приводят следующие подробности о «General Sherman».

Судно это не было занесено бурею в Корею, а пришло само в устье реки Бин-ян, и находившиеся на нем два человека, говорившие по-корейски, из коих один француз, а другой англичанин, объявили, что против Кореи собирается большая экспедиция французов и что если местные власти дозволят означенному судну начать торговлю с жителями, то оно примет на себя рассеять войска обеих стран, которые высадятся на берег. Несмотря на просьбы местной власти, чтобы судно отплыло обратно для избежания каких-либо столкновений с жителями, на уверения, что не в ее власти дозволить торговлю с иностранцами, судно подвигалось ежедневно все вперед и в одно утро захватило силою на свой борт помощника начальника округа, сопровождавшего в своей лодке означенное выше иностранное судно, для охранения его от собравшейся на обоих берегах черни. На все

требования отпустить захваченного ими сановника иностранцы отвечали, что они его отпустят, когда дойдут до главного города округа. Когда же вздумали отнять его силою, то судно сделало несколько выстрелов, коими было убито несколько десятков человек. Разъяренный этими поступками народ бросился большими массами, развел на обоих берегах большие огни и поджег судно, которое от взрыва находящегося в нем пороха взлетело в воздух со всем экипажем и пассажирами...

Этими объяснениями, кажется, все дело и кончилось.

Результат всей этой переписки оказался тот, что корейцы, несмотря на посредничество (весьма проблематической искренности) китайского правительства, не желают пока изменять свои настоящие отношения к иностранцам.

Обо всем вышеизложенном я сообщил г. генерал-губернатору Восточной Сибири.

Имею честь и проч. *А. Влангали.*

Архив внешней политики Российской империи. Фонд СПб. Главный архив, 1–9, 1865–1881. Опись 8. Дело 13. Листы 77–81

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛАННИКА В ПЕКИНЕ А. ВЛАНГАЛИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пекин, 11 августа 1868 г.

В апреле текущего года пароход «China» под северо-германским флагом и при нем небольшой буксир в 60 тонн были секретно зафрахтованы в Шанхае гамбургским подданным Оппертом для следования к берегам Кореи. Сверх экипажа набрано было еще несколько европейцев, 20 манильцев и 100 китайцев. Оба судна эти прибыли в Нагасаки, взяли там одного католического миссионера и несколько ящиков с оружием и направились к корейским бухтам Императорского принца и Принца Иеронима. Здесь захвачены были две большие корейские лодки (сампаны). Посадив на них всех привезенных людей и раздав им оружие, Опперт и французский миссионер поплыли с ними на буксире вверх по одной реке верст на тридцать. Высаженные на берег люди прошли во внутрь страны еще пять верст и, достигнув могилы одного из последних корейских королей, начали, по приказанию миссионера, ее раскапывать. Работа шла довольно успешно, пока не наткнулась на одну большую каменную плиту, сдвинуть которую по неимению нужных инструментов не было возможности. Начинавшие между тем собираться корейцы заставили пришельцев возвратиться к своим лодкам и отплыть далее до другого места, в соседстве небольшого города. Высадившись вновь, эти искатели приключений послали требовать от города большую контрибуцию. Переговоры продолжались безуспешно три дня, и когда пришельцы намеревались привести в действие свои угрозы, то собравшиеся корейцы бросились на них и обратили в бегство. Достигнув своих лодок, иностранцы поплыли поскорее вниз по реке, оставив двух человек убитыми и одного тяжело раненного. Там сели на пароход «China» и поплыли в Шанхай.

Слух о неудавшейся экспедиции распространился в последнем порте, и так как в числе убитых был один манилец, то испанский консул начал требовать исследования дела и денежного вознаграждения со снарядившего экспедицию.

Исследования эти ограничивались лишь допросами, произведенными манильцам испанским консулом, и следствием, произведенным генеральным консулом Соединенных Штатов над одним американским купцом Дженкинсом, передавшим деньги на зафрахтовку парохода и сопровождавшим «China» до берегов Кореи, хотя не участвовавшим в высадке...

Из собранных северо-американским и испанским консулами показаний можно вывести следующее заключение: главный участник в нем — католический миссионер; Дженкинс не принимал в нем участие как банкир, а Опперт, не имеющий никакого состояния, был видимым деятелем и прикрывал все своим именем.

Для того чтобы завлечь последних в это предприятие, аббат Феррон уверил их, что в гробнице этого корейского короля схоронены большие богатства и что, во всяком случае, взяв тело этого покойного короля, можно будет заставить корейцев на большие пожертвования и даже уступки, так как с этою гробницею связано верование, что с разрушением ее должно пасть государство. Аббат Феррон надеялся этим путем открыть хотя бы Корею для католических миссионеров.

Из частных сведений, мне поверенных, уверенность была до того велика, что он употребил на снаряжение помянутой экспедиции двухгодичную сумму, посылавшуюся на содержание корейской католической миссии.

Все это дело, возбудившее против себя общественное мнение в портах, без сомнения, могло бы быть потушено с самого начала, если бы выдано было тотчас же зачинщиками ничтожное вознаграждение, требованное за убитого манильца. Но, однажды получив огласку, оно не может остаться без полного исследования, тем более что оно подало повод весьма живой переписки между английским и прусским посланниками.

Первый вмешался в это дело под тем предлогом, что действия, подобные предпринятым вышеозначенными авантюристами, ложатся невыгодно на всех европейцев и что странно было бы державам, хлопочущим об уничтожении пиратов, проповедывающим о том китайцам, и проч., допускать такие флибустиерские предприятия, которые оскорбляют священные народные чувства не только в этих странах, но и в Европе, ибо и там за раскопку могил подвергаются большим наказаниям.

Нельзя действительно найти несправедливым взгляд моего британского коллеги и не пожалеть, если бы поступок Опперта остался без наказания или, по крайней мере, без исследования, потому что хотя бы даже не было от того никаких последствий, огласка всех потребностей этого дела и гласное открытие главных виновников оного было бы уже достаточным предостережением для желающих повторить его.

Прусский коллега мой препроводил всю переписку свою по этому предмету на дальнейшее заключение королевского кабинета в Берлине, от которого будет зависеть, приказать ли подвергнуть Опперта допросу или оставить дело без последствий.

О всем вышеизложенном считаю долгом довести до сведения Вашего Сиятельства и, по смежности Кореи с Восточного Сибирью, сообщить г. генерал-лейтенанту Корсакову.

Имею честь быть и проч. *А. Влангали.*

Государственный архив Иркутской области.
Фонд 24. Опись 11/3. Единица хранения 24. Листы 139–142

Н. М. Пржевальский

КОРЕЙЦЫ

К числу замечательных явлений, совершающихся в последнее время на крайнем востоке Азии, следует отнести также иммиграцию корейцев в пределы России и образование ими здесь новых колоний. Густая населённость Корейского полуострова и развившиеся там вследствие этого нищета, грубый деспотизм, сковавший все лучшие силы народа, наконец, близость наших владений, обильных плодородной, нетронутой почвой,— всё это было сильной пружиной, достаточной даже для того, чтобы заставить и неподвижных жителей Востока отречься от преданий прошлого и, бросив свою родину, искать себе при новых условиях и новой обстановке лучшей и более обеспеченной жизни.

И вот, боязливо, как будто ещё не решаясь покончить вдруг со всем прошлым, начали мало-помалу жители ближайших к нам владений Кореи изъявлять свою готовность на переселение в русские пределы.

С нашей стороны подобное заявление было встречено с полным сочувствием, и ещё в 1863 году к нам переселилось 12 семейств.

Затем переселение повторялось каждый год, так что в настоящее время в наших пределах образовались три корейские деревни — *Тызен-хэ, Янчихэ* и *Сидими*[1], в которых считается 1800 душ обоего пола.

Пример всех этих переселенцев сильно действует на пограничное корейское население, так что и теперь еще есть много желающих переселиться к нам.

С своей стороны, корейское правительство всеми средствами старалось и старается приостановить подобное переселение и употребляет самые строгие меры, расстреливая даже тех корейцев, которых удаётся захватить на пути в наши владения. Однако, несмотря на это, корейцы бросают

[1] Дер. Тызен-хэ лежит в 18 верстах от Новгородской гавани в заливе Посьета; Янчихэ — в 14 верстах от той же гавани, а Сидими в 80 верстах севернее ее. Все три деревни расположены на берегу речек того же названия.

[1] Кыген-Пу – г. Кёнхын (прим. сост.).

свои фанзы, втихомолку ночью переправляются через пограничную реку Тумангу (Гоали-дзян или Тумень-дзян) и уже там, иногда даже под прикрытием наших солдат, безопасно следуют в Новгородскую гавань. До чего корейское правительство чуждается всяких сношений с русским, можно судить уже из того, что начальник пограничного города Кыген-Пу[2] запретил жителям, под страхом смерти, продавать что-либо русским, чтобы никто из корейцев не мог переезжать на левую сторону реки, где стоит наш пограничный пост. Однако, несмотря на строгое запрещение своего начальника, жители Кыген-Пу зимой, когда замёрзнет река, приходят ночью на этот пост в гости к солдатам.

Корейские деревни состоят из фанз, расположенных на расстоянии 100–300 шагов одна от другой. Своим наружным видом и внутренним устройством эти фанзы ничем не отличаются от китайских. Только в тех из них, где находятся несколько женатых, нары разделены перегородками на части, служащие отдельными спальнями для каждой пары.

В пространствах между фанзами находятся поля, в трудолюбивой и тщательной обработке которых корейцы нисколько не уступают китайцам.

Все полевые работы производятся на коровах и быках; но плуги весьма дурного устройства, так что работа ими тяжела как для скотины, так и для человека.

Из хлебов корейцы более всего засевают просо (буды), которое составляет для них так же, как и для китайцев, главную пищу, потом бобы, фасоль и ячмень; в меньшем же количестве сеют кукурузу, картофель, гречиху, коноплю и табак, а также огородные овощи: огурцы, тыкву, редьку, салат, красный перец и пр.

Хлеб свой корейцы жнут небольшими серпами, вроде нашей косы, и затем связывают в снопы, которые молотят колотушками на особых токах, находящихся возле фанз.

Табак после сбора вешают под навес для просушки; курят все, даже женщины. Для обработки конопли они сначала варят самый стебель часа два в горячей воде, а потом уже руками обдирают волокно.

Кроме того, корейцы так же, как и китайцы, приготовляют для себя масло из семян *кунжута* (Sesamum orientale). Для этого они сначала мелют семена в жернове, потом наливают на них немного воды и варят; наконец, кладут в мешок под тяжёлый камень. Масло вместе с водой вытекает в подставленный сосуд. Вкусом оно похоже на подсолнечное.

Кроме хлебопашества, корейцы занимаются скотоводством, в особенности разведением рогатого скота, который служит им для работ. Коров

---

[2] Кыген-Пу – г. Кёнхын (*прим. сост.*).

своих они никогда не доят и так же, как китайцы, вовсе не употребляют молока.

В своем домашнем быту корейцы, или как они сами себя называют — *каули,* отличаются трудолюбием, особенно чистотой, что совершенно противоположно китайским манзам, грязным донельзя. Самое одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к чистоте.

Обыкновенная одежда мужчин состоит из верхнего платья вроде халата с чрезвычайно широкими рукавами, белых панталон и башмаков; на голове они носят черные шляпы с широкими полями и узкой верхушкой. Шляпы эти сплетены в виде сетки из волос; ободки их сделаны из китового уса. Кроме того, старики носят постоянно, даже и дома, особый волосяной колпак.

Одежда женщин состоит из белой кофты и такой же белой юбки с разрезами по бокам.

Волосы свои корейцы не бреют, как китайцы, но собирают их в кучу наверху головы и сплетают здесь в виде столба; женщины же обвивают волосы кругом головы и тут их связывают. Вообще красота волос считается главным щегольством, так что щеголихи, обиженные в этом случае природой, носят искусственные косы, работа которых доведена у корейцев до высшей степени совершенства.

В общем, физиономии корейцев довольно приятны, хотя стан их, в особенности женщин, далеко не может назваться стройным. Здесь прежде всего бросается в глаза очень узкая, как будто сдавленная грудь. Лица корейцев по большой части круглые, в особенности у женщин, но притом белые, и все они решительно, как мужчины, так и женщины, брюнеты.

Мужчины носят бороды, которые, впрочем, очень невелики и редки. Роста мужчины большей частью среднего; женщины же несколько меньше. Последние носят маленьких детей не на руках, как обыкновенно это делается у нас, но привязывают их полотенцем за спину возле поясницы.

Замечательно, что женщины у корейцев не имеют имён, а называются по родне, например: мать, тетка, бабушка и пр.; у мужчин же сначала пишется и говорится фамилия, а потом имя.

Каждый кореец может иметь только одну жену, но этот закон не строго соблюдается, и богатые иногда держат до трёх жён.

Корейский властитель *наран-ними,* или *наран,* имеет девять жён и живёт во дворце *Пухан,* из которого есть подземный ход в соседнюю крепость *Сеуль,* или *Сяури,* столицу государства. Он считается меньшим братом китайского богдохана и совершенно независим от него, хотя, по заведённому исстари обычаю, однажды в год отправляет в Пекин подарки, в отплату за которые получает новый календарь.

Каждый из подданных, являющихся перед лицом своего царя, должен пасть ниц на землю. Этот обычай соблюдает также простой народ относительно чиновников, в особенности важных по чину.

Вообще деспотизм у корейцев развит до крайней степени и проник во все суставы государственного организма. Самый вид чиновника приводит в трепет простого человека. Когда от нас был послан офицер с каким-то поручением в пограничный город Кыген-Пу, то бывший с ним переводчик из корейцев, перешедших к нам, трясся, как лист, увидав своего бывшего начальника, хотя теперь был от него в совершенной безопасности, до того ещё сохранилось в нём прежнее укоренившееся чувство страха перед начальством.

В Корее каждый город и деревня имеют школу, где все мальчики обучаются корейскому языку, а более способные, сверх того, и китайскому, на котором ведётся вся высшая дипломатическая переписка с Китаем[3].

В своих нравственных воззрениях корейцы имеют понятие о высшем существе, душе и загробной жизни. Бога они называют *Путэними,* душу — *Хани,* а небо или рай — *Ханыри.*

Собственно в Корее две религии: *буддийская и религия духов,* состоящая в поклонении разным божествам и гениям. Служителями (шаманами) этой религии могут быть не только мужчины, но и женщины, последние даже в особенности. Те и другие состоят при особых кумирнях и славятся вообще силой своих заклинаний от различных бедствий, во что корейцы веруют безусловно[4].

Замечательно, что у корейцев сохранились предания, как бы заимствованные из Ветхого Завета, например, о потопе, Моисее и т. д.[5].

Однажды во время пребывания в деревне Тызен-хэ мне случилось быть свидетелем поминок по умершему. Обряд этот совершается следующим образом. Когда я пришёл в фанзу, где происходили поминки, то все корейцы просили меня сесть на солому, разостланную на дворе, и тотчас же поставили передо мной небольшую деревянную скамейку, на которой стояло глиняное блюдце с тонко нарезанными кусочками свинины и сушёной рыбы. В то же время мне предложили самого лакомого напитка — нагретой

---

[3] Кроме того, по словам отца Палладия, китайский язык обязательно употребляется в законодательных и административных актах корейского правительства («Известия Географического общества», 1870 г., т. VI, № 11, стр. 20).

[4] Сообщение архимандрита Палладия («Известия Географического общества», 1870 г., т. VI, № 11, стр. 22).

[5] Эти предания, по замечанию отца Палладия, могут быть известны в Корее по рассказам христиан-корейцев, которых прежде было довольно, в особенности в северной части этого государства (там же, стр. 22).

водки с медом; я нарочно попробовал один глоток — мерзость ужасная. Между тем началась самая церемония поминок, для чего сначала принесли несколько выделанных собачьих шкур и разостлали их на дворе. Два, три человека присутствующих поочередно ложились ниц на эти шкуры и что-то бормотали шепотом.

В то же время двое сыновей умершей матери, по которой совершались самые поминки, стояли подле лежащих и напевали самым плачевным голосом.

Полежав минуты три, гости вставали, заменяясь новыми и, отойдя немного в сторону, садились большей частью на корточки; при этом получали свинину и рыбу, так же как и я, и выпивали чашку водки. Эта чашка несколько раз обходила всех присутствующих, которые в антрактах между едой и питьём наклонялись друг к другу и что-то тихо бормотали. Каждый вновь приходящий проделывал всю церемонию, от которой не увернулся даже и мой крещённый спутник — старшина деревни Тызен-хэ. Женщины находились отдельно от мужчин внутри фанзы, даже с завешанным окном, и голосили там во время церемонии.

Все присутствующие были одеты в свою обыкновенную белую одежду, а на головах имели черные шляпы с широкими полями; только одеяние обоих сыновей умершей матери было серого цвета и вместо шляп у них были надеты какие-то серые колпаки. Такая одежда считается признаком траура, который, по закону корейцев, должен носиться три года. Самые поминки совершаются, как и у нас, однажды в год, в день смерти, и продолжаются с утра до глубокой ночи. Праздников у корейцев очень мало, всего четыре в году, да и из них только один продолжается трое суток, остальные же празднуются по одному дню.

Переселяясь к нам, некоторые из корейцев приняли православную веру, так что теперь в деревне Тызен-хэ есть несколько десятков христиан мужчин и женщин и в том числе старшина деревни. Его прежняя фамилия и имя были *Цуи-ун-кыги;* теперь же он называется Петр Семёнов, по имени и отчеству своего крёстного отца, одного из наших офицеров.

Этот старшина, пожилой человек 48 лет, умеет, хотя и плохо, говорить по-русски и, кроме корейского языка, знает немного по-китайски. Ходит он в русском сюртуке, обстрижен по-русски и даже при своей фанзе выстроил большую русскую избу. Любознательность этого человека так велика, что он несколько раз высказывал мне своё желание побывать в Москве и Петербурге, чтобы посмотреть эти города. Притом же этот старшина — человек весьма услужливый и честный. В продолжение двух суток, которые я пробыл в деревне Тызен-хэ, он находился неотлучно при

мне, везде ходил со мной, рассказывал, и когда на прощанье я предложил ему деньги за услуги, то он долго отказывался от них и взял только после настоятельной просьбы с моей стороны.

Вообще услужливость, вежливость и трудолюбие составляют, сколько я мог заметить, отличительную черту характера корейцев.

Кроме всего вышеизложенного, я мог весьма немного узнать от корейцев об их родине, частью по неимению хорошего переводчика, а частью и потому, что они сами мало знают об отдалённых частях своего отечества. Однако, ввиду большого интереса сообщаемых фактов, я передам их в том виде, как сам слышал, не ручаясь за достоверность.

Начну с того, что, по рассказам корейцев, хребет Чан-бо-шан (или правильнее Тян-пэ-сян) бывает покрыт снегом не круглый год, а только зимой, весной и осенью; летом же снег сходит даже с самых высших точек.

В дремучих лесах, его покрывающих, водятся соболи, которых нет во всей остальной Корее.

Высоко в горах лежит озеро, имеющее около пяти верст в окружности, из которого вытекают три реки: Сунгари — к северу, Туманга — к востоку и Амнока к западу (Ялу-цзян), впадающая в Жёлтое море и составляющая границу между Маньчжурией и Кореей. Озеро это еще замечательно тем, что по берегам его множество каких-то особенных камней, которые легки, как дерево, так что плавают на воде и выносятся вытекающими реками.

Подобный рассказ я слышал не только от корейцев, но также и от одного китайца, который долго жил в городе Нингуте (у подошвы Чан-бо-шаня) и хорошо знает об этом явлении. Если действительно такое показание справедливо, то не есть ли вышеупомянутые камни пемза вулканического происхождения — факт в высшей степени интересный.

Наконец, корейцы говорят, что на южном склоне Чан-бо-шана живет особое горное племя (леу-танги), не зависимое ни от Кореи, ни от Маньчжурии и строго оберегающее свою независимость.

В заключение главы об инородческом населении я считаю уместным поместить рассказ о посещении мной в октябре 1867 года пограничного корейского города Кыген-Пу.

Этот город находится в 25 верстах от Новгородской гавани и расположен на правом берегу реки Туманги[6], которая имеет здесь около ста сажен [200 м] ширины.

Весь город, состоящий из трёх или четырёх сот фанз, налепленных, как гнёзда ласточек под крышей, выстроен на довольно крутом южном склоне горы, которая упирается в реку отвесным утёсом.

[6] Исправлено. В авторском издании было напечатано на левом. — *Ред.*

Самая большая часть, приблизительно три четверти города, расположена внутри стены, сложенной из камня и имеющей сажени полторы вышины, а толщину около сажени.

Стена эта в общем своём очертании представляет форму квадрата. Одной стороной она примыкает к обрыву берега, а отсюда тянется вдоль горы, заключая внутри себя пространство с версту длины и около полверсты ширины.

Впрочем, большая часть этого пространства остаётся пустой, так как фанзы, там находящиеся, скучены к подошве горы.

В самой стене вделано несколько пушек без лафетов, так что эти грозные орудия могут стрелять только по одному направлению — вниз по Туманге.

Вообще своим наружным видом городская стена сильно напоминает каменные ограды, которыми обыкновенно обносятся кладбища больших городов. На юго-западном углу её находится вышка, где постоянно стоит часовой, и тут же устроена комната в виде каземата, в которую сажают преступников.

В середину крепости, если только можно употребить здесь подобное название, ведут трое ворот, и там живёт сам начальник города; вне её находится немного, только несколько десятков фанз, да и те жмутся как можно ближе к самой крепости. Таков наружный, весьма непривлекательный вид города Кыген-Пу, который мне предстояло посетить.

Обождав до девяти часов утра, чтобы дать как следует проспаться тамошним жителям и в особенности их начальнику, я взял лодку, находящуюся на нашем пограничном посту, трёх гребцов и поплыл вверх по реке к городу, до которого расстояние от нашего караула не более версты. Со мной был также переводчик, один из солдат, живущих на посту, хотя он весьма плохо говорил по-корейски, но всё-таки с помощью пантомим мог передать обыкновенный разговор.

В то время, когда наша лодка плыла по реке, несколько раз показывались около фанз внизу и в крепости наверху горы белые фигуры корейцев и, пристально посмотрев, куда-то быстро скрывались. Но лишь только мы вышли на берег и направились к городу, как со всех концов его начали сбегаться жители, большие и малые, так что вскоре образовалась огромная толпа, тесно окружившая нас со всех сторон. В то же время явилось несколько полицейских и двое солдат, которые спрашивали, зачем мы пришли. Когда я объяснил через переводчика, что желаю видеться с начальником города, то солдаты отвечали на это решительным отказом, говорили, что их начальник никого не принимает, потому что болен, и что даже если пойти доложить ему, то за это тотчас отрежут голову. Впрочем,

всё это было только одна уловка со стороны солдат, не желавших пустить нас в город; вместе с тем они требовали, чтобы мы тотчас же уходили на свою лодку и уезжали обратно.

Зная характер всех азиатцев, в обращении с которыми следует быть настойчивым и даже иногда дерзким для достижения своей цели, я начал требовать, чтобы непременно доложили начальнику города о моём приезде.

Между тем толпа увеличивалась всё более и более, так что полицейские начали уже употреблять в дело свои палочки, которыми быстро угощали самых назойливых и любопытных.

Действительно, становилось уже несносным это нахальное любопытство, с которым вас рассматривают с ног до головы, щупают, берут прямо из кармана или из рук вещи и чуть не рвут их на части. Впрочем, в толпе были только одни мужчины; женщин я не видал ни одной во всё время своего пребывания в Кыген-Пу. Не знаю, действовало ли здесь запрещение ревнивых мужей, или кореянки, к их чести, менее любопытны, чем европейские женщины.

Между тем солдаты[7] опять начали повторять своё требование, чтобы мы убирались обратно, и, наконец, видя наше упорство, спросили: имею ли я какую-либо бумагу к их начальнику, без чего уже никоим образом нельзя его видеть. Хотя со мной не было никакого документа в этом роде, но, по счастию, оказалось в кармане открытое из Иркутка предписание на получение почтовых лошадей, и я решился пустить в дело эту бумагу, на которой сидела большая красная печать, самая важная вещь для корейцев.

Взяв от меня это предписание, один из солдат начал рассматривать печать и потом вдруг спросил: почему же бумага написана не по-корейски?

На это я ему отвечал, что корейского переводчика теперь нет в Новгородской гавани, что он куда-то уехал, а без него некому было писать.

Убедившись таким аргументом и помявшись ещё немного, солдат решился, наконец, доложить обо мне начальнику города. Для этого он сделал рукой знак, чтобы следовать за ним, и повёл нас в особый дом, назначенный для приёма иностранцев, которые до последнего времени состояли только из пограничных китайских властей.

Дом, назначенный для такого приёма, находится с краю города, шагах в пятидесяти от крепости и состоит из простого навеса, обнесённого тремя деревянными стенами, с таким же полом, на который ведут несколько ступенек. Внутри здания к средней стене приделано ещё небольшое отделение, вроде маленькой комнаты, с решётчатыми дверями. Над этими

[7] Одежда корейских солдат такая же, как у обыкновенных жителей, т.е. широкая, вроде халата; только на шляпе они имеют по два павлиньих пера. У полицейских на шляпе нашито по два красных шнура.

дверями висит доска с каким-то писанием, вероятно, заключающим правила, как должны вести себя иностранцы, удостоенные великой чести видеть начальника города Кыген-Пу. Однако едва ли кто из немногих иностранцев, здесь бывших, мог читать наставления относительно своего поведения, так как они написаны только по-корейски.

Оставив нас в приёмном доме и сказав, чтобы мы здесь ждали, солдаты пошли с докладом к начальнику города.

Между тем толпа, не отстававшая ни на минуту и всё более увеличивавшаяся, опять окружила нас со всех сторон и битком набилась даже под навес.

Мальчишки начали уже школьничать, дёргали нас исподтишка за фалды или за панталоны, а сами скрывались. Взрослые же корейцы по-прежнему ощупывали, обнюхивали или стояли неподвижно, не спуская с нас глаз.

Минут через десять после ухода солдат принесли несколько плетёных из травы циновок, которые разостлали на полу и одну из них покрыли небольшим ковром; всё это было знаком, что начальник города согласился на свидание.

Спустя ещё немного времени в крепости вдруг раздалось пение — знак шествия начальника, которого несли четыре человека на деревянных носилках. Впереди шло несколько полицейских, которые своими длинными и узкими палочками или скорее линейками разгоняли народ; потом четыре мальчика, исполняющие должность прислужников; за ними ехал на плечах своих подчинённых сам начальник города и, наконец, человек десять солдат заключали шествие. Всё это пело или, лучше сказать, кричало во всю глотку, что, вероятно, у корейцев делается всегда, когда только куда-нибудь несут начальника. Сам он сидел сложа руки и совершенно неподвижно на деревянном кресле, приделанном к носилкам и покрытом тигровой шкурой.

Вся толпа, до сих пор шумная, лишь только увидала шествие, мигом отхлынула прочь и, образовав проход, почтительно стала по бокам дороги; несколько человек даже повергнись ниц.

Взойдя на ступеньки приёмного дома, носильщики опустили свои носилки. Тогда начальник встал с них, сделал несколько шагов внутрь здания и, поклонившись мне, просил сесть на тигровую шкуру, которую сняли с кресел и разостлали на циновках.

Сам он довольно красивый пожилой человек 41 года, по фамилии Юнь-Хаб и в чине капитана, *сатти* по-корейски.

В одежде начальника не было никаких особенных знаков отличия. Как обыкновенно у корейцев, эта одежда состояла из белого верхнего платья, панталон, башмаков и шляпы с широкими полями.

Прежде чем сесть на ковер, разостланный рядом с тигровой шкурой, назначенной собственно для меня, Юнь-Хаб снял свои башмаки, которые взял и поставил в стороне один из находящихся при нём мальчиков.

В то же время возле нас положили бумагу, кисточку, тушь для писания и небольшой медный ящик, в котором, как я после узнал, хранится печать. Наконец, принесли ящик с табаком, чугунный горшок с горячими угольями для закуривания и две трубки, которые тотчас же были наложены и закурены. Одну из них начальник взял себе, а другую предложил мне, но когда я отказался, потому что не курю, тогда эта трубка была передана переводчику-солдату, который, по моему приказанию, уселся рядом со мной.

Все же остальные присутствующие, даже адъютант начальника и много других корейцев, вероятно, самых важных обитателей города, стояли по бокам и сзади нас.

Наконец, когда мы уселись, Юнь-Хаб прежде всего обратился ко мне с вопросом: зачем я приехал к нему?

Желая найти какой-нибудь предлог, я отвечал, что приехал, собственно, для того, чтобы узнать, спокойно ли здесь на границе и не обижают ли его наши солдаты. На это получил ответ, что все спокойно, а обиды нет никакой.

Затем он спросил: сколько мне лет и как моя фамилия? То и другое велел записать своему адъютанту, который скоро записал цифру лет, но фамилию долго не мог выговорить и, наконец, изобразил слово, даже не похожее на неё по звукам. Однако, чтобы отделаться, я утвердительно кивнул головой и в свою очередь спросил о возрасте и фамилии начальника.

Этот последний сначала принял меня за американца и долго не хотел верить тому, что я русский.

Затем разговор свёлся на войну, недавно бывшую у корейцев с французами[8], и Юнь-Хаб как истый патриот совершенно серьёзно уверял меня, что эта война теперь уже кончилась полным торжеством корейцев, которые побили несколько тысяч врагов, а сами потеряли за всё время только шесть человек.

Потом принесли географический атлас корейской работы, и Юнь-Хаб, желая блеснуть своей учёностью, начал показывать мне части света и различные государства, называя их по именам. Но, как видно, он имел весьма скудные географические сведения, потому что часто сбивался в названиях и справлялся в тексте, приложенном к каждой карте. Я же нарочно притворился ничего не знающим, а потому корейский географ мог врать

[8] В октябре 1866 г. корейцы разгромили французский десант, высадившийся на западном побережье Кореи (*прим. сост.*).

не смущаясь. Все карты были самой топорной работы, и хотя очертания некоторых стран нанесены довольно верно, но в то же время попадались страшно грубые ошибки. Так, например, полуостров передней Индии урезан до половины, а на месте нашей Камы показана какая-то река без истока и устья вроде длинного, узкого озера.

Перебирая одно за другим различные государства и часто невообразимо искажая их названия, Юнь-Хаб, наконец, добрался до Европы, где тотчас же отыскал и показал Францию с Англией. Потом, пропустив всё остальное, перешёл к России, где также показал Петербург, Москву и, не знаю почему именно, Уральские горы. Показания его относительно России оказались настолько обширны, что он даже знал о сожжении Москвы французами. Когда эту фразу мой переводчик никак не мот понять и передать, то Юнь-Хаб взял пеплу из горшка, в котором закуривают трубки, положил на то место карты, где обозначена Москва и сказал: «французы».

Затем разговор перешёл опять на Корею. Здесь начальник выказал большую осторожность, даже подозрительность и давал только самые уклончивые ответы. Когда я спрашивал у него, сколько в Кыген-Пу жителей? далеко ли отсюда до корейской столицы? много ли у них войска? — то на всё это получил один и тот же ответ: «много».

На вопрос: почему корейцы не пускают в свой город русских и не ведут с ними торговли? — Юнь-Хаб отвечал, что этого не хочет их царь, за нарушение приказания которого без дальнейших рассуждений отправят на тот свет. При этом он наивно просил передать нашим властям, чтобы выдали обратно всех переселившихся к нам корейцев, и он тотчас же прикажет всем им отрезать головы.

Между тем принесли для меня угощение, состоявшее из больших, довольно вкусных груш, чищеных кедровых орехов и каких-то пряников.

Во время еды всего этого начальник, оказавшийся не менее любопытным, чем и его подчиненные, рассматривал бывшие со мной вещи: штуцер, револьвер и подзорную трубу. Всё это он, вероятно, видел ещё прежде, потому что знал, как обращаться с револьвером и подзорной трубой.

Между тем бывшие со мной солдаты беседовали в стороне, как умели, с корейцами, даже боролись с ними и показывали разные гимнастические фокусы. Всё это очень нравилось окружавшей их толпе и, наконец, когда один из солдат проплясал вприсядку, то это привело в такой восторг корейцев, что они решились даже доложить о подобной потехе своему начальнику.

Последний также пожелал видеть пляску, а потому солдат еще раз проплясал перед нами к полному удовольствию всех присутствующих и самого Юнь-Хаба.

В это время привели на суд трёх виновных, уличённых в покраже коровы.

Представ пред лицом своего начальника, подсудимые поверглись ниц и что-то бормотали минут с пять. Выслушав такое, вероятно, оправдание, Юнь-Хаб сказал отрывисто несколько слов, и полицейские, схватив виновных за чубы — что весьма удобно при корейской причёске — потащили их куда-то в город.

После суда разговор продолжался недолго и, наконец, когда я объявил, что желаю уйти, то Юнь-Хаб тотчас же встал и вежливо раскланялся.

На прощанье он только пожелал, чтобы я выстрелил из штуцера, для чего приказал поставить небольшую доску на расстоянии около ста шагов. Когда я выстрелил и пуля, пробив эту доску, далеко ещё пошла рикошетами по полю, то вся толпа издала какой-то громкий, отрывистый звук, вероятно, знак одобрения, а Юнь-Хаб тонко улыбнулся и вторично раскланялся со мной.

Затем, усевшись на носилки, с прежней церемонией и пением он двинулся в крепость. Я же с своими солдатами в сопровождении всей толпы направился к берегу и, переправившись через реку, поехал обратно в Новгородскую гавань, откуда вскоре предпринял экспедицию для исследования Южно-Уссурийского края.

Пржевальский Н. М.
Путешествие в Уссурийском крае 1867, 1868 гг. М., 1947, с. 97–106

Н. М. Пржевальский

КОРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

К числу замечательных явлений, совершающихся в последнее время в этих местностях, следует отнести также иммиграцию корейцев в пределы России и образование ими там новых поселений. Главными побудительными к этому причинами были, с одной стороны, густая населенность корейского полуострова и развившиеся там вследствие этого нищета и пролетариат, а с другой — близость наших владений, обильных плодородною, нетронутою почвою.

С нашей стороны такие заявления корейцев о переселении принимаются с полным сочувствием, и, несмотря на противодействие корейских властей, зимою 1864–65 г. к нам переселилось 10 семейств. Затем, в следующем, 1866 году, переселение произошло уже в гораздо больших размерах, и к нам перешло 133 семейства, в которых, вместе с прежними 10-ю, состояло 419 душ мужеского и 331 женского пола. Все эти 143 семейства были поселены в трех деревнях: Тизэн-хэ, Седеми и Мунгудай, более же всего в первой, в которой в это время поселилось 124 семейства в числе 661 души обоего пола. В 1867 году вновь переселилось 80 семейств в числе 565 душ, большая часть которых была поселена также в Тизэн-хэ, часть же на р. Янчихэз.

Таким образом, у нас образовались 4 корейские деревни, в которых считается 223 семейства и 1315 душ обоего пола, а именно (см. табл.).

Все эти корейцы пришли к нам из пяти ближайших к границе (от Новгородской гавани) городов, лежащих на р. Туманг[1] в следующем порядке:

[1] Пограничная река между Кореею, с одной стороны, и Маньчжуриею и Россиею — с другой, носит у нас различные названия: Тюмень-ула, Тумень-цзян, Гао-ли-дзян (карта Будогосского); корейцы же называют ее Туман-ган. Следовало бы остановиться на одном чем-нибудь, и, мне кажется, лучше всего принять наиболее употребительную китайскую орфографию Тумэнь-цзян.

Название городов на Тумэнь-цзяне, из которых переселились к нам корейцы, записаны неверно. Для ориентировки помещается здесь следующий список городов в том виде, как он записан был П. А. Гельмерсеном в бытность его на корейской границе, а также названия, помещенные на Зибольдовой «Karte von der Koraischen Halbinsel». 1840. (Nippon. Tab. XV): Кын-хын (на границе с Россиею)................20 в. Kjong-hung.

	местность	Число семейств	Число жителей		ВСЕГО	
			Муж.	Жен.		
1) Тизен-хе	На речке того же имени в 18 верстах от Новгородской гавани	204	–	–	1226	Самое большое число, приблизительно около 1000 человек, живет в Тызен-хе, остальные же в Янчихэзе
2) Янчихэза	На реке того же имени, впадающей в северную сторону бухты экспедиции в 16 верстах от Новгородской гавани	–	–	–	–	
3) Седеми	На реке того же имени, впадающей в Амурский залив верст 80 севернее Новгородской гавани	11	30	24	54	
4) Мунгудай	На реке того же имени, впадающей в Амурский залив верст 100 к северу от Новгородской гавани	8	21	14	35	
	ИТОГО	223	–	–	1315	

Кыген-Пу	30 вер.	от Новгородской гавани
Кеуен-Пу	60 __	
Уэнсян-Пу	150 __	
Чунсян-Пу	250 __	
Хаурян-Пу	350 __	

Последний, самый большой из всех (до 2000 фанз), лежит уже на верховьях р. Туманги. Однако более всего переселилось из ближайшего города Кыген-Пу.

Пример всех этих переселенцев сильно действует на пограничное корейское население, так что и теперь есть еще много желающих переселиться, но прием их в наши пределы в настоящее время приостановлен для того, чтобы сперва узнать, каких результатов можно ожидать от тех корейцев, которые уже живут в наших владениях.

С своей стороны, корейское правительство всеми средствами старалось и старается приостановить такое переселение и употребляет самые строгие меры, расстреливая даже тех корейцев, которых удается захватить на пути в наши владения. Несмотря на это, корейцы бросают свои фанзы и тихомолком ночью переправляются через пограничную реку Тумангу и уже оттуда, иногда даже над прикрытием наших солдат, безопасно следуют в Новгородскую гавань. До чего корейское правительство чуждается всяких сношений с русскими, можно судить уже из того, что начальник города Кыген-Пу запретил жителям под страхом смерти продавать что-либо русским и приказал уничтожить все лодки, находящиеся в городе, для того чтобы никто из корейцев не мог переезжать на левую сторону реки, где стоит наш пограничный пост.

Однако, несмотря на строгое запрещение своего начальника, жители Кыгён-Пу зимою, когда замерзнет река, приходят ночью на этот пост в гости к солдатам.

Во время моего посещения Кыген-Пу, этот самый начальник наивно просил меня о выдаче ему переселившихся к нам корейцев, которым он намеревался срубить головы.

Считаю не лишним представить здесь описание посещенной мною самой обширной и самой давней по заселению корейской деревни

Ке-уани	50 > = 100 ли	Kjong-uon
Уань-шень.	90 >	On-sjong
Чун-шен	70 >	Tsing-sjong
Хорин (Хуй-ньюн)	-95 >	Hoi-njong

Город Хорин лежит не на самой реке, а в 5 верстах от нее, и по показанию корейцев, с которыми я говорил, имеет 600 домов. Все эти города принадлежат к разряду областных «Пу», соответствующих китайским Фу.

Тизен-хэ. Эта деревня расположена в 18 верстах от Новгородской гавани, в плодородной и живописной долине, орошаемой речкой того же имени. Горы, которые тянутся, начиная от морского берега внутрь страны, образуют здесь как бы две стены. Долина имеет в длину верст 16, а в ширину 1–1½ версты. Извилистая и быстрая речка Тизен-хэ протекает по самой средине долины, оставляя по обеим сторонам равные пространства плодородной и удобной для обработки земли. Боковые скаты крайних гор довольно круты, поросли редким дубовым лесом с густою травою и, образуя множество ложбин и выступов, имеют волнообразный вид. Далее за ними горы достигают значительной высоты и, выглядывая одна из-за другой, представляют множество красивых, разнообразно сгруппированных вершин. Корейская деревня растянута на слишком 10 верст и состоит из фанз, настроенных без всякой правильности, в расстоянии 100–300 шагов одна от другой. Своим наружным видом и внутренним устройством корейские фанзы нисколько ни отличаются от китайских. Те же глиняные стены, заклеенные бумагою окна, очаг и нары с соломенниками. Следует, однако, заметить, что в тех фанзах, где живут несколько женатых, нары отделены перегородками, и женатые ночуют всегда каждый в особом отделении.

Между фанзами находятся поля, обрабатываемые корейцами с большим тщанием. Все полевые работы производятся на коровах и быках, но плуги весьма дурного устройства.

Из хлебов корейцы более всего засевают проса (буды), которое составляет для них так же, как и для китайцев, главную пищу, потом бобы, фасоль и ячмень; в меньшем же количестве сеют кукурузу, картофель, гречиху, коноплю и табак, а также огородные овощи: огурцы, тыкву, редьку, салат, красный перец и проч.

Все эти хлеба родятся очень хорошо и дают средним числом следующий урожай:

Просо	100
Ячмень	10–15
Бобы и фасоль	30
Кукуруза	100–120
Гречиха	10–15
Конопля	20
Картофель	15

Хлеб свой корейцы жнут небольшими серпами, вроде нашей косы, и затем связывают в снопы, которые молотят колотушками на особых токах, находящихся возле фанз.

Табак после сбора вешают под навес для просушки; курят все, даже и женщины. Для обработки конопли они сначала варят самый стебель часа два в горячей воде, а потом уже руками обдирают волокно.

Кроме того, корейцы так же, как и китайцы, приготовляют для себя масло из семян особого растения, видеть которое мне не удалось, но которого я мог достать только одни семена. Для этого они сначала мелют эти семена в жернове, потом наливают на них немного воды и варят; наконец, кладут в мешок под тяжелый камень; масло вместе с водою вытекает в подставленный сосуд. Вкусом оно похоже на подсолнечное.

Кроме хлебопашества корейцы занимаются скотоводством, в особенности разведением рогатого скота, который служить им для работ. Корейцы, равно как и китайцы, никогда не доят своих коров и вовсе не употребляют молока.

В своем домашнем быту корейцы отличаются трудолюбием и чистотою, совершенно противоположно китайским манзам, грязным донельзя. Самое одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к частоте. Обыкновенная одежда мужчин состоит из верхнего платья вроде халата, с чрезвычайно широкими рукавами, белых панталон и башмаков; на голове носят они черные шляпы с широкими нолями и узкою верхушкою. Шляпы эти сплетены в виде сетки из волос, с ободками из китового уса. Кроме того, старики носят постоянно, даже и дома, особый волосяной колпак. Одежда женщин состоит из белой кофты и такой же белой юбки, с разрезами по бокам.

Волосы свои корейцы не бреют, как манзы, которые оставляют только одну косу, а собирают их в кучу на верху головы и сплетают здесь в виде столба; женщины же обвивают волосы кругом головы и связывают. Вообще красота волос считается главным щегольством, так что щеголихи, обиженные в этом случае природою, носят искусственные косы, работа которых доведена у корейцев до высшей степени совершенства.

В общем — физиономии корейцев довольно приятны, хотя несколько выдающиеся скулы и плоский нос напоминают собою монгольский тип. Лица у них по большой части круглые, в особенности у женщин, но при том белые и все они решительно, как мужчины, так и женщины, брюнеты. Между женщинами попадаются красавицы.

Мужчины носят бороды, которые, впрочем, очень не велики и редки. Роста мужчины большею частью среднего, женщины несколько меньше.

Замечательно, что женщины у корейцев не имеют имен, а называются по родне, напр. мать, тетка, бабушка и проч.; у мужчин же сначала пишется и говорится фамилия, а потом имя. Каждый кореец может иметь только

одну жену, но этот закон не строго соблюдается, и богатые держат иногда до трех жен.

Корейский властитель, Наран Ними, или Нараи, имеет 9 жен. Он живет во дворце Пухан (недалеко от столицы Кенгы[2]), из которого есть подземный ход в соседнюю крепость Сеуль. Из подданных никто его не видит, кроме приближенных. Он считается меньшим братом китайского Богдохана. Каждый, являющийся к нему, должен ложиться ниц на землю. Этот обычай соблюдает также простой народ и младшие чиновники, являясь к старшим. Вообще, деспотизм у корейцев развит до крайней степени, и проник во все составы государственного организма. Самый вид чиновника приводит в трепет простого человека. Когда от нас был послан офицер с каким-то поручением в город Кыген-Пу, то бывший с ним переводчик из корейцев, перешедших к нам, трясся как лист, увидав своего прежнего начальника, хотя теперь он был от него в совершенной безопасности. До того еще сохранилось в нем прежнее обаятельное влияние страха перед начальством.

В своих нравственных воззрениях корейцы имеют понятие о Высшем существе, душе и загробной жизни. Бога они называют Путэ-Ними, душу — Хани, а небо или рай — Ханыри. У них также есть служители религии, т. е. священники, которыми могут быть не только мужчины, но и женщины. В чем же именно состоят обряды религии, я не мог узнать от своего переводчика, старшины в деревне Тизен-хэ, который очень плохо говорит по-русски. Замечательно, что у корейцев сохранялись предания, как бы заимствованные из Ветхого Завета, напр. о потопе, о Моисее и т. д.

Праздников у них всего четыре в году; один из них продолжается три дня.

В Корее каждый город и деревня имеют школу, в которой обучаются мальчики корейскому языку, и немногие более способные сверх того — китайскому, на котором ведется вся их дипломатическая переписка с Китаем[3].

Переселяясь к нам, некоторые из корейцев приняли православную веру, так что теперь в д. Тизен-хэ есть 17 человек христиан мужчин и женщин и в том числе старшина деревни. Его прежняя фамилия и имя были Цхуй-ункыги, теперь же он называется Петр Семенов, по имени и отчеству своего крестного отца, одного из наших офицеров. Этот старшина, человек 48 лет, умеет, хотя и плохо, говорить по-русски и кроме корейского языка знает

---

[2] Столица Кореи называется не Кенгы, а Сяури или, по южному произношению, Сеул. Область же, в которой находится эта столица, называется Кьён-ки-до, т. е. столичная. *(Кьён есть китайское* <u>*Цзин*</u>*).*

[3] По поводу сведений, сообщаемых о Корее, нельзя не заметить, что они вообще основаны, как кажется, на показаниях поселян, весьма малограмотных.

немного по-китайски. Ходит он в русском платье, обстрижен по-русски и даже при своей фанзе выстроил большую русскую избу. Его любознательность так велика, что он несколько раз высказывал мне свое желание побывать в Москве и Петербурге. Он человек весьма услужливый и честный. В продолжение двух суток, которые я пробыл в деревне Тизен-хэ, он находился при мне неотлучно, везде ходил со мною, рассказывал, и когда на прощанье я предложил ему деньги за услуги, то он долго отказывался от них и взял только после настоятельной просьбы с моей стороны.

Вообще услужливость, вежливость и трудолюбие составляют, сколько я мог заметить, отличительные черты характера корейцев, которые в этом случае стоят бесконечно выше своих соседей китайцев-манз. Корейцы сами себя называют каули.

Вот все, что я только мог узнать от корейцев во время пребывания в Новгородской гавани.

В настоящее время корейцы живут отдельною своею общиною, на расстоянии по крайней мере 200 верст от наших крестьян и притом у самой границы; для скорейшего их обрусения было бы, кажется, полезнее поселить их где-нибудь подальше, напр. хотя в степной полосе между озером Ханка и р. Суйфуном. Здесь бы они жили среди русских крестьян, с которыми могли бы поближе познакомиться и перенять от них кое-что русское. Затем мало-помалу вместе с православною верою стали бы проникать к ним русский язык и русские обычаи.

Пржевальский Н.М.
Инородческое население в южной части Приморской области. — Известия Императорского Русского географического общества. Т. V. № 2. СПб., 1869, с. 195–201

П. А. Гельмерсен

ЗАМЕТКА О КОРЕЕ

Небольшой список корейских городов, лежащих на р. Тумэнь-цзяне, помещенный мною в примечаниях к прекрасной статье г. Пржевальского об инородческом населении южной части Уссурийского края[1], составляет часть маршрута, записанного мною со слов корейцев в конце 1865 года в бытность мою в Посьете. По возвращении в Европу я ознакомился с материалами, собранными Зибольдом[2] в Нагасаки, которые мне не были известны перед моей поездкой, и сравнил показания корейцев с картою Кореи, помещенной в «Ниппоне». Убедившись в верности показания корейца (Па-Шюдури), я приурочил их к карте Кореи английского Географического Департамента.

Не надеясь, чтоб в течение нынешней зимы мне удалось издать сведения о Корее, считаю не лишним напечатать небольшой маршрут по корейской провинции Хан-кион-до.

Как известно, Корея делится на 8 провинций, называемых «до», т. е. дороги. Подобное же деление существует и в Японии. В каждой провинции пролегает дорога, считающаяся государственною (в Японии эти дороги изъяты из юрисдикции князей, во владениях которых они пролегают). В ближайшей к нам области государственная дорога идет от устья р. Тумэнь-цзян вверх по ней и затем поворачивает на юг к зал. Броутона, близ коего лежит главный город провинции Ха-мун, резиденция генерал-губернатора. Отсюда дорога идет далее вдоль берега моря до границ провинции Ка-уан-до, в которой переходит на западный склон гор, упирающихся восточным склоном в море.

---

[1] Пржевальский Н. М. Инородческое население в южной части Приморской области.— Известия имп. Русского географического общества. Т. V. № 2. СПБ, 1869 (прим. сост.).

[2] Зибольд Ф. – немецкий лингвист. Глава о Корее из его книги «Путешествие по Японии, или Описание Японской империи в физическом, географическом и историческом отношениях» (СПБ, 1854) представлена в данной книге (прим. сост.).

Представляемый мною маршрут записан по показаниям человека, путешествующего довольно много с купцами, у которых он находится на службе, и проверен, по возможности, со слов других корейцев из с. Тизинхэ близ г. Посьета. В орфографии корейских имен я придерживался выговора, так как во время записывания маршрута я не знал корейских письмен...[3].

Дорога до Кир-чу колесная, но далее через перевал Ма-терен существует только вьючная тропа, а потому для переезда через хребет употребляется вьючный скот, телеги же разбираются и перевозятся по частям. Подобный способ перевозки, кажущийся весьма неправдоподобным, возможен в Корее, где повозки имеют самое первобытное и необыкновенно легкое устройство, обусловленное малым ростом лошадей и скота. За горой Ма-терен дорога опять колесная. По показанию корейцев, весь этот тракт обставлен столбами на расстоянии 5 ли. В Ха-муне есть большой мост через реку.

Из упомянутых в маршруте городов Уань-шен и Чун-шен замечательны выделкой холстов, вероятно, из конопляных волокон, так как этот материал в большом употреблении в северной Корее. Около этих городов разводят немного рису, всеобщее разведение которого начинается только к югу от Пук-чен-и.

Показание корейцев, будто в городе Кин-шен живет сановник первой степени (иль-пу̀м-гуан = кит. и-пхин-гуань), имеющий конвой в 100 солдат, не совсем согласуется с картой Зибольда, по которой не Кин-шен, а Кир-чу принадлежит к городам 1 класса, что подтверждается окончаниями *чу* или *цью*, означающими этот класс городов. Главным городам в провинции корейцы (простонародье) присваивают название Каме́нь-ира. Городами Кир-чу и Ха-мун управляют сановники, почти равные по степени, и которые, по выражению корейцев, «сидят рядом». Из Хо-рян есть дорога в Бу-сани (P`ung-san?), лежащий близ г. Пек-ту-сани, и далее в Кап-сани, лежащий в 300 ли от первого.

Тан-чен замечателен по обилию разрабатываемых в окрестностях его минералов: серебра, золота и угля. Гора Пек-ту-сан (или сани) играет важную роль в понятиях корейцев и едва ли не пользуется таким же почетом, как Фудзи-яма у японцев.

За право проезда по описанной мною дороге или за право торговли по ней, купцы обязаны платить по 300 цяней, т. е. 3 связки медных монет. Провозная же плата составляет около 150 цянь за каждую лошадь.

---

[3] В тексте статьи опущен «Маршрут от русской границы», содержащий перечень корейских населенных пунктов (прим. сост.).

Между устьем Тумэнь-цзяна и заливом Броутона существует каботажная торговля. Для получения права на ее производство купцы берут билеты в Ха-муне и предъявляют их береговой страже, которою, судя по карте, усеяны все корейские берега.

В заключение считаю не лишним заметить, что гор. Ха-мун, по всей вероятности, лежит в заливе Броутона, и есть тот самый город, о котором упоминается в отчете о плавании фрегата «Паллада» вдоль восточного берега Кореи.

Известия Императорского Русского географического общества.
Т. V. № 5. СПБ, 1869, с. 202–204

ИНЦИДЕНТ С РОССИЙСКОЙ КАНОНЕРСКОЙ ЛОДКОЙ «СОБОЛЬ» (1869 Г.)

Винтовая лодка «Соболь», Тяньцзин, 28 апреля 1869 г.

С вверенной мне (капитан-лейтенанту Усову.— *Сост.*) лодкой с наступившим приливом развел пары и 1 апреля вышел из Шанхая и пошел по назначению к берегам Кореи. Имея карты берегов Китая и Печелийского залива, исправленные по 1863 год, я прикупил карты означенных морей, исправленных в 1868 году. Пройдя бар и обогнув плавучий маяк, взял курс на OtN, чтобы удалиться несколько от берегов.

2 апреля, в 8 часов утра, прекратил пары, поднял винт, вступил под паруса и лег по курсу на NOtO по западную сторону о-ва Квельпарта. 3 апреля ветр от SO скрепчал до степени 7 баллов. Взяв у фор-марселя два рифа и закрепив грот-марсель, стал править в бейдевинд; в полдень по счислению находился в широте 32° 52' 47" N, долготе 124° 1' 30" O от Гринвича. Всю ночь ветр со шквалами, сопровождаемый дождем; в 4 ч. утра ветр отошел к S; нес полные паруса. К вечеру увидел вершину о-ва Квельпарта, но, не имея три дня обсервации, поворотил на левый галс и лег в бейдевинд под косыми парусами. С рассветом 5 числа поворотил на правый галс и лег на W-ую оконечность острова и, обогнув его по юго-западную сторону в расстоянии пяти кабельтовов, видел, что остров густо населен корейцами: нет места, которое не было бы обработано. Пройдя на N, к вечеру увидел впереди на NO группу островов и, не решаясь ночью входить в архипелаг, поворотил чрез фордевинд, взяв у марселей два рифа и лег на SSO$^3/_4$O, имея ходу $1^1/_2$ узла.

6 апреля, в 4 часа утра, поворотил и пошел под всеми парусами к архипелагу; в 10 ч. развел пары и, убрав паруса, пошел под парами. Пройдя канал Мори, вступил в шхеры. Проходя узкими каналами, по временам останавливал машину; где, как мне казалось, была сомнительная глубина, посылал впереди шлюпку с промером, сам же шел медленно. Пройдя узким каналом, стал на якорь в закрытой бухте на глубине 9 сажен.

7 и 8 числа офицеры занимались промером и описью бухт и островов; по обсервации находился в широте 34° 20' 45" N, долготе 126° 10' 35" к O от Гринвича.

Взяв шлюпку и выйдя из бухты восточным проходом, поднявшись на одну из высот, видел на NO тянувшийся архипелаг; вдаваться же в места совершенно не исследованные я не решался; дождавшись полного отлива, видел рифы и каменья высотой около 15 ф. над водой. В это время увидел группу корейцев, которые знаками показывали, чтоб я удалился.

Имея поручение осмотреть архипелаг островов, прилегающий к Корее, а также порты, которых не нашел на карте, я считал долгом продолжать свои гидрографические исследования.

Все пройденные мною острова осмотрены на ходу; по виду они вулканического происхождения и почти все населены. Почва весьма скудная. Острова эти не имеют лесов, кое-где в полях находятся группы кедров. Корейцы не допускают иностранцев к своим жилищам. Я видел на некоторых островах рисовые поля и сожалею, что при таких посылках на лодке не было переводчика.

Апреля 9-го снялся и вышел из архипелага, оставляя к югу группы островов Мори и Гидрографов; взяв курс на WtN и пройдя траверз о-ва Моской, лег на N1/2O, оставляя вправо весь архипелаг, прилегающий к западному берегу Кореи, в который я вдаваться не решился, не имея достаточно хороших карт. В 6 ч. 10 апреля переменил курс на NNO1/2O. Дойдя до архипелага островов Guerin, вошел в шхеры, остановил машину, послал вельбот с промером, а в 8 ч. вечера положил якорь в бухте, не показанной на карте, считая себя в широте 36° 50' N, долготе 126° 15' от Гринвича к O. Здесь простоял ночь, а в 4 часа с рассветом снялся и, пройдя узкий пролив, пошел к архипелагу островов Prince Imperial. Пройдя каналом группу означенных островов, обогнув крайний к северу Imperial, пошел на O. Пройдя траверз о-ва Murailles и оставив три малые острова влево, взял курс на NOtO, имея W-ую оконечность Murailles за кормой. Войдя, как мне казалось, в залив, бросил якорь на глубине 4½ сажени. При начинавшемся же отливе, когда вода сбыла, под лодкой было $3^1/_2$ фута, что заставило меня перетянуться в пролив на глубину 9 футов. 13 апреля по обсервации находился в широте 37° 21' 52" N, долготе 126° 34' 10" от Гринвича к O; наблюдение сделано на Коническом острове. По английской карте, на которой означена эта местность, я находился возле о-ва Канхоа, который, по-видимому, состоит из многих островов. В 8 ч. утра послан был мной баркас с офицерами для исследования местности. Возвращаясь, офицеры видели в глубине залива малую речку, но сказать, что это была

река Хан-кон, при которой находится главный корейский город Сяуль — этого никто подтвердить не мог.

По счислению и по карте в глубине залива на N находятся два малые острова; возле них означено место якорной стоянки. Предполагая, что это место есть предел, где французская эскадра становилась на якорь, я 14 числа снялся и пошел в глубину залива, где, подойдя к лесистому острову, увидел впереди риф, а потому отдал якорь на глубине 8 сажен, имея 15 сажен на клюзе, но цепь лопнула (полагаю, что плехт задел лапой за камень), тогда отдал даглист и вытравил 25 саженей канату. Спустив гребные суда, в продолжение трех дней искали якорь тралом, но по причине большого прилива, доходящего здесь до 30 футов, и скорости течения — до 4 узлов, все усилия к отысканию якоря остались тщетны. В это время я посылал офицеров для осмотра местности с высот острова. К северу тянется архипелаг островов, а присутствие больших наносных банок как бы указывает на близость реки.

Близ лесного острова, которого широта по обсервации 37° 30' 37", находится рядом смежный остров, отделяющийся от первого весьма узким каналом. На этом острове находится крепость, обнесенная стеной с бойницами; стена, по-видимому, новая; крепость имеет гарнизон солдат, примерно около 400 человек, вооруженных ружьями с фитилями и имеющих, как мне казалось, луки. Полагаю, что это передовой форпост, поставленный у входа в лиман р. Ханган после экспедиции французов. Не выдаю этого за факт, потому что ничем не могу подтвердить своего предположения.

Апреля 17-го, утром в 9 часов, мичман Мальцев вместе с одним из матросов был отпущен на берег на охоту за птицами, которые при отливе во множестве садятся на банках. Оставшись на берегу, мичман Мальцев отправил вельбот на лодку, так как начинался отлив и, следовательно, вельбот ему не был нужен. Наблюдая за ними в зрительную трубу, я заметил, что у высоты, на которой они стояли, показались корейские солдаты, в числе не менее 30 человек, и открыли в 50 шагах беглый огонь по офицеру. Я немедленно послал вооруженную шлюпку с юнкером Гертнером, приказав последнему во что бы то ни стало взять офицера и матроса, а с лодки открыл огонь из орудий по стрелявшим корейцам. Когда вельбот пристал, я видел, как спустились с высоты несколько человек корейцев и начали стрелять по вельботу, на котором был флаг; но пушечное ядро из бомбового орудия заставило их обратиться в бегство. Мичман Мальцев спасся тем, что пошел вброд. Но, имея большие охотничьи сапоги, он увяз в илу по пояс и, сделав своим туловищем яму, лег в нее, скрываясь таким образом от ружейных выстрелов. Имея охотничье двухствольное ружье

и видя, что к нему приближаются корейцы в числе четырех человек, он положил в один из стволов своего ружья пять револьверных пуль и, чтобы держать в страхе подходивших к нему корейцев, наводил на них ружье. Однако его угроза мало действовала на них; один из них подошел к нему на расстояние не более 10 шагов, имея, к счастью, ружье незаряженным, и хотел ударить его прикладом. В это время мичман Мальцев выстрелил по нему картечью, и он тотчас упал на одно колено, а пушечное ядро с лодки заставило корейцев искать убежища за крутизнами берега. Когда вельбот пристал к борту лодки, я удостоверился, что, благодаря Богу, никто не был ранен. Собрав совет офицеров на шканцах и отобрав мнения их, я решился, по единогласному их решению, бомбардировать крепость, откуда, по словам г. Мальцева, было выслано не менее 60 человек. Выждав прилива, когда борт лодки встал лагом к крепости, в 2 часа пополудни, я открыл огонь по крепости на дистанцию пяти кабельтовов. Брошено ядер 15, бомб — 10, цилиндроовальных с ударными трубками — 40. Крепость не отвечала, потому что не имела орудий; действия снарядов нельзя было хорошо видеть, так как приходилось бросать их чрез гору, где расположен был город; с марса давали знать, что загорелись здания, но пламени не было видно, вероятно, корейцы тотчас тушили имеющеюся поблизости водой. Ядра попадали в стену, но пробоин я не заметил, хотя нет никакого сомнения, что бомбы и цилиндроовальные снаряды принесли свою пользу. В 4 часа, прекратив огонь, развел пары, снялся и пошел к выходу залива, но, встретив противный SW и не рассчитывая засветло выйти из шхер, положил якорь у Конического острова на глубине 11 сажен. Во время бомбардирования крепости начали показываться джонки, как видно, державшие курс к крепости в ожидании ухода лодки.

Во время моего плавания в шхерах Корейского Архипелага судов иностранных наций — ни военных, ни коммерческих, а не встречал. На другой день, 18 апреля, поднял пары и, выйдя из архипелага, взял курс на W в Чифу, куда и прибыл 19 апреля, в 9 час. вечера, благополучно.

Здесь, дополнив запас топлива, 25 апреля снялся под парусами для следования в Тяньцзин; 27 апреля вошел в Пейхо под парами, а 28 пришел в Тяньцзин, где, положив якорь, ошвартовался. На лодке все обстоит благополучно. На переходе из Шанхая до Таньцзина употреблено каменного угля 3934 пуда.

Морской сборник. 1869, № 10. Морская хроника, с. 33–38

Отношение российского императорского поверенного в Китае Е. Бюцова о действиях канонерской лодки «Соболь» в Корее

11 мая 1869 г. г. Пекин[1]

Вследствие распоряжения генерал-майора Влангали[2] канонерская лодка «Соболь» на пути из Шанхая в Тяньцзинь зашла к западному берегу Кореи с целью удостовериться в основательности сведений, о которых было упомянуто в письме вашего превосходительства от 10 июля 1868 г. за № 448[3].

Согласно донесению капитан-лейтенанта Усова, прибывшего с вверенным ему судном в Тяньцзинь 28 апреля, он прошел через Архипелаг, расположенный у юго-западного берега Кореи, где произведены были им промер и опись бухт и островов, а затем, пройдя через группы островов Querin и Prince Imperial, он бросил 13 апреля якорь в обширном заливе, судя по карте, поблизости о. Канхоа (Канхва), офицеры, посланные им на баркасе для исследования местности, видели в глубине залива небольшую речку, но за неимением переводчика не могли разузнать, была ли эта река Ханган, при которой находится главный корейский город Сяул. На следующий день «Соболь» перешел в глубину залива и бросил якорь у находящегося там лесистого островка, отделенного узким проливом от другого острова, на котором замечена была крепость, обнесенная стеною с бойницами. На лодке «Соболь» не имелось сколько-нибудь подробной карты этого берега Кореи, и поэтому к[апитан]-л[ейтенант] Усов не мог в точности объяснить, в каких местах он находился со своим судном. Судя по карте съемки французской экспедиции, остров, где находится крепость, лежит к Ю.З. от ile Boisee (названный г. Усовым Лесистым) на небольшом расстоянии, а этот остров находится милях в 6 к югу от о. Канхоа. На острове с крепостью показана на французской карте деревня Yen-ong.

Все виденные с «Соболя» острова населены, но нигде не было замечено следов занятия их какою-либо иностранною державою. В инструкции, данной капитану-лейтенанту Усову, генерал-майор Влангали, ввиду предупреждения столкновения с корейцами, поручил ему, если возможно, не бросать якоря в корейских портах, в случае же необходимости сделать это, то избегать входить в сношения с жителями, если же приведется сойтись с ними, то показывать им самое мирное расположение и стараться

[1] В тексте публикации ошибочно указано 11 января (*прим. сост.*).

[2] А.Е. Влангали — российский посланник в Китае (*прим. сост.*).

[3] В июле 1868 г. появились слухи, что корейский остров Канхва занят французами. Проверить эти слухи было поручено А.Е. Влангали (*прим. сост.*).

исполнять их требования. В точности исполнить эти наставления г. Усов не нашел, однако, возможным, необходимо было остановиться на якорь как для астрономического определения места нахождения судна, так и для чистки дымогарных труб, к тому же невозможно плавать ночью в неизвестных шхерах. Офицеры, посылавшиеся на берег для наблюдений, неизбежно входили в сношения с жителями, выходившими к ним навстречу из деревень, они весьма дружески обращались с ними и, согласно желанию их, не входили в деревни, сами корейцы отказывались идти на наше судно, знаками объясняя, что их за это казнили бы.

Утром 17 апреля мичман Мальцов с одним матросом были отпущены на берег упомянутого выше острова, на котором находится крепость, на охоту за птицами, при отливе появлявшимися на отмелях. Отправив шлюпку обратно на судно, они выждали на берегу времени отлива, когда они заметили, что из крепости, находившейся в расстоянии 1,5 версты от них, вышли корейцы, числом около 50 человек, которые, приблизившись к ним на 50 шагов, начали стрелять в них из ружей. Капитан-лейтенант Усов тотчас же послал на берег вооруженную шлюпку и вместе с тем открыл с лодки огонь на стрелявших корейцев, которые при приближении шлюпки к берегу спустились с занятой ими горки и открыли огонь по вельботу, на котором был поднят флаг, но ядро, пущенное в них из бомбического орудия, обратило их в бегство, и они укрылись за крутизнами берега, откуда продолжали стрелять по вельботу, несмотря на направленные в них разрывные ядра. Мичман Мальцов и находившийся с ним матрос не были тронуты выстрелами корейцев, несмотря на беглый ружейный огонь, направленный на них, и благополучно возвратились на судно. Командир «Соболя» не упоминает в своем донесении о том, были ли убитые или раненые между корейцами выстрелами с лодки, из показаний мичмана Мальцева явствует только, что им был ранен картечью из охотничьего ружья кореец, замахнувшийся на него своим ружьем.

Капитан-лейтенант Усов, считая необходимым наказать корейцев за их дерзкое нападение и за оскорбление нашего флага, по собрании мнений своих офицеров решился бомбардировать крепость. В 2 часа пополудни был открыт с лодки огонь в расстоянии шести кабельтовых от берега, причем было выброшено 15 ядер, 10 бомб и 40 снарядов из нарезных орудий. Деревни, находившиеся по обе стороны крепости, не были тронуты. По словам одного из офицеров лодки «Соболь», прибывшего в Пекин на несколько дней, трудно было судить о вреде, нанесенном крепости нашими выстрелами, так как она почти совершенно скрыта горою, заметно было, впрочем, что здания внутри загорались, ответного огня из нее не последовало. В 4 часа пополудни к[апитан]-л[ейтенант]

Усов снялся с якоря и вышел из залива, не находя благоразумным остаться в нем на ночь ввиду того, что в залив начало входить множество джонок, которые в темноте могли бы сделать нападение на лодку.

Столкновение это, само собою разумеется, еще увеличит недоверие и враждебное расположение, которые корейцы, кажется, питают к нам одинаково как и ко всем другим иностранцам. Ввиду этого надлежало бы объяснить им, что питая к ним как к близким соседям самые дружественные чувства, мы жалеем, что они подали повод к столкновению с нашим судном, и что мы надеемся, что наши суда на будущее время не встретят враждебного с их стороны приема. Сообщение подобного рода от моего имени могло бы теперь быть послано в Корею только через посредство китайского правительства, но мое заявление может вызвать ответ от корейского правительства и породить неприятного свойства переписку с ним, которая, будучи ведена чрез китайских министров, неминуемо получит излишнюю огласку здесь. Поэтому я воздержался отправить какую-либо бумагу корейским властям и полагаю, что гораздо удобнее послать таковую чрез пограничное начальство наше в Посьете.

Тем не менее я попытался чрез посредство здешнего правительства дать понять корейским властям, что враждебные их действия против иностранцев, подобные тем, которым подверглось теперь наше военное судно, повлекут наконец за собою самые пагубные для Кореи последствия, что судно всякой другой нации поступило бы гораздо строже, чем наше, командир которого имел средства совершенно разрушить корейскую крепость, но ограничился лишь небольшим числом выстрелов в нее, чтобы показать тамошним властям, чему они подвергаются за ничем не вызванные враждебные действия. Объяснив китайским министрам, что как мы, так и они, как соседи Кореи, одинаково заинтересованы в сохранении ее целости, я предложил им дать корейскому правительству по поводу дела с лодкою «Соболь» сообразные с его интересами советы. Но здешние министры ответили мне, что, как бы они ни желали внушить корейскому правительству необходимость в благоразумии и осторожности с его стороны, они не могут предвидеть малейшей пользы от советов, которые они дадут ему; бывшие уже примеры научили их тому, что корейцы останутся так же глухи к советам китайского правительства, как и дружеским заявлениям европейских наций. Пусть иностранцы не высаживаются на наши берега, и тогда мы их не будем трогать — вот, сказали мне министры, единственный ответ, которого можно будет добиться от них. Видя, что министры решительно не желают исполнить моего желания, я не настаивал на этом.

Считаю не лишним упомянуть, что к[апитан]-л[ейтенант] Усов на пути от берегов Кореи в Тяньцзинь зашел в Чифу, где он нашел английскую канонерскую лодку, которая в непродолжительном времени должна была отправиться также в Корею, неизвестно с какой целью.

Так как командир Сибирской флотилии выразил генерал-майору Влангали желание, чтобы лодка «Соболь» прибыла во Владивосток к 17 июня, я предложил командиру ее выйти из Тяньцзиня, как скоро он найдет это возможным.

Письмо М. С. Корсакова военному губернатору Приморской области о происшествии с лодкой «Соболь»

20 июня 1869 г. г. Иркутск

Милостивый государь, Иван Васильевич.

Препровождая при сем копию с отношения российско-императорского поверенного в делах при Пекинском дворе, от 11 минув, мая за № 78, долгом считаю покорнейше просить ваше превосходительство сообщить к сведению и исполнению пограничного начальства нашего в Посьете, что случившееся с лодкою «Соболь» происшествие отнюдь не должно служить поводом к изменению наших отношений к Корее, которые, в видах нашего сближения с этой страной и преуспеяния завязавшейся пограничной торговли, обещающей самые благотворные последствия для развития внутреннего богатства и экономических сил сопредельной части Приморской области, должны, напротив того, по-прежнему сохранять с нашей стороны самый дружелюбный характер. Если же, по поводу упомянутого столкновения, пограничному начальству нашему доведется иметь объяснение с корейскими властями, то ему следует отозваться о нем в том смысле, что хотя столкновение это и было вызвано самими же корейцами, которые под влиянием, вероятно, какого-нибудь слишком поспешного и ошибочного подозрения, напали на людей нашего экипажа, высадившихся без всяких неприязненных намерений лишь вследствие самой крайней необходимости, но что, будучи в сущности не преднамеренным враждебным действием, а одним случайным недоразумением, оно нисколько не изменило и не может изменить нашего всегдашнего дружественного расположения к Корее.

Имею честь присовокупить, что вред, который могут принести нам подобные столкновения, не только неминуемым отдалением сближения нашего с Кореею, но и возможностью повода к весьма невыгодному для нас

чуждому вмешательству в наши отношения с этим краем, заставляет меня покорнейше просить ваше превосходительство принять все зависящие меры к избежанию на будущее время всякой возможности повторения случайностей, подобных той, о которой говорится в отношении г. Бюцова.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности

Михаил Корсаков.

Сообщение генерал-губернатора Восточной Сибири Центральному Корейскому правительству о случае с лодкой «Соболь»

Февраль 1870 г.

Великого Российского Государства Главного Начальника всех областей Восточной Сибири Главноначальствующего над сухопутными и морскими силами Генерал-губернатора

В центральное Правительство Государства Чаосянь

Сообщение

Весною прошлого года одно из наших морских судов, «Соболь», стало на якорь у одного из островов, находящихся близ материка Вашего Государства, и когда офицер и несколько матросов вышли на берег, то были встречены ружейными выстрелами из небольшого укрепления, находящегося на берегу, что заставило командира судна отправить к берегу вооруженную шлюпку и открыть огонь по укреплению с самого судна.

Такой поступок со стороны подданных Высокого Государства не согласен с теми дружескими отношениями, в которых находятся наши два соседних Государства.

Как Главный Начальник Края Восточной Сибири, я весьма сожалею о случившемся, тем более что Правительство мое всегда имело одно желание, поддержать и упрочить давно уже существующую дружбу и согласие между обоими Государствами и их подданными.

Судно наше было у ваших берегов без всяких злых намерений, но когда ваши подданные напали на его людей, то капитан судна должен был принять меры к защите своего офицера и матросов, а потому я и не могу его обвинить.

Близкое соседство к Вам подчиненной мне волею Государя моего Императора страны вызывает необходимость самых дружественных между

нами сношений, так как вражда ведет всегда к вредным последствиям как для одного, так и для другого народа. Мир и согласие одни могут послужить на пользу соседних жителей обоих Государств и я, побуждаемый желанием добра, посылаю к Вам, почтеннейшие и уважаемые сановники, это сообщение для того, чтобы выразить Вам наши добрые к Вам отношения и сожаление мое о случившемся. Причем повторяю, что если нашим судам и приходится плавать у берегов Государства Чаосянь, то они это делают без всяких злобных намерений, но вместе с тем они не могут оставлять без наказания тех, кто решается нападать на них.

Сего ради и послано по дружественным отношениям.
Подписал — Главный Начальник областей и войск
Восточной Сибири, Генерал-лейтенант *Корсаков*

Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — нач. XX вв.). Документы и материалы. Кн. 1. Владивосток. 2004, с. 34–40

П. К(афаров)

О МАНЬЦЗАХ И КОРЕЙЦАХ

Письмо к секретарю Географического Общества по поводу статьи г. Пржевальского, помещенной в № 6-м «Известий» 1869 г.

Я только что получил октябрьскую книжку «Известий» Русского Географического Общества, в которой помещена, между прочим, любопытная статья г. Пржевальского об инородцах в Южно-Уссурийском крае, с заметками нашего ученого путешественника П. А. Гельмерсена. Позвольте мне представить по поводу этих сообщений несколько скромных замечаний.

...Говоря об изучении китайского языка корейцами, г. Пржевальский замечает, что вся дипломатическая переписка Кореи с Китаем ведется на китайском языке; можно прибавить к этому, что китайский язык обязательно употребляется в законодательных и административных актах корейского правительства, равно в исторических и географических сочинениях; географические названия[1] и наименования всех чинов в Корее, от первого до последнего, суть чисто китайские. В этом отношении Корею можно назвать *маленьким Китаем* и для изучения ее, волей или неволей, приходится иметь дело с китайским языком.

Города, из которых, по показанию г. Пржевальского, переселились к нам корейцы, упоминаются в *Корейском уложении*[2] под следующими названиями[3]:

Цин син (Кин хин) фу.

Цин юань (Кин юань) фу.

Юань чэн (Юань чин).

---

[1] Исключая названия нескольких местечек, чисто корейских.

[2] *Дадян тун бян;* издано в Корее в 1784 г., в 5 книгах. Замечу при этом, что географическое описание Кореи в Китайской Географии, переведенное покойными Клапротом (см. *San Kokf,* в пр. ou Apercu general de trois royaumes, Paris. 1832, p. 42–49) теперь уже устарело; сведения его относятся к первым годам прошлого столетия, с тех пор в административной топографии Кореи произошли значительные перемены.

[3] Произношение китайских знаков в Корее есть южно-китайское; где оно не согласно с принятым мною пекинским, я писал названия по обоим выговорам.

Сюнь чжэнь (Сюнь чжинь).

Хой нин фу.

По Корейскому уложению, три из этих города относятся к разряду *фу* 3-й степени[4]. Остальные два низшего разряда.

Города Цин юань и Хой нин известны как рынки, на которых производится меновая торговля между жителями Маньчжурии и корейцами[5]. Ярмарки открываются в Хой нине раз в год, а в Цин юани раз в два года, и продолжаются 20 дней. По указаннию свода маньчжурских постановлений[6], Хойнинская ярмарка, собственно, назначена для жителей Нингуты, а Цин юаньская — для обитающих там Хурха.

Со стороны Маньчжурской не позволено сбывать на этих рынках некоторые меха (собольи, выдры и рысьи), со стороны корейской — продавать женьшень и лошадей[7].

Относительно перехода корейских подданных за границу корейские законы не одинаковы, смотря по цели перехода. Вот несколько выписок из Корейского Уложения по этому предмету:

«Кто тайно уйдет за границу в Маньчжурию и будет собирать там женьшень, тот подвергается смертной казни отсечением головы на границе»[8].

«Если пограничные жители перейдут во внутреннюю (китайскую) страну, то (разумеется, после выдачи их) они подвергаются 100 палочным ударам и затем возвращаются на их прежнее местожительство».

«Когда пограничные жители переселятся в чужую сторону и местный начальник не донесет об этом, то он отставляется от должности, а старшина селения, из которого переселились, подвергается 100 палочным ударам и ссылке за 3000 ли (от его местожительства)».

Кореец на вопрос относительно религиозных верований его соотечественников дал г. Пржевальскому смутные отзывы. Очевидно, он хотел сказать о двух господствующих в Корее религиях: Буддийской и так называемой *религии духов,* по-китайски *Шинь дао*[9]. Что касается добиблейских

---

[4] *Фу* в Корее не одинаковой степени.

[5] Кроме этих двух пунктов есть еще третий, на границе Кореи и Мукденской области, в корейском округе *Ичжоу;* там торговля производится два раза в год.

[6] *Хой дянь* цз. 31, стр. 15.

[7] Замечательно, что с китайской и с корейской стороны равно строго воспрещен взаимный ввоз исторических и географических сочинений. По корейскому уложению, за вывоз из Кореи какой бы то ни было корейской книги, виновный подвергается 100 палочным ударам. О других запрещенных к вывозу товарах подробно излагается в уголовном отделении Корейского Уложения.

[8] Такая строгость введена в корейские законы вследствие бесконечных дел с маньчжурами по поводу корейских искателей маньчжурского женьшеня.

[9] Из этого китайского названия произошло японское *Синь то.* О Конфуцианстве я не говорю, потому что оно не есть религия, а допускаемые им верования входят в область *религии духов.* Была попытка водворить в Корее Даосскую религию, но, по-видимому, без успеха.

преданий, будто бы существующих в корейской религии, то корейские переселенцы, несомненно, знают о них по рассказам христиан-корейцев, которых прежде было немало в Корее, особенно в северной ее части.

Буддизм внесен в Корею из Китая еще в 4 веке по Р. Х. и твердо основался в суеверном народе. Он всегда пользовался чрезвычайно важными привилегиями. Даже и теперь, когда Буддизм потерял прежнее безграничное влияние в стране, буддийские монахи все еще пользуются значительным положением и имеют право владеть крестьянами (рабами). Корейский Буддизм отличается от китайского немногим, именно тем, что в нем не произошло такого смешения сект и школ, как в китайском.

Религия духов существует в Корее с незапамятных времен; жрецами и жрицами этой религии в Корее до сих пор служат шаманы и шаманки, преимущественно последние; они состоят при кумирнях, посвященных разным божествам или гениям: гор, рек и пр. Есть шаманки бродячие. В особенности они известны силою своих заклинаний в случае физических бедствий: мирового поветрия, засухи, наводнений, землетрясения и пр., равно в тяжких болезнях и в наваждениях от злых духов, в которые корейцы, как и китайцы, верят безусловно. Подобно древним шаманкам Китая, они вызывают или низводят духа *в себя* и умилостивляют, или, в других случаях, потешают его пляскою и пением. Судя по некоторым указаниям, корейские шаманки большею частью молодые и красивые, чтобы более нравиться духам; этою чертою корейское шаманство ближе к древнекитайскому, чем к тунгузскому, в котором са́мань была колдунья или вещая старуха.

В заключение скажу слова два о раболепстве низших перед высшими в Корее, по замечанию г. Пржевальского. Не знаю наверное, но почти убежден, что оно и ныне развито между корейцами в такой же степени, как прежде. В прежние времена (а может быть, и ныне также) низшие не только падали ниц перед высшими, но в таком же унизительном положении выслушивали письменные приказания высших сановников. Нашелся, однако ж, один кореец, который ни за что не хотел пасть ниц, чтобы выслушать приказ первого министра, и, когда товарищи его выразили свое удивление такому нарушению приличия, он отвечал им: «Если пред приказом министра нужно падать ниц, то пред повелением государя придется вырывать яму и оттуда выслушивать его». Государственный историограф немедленно записал этот факт.

Н. К.

Пекин 19-го декабря 1869 г.

Известия Императорского Русского географического общества. 1870. Т. VI, № 1, с. 19–23

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОВЕРЕННОГО ПРИ ПЕКИНСКОМ ДВОРЕ Е. БЮЦОВА ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пекин, 14 июля 1870 г.

Милостивый Государь Князь Александр Михайлович,

Английская печать в Китае распространила в последнее время слух о готовящейся общей экспедиции в Корею Соединенных Штатов, Англии и Франции, к которым будто бы намерена присоединиться и Япония.

После неудачи, испытанной Францией в Корее в 1866-м году[1], и несчастной участи, постигшей в том же году американское судно «General Sherman», толки о предполагаемых действиях той или другой державы в этой стране возникали почти ежегодно; для этого достаточно бывало сосредоточения американских или французских морских сил в здешних водах где-либо по соседству к Корее; и в нынешнем году таковой повод представился в том обстоятельстве, что значительная часть английской и французской эскадры в начале лета была стянута к берегам Японии...

Что касается Японии, то существование с ее стороны каких-то замыслов относительно Кореи, по-видимому, не совсем лишено вероятия. Судя по скудным сведениям, которые возможно было собрать в Японии, отношения этих двух стран, никогда не бывшие дружественными и искренними, стали весьма натянутыми со времени восстановления власти Микадо[2]. Еще в конце прошлого года носились слухи о том, что два японских посольства были очень дурно приняты корейцами, вследствие чего неминуемо произойдет разрыв между ними. Относительно первого из этих посольств сообщены были мне некоторые подробности здешним прусским посланником, получившим их из Японии; они почерпнуты из дневника, веденного японскими чиновниками, отправленными в Корею. В конце 1868 г. японское правительство, как видно, решилось отправить

[1] Неудачная попытка французских войск вторгнуться в Корею в 1866 г. (*прим. сост.*)

[2] Восстановление в 1868 г. власти японского императора, ограниченной прежде военными правителями (сёгунами) (*прим. сост.*)

в Корею посольство для извещения тамошнего правительства о перемене, происшедшей в управлении Японией. С этой целью было изготовлено от имени правительства письмо, в котором выражалось желание скрепить дружественные отношения между обоими государствами; избрание же посланников для доставления письма было возложено на Цусимского князя, через которого и во времена правительства Тайкунов[3] производились сношения с Кореей. Замечу здесь, что со времен последней войны японцев с Кореей, начатой в конце 16-го столетия Тайкуном Хидеоси и окончившейся со смертью его, на корейском правительстве лежали некоторые обязательства относительно Японии, в известной степени ставившие его в отношении к ней в положение зависимости, хотя чисто номинальной; но при этом сношения велись на почве совершенного равенства; в торговле же японцы не приобрели больших преимуществ; они должны были ограничиваться торгом в одном только городе на восточном берегу Кореи и подвергаться многим стеснениям.

До отправления в Корею посланников с письмом от японского правительства Цусимский князь послал туда письменное извещение о предстоящем выходе их; копия с письма князя была по заведенному порядку предварительно сообщена корейскому чиновнику, заведующему сношениями с японцами; письмо было найдено корейскими властями оскорбительным для их правительства по форме и содержанию своему, и после переговоров, длившихся несколько месяцев, цусимские чиновники не могли добиться того, чтобы оно было принято и на него дан ответ; им было сказано, что дружба Кореи с Японией основана на тесных отношениях к Цусиме, что корейское правительство готово продолжать эти сношения на прежних основаниях; если же Микадо желает вступить с ними в дружественные сношения, то пусть он не прибегает к средствам, которые только обнаруживают его стремление сделать из Кореи вассальную себе страну. Японским чиновникам дано было понять, что в случае нужды Корея будет защищать свои права и достоинство до последней возможности.

О бывших затем сношениях между японцами и их соседями мне ничего неизвестно. Могу прибавить только, что японские чиновники, бывшие в прошлом году в Корее, представляют положение этой страны очень бедственным; народ страдает от непомерных налогов, береговое население находится в постоянном ожидании нападения иностранцев и бросает свои обычные занятия, чтобы удаляться во внутренность страны; в столице часто вспыхивают бунты, и торговля и промышленность в застое вследствие повсеместных разбоев. После войны с Францией преобладающее

[3] Тайкуны — японская аристократия (*прим. сост.*).

влияние в управлении перешло от гражданского сословия к военному; но оборонительные средства страны от этого не улучшились; чиновники князя Цусима, бывшие в Корее в 1865 году, предлагали доставить корейцам разного рода оружие, когда они будут нуждаться в нем; но с просьбой о нем корейцы ни разу не обратились. Нынешний король Кореи, дальний родственник того, которому он наследовал и вступил на престол в 1864 году 12-ти лет от роду; все бремя управления принял на себя, однако, его отец; в народе его, с одной стороны, не любят за чрезмерную роскошь, в которой он живет, и за его неразборчивость в средствах приобретать богатство, но, с другой — его уважают за отвагу и решимость не допускать иностранцев в страну. Есть свежее доказательство тому, что корейцы в последнем отношении не изменили своих намерений; прусский поверенный в делах в Японии отправился в минувшем июне на военном судне к восточному берегу Кореи, кажется, в тот порт, в который допускаются японские суда; с ним находились несколько японских чиновников, которые были посланы на берег и вернулись оттуда, не успев убедить корейцев отбросить свою недоверчивость к иностранцам; они были только осыпаны упреками за то, что берутся быть проводниками в Корею иностранцев.

С совершенным почтением и проч. *Е. Бюцов*

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «СПб. Главный архив, 1–9».
Опись 8, 1865–1881 гг. Дело 13. Листы 96–100

ДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЯЮЩЕГО КОНСУЛЬСТВОМ В ХАКОДАТЕ А. ОЛАРОВСКОГО ДИРЕКТОРУ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД П.Н. СТРЕМОУХОВУ

Хакодате, 15 ноября 1870 г.

Японская газета, издаваемая в Эдо (*Токио.– Сост.*), наполнена известиями о корейско-японском деле.

Вашему превосходительству уже известны из донесений г. Бюцова и Трахтенберга подробности возникновения этого дела, но последние известия, сообщаемые газетой в Эдо, бросают новую тень и дают повод полагать, что между Кореей и Японией может произойти разрыв.

Вам, вероятно, известно, что Япония считает Корею своей данницей и что для получения дани с последней Япония без малого два года тому назад отправила посольство, но, как видно из известий, официально полученных из Кореи, корейское правительство умертвило все японское посольство, за исключением одного чиновника, принадлежащего посольству, которому приказано немедля вернуться в свое государство с ответом от властителя Кореи. Ответ написан в оскорбительных выражениях, в котором корейское правительство отказывается от признания себя вассалом Японии. Главнейшими причинами этого отказа Корея выставляет: во-первых, что Япония не помогала ей в делах с иностранцами, предоставляя ей самой бороться с последними, которые несколько раз пытались проникнуть в Корею с целью завязать торговлю и начать проповедание христианского учения; во-вторых, сношения Японии с варварами (иностранцами), которая оказалась бессильной с ними последними, — убеждают властителя Кореи, что титул «Сын Неба», принимаемый японским императором, вследствие которого Корея обязана платить дань Японии, не принадлежит императору свыше, а взят им самопроизвольно; в доказательство приводят, что варвары не признают его таковым и что на таковое непризнание император, по-видимому, согласился, заключив трактаты с варварами, ибо был не в состоянии отстоять свои права силой оружия, что, конечно, не случилось бы, если бы он был настоящим «Сыном Неба»; в-третьих, прежде полученная Японией дань с Кореи взята была первой и платилась последней вследствие того,

что Япония напала на Корею тогда, когда она не была готова к войне и была принуждена покориться своей судьбе. Но в настоящее время Корея готова защищать свои права силой оружия и, разбив уже варваров несколько раз, она, конечно, не сомневается в успехе, воюя против Японии, которая доказала свое бессилие, не умев справиться с иностранцами.

Три последние пункта я узнал от 1-го министра Матсмайского князя, с которым я последнее время сблизился и через которого получаю кое-какие сведения; он обещал дать мне копию с бумаги корейского правительства, которую в переводе я не замедлю представить Вашему Превосходительству.

Японская газета в Эдо сообщает, что по корейско-японскому вопросу в Государственном совете Японии было несколько заседаний, целью которых было решение: следует ли требовать от корейского правительства удовлетворения за убийство посла Японии и за оскорбительную бумагу, написанную корейским правительством Японии.

Государственный совет, как видно из японской газеты, осуждал посылку посла в Корею, но вместе с тем объявил почти что единодушно, что оскорбление это должно быть принято как за вызов со стороны корейского правительства, который оставить без внимания и без последствий было бы унизительно для чести Японии и потому большая часть совета стоит за объявление войны Корее.

Живя далеко от центра Японии, я еще не могу судить, одобряет ли Его Величество Микадо воинственный пыл членов Государственного совета, а названная газета об этом умалчивает.

Я слышал, что все чиновники Сатцума стоят за войну, а так как этот князь в последнее время пользуется довольно сильным влиянием на дела, то немудрено, что японское правительство объявит войну.

Я должен еще прибавить, что, живя в Хакодате, мне довольно трудно проверять сведения, которые я беру из газеты, но, насколько я ознакомился с образом действия настоящего правительства, мне кажется, что война с Кореей вовсе не невозможна. Япония очень хорошо знает, что она сильнее Кореи, и нет ничего удивительного, если она захочет восстановить свои отношения к Корее и принудить ее платить дань силой оружия.

Вышепоименованная газета по преимуществу упирает на то, что если Япония не вступится за свою честь и не отомстит Корее за ее оскорбления, то она неминуемо должна будет упасть во мнении иностранных держав.

С искренним почтением и проч. *А. Оларовский.*

Архив внешней политики Российской империи. — Фонд «СПб. Главный архив, 1-9». Опись 8, 1871 г. Дело 8. — Листы 2–5

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛАННИКА В ПЕКИНЕ А. ВЛАНГАЛИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пекин, 4 апреля 1871 г.

Милостивый Государь князь Александр Михайлович,

В прошедшем году 14-го июля... бывший поверенный в делах статский советник Бюцов имел честь донести вашему сиятельству о предположении посланника Американских Соединенных Штатов отправиться к берегам Кореи с целью заключения с правительством этой страны каких-либо условий для ограждения экипажей судов, подвергающихся крушению у корейских берегов, от бесчеловечного обращения с ними властей и населения, как это до сих пор бывало.

Обстоятельства, случившиеся в последнее лето в Тяньцзине, не дозволили г. Ло привести в исполнение свое предположение, а потому оно было отложено до настоящего года. Мой почтенный коллега выехал на днях из Пекина с целью посетить некоторые открытые порты Китая, где должен свидеться с американским адмиралом Роджерсом и в начале мая двинуться в числе двух больших судов и одной канонерки к берегам Кореи. Пред отъездом своим г. Ло имел совещание со здешними сановниками, управляющими министерством иностранных дел, для разъяснения цели предпринимаемой экспедиции и просить переслать письмо его к корейскому королю.

Письмо это, написанное в почтительном, но весьма твердом тоне, объявляет о цели экспедиции и просит выслать уполномоченного на какой-нибудь прибрежный пункт для заключения конвенции, охранительной для экипажей американских судов, подвергающихся крушению у берегов Кореи. В случае отказа американское правительство решило употребить военные средства для достижения цели, чего оно желает крайне избежать. Если совместно с вышеозначенной конвенцией корейское правительство пожелает заключить торговый договор, то Соединенные Штаты будут этому очень рады; в противном случае они ничего этого не будут домогаться, уважая вполне законы и обычаи страны и не желая их нарушать.

Вот сущность письма моего коллеги.

Китайцы всячески отказывались от пересылки этого письма, говоря, что они нисколько не вмешиваются в дела и управления Кореи, что страна эта находится лишь номинально под сюзеренитетом Богдыхана и что законы замкнутости Кореи так строги, что даже китайцев туда не впускают. Наконец, после многократных совещаний и убеждений, китайские министры решились сделать о том всеподданнейший доклад чрез министерство церемонии, и воспоследовало высочайшее разрешение принять и переслать письмо на сей только раз в виде исключения. О доставлении же ответа американский посланник китайцев не просил, так как в письме к королю уведомлял, что прибудет в мае за ответом в один из портов, соседних столице.

Если корейцы будут достаточно благоразумны, что вышлют уполномоченного для заключения с американским министром требуемого им условия, то на некоторое время, хотя недолгое, попытки на открытие Кореи утихнут. В противном случае, открытие военных действий американцев против этой страны поведет неминуемо к изменению ее замкнутости и настоящего политического положения...

Французский поверенный в делах поверил мне, что он просил у своего правительства уполномочий для того, чтобы, в случае удачи американцев, явиться и ему с эскадрою в Корею для заключения подобной же конвенции для Франции.

Что будут делать англичане, неизвестно, но, вероятно, и они последуют примеру французов.

При всех этих обстоятельствах мне невольно приходит на мысль: что нам делать? Интересы наши совершенно противоположны иностранным. Для последних открытие Кореи представляет надежду на какие-нибудь торговые выгоды, для нас нет, и еще более: пока Южно-Уссурийский край не населен, не устроен, замкнутость Кореи может для нас быть лишь выгодна. Корея — страна бедная, ни в каком случае не могущая доставить нам то, в чем мы в Приморской области нуждаемся — в хлебе. Мануфактурным изделиям нашим там сбыту не будет, потому что тотчас по открытии этой страны англичане и американцы наводнят ее бумажными самыми дешевыми мануфактурами, а последнее одно обуславливает сбыт.

В мыслях моих по предмету открытия с нашей стороны сношений с Кореею, я, к сожалению, не сходился с мнениями бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири, который считал это необходимым для торговли. Но торговля только может быть там, где есть население, в Южно-Уссурийском же крае почти нет русского населения, ибо солдаты не составляют населения, на которое можно было бы рассчитывать развитие края.

Что же касается до корейцев, то они именно от того так легко переселяются к нам, что мы не имеем сношений с корейским правительством; иначе затруднений встречалось бы гораздо более. Нет сомнения, что один из первых вопросов, которые корейцы пожелают регулировать с нами, будет касаться эмиграции, и если даже нам удастся заключить с ними какую-нибудь конвенцию, исполнение ее будет сопряжено всегда с большими затруднениями и спорами. Благо, что положение Южно-Уссурийского края в настоящее время такое, что мы можем спокойно развивать и населять его и, само собой разумеется, что излишние тревоги, которые могли бы возникать на границе, были бы вредны. Открытие же сношений с Кореею к этому непременно поведет.

Основываясь на всем изложенном, я полагал бы не предпринимать в настоящее время с нашей стороны каких-либо действий по корейскому вопросу, а выжидать, чтобы действия иностранцев и события выяснили лучше обстоятельства этого вопроса, тогда, по крайней мере, нам возможно будет сообразовать действия наши с нашими интересами...

С истинным почтением и проч. *Л. Влангали.*

Архив внешней политики Российской империи.
«Фонд СПб. Главный архив, 1–9», 1865–1881.
Опись 8. Дело 13. Листы 111–115

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАНЦЛЕРА А. М. ГОРЧАКОВА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ Н. П. СИНЕЛЬНИКОВУ

С. Петербург, 14 апреля 1871 г.

В дополнение к телеграмме от 24-го минувшего марта, у сего в копии прилагаемой, считаю долгом сообщить вашему превосходительству ближайшие соображения Министерства иностранных дел по отношению к образу действий, которого нам необходимо придерживаться на границе Кореи, ввиду ожидаемого разрыва между этой страной и Японией.

До настоящего времени мы не имеем никаких сношений с центральным корейским правительством. Для нас, кажется, и нет повода особенно стараться о скором установлении подобных сношений. Сколько известно Министерству иностранных дел, важных затруднений на границе, смежной с Кореей, не возникало с того времени, как мы владеем тем краем. Относительно переселения корейцев в наши пределы следует заметить, что до сих пор местное начальство не находило нужным препятствовать этому переселению даже и в том случае, когда выходцы корейские являлись к нам без всяких средств к существованию и, следовательно, причиняли администрации немалые расходы по первоначальному водворению их. При этом предместник вашего превосходительства по соглашению с Министерством иностранных дел главным образом обращал внимание на то, чтобы корейцы были водворены вдали от пограничной черты и по возможности так, чтобы не образовали сплошного корейского населения. Только в этом случае можно надеяться на скорое их обрусение и слияние с прочим населением края.

Вообще говоря, при настоящем не вполне еще устроенном положении дел в Южно-Уссурийском и Приморском краях, казалось бы, что нынешнее отсутствие правильных связей с соседней Кореей для нас представляет некоторые выгоды. Установление сношений с центральным правительством с нашей стороны, без сомнения, содействовало бы к ускорению

осуществления давнишнего желания разных европейских государств открыть Корею для иностранной торговли и для иноверческих миссионеров. Хотя последние давно уже успели проникнуть в страну, но положение их там ничем не обеспечено. Что же касается до торговли, то наши попытки в этом отношении со стороны сухопутной границы только тогда и могут рассчитывать на успех, если будут делаться исподволь, без шума и если на первых же порах нам не придется бороться с торговлей, которую в состоянии будут развить в Корее иностранцы.

Можно положительно сказать, что чем мы более твердой ногой будем водворяться в приморских владениях наших, тем естественнее откроются наши сношения с соседними народами и тем влияние наше на них будет прочнее.

Из всего вышеизложенного ваше превосходительство изволите усмотреть, что было бы совершенно в наших видах, если бы в Корее сохранился еще на неопределенное время нынешний порядок вещей. Вот почему мы не можем сочувствовать завоевательным замыслам Японии и водворению там японской власти, а вместе с тем и косвенного влияния разных европейских держав или Американских Штатов. Само собой разумеется, что Министерство иностранных дел далеко от мысли и предполагать возможность или пользу для нас от вмешательства в предстоящую войну. Для нас не менее важно жить в мире с Японией и стараться путем соглашения привести к удовлетворительному окончанию неразрешенный до сих пор еще Сахалинский вопрос.

Сообщая вышеизложенные соображения вашему превосходительству, я главным образом имел в виду ознакомить Вас, милостивый государь, со взглядом Министерства иностранных дел на вопрос о сношениях с Кореей с тем, чтобы пограничные власти наши могли заблаговременно получить надлежащие наставления относительно их образа действий. Главное их старание должно быть обращено на сохранение порядка в пределах Южно-Уссурийского края и постепенного развития мирных пограничных отношений с соседним корейским населением...

Примите уверение в совершенном
моем почтении и проч. *А. Горчаков*

Архив внешней политики Российской империи. —
Фонд «СПб. Главный архив, 1–1», 1871 г.
Дело 181.— Листы 35–38

АМЕРИКАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КОРЕЮ (1871 г.)

Приводим из письма шанхайского корреспондента *«Times»* следующее извлечение, сообщающее некоторые подробности о первом столкновении американцев с корейцами, возникшем по случаю экспедиции, отправленной Соединенными Штатами для исследования берегов Кореи и с целью завязать сношения с ее жителями.

Эскадра отплыла из Нагасаки 16-го мая и 18-го прибыла к южному пункту Корейского полуострова. Следуя указаниям карты, составленной французскою экспедицией 1866 года, эскадра осторожно пробиралась вдоль берега и достигла 30-го места, названного французами Лесным островом – Ile *Boisée*, близ устья реки Кангоа, где оказалась бухта с удобною и просторною якорною стоянкой. Через несколько часов по прибытии эскадры явилась джонка с несколькими корейскими чиновниками, и переводчику, г. Дру, была представлена депеша следующего содержания:

«В 1868 году, человек вашей нации, по имени Фебизер, явился сюда, вошел с нами в сношения и ушел. Почему не можете вы сделать то же? В 1886 году народ, называемый французами, прибыл сюда, и вы можете обратиться к ним, чтобы узнать, что случилось. Наш народ и наше государство жили, довольствуясь своею собственною цивилизацией, 4000 лет, и мы не нуждаемся в другой. Мы не тревожим других наций, зачем же им нас тревожить? Наша страна на крайнем востоке, ваша на крайнем западе; с какой же стати вы пришли за столько тысяч миль из-за моря? Затем ли, чтоб осведомиться об истребленном корабле?[1] Его экипаж совершил разбой и убийство и был наказан смертью. Нужна ли вам наша земля? Этого быть не может. Нужно ли вам иметь с нами сношения? Это невозможно».

В ответ на осведомление о цели экспедиции чиновники были приглашены на адмиральский корабль «Колорадо» и охотно приняли приглашение.

[1] Американская шхуна «Генерал Шерман», которая была истреблена в реке Кангоа со всем экипажем.

Им было сказано, что цель экспедиции совершенно мирная, что единственное желание американцев – установить дружеские сношения с корейским правительством, и что они намереваются с этою целью посетить столицу. Г. Лау и адмирал Роджерс отказались, однако, видеть чиновников, так как они не имели верительных грамот. На следующий день прибыли другие чиновники, по-видимому – более важные, и им также было сказано о намерении американцев посетить столицу, и что на следующий день вверх по реке отправится наблюдательная партия для промеров с этою целью. Чиновники не возражали и разошлись с американцами по-дружески.

1-го июня двинулась наблюдательная экспедиция из четырех паровых шлюпок; на каждой из них было по 12-фунтовому орудию, и все суда приготовились к действию в случае надобности. Шлюпки беспрепятственно производили свои работы на расстоянии около десяти миль, пройдя на пути мимо двух или трех фортов, построенных после французской экспедиции 1866 года, и, по-видимому, не вооруженных. В том месте, однако, где река суживается полуостровом и горною цепью, оказались еще батареи, с большим числом войск и знаменем «главнокомандующего». Не имея повода опасаться вражды после дружественных свиданий с чиновниками, эскадра продолжала свой путь далее. Но как только шлюпки поравнялись с батареями, с обеих сторон реки был открыт страшный огонь, который, если бы был хорошо направлен, должен бы был немедленно их уничтожить. Стрельба корейцев была, однако, так плоха, что только один человек был ранен, хотя тучи снарядов летали в разных направлениях, и небольшие шлюпки, приблизившись к берегу, могли с большим успехом пускать гранаты, пока к ним не подоспели на помощь большие суда. Вскоре 8-мидюймовые гранаты в таком множестве посыпались на укрепления, что корейцы нашли трудным в них держаться. Все дело было покончено в десять минут: корейцы оставили свои батареи и спрятались во рвах, пока отлив не принудил корабли удалиться. Только два человека во всей эскадре были ранены, но стало очевидно после этого опыта, что дальнейшие изыскания должны быть произведены бóльшими силами, и эскадра, пустив еще несколько гранат, снялась с якоря. По начатии, таким образом, со стороны корейцев враждебных действий, адмирал предполагал сначала на следующий же день высадить отряд и пробиться к столице, но потом решился сперва отправиться в Шанхай за подкреплениями и телеграфировать в Вашингтон о случившемся, а также потребовать более легких судов, необходимых для речного плавания.

Современная летопись. 1871, № 29, с. 7

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛАННИКА В ПЕКИНЕ Е. БЮЦОВА ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пекин, 14 (26) июня 1871 года

Милостивый Государь князь Александр Михайлович,

Телеграммой от 4-го мая я имел честь довести до сведения вашей светлости о предпринятой Северо-Американскою эскадрою экспедиции в Корею.

Отплыв из Шанхая, адмирал Роджерс зашел в Нагасаки, где снабдился всем нужным и оттуда уже направился к берегам Кореи...

На первых порах северо-американцы не заметили никакой неприязни от жителей, собравшихся на берегу. Некоторые даже посетили суда их. Чиновники, посланные корейским правительством, старались всячески заманить посланника Ло и адмирала высадиться на берег и посетить их ближайший город. Последние, впрочем, не сдались на это приглашение. Корейцам было объявлено, что посланник войдет в переговоры лишь с одним из высших корейских сановников, снабженных полномочиями от короля.

По истечении двухнедельного срока, данного адмиралом для получения ответа, двумя менее глубоко сидящими судами, сопровождаемыми несколькими вооруженными баркасами, начаты были исследования и промеры устья реки, ведущей к столице. С самого своего прибытия американцы руководствовались картою и промерами, произведенными французскою экспедицией, и нашли их очень удовлетворительными. В одном из крутых поворотов реки... суда оказались пред батареею из 70 орудий, открывших по ним огонь. К счастью, орудия заблаговременно направлены были на один пункт, в котором случайно не стояло ни одно американское судно. Огонь американцев заставил вскоре замолчать корейскую батарею, с которой весь гарнизон удалился. Так как приказание адмирала было в случае атаки со стороны корейцев ограничиваться отпором, а не производить ни в каком случае высадки или преследования, то суда возвратились к стоянке

адмирала. Во время атаки батареи, с небольшого форта на противоположном берегу был открыт огонь по одному из судов.

Решившись действовать осторожно, адмирал Роджерс отложил дальнейшие действия до возвращения зафрахтованных экспедициею частных пароходов, посланных в китайские порты Чифу и Шанхай за углем, припасами и подкреплениями: осторожные действия тем более необходимы, что берега эти еще недостаточно хорошо известны и разность прилива и отлива бывает от 18 до 42 футов и в некоторых проливах между островами течение достигает от 4 до 8 узлов.

Вся эскадра состоит из пяти больших и малых военных судов, могущих, как говорят, высадить до 800 человек.

Принимая во внимание упорство корейцев, многие полагают, что, если экспедиция не окончится в два месяца, то она продлится шесть месяцев. И к таким случайностям должен американский адмирал готовить свои силы и запасы...

С совершенным моим почтением и проч. *Е. Бюцов*

Архив внешней политики Российской империи.
«Фонд СПб. Главный архив, 1–9», 1865–1881.
Опись 8. Дело 13. Листы 122–124

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛАННИКА В ПЕКИНЕ Е. БЮЦОВА ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пекин, 14 июля 1871 г.

Милостивый Государь Александр Михайлович,

от 14 прошедшего июня... я имел честь донести вашей светлости о первом столкновении, бывшем в Корее между североамериканцами и корейцами. Десять дней после первого дела, не получив требуемого от корейского правительства и изъявления сожаления о случившемся столкновении, адмирал Роджерс возобновил военные действия. Сущность оных, а также полученный результат я имел честь сообщить в. с. по телеграфу от 24 июня. Подробное описание военных действий имею честь при сем приложить с переводом.

Ограничусь приведением здесь лишь общего очерка, почерпнутого из донесения посланника Соединенных Штатов Ло, обязательно сообщенного мне посольством.

После первых столкновений с корейцами американцы полагали, что местные власти, будучи достаточно наказаны разрушением батареи, открывшей огонь по канонеркам, производившим промеры, склонятся на то, чтобы начать переговоры. Удобным поводом к тому корейцам могло быть желание выразить сожаление о случившемся столкновении и приписать его недоразумению.

Для того чтобы дать им время опомниться, американцы дали корейцам 10 дней, после чего предположено было продолжать военные действия. Срок этот еще был избран потому, что адмирал Роджерс считал удобным предпринять военные действия в реке при самом высоком приливе, при коем лодкам пришлось бы меньше бороться с течением.

Вскоре за объявлением означенного срока один из высших начальствующих на острове Кан-хоа лиц вступил в переписку с переводчиком г. Ло. Он повторял в письмах своих все то же, а именно, что Корея помещена Небом в одном уголке света и чрез то она не имеет никаких сношений с

иностранцами и что теперь не так ей легко разорвать связь с прошедшим, продолжавшимся несколько тысячелетий, и проч. От короля не было ни одного слова. Для сведения г. Ло была лишь послана тем же начальствующим лицом копия с ответа короля министерству церемонии в Пекине, чрез которое было препровождено в Корею первое письмо посланника Соединенных Штатов. Так как копия эта не была сообщена официально, не несла ни числа, ни подписи, то г. Ло ее не принял. Многие подозревают китайцев в посылке, вместе с письмом г. Ло, инструкции; иначе не было бы корейцам надобности отвечать.

Несмотря на то, что в течение 10-ти дней напоминалось корейцам, что единственное средство избежать дальнейшие действия состоит в назначении королем какого-нибудь высшего сановника, снабженного правами на ведение переговоров с американцами, это не состоялось, и, наконец, один из низших корейских начальников ответил, не от имени правительства, а от своего собственного, что это невозможно, что атака была справедлива и что посылка сановника для переговоров, как этого требовал г. Ло, противна старинным обычаям.

Так как с наступлением данного 10-дневного срока не произошло никаких перемен, то военные действия были предприняты согласно составленной программе. Две канонерки «Palos» и «Monocacy» с четырьмя паровыми баркасами и 600 человек десанта двинулись вверх по реке до фортов, расположенных у нижней части фарватера, в котором американцы встретили в первый раз сопротивление. Не желая оставить их позади себя, американцы открыли по ним пальбу и вскоре без больших усилий, заняли их. Ночь десант провел на берегу, а рано на следующее утро американцы заняли и разрушили без больших усилий стоявшие на пути перед ними два других малых форта. Около полудня подступлено было к главным оборонительным веркам. Канонерка «Monocacy» начала обстреливание их и, после некоторого времени, десант штурмовал их. Корейцы защищались до отчаяния и без сомнения, если бы они были вооружены европейским оружием и умели бы им владеть, то вытеснить их оттуда было бы нелегко как по крепости самой позиции, так и по затруднительным к ней подступам. Сколь отчаянно защищались корейцы, можно судить по тому, что в цитадели, имеющей вид подковы в 75 футов в диаметре, найдены тела 108 корейцев. Значительная масса корейцев с окрестных высот хотела двинуться на выручку фортов, но была удержана действиями полевой артиллерии американцев.

Результат был разрушение пяти фортов, взятие 481 орудия и большого количества фитильных ружей, различного рода холодного оружия и 50-ти значков.

Мертвых корейских трупов как в цитадели, так и вокруг нее насчитали 243 и сверх того много пленных, которые были впоследствии отпущены.

По возвращении к стоянке г. Ло написал местной корейской власти, что в руках американцев находится много пленных и раненых корейцев, с которыми обойдутся человеколюбиво и которые будут отпущены, если воспоследует от местной власти обещание, что они не будут уже более принимать участие в войне против американцев. Местная корейская власть ответила, что пленники виновны перед правительством в большом преступлении, за которое, если они будут отпущены, они подвергнутся наказанию от подлежащих начальников, что американцы могут делать что угодно, держать пленных или отпускать их.

На другой день после битвы г. Ло приготовил письмо к королю, в котором объяснял все обстоятельства своего прихода, предмет своих домогательств и причину начатия военных действий, заявлял, что так как теперь оскорбление, нанесенное американскому флагу, удовлетворено, то он готов начать переговоры в том же мирном духе, как и прежде. Письмо это было возвращено местным корейским начальством, к которому оно было послано для доставления королю, причем корейский начальник прибавил, что исполнить это он не смеет.

На этом все и остановилось. Продолжать дальше военные действия без усиления средств и численности экспедиционного корпуса невозможно, ибо можно быть уверену, что корейцы будут отстаивать каждый шаг с большим отчаянием, ограничиваться же занятием береговых пунктов ни к чему не поведет и не произведет на корейское правительство никакого действия.

Вследствие всего этого американский уполномоченный обо всем донес в Вашингтон и вместе с эскадрою адмирала Роджерса оставил берега Кореи...

С истинным почтением и проч. *Е. Бюцов.*

Архив внешней политики Российской империи.
«Фонд СПб. Главный архив, 1–9», 1865–1881. Опись 8. Дело 13.
Листы 133–137 об.

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ ЯПОНИИ Е. БЮЦОВА ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ А. М. ГОРЧАКОВУ

Иокогама, 11/23 декабря 1872 г.

Милостивый Государь Александр Михайлович,

В минувшем сентябре японское правительство отправило в корейский порт Фусан военное судно для отвоза туда находившихся в Японии корейцев и для взятия из Фусана нескольких живших там японских чиновников.

Посланный на этом судне чиновник Министерства иностранных дел Ханабуса недавно вернулся из Кореи, и теперь сделалось известным, что главная цель его командировки, которая только была прикрыта поручениями, о которых говорил мне министр Соиесима, не была достигнута. Отправление Ханабусы в Корею было, в сущности, новой попыткой японского правительства склонить корейское правительство на вступление с ним в сношения, от которых последнее до сего времени категорически отказывалось, уклоняясь даже от признания нового порядка вещей, установившегося в Японии с падением тайкунской власти.

Согласно сообщенным мне объяснениям самого Ханабусы, корейские власти в Фусане отказались выслушать какие-либо из сообщений, которые он хотел сделать от имени своего правительства, повторив ему сказанное всем прежним японским посланцам, а именно, что корейское правительство согласно иметь сношения с правительством Микадо не иначе как через посредство чиновников Цусимского князя, то есть на тех же основаниях, на которых эти сношения производились при правительстве тайкунов.

В японских газетах помещены статейки, согласно которым Ханабуса встретил чрезвычайно грубый прием со стороны корейцев, будто бы объявивших ему, что они решительно не хотят иметь сношений с японским правительством и что они готовы к войне, которую Япония хочет начать с ними.

Пренебрежение и смелость, высказываемые корейцами в отношении к соседям, могущество которых им не раз пришлось испытать в давнишние годы, происходят, без сомнения, от уверенности в том, что если они были в состоянии отразить нападения французов и американцев, то они подавно легко будут состязаться с японцами, не владеющими ни военным искусством, ни средствами европейских держав. Естественно, что при такой уверенности в своей неуязвимости они не хотят добровольно согласиться на удовлетворение требований японского правительства, которые, с первого взгляда, заключаются только в желании иметь сношения с корейским правительством, в сущности же, скрывают стремление поставить Корею в зависимость, в которой она состояла в прежние времена. Внешним признаком этой зависимости служило представление японскому правительству списка провинций и числа жителей в них, и такого списка правительство Микадо до последнего времени добивалось.

Если даже не допустить существования замыслов у японского правительства, стремление его распространить свое влияние на близлежащие страны так сильно, что нет места сомнению в том, что оно прибегнет к силе в отношении к Корее, как скоро внутреннее положение Японии позволит ему отделить достаточные военные средства для внешнего предприятия. Вслед за возвращением Ханабусы из Фусана распространился слух о снаряжении правительством эскадры для отправления ее к берегам Кореи; но между тем, как я не мог узнать ничего в подтверждение этого слуха, я знаю из достоверного источника, что здешнее правительство намерено отправить в Корею новое посольство в будущем году с целью сделать последнее усилие мирным путем склонить корейское правительство на удовлетворение его требований.

Судьба соседней Кореи столь близко касается интересов наших на Крайнем Востоке, что я поставлю себе особенной обязанностью зорко следить за намерениями как японского правительства, так и европейских держав в отношении этой страны. Последним, во всяком случае, тем из них, которые потерпели неудачи в Корее, вероятно, было бы приятно, чтобы японцы проложили им путь в эту страну, и они охотно бы согласились даже на порабощение ее Японией в надежде, что ценой этого были бы достигнуты цели, преследуемые ими в этой стране. Но я не имею данных, позволяющих мне утверждать, что здешние иностранные представители подстрекают японское правительство к разрыву с Кореей.

С совершенным почтением и проч. *Е. Бюцов*

Архив внешней политики Российской империи. — Фонд «СПб. Главный архив, 1–9». Опись 8, 1871 г. Дело 8. — Листы 12–14

КОРЕЙЦЫ, ИХ РЕЛИГИЯ И ОТНОШЕНИЕ К ЕВРОПЕЙЦАМ

Пекинский корреспондент *Journal de St.-Petersbourg* сообщает 15 февраля следующие подробности о Корее, обратившей на себя внимание в последнее время вследствие столкновения ее с Францией. Корейское правительство в высшей степени консервативно; оно запрещает доступ на свою территорию не только европейцам, но и самим китайцам, хотя Корея и находится в зависимости от Китая. Корейцы не восстают против плавания около своих берегов, но не хотят, чтобы суда входили в их порты без настоятельной необходимости. Когда иностранный корабль разбивается около их берегов, то они оставляют у себя экипаж его до тех пор, пока за ним не пришлют другого корабля, или переправляют его в ближайший китайский порт. Если буря или какое-либо повреждение заставляет иностранное судно искать убежища в их портах, корейцы никогда не отказываются подать ему помощь, но просят его удалиться тотчас по окончании поправок. Несколько лет тому назад американское военное судно являлось к ним с заявлением благодарности за услуги, оказанные ими американским судам. Что касается жестокого обращения их с несчастными европейцами, попадающими на их берега, и убийств, в которых их обвиняли, то они были вызваны, может быть, каким-либо недоразумением во время войны с французами или попыткой навязать корейцам силой какие-либо нововведения.

Слухи о богатстве острова, распускаемые французскими миссионерами и некоторыми негоциантами, давно желающими вступить в сношения с Кореей, неосновательны. Торговля с Китаем ограничивается двумя ярмарками в год, происходящими в Гао-ли-мине, небольшом местечке близ маньчжурской границы, на расстоянии трехдневного пути к северо-западу от Ниу-Чуана. Некоторые корейцы, преимущественно контрабандисты, переходят пролив между Пе-чи-ли и Чи-фу.

В 1870 году появился в печати рассказ, переданный корейскими христианами, бежавшими в Америку вследствие избиения в Корее нескольких

тысяч католиков. На вопросы иностранных представителей власти Пекина отвечали, что они узнали об этом событии лишь из иностранных газет.

Корейцы до такой степени преданы религии Конфуция, что ни буддизм, ни даоизм, и ни одна из религий, распространившихся в Китае, не утвердились в их стране. Они говорят, что учение Конфуция только у них сохранилось в первоначальном виде. Правительство их восстает против распространения христианства, так как корейцы, принимающие христианскую веру, вступают в более близкие сношения с иностранцами, что влечет за собою вмешательство последних в дела государства. В последнюю экспедицию свою в Корею, в 1871 году, американцы вывезли из Кореи королевский эдикт, изданный в 1839 году с целью остановить быстрое распространение христианства. Число, означенное на этом эдикте, совпадает с тем временем, когда в Кантоне вспыхнула война между англичанами и китайцами по поводу продажи опиума, когда английский военный корабль, появившийся в заливе Пе-чи-ли, подошел к крепости Дагу.

В начале эдикта изложены верования корейцев; при этом перечисляются четыре *нравственные качества:* 1) любовь, 2) справедливость или сознание долга, 3) приличие (относительно церемоний) и 4) мудрость или знание; и *пять подразделений долга,* проистекающих из вышеприведенных качеств: 1) взаимные обязательства между родителями и детьми, 2) между государями и подданными, 3) между мужем и женой, 4) между стариками и молодыми людьми и 5) между друзьями. Далее следует изложенный в эдикте обзор распространения христианства в последнее время и несколько аргументов корейского короля, желающего доказать вред христианского учения. После пояснения, что в царствование великого короля Чьен-Цуна (1777–1800) установлены были «правила музыки и внешнего блеска», в эдикте говорится следующее:

«К несчастью, во время царствования этого короля какой-то негодяй, по имени Чен-Сиун, достал где-то европейские книги, в которых говорится о вере в *Небесного Царя.* Хотя учение это и противоречит законам мудрецов и правилам, установленным нашими королями в древние времена, оно стало тайно распространяться в народе, которому все более и более грозило нравственным упадком. Для прекращения зла король лишил жизни главных зачинщиков, а несчастных жертв великодушно простил[1], предоставляя им таким образом возможность возвратиться на истинный путь. Это была чрезвычайная милость, неслыханное благодеяние с его стороны; самые глупые животные, каковы свиньи или рыбы, самые лютые звери, которые пожирают друг друга, были бы тронуты такою добротой и рас-

[1] В письмах миссионерских говорится о преследовании христиан в Корее в 1791–1793 годах.

каялись бы. Но последователи нового учения, потерявшие всякое чувство совести, были непоколебимы и упорствовали в своем заблуждении. В год Син-иу (1801) новая пропаганда приняла такие большие размеры, что правительство должно было прибегнуть к оружию. Люди, наиболее развитые, увлекавшееся новизной учения, способствовали его распространению; люди невежественные верили басням, которые они рассказывали. Высшие должностные лица покровительствовали людям, исповедовавшим новую религию, семейства, пользовавшиеся всеобщим уважением, вступали в сношения с ними. Некто Вен-мо изменил даже прическу и осмелился в таком виде разгуливать по столице! Некто Си-иун намеревался ехать к иностранцам, чтобы просить их приехать в Корею! Такие возмутительные преступления могли вовлечь страну в страшные бедствия.

С тех пор прошло четыре года. И увы! в течение этого времени законы еще более утратили свою силу, иностранная ересь распространилась еще более. Последователи ее, с одной стороны, поддерживали тайные сношения с иностранцами, с другой — распространяли новое учение между своими родственниками и знакомыми. Такое положение дел еще хуже, чем в год Син-иу!

«Законы моих предков и приказание моей любезной матери заставляют меня, ее юного сына, наказать виновных. Несмотря на то, что последние забыли истину и избрали путь заблуждений, я, *отец* и *мать* моих подданных, не могу не сожалеть об этих несчастных. Но несправедливо было бы наказывать народ, не открыв ему предварительно истины, поэтому я и намерен объяснить вам, сановникам и благородным обоего пола, принципы распространяемой между вами ереси. Внемлите моим словам и проникнитесь истиной».

Затем король разбирает некоторые христианские принципы и старается доказать их неосновательность. Он находит, что христианство недостаточно определяет обязанности детей относительно родителей и по этому случаю распространяется о значении жертвоприношения в память усопших.

«Христиане,— говорит он,— уничтожают обычаи своих предков и не допускают жертвоприношений, говоря, что умершие ничего не чувствуют. Если допустить это предположение, то где же, после смерти, поселяются души, о существовании которых говорят христиане? Мы видим здесь непоследовательность, противоречащую самым простым законам логики. Это весьма грустно! Самые лютые звери, волки и тигры, выказывают привязанность к родителям, у шакалов и выдр[2] мы находим нечто похожее

[2] Китайские зоологи уверяют, что шакалы не трогают первой добычи, попадающейся им весной, и симметрично раскладывают ее в виде жертвоприношения своим предкам. Так же будто бы поступают и выдры с первыми рыбами, которых они находят после прилива.

на жертвоприношения; следовательно, христиане стоят ниже животных! Можно ли допустить такое беззаконие?»

По поводу духовной иерархии католиков и добровольного безбрачия, возведенного в добродетель, автор высказывает следующие размышления:

«Взаимные отношения между государями и подданными определяются законом, всеми признанным и неизменным. Но христиане кроме того учредили власти: *царя веры и руководителей веры*[3], которые считают себя вправе вмешиваться в управление и своим вмешательством препятствуют правильному ходу дел.

Согласно с законом «всемирной двойственности», супружество мужчины и женщины есть непременное условие общежития; христиане же составили себе совершенно ложное понятие о непорочности, соединенной с безбрачием. Между тем все они участвуют в общих сборищах мужчин и женщин и таким образом уже нарушают чистоту нравов. С одной стороны, безбрачие грозит прекращением рода человеческого, с другой — свобода общественных сношений нарушает порядок общежития. И действительно, чего можно ожидать от людей, для которых не существует ни родителей, ни государя?»

Затем автор переходит к рассуждениям о веровании в Божию Матерь, таинства, рай и ад, будущую жизнь и пр.

В конце эдикта он делает воззвание к народу и увещевает его обратиться к «книге стихов» и считать единственным источником добродетели «четыре нравственные качества» и «пять подразделение долга».

Русский вестник. Т. 99, № 5. СПБ, 1872, с. 434–438

---

[3] Папы и епископы.

ДОНЕСЕНИЕ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В ЯПОНИИ Е. БЮЦОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МИНИСТЕРСТВОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В. Н. ВЕСТМАНУ

Иокогама, 10/22 августа 1873 г.

Из разговоров с министром Соиесима я удостоверился в том, что отношения к Корее продолжают озабочивать здешнее правительство. Министр сказал мне, что надменность и дерзость корейцев исчерпали терпение японского правительства и что, если последняя попытка, которую оно намерено сделать с целью миролюбивого решения дел, не будет иметь успеха, оно вынуждено будет приняться за оружие для получения удовлетворения за нанесенные ему оскорбления.

В предшествующих моих донесениях я имел уже случай объяснить, в чем заключаются неудовольствия здешнего правительства на корейское; они сводятся на то, что последнее не хочет более признать зависимости своей от Японии, номинально существовавшей до падения власти тайкунов; требования такого признания лежат в основании домогательств здешнего правительства, хотя я должен заметить, что министр Соиесима это отрицает, утверждая, что единственная причина враждебности корейцев заключается в том, что Япония вступила в сношения с иностранцами. Как бы то ни было, для меня несомненно то, что правительство Микадо сгорает желанием распространить свое влияние на ближайших своих соседей и ищет только предлога напасть на того из них, который несколько раз уже порабощен им, и война с которым может доставить японскому оружию славу и, вместе с тем, занятие целому классу людей, недовольных переворотом, лишившим их преобладающего положения в стране.

Министр воспользовался пребыванием своим в Пекине, чтобы разъяснить себе положение, которое тамошнее правительство займет в случае объявления войны Корее; он, по-видимому, почерпнул в объяснениях китайских министров уверенность в том, что правительство богдохана не выйдет из положения невмешательства, которого оно до сего времени придерживалось относительно Кореи. Соиесима было только выражено

желание, чтобы японское правительство сделало еще попытку к мирному соглашению, прежде чем оно прибегнет к силе.

Такой образ действий составляет, мне кажется, даже необходимость для японского правительства, так как оно не в состоянии было бы начать войну теперь же, в особенности в тех размерах, которые министр иностранных дел считает необходимым для успеха ее. Выразив мнение, что неудачи, испытанные французами и американцами в Корее, должны быть приписаны недостаточности экспедиционных сил, министр сказал, что его правительству необходимо будет предпринять поход по крайней мере с 50-тысячным войском. Собрать такое число людей, вооруженных по древнему японскому образцу, правительству было бы нетрудно; но с таким войском, в среде которого дисциплина почти немыслима, успех экспедиции был бы очень сомнителен, так как японцы теперь уже не найдут в Корее, как бывало в прежние времена, неподготовленного к войне и дурно вооруженного неприятеля: корейцы уже несколько лет готовятся к войне; они укрепили свои берега и в европейском оружии, как слышно, у них недостатка нет. Чтобы собрать корпус регулярного войска в указанном министром размере, пройдет еще несколько лет; в настоящее время регулярного войска, сколько-нибудь обученного, едва ли можно насчитать более 15 тысяч человек. Наконец, спрашивается, где японское правительство найдет достаточные перевозочные средства для 50-тысячной армии.

Вообще мне кажется, что Соиесима не отдает себе ясного отчета во всех материальных затруднениях, сопряженных с экспедицией, задуманной в таких обширных размерах.

Министр уклонился дать мне ответ на вопрос: что сделает правительство в случае успеха его похода в Корею? Намерено ли оно утвердиться в стране или сохранять за ним независимость?

С совершенным почтением и проч. *Е. Бюцов*

Архив внешней политики Российской империй. —
Фонд «СПб. Главный архив, 1–9», 1871 г. Дело 8.— Листы 15–17

П. Ждан-Пушкин

КОРЕЯ. ОЧЕРК ИСТОРИИ, УЧРЕЖДЕНИЙ, ЯЗЫКА, НРАВОВ, ОБЫЧАЕВ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

(главы из книги)

Физическая география Кореи. Почва. Климат. Производительность. Население

Королевство Корея лежит на северо-востоке Азии. Оно состоит из продолговатого полуострова и значительного числа островов, особенно многочисленных вдоль западного берега. Все королевство помещается между 33° 15' и 42° 25' северной широты; 122° 15' и 128° 30' партижской долготы. Жители полуострова считают его длину приблизительно в 3.000 ли[1] или 300 миль и ширину в 1.300 ли или 130 миль; но эти цифры очевидно преувеличены. С севера Корея ограничена горным хребтом Шан-иян-алин, с вершиной Паик-ту-сан (гора с снеговой вершиной) и двумя большими реками, которые берут свое начало с обоих склонов этого хребта. Из них Иа-лу-кианг (по-корейски Ам-но-канг — река зеленой утки) течет на запад и впадает в Желтое море; она образует естественную границу между Кореей и китайскими землями Леао-тонг и Маньчжурией. Другая река, Ми-кианг (по-корейски Ту-ман-канг), впадающая в Японское море, отделяет Корею от Маньчжурии и от новых русских владений, уступленных Китаем в 1860 году. Остальными границами служат: на западе и юго-западе Желтое море, на востоке Японское море и на юго-востоке Корейский пролив шириною около 25 миль, который отделяет полуостров Корею от Японских островов.

Название Корея происходит от китайского слова Као-ли, которое корейцы произносят Ко-рие, а японцы — Ко-раи. Так называлось королевство при прежней династии, но теперешняя, управляющая с 1392 года, переменила название и предпочла другое — Тзио-сиен (Тчао-сиен), которое и считается до настоящего времени официальным именем страны. Самое

[1] Ли равняется 567 метрам, 10 ли равны одной морской или двадцатиградусной миле.

значение слова Тзио-сиен (утренний свет) показывает, что оно происходит из Китая, для которого Корея действительно восточная страна. Иногда, в некоторых китайских книгах, Корея обозначается также словом Тонг-Куе (восточное королевство). Татары и Маньчжуры называют ее Соль-го.

Эта страна, совершенно неизвестная в Европе до 16-го столетия, появляется сперва в виде острова на первых голландских картах. Около конца 17-го столетия китайский император Канг-ги тщетно пробовал получить от короля Кореи необходимый картографический материал для пополнения большой карты всей империи, над которой работали тогда миссионеры в Пекине, Китайские послы были приняты с надлежащим великолепием, им расточали заверения в преданности и подносили богатые дары, но в результате им не удалось привезти с собой ничего, кроме крайне неполного плана, который они нашли во дворце короля в Сеуле. На основании этой карты и далеко не точных данных, извлеченных из китайских книг, Регис и его сотрудники начертили карту Кореи, которую можно найти в атласе Дюальда и которую в позднейших сочинениях о Корее только сокращали или перепечатывали. В 1845 году корейский мученик Андрей Ким составил карту по официальным планам, хранившимся в правительственном архиве в Сеуле. Самая лучшая и позднейшая карта сделана в католической корейской миссии. Для мест прибрежных она составлена по картам морского депо, для внутренности же страны по довольно новой туземной карте, переведенной на французский язык Риделем, апостолическим викарием в Корее.

Корея — страна гор. Большой горный хребет, отделяясь от Шан-ианалина в Маньчжурии, направляется с севера на юг вдоль восточного берега, а его разветвления покрывают собой почти всю страну. «В нескольких милях от самого берега,— пишет один миссионер,— вы не увидите ничего, кроме гор. Почти повсюду вы, как в тюрьме, заключены между скалами, сдавлены между холмами, то совершенно голыми, то усеянными мелким сосняком или другим кустарником, то, наконец, покрытыми лесами. В первую минуту вы не замечаете никакого выхода из этой естественной тюрьмы, но стоит только немного поискать, и вы откроете следы узких тропинок, идя по которым, после более или менее продолжительного и всегда мучительного пути, вы дойдете до вершины, откуда перед вами откроется вид на самую волнистую поверхность. Вы увидите в различных местах множество остроконечных гор, громадных закругленных конусов, неприступных скал, а вдали, на горизонте, поднимаются другие горы, еще более высокие, и так почти по всей стране. Единственное исключение составляют равнины округа Наи-по, который вдается в Желтое море. Но под словом «равнина» не воображайте себе какого-нибудь большого и ровного

пространства, нет, в Корее этим именем называют места, где горы не так обширны и высоки, как в остальном королевстве. Более просторные из этих равнин дают возможность разводить рис. Почва, и без того плодородная, перерезана множеством каналов, так что урожаи бывают до такой степени изобильны, что Наи-по считается житницей столицы».

Леса в Корее многочисленны, но самые лучшие встречаются только в северных провинциях. Строевой лес различных пород в изобилии, преимущественно же сосновый и еловый. Эти два вида дерева, как самые употребительные по легкости обработки, правительство старается сохранять как можно тщательнее, наблюдая за тем, чтоб каждая деревня имела только необходимое количество бревен, и запрещая срубать за один раз большое число деревьев.

Почти наверно можно утверждать, что в корейских горах много золотой, серебряной и медной руды. Утверждают, что во многих местах, и особенно в северных провинциях, достаточно только вскопать почву, чтобы добыть золото, и что оно, кроме того, встречается в песке некоторых рек. Но разработка руд запрещена законом под страхом таких жестоких наказаний, что жители не осмеливаются даже поднимать руды с земли, так как было бы почти невозможно куда-либо продать их. Одни объясняют настоящую причину этого запрещения тем, что корейское правительство ставит себе задачей выдавать свою страну, по возможности, за самую маленькую и бедную, чтобы не разжигать алчности могущественных соседей; другие же думают, что подобной мерой правительство желает избежать замешательств и волнений в среде необходимого в этих случаях скопления рабочих в отдаленных от столицы местностях, где правительственная власть ничтожна. Как бы то ни было, закон строго соблюдается, и единственное исключение сделано было 25 лет тому назад в пользу эксплуатации в продолжение нескольких месяцев Сиун-генг-фусских серебряных руд, находящихся в провинции Киенг-санг. Корейская медь превосходного качества, но она вовсе не употребляется, так что вся, встречающаяся в стране, привезена из Японии. Железная руда находится в таком изобилии, что в некоторых провинциях после сильных дождей стоит только нагнуться, чтобы поднять ее. Жители запасаются ею по своим потребностям.

Кремень встречается только в провинции Гоанг-гай, и притом крайне грубого качества. Тот же кремень, который обыкновенно употребляется, привозится из Китая.

Климат Кореи далеко не может быть назван умеренным. Как и во всех странах крайнего Востока, зимой там гораздо холоднее, а летом жарче, чем в соответственных странах Европы. На севере Ту-ман-канг бывает покрыт льдом в продолжение 6 месяцев, а юг полуострова, лежащий под

одной широтой с Мальтой и Сицилией, подолгу остается покрытым толстым слоем снега. Под 35° широты миссионерам не случалось наблюдать, чтобы термометр опускался ниже 15° по Цельсию, но под 37°30' или под 38° они часто встречали 25°. Весна и осень обыкновенно очень хороши. Наоборот, летом идут проливные дожди, которые нередко на несколько дней совершенно портят все пути сообщения.

На равнинах, если земля хоть сколько-нибудь плодородна, сеют рис, а громадное количество ручьев и небольших речек, текущих с гор, дает возможность без большого труда устраивать на полях необходимые для этого растения арыки. Полям, орошенным таким образом, никогда не дают отдыха, они всегда засеяны. Кроме риса, сеют также пшеницу, рожь и просо. Земледельческие орудия просты и первобытны до невозможности. Пашут исключительно на волах и никогда не употребляют лошадей, так что, когда однажды один миссионер предложил христианам воспользоваться для этой цели его верховой лошадью, корейцы разразились таким громким смехом, каким засмеялись бы у нас, если бы кто-нибудь задумал пахать на собаках. Впрочем, лошадь и не вынесла бы работы на постоянно затопленных рисовых полях. Кроме навоза и других родов животного удобрения, тщательно собираемого, корейцы употребляют также золу, которою изобилуют все дома благодаря дешевизне дров. Кроме того, весной, когда деревья начинают покрываться листьями, обрезывают нижние ветви и разбрасывают их по полям, чтобы там они перегнили. После посева, для сохранения зерна от птиц и защиты молодых побегов от сильных жаров, быстро выжигающих зелень, поля снова покрывают другими ветвями, которые снимают только тогда, когда растение достаточно окрепнет.

Недостаток путей сообщения и перевозочных средств в этой горной стране препятствует обработке земли в больших количествах. Каждый засевает землю только вокруг своего дома и на свой собственный обиход. Большие села редки, и деревенское население раскинуто по деревням, состоящим из 3–4 и до 10–12 домов. Жатва обыкновенно едва удовлетворяет потребностям жителей, так что голод часто бывает в Корее. Для более бедного класса населения он наступает, можно сказать, периодически — дважды в год: сперва весной, перед июньской или июльской жатвой ржи, затем в сентябре или октябре, перед сбором проса. Денег можно достать только за страшно большие проценты, и бедняки, у которых вышел весь запас рису и других хлебов, питаются исключительно травами, варенными в соленой воде.

Кроме риса, пшеницы, ржи и проса, главнейшие произведения страны следующие: овощи всех родов, которые, однако, крайне безвкусны, хлопок, табак и различные волокнистые растения, пригодные для выделки тканей.

Табак введен в Корею японцами около конца 16-го столетия, хлопчатобумажное дерево занесено из Китая. Говорят, что в продолжение 500 лет оно было совершенно неизвестно в Корее и китайцы принимали, с своей стороны, всевозможные предосторожности относительно вывоза семян, чтобы заставлять корейцев покупать бумажные изделия своих фабрик. Но наконец одному члену ежегодного посольства удалось добыть три зерна, он спрятал их в стволе пера, и таким образом дал своей стране это драгоценное растение. Хлопчатобумажное дерево погибает ежегодно после жатвы, весной его сеют снова, как всякий другой хлеб, и в тех же самых местностях. Когда всходы показываются из земли, большое количество их вытаптывают ногами, чтобы остающиеся находились друг от друга на расстоянии приблизительно 12 дюймов; около каждого всхода несколько вскапывают землю, тщательно выпалывают дурные травы и в сентябре собирают довольно хорошую жатву. Картофель, ввезенный в новейшую эпоху, почти вовсе неизвестен корейцам. Разведение его запрещено правительством, неизвестно по какой причине. Одни христиане тайно сажают по несколько штук, чтобы потом иметь возможность угостить европейской овощью миссионеров, посещающих их деревни.

Христиане первые начали в Корее обрабатывать горы. Изгнанные преследованиями в самые отдаленные местности, они, чтобы не умереть с голоду, запахали горные целины, и опыт нескольких лет научил их наиболее удобному способу обработки подобных земель. Язычники, удивленные успехами попыток христиан, начали подражать им, и в настоящее время уже множество гор обработано. Табак преимущественно собирается на этих возвышенных местностях, просо родится на них довольно хорошо, так же как конопля и некоторые виды овощей, но хлопок никак не удалось на них акклиматизировать. Способ обработки гор, требующий гораздо больше труда, по сравнению с долинами, доставляет большие выгоды бедным работникам. Подати за эти земли не так велики, а лес, трава и дикие плоды встречаются в изобилии под руками. Репа, составляющая частое кушанье рабочих, удобно произрастает среди табачных плантаций и служит драгоценной подмогой в хозяйстве. К несчастью, земля скоро истощается и тогда как на равнинах почти никогда не видно паровых полей, на горах необходимо по прошествии некоторого времени дать отдых пашне на несколько лет. Впоследствии нагорные пашни никогда не приобретают более той производительной силы, которую они имели после первой распашки.

Плодов в Корее много; в ней можно найти почти все, что и во Франции, но какая огромная разница во вкусе! Яблоки, груши, сливы, вишни, виноград, тутовые ягоды, дыни и т. д. летом под влиянием постоянных дождей становятся безвкусными и водянистыми, сок в винограде неприятен, мали-

на безвкусна, вишен, красных с виду, нельзя есть вовсе, персики червивы и всегда незрелы; огурцы и арбузы потребляются в большом количестве и, кажется, одни только из всех овощей и фруктов, производимых страной, хоть сколько-нибудь терпимы.— Некоторые миссионеры, впрочем, делают еще другое исключение в пользу плода lotus diospyros, называемого во Франции японским именем каки (по-корейски кам)[2]. По цвету, виду и составу этот плод вполне похож на зрелое (любовное) яблоко. Цветы крайне многочисленны. В теплое время года поля бывают усеяны китайскими весенними цветами, лилиями различных видов, пионами и другими, неизвестными в Европе. Но, кроме шиповника, лепестки которого действительно изящны, и ландышей, похожих на европейские, все эти цветы или вовсе без запаха, или пахнут неприятно.

Разводят также женьшень, но он по качеству несравненно ниже дикого женьшеня, растущего в Татарии. Это знаменитое растение, по словам жителей крайнего Востока, считается лучшим возбуждающим средством в мире. Результаты, им производимые, далеко превосходят действие хинина. По мнению китайцев, самый старый женьшень в то же время и самый лучший; стоимость одного фунта этого растения, собранного в диком виде, доходит до невероятной цифры в 50 тысяч франков. Употребляется только один корень, его разрезывают на куски и настаивают в вине в продолжение не менее месяца. Это вино пьют очень небольшими дозами, и нередко случается видеть при смерти больных, которым благодаря этому средству удается сохранить жизнь на несколько лишних дней. Женьшень, разводимый искусственно, родится в большом количестве в различных провинциях Кореи. Его примешивают к другим лекарствам, служащим для укрепления больного, но не употребляют почти никогда в чистом виде. За последние годы цена на него удвоилась по случаю громадного вывоза его тайком в Китай, так как между жителями небесной империи он еще в большем употреблении, чем у корейцев. Европейцам женьшень неоднократно причинял, как говорят, сильные воспаления; может быть, причиной этого следует признать очень большие дозы приема или различие темпераментов и обыкновенной пищи больных.

Дикие животные, тигры, медведи, кабаны очень многочисленны в Корее. Ежегодно насчитывается особенно много жертв тигров. Сами тигры, впрочем, невелики. Корея изобилует также фазанами, лысухами и другою дичью. Домашние животные принадлежат большею частью к низшим породам. Лошади, хотя и малорослы, но довольно сильны, быки обыкновенной величины. В Корее особенно много свиней и собак, но последние

[2] Кам — хурма (*прим. сост.*).

чрезмерно трусливы и употребляются только на мясо. Собачье мясо считается там одним из лучших блюд. Правительство запрещает разводить овец и коз; один король имеет эту привилегию. Овцы служат ему для жертвоприношений предкам, а козы — Конфуцию.

Говоря о животном царстве в Корее, нельзя умолчать о разнообразных насекомых, червях, ежах, клопах, блохах, морских жуках и т. д., которые делают для иностранцев таким мучительным пребывание в этой стране. Все миссионеры считают их настоящей казнью египетской. В некоторых местностях нет физической возможности спать во время жаров внутри домов, и жители предпочитают, несмотря на соседство тигров, ложиться на открытом воздухе. Морской жук прокусывает поверхность кожи и причиняет рану более тяжелую и медленнее заживающую, чем обыкновенная ссадина. Эти насекомые, будучи гораздо толще майских жуков, размножаются с неимоверной быстротой, корейцы говорят, что если самка морского жука не произведет в продолжение одной ночи 96 детенышей, то она не воспользовалась как следует временем.

Климат в Корее довольно здоровый, но вода, безвкусная повсюду, во многих провинциях служит источником множества болезней. Большею частью встречаются перемежающиеся лихорадки, которые продолжаются по нескольку лет.

В некоторых местах, как, например, в провинции Киен-санг, одной из наиболее плодородных, вода порождает золотуху, нервные припадки, чрезмерную опухоль одной какой-нибудь ноги, редко обеих вместе. В некоторых округах этой же провинции она производит преждевременную старость; зубы выпадают, ноги слабеют, ногти загибаются и покрывают почти весь первый сустав пальцев. Корейцы называют эту болезнь суто, т. е. болезнью от воды и земли, в том смысле, что вода действует не только непосредственно, как питье, но и через плоды и овощи, которые она из полезных и безвредных превращает в нездоровые и опасные для здоровья.

Некоторые болезни становятся настоящим бичом в Корее, как, например, оспа. Во всей стране, может быть, не найдется ста человек, которые когда-нибудь не были бы больны ею, при этом она бывает необыкновенно сильна. Часто в каком-нибудь округе все дети заболевают ею одновременно и покрываются отвратительными прыщами и струпьями. Воздух заражается от этого до такой степени, что в домах опасно жить. Тот, кто не заболевает в малых летах, убежден, что не уйдет от оспы впоследствии, и тогда уже опасность значительно увеличивается. Более половины детей умирают от этой болезни; а в некоторые года не переживает ее почти никто. В столице жертвы оспы ежегодно насчитываются тысячами.

Между болезнями, обыкновенно встречающимися у взрослых, следует отметить род чумы или тифа, случаи которых многочисленны. Если испарина не появляется, то смерть становится неизбежною через три или четыре дня. Затем внезапные желудочные припадки, которые задушают больного и причиняют моментальную смерть, эпилепсия сильно распространенная, холера и т. д.

Ясно, что смертность в Корее велика; но если к причинам, только что перечисленным, прибавить постыдный обычай вытравлять плод, если подумать, что дети, теряя матерей на втором или третьем году жизни, недолго переживают их — так как в Корее не умеют прокармливать грудных детей,— то станет понятно, что население не увеличивается в большой пропорции. Миссионеры замечали, что общее число христиан оставалось в продолжение 10 лет почти постоянно одно и то же, хотя в это время и произошло около 1200 обращений взрослых корейцев. Это показывает значительное преобладание числа смертей над числом рождений. Однако в силу исключительного положения вновь обращенных, всегда преследуемых, обреченных на бедность, из этого отдельного факта нельзя выводить общего правила. Кроме того, сами корейцы убеждены, что цифра народонаселения увеличивается, и их страна все более заселяется и некоторые факты, по-видимому, подтверждают это. Так, в течение нескольких лет нет ни одной провинции, где не появлялось бы новых деревень, ни одной почти деревни, где не строилось бы новых домов. Поля и рисовые плантации, некогда оставленные, как бесплодные, большею частью теперь обработаны снова. Горы, кроме двух северных провинций, вспаханы почти повсюду, и тигры, выгнанные из своих логовищ, стали малочисленнее.

Трудно определить точно теперешнее общее число жителей Кореи. Официальные правительственные статистики насчитывали 30 лет назад более 1,700,000 домов и около 7 ½ миллионов жителей; но статистические таблицы сделаны так небрежно, что им невозможно верить. Более чем вероятно, что много индивидуумов пропущено. Ошибка, без сомнения, не будет велика, если признать общую цифру населения в 10 миллионов, что дает средним число по 6 человек на дом.

Корейцы монгольского типа, но по наружности они гораздо более походят на японцев, нежели на китайцев. У них медный цвет лица, выдающиеся скулы, полные щеки, как и вообще все тело, и приподнятые брови. Волосы они имеют черные, однако нередко встречаются каштановые и даже совсем светлые. У очень многих вовсе нет бороды, а у тех, у кого есть, она не густа. Они среднего роста, довольно сильны и хорошо выдерживают усталость. Жители северных провинций, соседних с Татарией, гораздо сильнее и почти дики.

История Кореи. Ее вассальные отношения к Китаю. Происхождение различных политических партий

Трудно, даже почти невозможно, составить по источникам точную и последовательную историю Кореи. Различные исторические сочинения о Корее, написанные по-китайски, по словам читавших их, представляют собой только запутанный подбор более или менее вымышленных событий, служащий текстом для напыщенной декламации. Сами корейские ученые не доверяют им нисколько и никогда их не изучают; они довольствуются изучением истории Китая. Правда, встречаются и на корейском языке краткие очерки истории Кореи, но они заключают в себе только собрание любопытных анекдотов, приспособленных для развлечения дам, и притом такого содержания, что всякий ученый стыдится читать их.

Кроме того, эти сборники относятся только к древней истории страны, так как писать и печатать новую историю строго запрещено. Под именем новой истории разумеется период царствования теперешней династии. Исторические документы сохраняются следующим образом. Несколько придворных сановников секретно записывают все происшествия в том виде, как они о них слышат; затем эти рукописи, запечатав, кладут в четыре ящика, сохраняемые в четырех разных провинциях. Когда царствующая династия угаснет и ей наследует другая, тогда по этим нескольким редакциям будет составлена официальная история. Тем не менее, у большинства благородных дворянских фамилий в обычае заносить в свои частные летописи все главнейшие события, однако из предосторожности, без всякого осуждения или оценки действий главных и второстепенных правителей. В противном случае легко можно поплатиться головой.

Только с помощью китайских и японских книг нам удалось собрать некоторое количество довольно верных данных из истории Кореи. Не утруждая читателя ссылками и цитатами, мы постараемся кратко изложить все, что необходимо знать.

Первые миссионеры и путешественники в Китай думали, что корейский язык составляет только особое наречие китайского языка; из этого они выводили единство происхождения обоих народов. Теперь вполне дознано, что корейцы не китайского, а татарского происхождения.

История Кореи до 1-го века христианской эры положительно неизвестна. Только около этого времени встречаются первые следы трех отдельных государств, поделивших между собою полуостров; на севере и северо-востоке королевства Као-ли, на западе Пет-си и на юго-востоке Син-ла. Неурядица беспрерывных гражданских войн между этими соперничествующими государствами, беспрестанные ссоры между королевством

Као-ли и Китаем, с одной стороны, и королевством Син-ла и Японией, с другой,— вот история Кореи в продолжение более чем десяти веков. К концу этого периода королевство Син-ла приобрело заметный перевес над двумя другими. И, действительно, в историях Кореи первая династия, предшествовавшая династии Као-ли или Кори, называется Син-ла. Другим доказательством этого превосходства может служить то, что север и запад почти постоянно, волей или неволей, находились в вассальных отношениях к Китаю, тогда как королевство Син-ла в продолжение нескольких веков поддерживало военные действия против Японии с одинаково переменным счастьем для обеих сторон. Японские летописи указывают на целый ряд трактатов, числом до пятидесяти, между обоими народами.

Как бы то ни было, около конца XI столетия, в царствование Уанг-Киена, т. е. Уанга-основателя, три корейских королевства окончательно соединились в одно. Король Као-ли, подкрепленный Китаем, завоевал королевства Пет-си и Син-ла, образовал одну монархию, и в благодарность за помощь, оказанную ему монгольской династией, только что воцарившейся тогда в Пекине, официально признал себя вассалом китайского императора. Китайские историки описывают эту революцию несколько иначе. По их словам, Тшеу-уанг, последний император из династии Ин, государь свирепый и развратный, лишил своих милостей и отправил в ссылку племянника своего, Кеи-тса, предостережения которого ему были неприятны. У-уанг, разбив Тшеу-уанга, сверг династию Ин, вернул Кеи-тса, сделал его королем Кореи и отдал ему остатки войск, служивших его дяде.

Потомки основателя корейского единства мирно царствовали в продолжение более 300 лет. Они-то в книгах и преданиях страны получили название династии Као-ли или Кореи.

В XIV столетии падение монгольской династии в Китае повлекло за собой прекращение и вассальной династии в Корее. Таи-тсо, которого китайские историки называют Ли-тан, покровительствуемый династией Минга, сменившей монголов, завладел в 1392 году властью в Корее и основал теперешнюю династию, которая официально называется Тси-тсиен. Новые китайские императоры воспользовались этой революцией для расширения своих суверенных прав и с тех пор ввели в Корее в употребление китайское летосчисление и календарь. Таи-тсо, утвердившись на престоле, покинул город Сионг-то или Каи-сенг, резиденцию своих предшественников, и перенес столицу в Хан-ианг (Сеул). Он разделил страну на 8 провинций и создал систему управления, которая держится еще до сих пор.

Первые преемники Таи-тсо, по-видимому, приобрели довольно большое могущество, потому что при короле Сионг-Сионге, царствовавшем

с 1506–1544, корейцы вели войну с Японией по поводу бунта в Таима-то (остров Тсусима или Тсу-тсим) и в некоторых других японских провинциях, которые в то время платили дань Корее. Но через несколько лет Япония отплатила, и Таико-Сама привел Корею на край гибели. В 1592 году этот государь, столь же великий воитель, как и опытный политик, послал в Корею войско в 200 тысяч человек. Его план состоял в том, чтобы проложить себе дорогу для вторжения в Китай. Напрасно китайцы прибегли к помощи корейцев против общего врага, они были разбиты во многих сражениях, и три четверти Кореи подпало под власть японцев, которые, вероятно, завоевали бы и всю страну, если бы смерть Таико-сама в 1598 году не принудила его войска оставить завоевание и вернуться в Японию. В 1615 г., после падения фамилии Таико-Сама, глава нынешней японской династии окончательно заключил мир с корейцами. Условия этого мира были крайне тяжки и оскорбительны для последних, так как они должны были платить ежегодно дань, состоявшую из 80 человеческих кож. Через несколько лет этот варварский налог был заменен другим, заключавшемся в деньгах, рисе, тканях, женьшене и т. д. Между прочим, японцы удержали право собственности на порт Фузан-каи на юго-восточной стороне Кореи, которым они владеют и до сих пор. Этот необходимый пункт занят колонией из 3-х или 4-х сот солдат и рабочих, которые не имеют никаких сношений с внутреннею страной, и имеют право вступать в торговые сношения с корейцами только один или два раза в месяц в продолжение нескольких часов. До 1790 года короли Кореи были обязаны посылать в Японию чрезвычайное посольство для объявления о своем восшествии на престол и другое — через каждые десять лет с уплачиваемой данью. С этого года посольства посылаются только в Тсу-тсима, что связано с гораздо меньшей роскошью и издержками.

В 1636 году, когда царствующая до сих пор в Китае маньчжурская династия свергла династию Минга, король Кореи принял сторону последней. Маньчжуры тотчас же наводнили его государство, и он не был в состоянии бороться с неприятелем, который продиктовал ему законы в его собственной столице. До сих пор еще около одних из ворот Хан-ианга (Сеула) сохранился храм, построенный в честь предводителя маньчжурской экспедиции, и народ воздает ему божеские почести. Трактат, заключенный в 1637 году, не изменив в действительности условий вассальных отношений Кореи к Китаю, придал только этому подчинению более унизительную форму. Король должен был признать за императором не только право инвеституры, но и прямую власть над своею личностью, т. е. отношения господина к подданному (кун-син).

Одна из статей этого договора, подписанного в 30 день тринадцатой луны тиенг-тсиука (1637–1638) следующим образом устанавливает уплату ежегодной дани:

«Каждый год должно быть доставлено: 100 унций золота; 1000 унций серебра; 10 тысяч мешков рису, зерном без скорлупы; 2 тысячи кусков шелковых тканей, 300 кусков из мори (род льна); 10,000 кусков обыкновенного полотна; 100 кусков тонкой пеньковой ткани; 1000 свитков бумаги большого формата по 20 листов в каждом; 1000 свитков бумаги малого формата; 2000 хороших ножей; 1000 буйволовых рогов; 40 циновок с рисунками; 200 фунтов красильного дерева; 10 четвериков перцу, 100 тигровых кож, 100 оленьих, 400 бобров, и т. д. и т. д. Эта присылка должна начаться с осени кеимио (1639)».

Мешки рису, о которых упомянуто выше, весом немного менее двух гектолитров. Через несколько лет после трактата, в 1650 году, один корейский посланник, дочь которого, уведенная в плен маньчжурами, сделалась шестою женой императора, добился уменьшения дани рисом до 9000 мешков. Остальные пункты трактата подробно определяют все отношения между обеими странами и, за исключением некоторых незначительных изменений в частностях, до сих пор служат законом при взаимных сношениях Кореи и Китая.

Каждый год отправляется в Пекин корейское посольство для уплаты дани и получения календаря. Последнее, по понятиям этих народов, считается делом особой важности. В Китае утверждение календаря составляет императорское право, исключительно принадлежащее лицу сына неба. Множество астрономов и математиков обязаны составлять этот календарь, и каждый год император объявляет его во всеобщее сведение при указе, снабженном государственной печатью. При этом под страхом смертной казни запрещается следовать иному календарю или публиковать его. Главные сановники империи отправляются в пекинский дворец для торжественного получения календаря; мандаринам и второстепенным чиновникам он посылается от губернаторов или вице-королей; кто получает этот календарь, тот считается подданным и данником императора, кто отвергает его, тот производит открытое восстание. Никогда еще со времени заключения трактата корейские короли не осмеливались обходиться без императорского календаря; но, чтобы сохранить свой авторитет по отношению к своим собственным подданным и придать себе некоторый вид независимости, они стараются делать в нем кое-какие изменения, помещая, например, длинные лунные месяцы (30-дневные) в иных между собою интервалах (промежутках) и передвигая то вперед, то назад остальные месяцы. Благодаря этому корейцы принуждены выжи-

дать обнародования своего собственного календаря, который дал бы им возможность знать числа и время официальных праздников. Кроме того, каждый новый корейский король посредством специального посольства обязан испрашивать инвеституру у императора и давать отчет о всем, что касается его семейства и о всех главнейших событиях, которые происходят в государстве. Короли Кореи, будучи в китайской иерархии степенью ниже большинства посланников бохдыхана, обязаны выходить из столицы для их встречи и выражения своего глубокого почтения, причем для выхода они должны избирать другие ворота, а не те, через которые войдет в город посланник. Последний во все время своего пребывания не выходит из назначенного ему дворца и все, что появляется на его столе, серебряная столовая посуда и т. д. делается его собственностью. Это причиняет корейскому правительству страшные расходы. Кажется также, что корейские посланники не имеют права проходить через ворота Пиен-мен в первом китайском городе на границе и принуждены делать объезд. Императорский цвет запрещен для короля Кореи; он не может носить короны, похожей на императорскую; все гражданские акты должны быть помечены годами царствования императора; и если в Пекине случится что-либо необыкновенное, король должен посредством чрезвычайного посольства выразить, смотря по обстоятельствам, или свое поздравление, или соболезнование. В трактате значится также, что корейское правительство не имеет права чеканить монету; но эта статья не соблюдается.

У Дюальда приведен любопытный пример официальных сношений между двумя дворами, именно: прошение, представленное императору Канг-ги в 1594 году одним из королей династии Ни. Оно написано в следующих выражениях:

«Королевство Тшао-сиен представляет это прошение в надежде водворить порядок в своей собственной семье и дать народу возможность высказать свои желания.

Я, верноподданный, признаю себя оставленным счастливой судьбой. Долгое время у меня не было наследника, наконец, от одной из моих наложниц родился ребенок мужеского пола. Его рождение причинило мне неописанную радость, тотчас же я признал королевой мать этого ребенка, что ввело меня в ошибку, последствия которой крайне чувствительны. Я предписал королеве Мин-ши, моей законной супруге, удалиться в отдельное помещение и вместо нее сделал мою наложницу Тшанг-ши королевой. Я уведомлял тогда подробно Ваше Величество об этом событии. Но в настоящее время я вспомнил, что Мин-ши получила от Вашего Величества избирательные грамоты, что она управляла моим домом, что она помогала мне в жертвоприношениях, что она прислуживала королеве,

моей прабабке, и королеве, моей матери, что она носила вместе со мной траур в течение трех месяцев. Следуя законам природы и справедливости, я обязан был бы оказывать ей почести, но я увлекся моим неразумием. После того, как разлука совершилась, я испытываю глубокое сожаление. В настоящее время, удовлетворяя желание народов моего королевства, я намереваюсь возвратить королевское достоинство Мин-ши и снова обратить в наложницу Тшанг-ши. Такою мерою порядок в семье будет установлен и добрые нравы снова утвердятся в государстве.

Я, верноподданный, хотя и унижаю своею глупостью и невежеством титул, унаследованный мною от предков, но уже двадцать лет, как я служу Вашему верховному Величеству и Ваши благодеяния, которым я обязан всем, не оставляют меня и покровительствуют мне, как само небо. Не было ни одного, ни домашнего, ни государственного события, которое бы я скрыл от Вас. Это дает мне смелость по два и по три раза утруждать Ваше Величество моим делом. Я крайне смущен, что до такой степени преступил границы моих обязанностей; но так как мое дело касается восстановления порядка в семействе, и удовлетворения желания моего народа, то рассудок мой предписывает мне донести Вашему Величеству об этом».

Император отвечал на это прошение следующим приказом:

«Пусть то ведомство, до которого это касается, обсудит и донесет мне».

Ведомство, о котором идет речь, заведует всевозможными церемониями. Оно признало возможным исполнить просьбу короля, что и утвердил император. Послали офицеров его Величества передать королеве новые избирательные грамоты, великолепные одежды и все то, что установлено в этих случаях обычными формальностями.

В следующем году король прислал другое прошение к Канг-ги. Император, прочитав его, дал следующий указ:

«Я читал приветствие короля и знаю его, пусть та палата, до которой это касается, рассмотрит прошение, его выражения неприличны, недостаточно почтительны. Предписываю рассмотреть и донести мне».

На основании этого приказа липу, или палата церемоний, приговорила короля Кореи к штрафу в 10 тысяч унций серебра и на три года лишила императорских подарков, которые обыкновенно посылались после каждого получения дани.

Только что приведенные факты и некоторые другие, на которые будет указано ниже, вполне убеждают, что верховная власть Китая по отношению к Корее очень ощутительна. Понятно, что, смотря по обстоятельствам, по особенности характеров государей обеих стран, суровость подчинения то усиливается, то уменьшается, но, в большей или меньшей степени, она все-таки существует всегда. Впрочем, китайские императоры, как

искусные политики, не злоупотребляют Кореей и щадят щекотливость ее правительства. Хотя они и получают очень большую дань, но взамен этого ежегодно дают корейским посланникам и их свите богатые подарки. Каждому новому корейскому королю они посылают королевскую мантию и драгоценные украшения. Хотя они и имеют право требовать от Кореи помощи жизненными припасами, оружием и солдатами, но они почти никогда этим не пользуются: кроме того, хотя императоры Китая и могли бы, по буквальному смыслу трактата, вмешиваться во все внутренние дела королевства, но они постоянно от этого воздерживаются. Некогда монгольская династия Уангов неоднократно принимала участие в низвержении и возведении на престол корейских королей, но именно поэтому страна вспоминает об ней с проклятием. Минги, более разумные, всегда относились к корейцам скорее как к союзникам, нежели как к вассалам; они посылали армию на помощь к королю Кореи во время вторжения японцев, так что и до сих пор еще корейский народ до такой степени питает к ним чувство уважения и благодарности, что тщательно сохраняет многие обычаи, современные этой династии, хотя она уже и низвержена в Китае маньчжурами. Последние нелюбимы в Корее, и в частных записках события никогда, не помечаются годами их царствования. Между тем, иго маньчжуров не особенно тяжело, так что никому не приходит в голову мысль его свергнуть.

В Корее большинство верит в существование одного параграфа трактата 1637 года, который предусматривает тот случай, когда маньчжуры, потеряв Китай, будут принуждены возвратиться в свою собственную страну. Тогда Корея будет обязана, будто бы, снабдить их 3000 быков, 3000 лошадей, заплатить им громадную сумму денег и, наконец, прислать им 3000 отборных девушек. Утверждают, что если в Корее есть всегда такое громадное количество девушек-рабынь, то именно для того, чтобы правительство могло по требованию исполнить эту статью трактата. Однако миссионеры никогда не могли открыть никакого официального документа по этому предмету.

С 1636 года корейцы не вели войн ни с Японией, ни с Китаем. Этот народ имел благоразумие не начинать снова вполне неравной борьбы и, чтобы не раздражать властолюбия своих могущественных соседей, всегда старался казаться как можно малочисленнее и выставлять на вид свою слабость и бедность страны. Отсюда запрещение разработки золотых и серебряных руд, часто повторяемые законы против роскоши, сдерживающие в узких границах расточительность и пышность знатных. Отсюда также почти безусловный запрет сообщений с иностранцами. Благодаря всему этому мир сохранился, и история последних веков не представляет нам

ничего другого, кроме придворных интриг, из которых одна или две привели к замене одного короля другим из той же фамилии, большинство же оканчивалось поголовными казнями заговорщиков и их действительных или мнимых сообщников. Впрочем, от всего этого не произошло никакой серьезной перемены, никакого улучшения. То, что мы называем политическою жизнью, прогрессом, революцией — вовсе не существует в Корее. Народ ничего не значит и ни во что не вмешивается. Благородные, в руках которых сосредоточена власть, только угнетают народ и выжимают из него возможно большее количество денег. Они сами разделяются на несколько партий, преследующих друг друга с остервенелою ненавистью, но их партии ни по происхождению, ни по убеждениям не имеют ничего общего с различными принципами политики и управления: они спорят только о должностях и о влиянии на дела.

Вот по некоторым корейским документам и распространенным по всей стране преданиям история происхождения этих партий.

В царствование Сиенг-Тсонга (1567–1592) возник спор между двумя самыми могущественными вельможами королевства по поводу одной важной должности, вверенной одному из них, но на которую и другой также заявлял права. Родные, друзья и подчиненные обоих соискателей приняли участие в ссоре; король искусно пользовался и теми и другими, и они остались разделенными под именем Тонг-ин'ов (восточных) и Сиа-ин'ов (западных). Спустя несколько лет другой такой же ничтожный повод повел за собой образование еще двух новых партий под названием Нам-ин'ов (южных) и Пук-инов (северных). Вскоре восточные соединились с южными и образовали одну партию, названную по имени последних: Нам-инами. Северные же, крайне многочисленные, разделились еще на две — на Таи-пуков и Сио-пуков, т.е.— больших и малых северных. Таи-пук'и, замешанные в заговоре против короля, почти все были казнены, а те, которые уцелели, поспешили соединиться с Сио-пуками; таким образом, во время происшествия 1674 года оставались три резко друг от друга отличающиеся партии.

В этом году, при короле Сиук-Дсонге, один смешной случай произвел новые изменения. Знатный молодой человек из партии Сие-ин'ов, по имени Иун, имел в качестве наставника ученого, пользовавшегося большою репутацией, именем О-нама. Когда умер отец Иуна, последний приготовил эпитафию, но учитель предложил другую. Они никак не могли прийти к соглашению, каждая редакция приобрела своих партизанов, и раздор разгорелся с такою силою, что партия Сие-инов раздробилась на две новые — на партию Иуна, назвавшуюся Сио-ронами, и на партию О-нама под именем Но-ронов.

Таково происхождение четырех партий, которые существуют в Корее еще до наших дней. Все знатные непременно принадлежат к какой-нибудь из них, с единственною целью завладеть важнейшими должностями и запереть к ним доступ противникам. Отсюда постоянные раздоры, борьба, оканчивающиеся чаще всего смертью главных предводителей партии побежденных. Для этого восторжествовавшие обыкновенно не прибегают к оружию или явному убийству, а заставляют самого короля произнести смертный приговор или, по меньшей мере, осудить на вечное изгнание. Во времена затишья господствующая партия, ревниво сберегая для себя самые влиятельные должности, для избежания чересчур сильной оппозиции, уделяет второстепенные места благородным других партий; но они никогда не сближаются, и правительство снисходит до того, что члены противных партий не говорят друг с другом даже и тогда, когда этого требовало бы исполнение их административных обязанностей.

Эта взаимная ненависть наследственна; отец передает ее сыну, и не было еще примера, чтобы какое-нибудь семейство или один член его переходили из одной партии в другую, в особенности между Нам-инами и Но-ронами, которые всегда были наиболее многочисленны, могущественны и свирепы. Никогда еще никто не слыхал ни об одном браке между семействами двух враждебных лагерей. Благородные, потерявшие по интриге врага свой сан или жизнь, передают своим потомкам заботу о мщении. Часто они накладывают на них особый наружный знак: например, надевают на сыновей одежду с приказанием не снимать ее до тех пор, пока они не отомстят. Сыновья носят ее постоянно и, если умрут раньше исполнения отцовского завещания,— в свою очередь передают ее своим детям под тем же условием. Нередко случается видеть благородных корейцев, одетых в лохмотья, которые в продолжение двух или трех поколений день и ночь напоминают им, что кровавый долг еще не уплачен и души предков не успокоились.

Не мстить за отца в Корее,— значит не признавать его, объявить себя незаконнорожденным и не иметь права носить его имени, оскорбить в самом священном пункте господствующую религию, которая, в сущности, только и состоит в поклонении предкам. Если отец был казнен по королевскому приказанию, необходимо, чтобы и врага его или его сына постигла та же участь; если отец был изгнан,— необходимо, чтобы и враг был изгнан; если он был убит, враг также должен быть убит и именно тем же самым способом. Мститель пользуется почти полной безнаказанностью, потому что за него стоит религиозное и национальное чувство страны.

Обыкновенное средство, употребляемое враждующими партиями,— это взаимное обвинение в заговоре на жизнь короля. Для этой цели по-

дается множество прошений, выставляются ложные свидетели, подкупают министров. Если, что часто случается, первых доказчиков сажают в тюрьму, бьют, приговаривают к громадным штрафам или к изгнанию, члены партии складываются, платят убытки и снова делают подобные же попытки, пока они, наконец, не увенчиваются полным успехом благодаря продажности высших сановников и слабости короля. Тогда победители бросаются на места и должности; пользуются и злоупотребляют властью, чтобы обогатиться, низвергнуть и преследовать своих врагов, пока последние сами не найдут благоприятного случая вытеснить их в свою очередь.

Упомянутые выше партии подразделились еще на два цвета или, вернее, на два оттенка. И вот по какому случаю:

Король, занимавший трон Кореи в 1720 году, не имел наследника. Между знатнейшими людьми королевства начался разлад: одни хотели немедленно провозгласить Иенг-тсонга, брата короля, принца способного, но жестокого; другие предпочитали ждать, все еще думая, что король не умрет без потомства. Первые получили название Пиеков или Пиек-пайев, вторые — Сиев или Си-паиев. Пиеки секретно отправили в Пекин посольство с целью получить инвеституру для Иенг-тсонга, но Си, вовремя предупрежденные, настигли послов еще на корейской территории и отрубили им головы. Между тем, старый король умер бездетным, и Иенг-тсонг вступил на престол в 1724 году. Общий голос, не без основания, обвинял его в том, что он расчистил себе дорогу к трону посредством двойного преступления; т.е. различными абортивными средствами лишил своего брата потомства, а потом отравил и его самого. Раздраженный до крайности такими слухами, новый король тотчас после коронации, опираясь на Пиеков, казнил огромное количество Сиев, которых он считал своими врагами. Через несколько лет, когда умер его старший сын, еще в детском возрасте, он объявил наследником престола второго сына, Са-то, и сделал его участником управления. Этот молодой принц, о котором все вспоминают как о превосходном человеке, часто просил отца забыть старую ненависть к Сиям, объявить общую амнистию и честно попробовать политику примирения. Иенг-тсонг, рассерженный его упреками и настроенный Пиеками, приказал казнить сына смертью. Для этого сделали большой деревянный ящик, в который Са-то приказано было лечь живым, затем ящик заперли, запечатали королевской печатью, покрыли травами и через несколько часов молодой принц задохся.

Его смерть увеличила еще более раздражение между Сиями с приверженцами и Пиеками, приговорившими принца к казни. Эта ссора длится и до сих пор. Сии добиваются включения Са-то в число королей, так как

он был объявлен наследником престола и был сделан участником управления. Пиеки постоянно противятся этому, и до сих пор с успехом мешают посмертному восстановлению Са-то. Различие между Сиями и Пиекми встречается только между двумя наиболее значительными партиями — Нам-инами и Но-ронами. Каждый член этих партий присоединяется к Сиям или Пиекам по своим личным наклонностям и часто случается, что в одном и том же семействе отец Пиек, тогда как сын — Си, или что два родных брата принадлежат один к Пиекам, другой к Сиям. Эти политические оттенки нисколько не мешают заключению браков между лицами из фамилий Пиеков и Сиев, чем последние преимущественно и отличаются от так называемых чисто политических партий, о которых было говорено выше. Большею частью люди беспокойные и честолюбивые присоединяются к Пиекам, наоборот, Си всегда выказывали себя более умеренными и более склонными к примирению.

Когда в конце прошлого столетия проникла в Корею христианская религия, большинство из вновь обращенных знатных людей принадлежало именно к Сиям из партии Нам-инов. Это обстоятельство еще более вооружило против них Пиеков и Но-ронов, и их взаимная политическая вражда играла большую роль в причинах первых гонений на христиан. Партия Нам-инов, в высшей степени могущественная до 1801 года, не могла вынести удара; она была окончательно низвергнута, большинство ее вождей погибло, и теперь Но-роны, завладев вполне властью, не боятся более никаких серьезных соперников. Сио-роны, многочисленные, но сговорчивые и угодливые, приобретают довольно большое количество должностей. Некоторые должности предоставляются также с разными ограничениями и Нам-инам, и Сио-пукам. Впрочем, последние немногочисленны и не имеют влияния в стране.

Вот как одна корейская карикатура представляет это положение вещей. Но-рон, богато одетый, сидит за роскошно убранным столом и выбирает по своему вкусу лучшие куски. Сио-рон, сидя сбоку, но несколько сзади, самым изящным образом исполняет обязанности лакея и в награду за свою услужливость получает часть блюд. Сио-пук, зная, что пир не для него, сидит далеко сзади с важным и спокойным лицом; он получит остатки, когда другие насытятся. Наконец, Нам-ин, покрытый рубищем, стоит сзади Но-рона, который его не замечает, он негодует, скрежещет зубами и показывает кулак, как бы предвкушая сладкую месть. Эта карикатура, вышедшая лет 20 или 30 тому назад, дает очень верное понятие о взаимном положении корейских партий настоящей эпохи.

Короли. Принцы крови. Придворные евнухи. Королевские похороны

В Корее, как у всех прочих народов Востока, образ правления — монархический, неограниченный. Король имеет полную власть пользоваться и злоупотреблять всем, что находится в его королевстве; он обладает мощью без границ над людьми, вещами и учреждениями; он имеет право жизни и смерти над всеми своими подданными без исключения, будь они министры или принцы королевской крови. Его особа священна, его окружают всевозможным уважением, ему подносят с религиозной торжественностью первые плоды, первые зерна при уборке хлебов, ему воздают почти божеские почести. Как только он получает от китайского императора, одновременно с инвеститурой, собственное имя, так немедленно, из уважения к его высокому сану, запрещается под страхом жестоких наказаний когда бы то ни было произносить это имя, которое должно употреблять только в официальных сношениях с пекинским двором. Уже после смерти короля, его преемник дает ему имя, под которым он должен быть известен в истории.

В присутствии короля никто не имеет права носить покрывала, которым обыкновенно прикрывают лицо большинство знатных корейцев и все носящие траур; никто не имеет права носить очков. До него нельзя дотрагиваться, железо никогда не должно касаться его тела. Когда король Тиенг-тсонг-таи-оанг умирал в 1800 году от нарыва на спине, никто не посмел употребить ланцет, который, может быть, и спас бы его, и таким образом он должен был умереть благодаря правилам этикета. Рассказывают случай про другого короля, который ужасно страдал от нарыва на губе. Доктор возымел счастливую мысль позвать жреца и заставил его в присутствии короля проделать всевозможные прыжки и гримасы, высокий пациент начал хохотать во все горло и нарыв прорвался. Ни один кореец не может представиться королю без одежды, установленной этикетом, и притом непременно с бесконечными повержениями ниц. Каждый конный обязан сойти с лошади, проезжая мимо дворца. Король не может обращаться запросто ни с одним из своих подданных. Если он до кого-нибудь дотронется, это место становится священным, и на нем обязательно носить какой-нибудь заметный знак, большею частью красный шелковый бант, как воспоминание о такой особенной милости. Понятно, что большинство всех этих запрещений и формальностей касается только одних мужчин; женщины же имеют право входа всюду во дворце без всяких для себя неприятных последствий.

Изображение короля не выбивается на монетах, на них находится только несколько китайских букв. По мнению корейцев, значило бы на-

нести оскорбление королю, поместив его священный образ на предметах, которые проходят через столько рук и даже часто падают на землю в пыль и грязь. Портретов короля вовсе не делают, кроме одного, который снимают после его смерти и сохраняют с величайшим благоговением в особом помещении в самом дворце. Когда французские корабли впервые пришли в Корею, то мандарин[3], который был послан для переговоров с ними, пришел в ужас, увидав, с каким легкомыслием эти западные варвары обращались с изображением их государя, вычеканенным на монетах, с какою беззаботностью отдавали они его в руки первого встречного, нисколько не беспокоясь о том, будут ли ему воздаңы должные почести. Командир одного корабля предложил мандарину портрет Людовика-Филиппа, но тот отказался от него. Может быть, он боялся наказания от своего правительства за принятие чего-либо от варваров; но, вероятнее всего, что он подозревал ловушку в этом выражении вежливости. Он крайне затруднялся унести этот портрет с подобающею пышностью, а с другой стороны, не выказать портрету государя должного уважения в его глазах значило нанести тяжкую обиду иностранцам и дать повод к войне.

По священным китайским книгам, король исключительно занимается общим благом. Он заботится о строгом соблюдении законов, дает правосудие всем подданным, защищает народ от лихоимства важных сановников и т. д. Но такие короли редки в Корее. Большею частью на троне сидят ленивцы, существа испорченные, развращенные, преждевременно состарившиеся, оглупевшие и неспособные. Да и чего другого можно ожидать от несчастных принцев, с молодости призванных к трону? Всем их капризам поклоняются, им никто не смеет дать ни совета, ни предостережения, странный этикет запирает их во дворцах посреди сераля, и это в возрасте от 12–15 лет! Впрочем, в Корее, как и в других государствах, находящихся в подобных обстоятельствах, почти всегда встречаются честолюбивые министры, которые строят свои расчеты на страстях государя и стараются расслабить его излишеством наслаждений, чтобы потом самим править его именем.

Очень редко король бывает способен управлять самолично и наблюдать за министрами и высшими сановниками. В такое время мандарины осторожны, исполняют свои обязанности со вниманием и народ от этого только выигрывает. Тайные эмиссары доносят королю о случаях притеснения, лихоимства, отказа в правосудии, и виновные неожиданно для них наказываются или немилостью, или ссылкой. Народ обыкновенно привязан к королю, никогда не обвиняет его в тирании и тех притеснениях,

[3] Здесь и далее мандарины — чиновники, преторианцы — служащие у военного чиновника, телохранители — служащие у гражданского чиновника (*прим. сост.*).

которые он терпит. Всю ответственность за них он возлагает на мандаринов. Некогда во дворце стоял ящик под названием син-мун-ко, устроенный около начала XV века третьим королем настоящей династии. В него опускались все просьбы, адресованные прямо на имя короля. Хотя этот ящик существует и до сих пор, но он сделался почти бесполезен, потому что дойти до него можно только за громадные деньги. Теперь желающие обратиться к королю с просьбой или жалобой помещаются около ворот дворца и ждут, пока его величество выйдет. Тогда они ударяют в тамтам, и по этому знаку королевский служитель отбирает у них просьбы и передает одному из сановников свиты короля; но о таких прошениях обыкновенно забывают, если проситель не имеет средств израсходовать известную сумму денег для того, чтобы заручиться необходимою протекцией. Просители употребляют иногда и другое средство; они раскладывают большой огонь на горе, которая лежит около столицы прямо против дворца. Король, увидав огонь, осведомляется о том, чего просят.

Кроме обычной щедрости при торжественных обстоятельствах, на обязанности короля лежит, по обычаю страны, забота о пропитании бедных. Перепись 1845 года насчитывает 450 стариков, имеющих право на королевскую милостыню. Восьмидесятилетним ежегодно выдают: 5 мер рису, 2 соли и 3 меры рыбы; семидесятилетним: 4 меры рису, 2 соли и 2 рыбы. Упоминаемая здесь мера рису достаточна для прокормления одного человека в продолжение десяти дней.

При могуществе аристократии в Корее, казалось бы, принцы крови, братья, дяди и племянники короля, должны пользоваться громадной властью. Наоборот. При подозрительности деспотизма ко всякому постороннему влиянию, принцы крови никогда не призывались ни к занятию важных должностей, ни к участию в делах управления. Если они не держатся совершенно в стороне, они рискуют быть обвиненными под предлогом покушения на бунт, и такие обвинения находят себе легкий доступ. Часто случается, что приговаривают к смертной казни только по одним придворным интригам таких принцев, которые живут вполне уединенно и тихо. При всей немногочисленности королевской фамилии в продолжение последних шестидесяти лет три принца были казнены таким образом.

Королевская власть, хотя и остается в теории всегда неограниченною, в действительности теперь она сильно урезана. Большие аристократические фамилии, воспользовавшись несколькими последовательными регентствами и восшествием на престол двух или трех незначительных государей, присвоили себе почти всю власть. Корейцы начинают поговаривать, что король ничего не видит, ничего не знает, ничего не значит. Они представляют себе современное положение вещей в виде человека, у которого голова

и ноги совершенно высохли, тогда как грудь и живот раздулись выше меры и грозят при первом случае лопнуть.

Голова — это король, ноги — народ, грудь и живот — высшие сановники и аристократы, которые наверху уничтожают королевскую власть, а внизу высасывают кровь народа. Миссионеры видели эту карикатуру и утверждают, что элементы революции увеличиваются с каждым днем, что народ, все более и более угнетаемый, легко пойдет за первыми бунтовщиками, которые позовут его на грабеж, и что малейшая искра зажжет такой пожар, последствия которого будут неисчислимы.

То, что в Корее называют королевскими дворцами, в сущности,— жалкие домики. Эти дворцы наполнены женщинами и евнухами. Кроме королев и королевских наложниц, во дворцах находится большое число прислужниц, которые называются дворцовыми девицами. Их силой берут по всей стране, и если однажды их приобрели для службы при дворце, они обязаны оставаться во дворце до самой смерти, за исключением только случаев тяжкой или неизлечимой болезни. Они не могут выходить замуж, если только король не сделает их своими наложницами; они обречены на вечное воздержание, и если откроется, что они его нарушили,— их проступок наказывается изгнанием, иногда даже смертью. Понятно, что эти серали[4] являются гнездом распутства и неслыханных преступлений, так как всем известно, что несчастные обитательницы служат для удовлетворения страстей принцев, превращающих их дома в притоны всевозможного разврата.

Придворные евнухи составляют совершенно особое сословие; их заставляют держать специальные испытания и, смотря по познаниям или ловкости, они повышаются быстрее или медленнее в тех должностях, которые им присвоены. Утверждают, что все они большею частью люди ограниченного ума и жестокого и раздражительного характера. Гордясь своими фамильярными и ежедневными сношениями с государем, они обращаются с одинаковым нахальством со всеми сановниками и не боятся даже ругать первого министра, что никому другому не прошло бы безнаказанно. Они ведут знакомство только между собой, потому что все знатные и народ боятся их столько же, сколько и ненавидят. И странная вещь, все евнухи женаты, и многие из них имеют по нескольку жен. Большею частью это бедные девушки из простого народа, которых они добывают хитростью или насилием, или покупают по дорогой цене. Их запирают еще тщательнее, чем других женщин, и берегут так ревниво, что очень часто в их дома закрыт доступ даже лицам женского пола и роди-

[4] Сераль — двор султанов средневековой Турции (*прим. сост.*).

телям. Не имея своих детей, евнухи посылают эмиссаров по всей стране разыскивать оскопленных детей или молодых людей; они их усыновляют, воспитывают и определяют на места для выполнения главнейших поручений по внутренней придворной службе. Но, спрашивается, откуда берутся эти новые евнухи? Некоторые из них скопцы от рождения, впрочем эти ценятся мало, и часто, после испытания, их отправляют обратно. С другой стороны, в Корее не существует варварского обычая оскоплять людей, по крайней мере, миссионеры никогда не слыхали ни об одном подобном случае. Но, от времени до времени, что маленьких детей оскопляют собаки. В Корее, как и во многих других странах Востока, на одних собак только возлагают заботы о чистоте и опрятности грудных и даже трех- и четырехгодовалых детей, так что случаи, о которых мы говорим, нередки. Эти дети, выросши, пользуются своим уродством как средством к жизни и нередко, достигнув сколько-нибудь высокого положения в среде евнухов, помогают своим семьям.

Кроме дворцов, обитаемых королем, существуют еще другие, предназначенные исключительно для портретов предков. В них совершается буквально то же, что и в жилых дворцах: каждый день приветствуют мертвых, как будто бы они были живы, перед всеми портретами ставится пища в предположении, что именно здесь должны находится души усопших, для услуг содержатся евнухи и большое число дворцовых девиц, вообще, соблюдаются все порядки и церемонии ежедневной королевской жизни. В Корее, где религия состоит только в поклонении предкам, все относящееся до королевских похорон является делом первостепенной важности, и нет церемонии, торжественнее погребения короля. Так как король считается отцом народа, то все без исключения обязаны носить по нем траур в продолжение 27 месяцев. Это время разделяется на два резко выдающихся периода. Первый период самого глубокого траура с момента смерти до погребения продолжается пять месяцев. На всем протяжении королевства во все пять месяцев не должно быть совершаемо никаких частных жертвоприношений, брачные церемонии запрещены, похороны не дозволяются, убивать животных и есть мясо запрещено, так же как и наказывать плетьми или смертию преступников. Обыкновенно эти правила выполняются самым тщательным образом, но допускаются и исключения. Так, самым бедным из простого народа, которые не в состоянии держать своих покойников в домах в продолжение столь долгого времени, дозволяется хоронить их, но только тайно и без шуму. Точно так же после смерти последнего короля, по случаю невыносимых летних жаров и необходимости производить полевые работы, его наследник освободил всех от воздержания в пище.

Кроме этих специальных распоряжений, касающихся одного первого периода траура, существуют еще другие, одинаково относящиеся как к первым пяти месяцам, так и к последующим двадцати двум. Особым правительственным распоряжением устанавливается, какое следует носить платье. Все яркие цвета, все дорогие ткани строго запрещаются. Белая шапка, пояс, обувь, одежда, рубашка и т. д. из небеленой пеньки — таков должен быть, под страхом штрафа или тюрьмы, наряд всех и каждого, пока новый министерский приказ не дозволит опять надеть обыкновенную одежду. Женщины, однако, не подчинены этим правилам, так как они не имеют никакого значения перед лицом гражданского и религиозного закона; впрочем, большинство из них остается почти всегда запертым внутри домов. Во все время траура запрещаются всякие публичные увеселения, празднества, театральные представления, песни, музыка — вообще, всякое внешнее проявление радости. В одной или двух провинциях, как говорят, закон воздержания в пище соблюдается даже во все 27 месяцев.

Мы уже говорили, что никто не смеет прикасаться к королю; это запрещение остается в силе и после его смерти. Когда он испускает последний вздох, начинается приготовление его тела; его бальзамируют, одевают в королевские одежды и все это особыми способами, без непосредственного прикосновения к нему руками. Затем его кладут на нечто вроде катафалка и ежедневно, утром и вечером, совершают в честь его жертвоприношения, сопровождаемые соответствующими случаю рыданиями. В особо определенные дни весь двор и все главные сановники из ближайших мест обязаны присутствовать при этих жертвоприношениях. Один новый король освобожден от этой обязанности, так как он, предполагается, занят государственными делами. Он появляется на церемониях только в продолжение нескольких первых дней после смерти предшественника, а затем назначает вместо себя одного из принцев королевской фамилии. В часы жертвоприношений простой народ столицы и все знатные, находящееся не у должностей, не имеют права подходить близко к трупу, а толпятся вокруг дворца и испускают страшные вопли и вой в назначенное время, затем каждый делает коленопреклонение, как бы перед душой усопшего, и удаляется. В провинциях важнейшие жители каждого округа сходятся в назначенные дни у мандарина и, став лицом по направленно к столице, плачут, все вместе официально причитают в продолжение нескольких часов и расходятся после коленопреклонения перед душою. Все остальные, кто не может быть у мандарина, жители каждой деревни, собираются вместе и где-нибудь на горе или на краю дороги совершают ту же церемонию.

Между тем делаются все необходимые приготовления к погребению. Самые знаменитые геоскопы обязаны указать место, наиболее благопри-

ятное для гробницы. Они тщательно рассматривают, может ли свойство известной почвы, наклон известного холма, направление известного леса или горы принести счастье и дать возможность душе покойника встретиться с *духом дракона.* Нужно заметить, что, по мнению корейцев, в центре земли находится большой дракон, который распределяет все богатства и почести мира между теми семействами, которые выбрали для гробниц своих предков известные места по его желанию. Найти такое место, значит найти *дух дракона.* Для отыскания геоскопы употребляют буссоль[5], окаймленную несколькими концентрическими кругами, на которых вырезаны названия четырех стран света и пяти элементов, открытых китайцами: воздуха, огня, воды, дерева и земли. Каждый из этих кудесников пишет затем свой отчет, и после бесконечных совещаний о таком важном предмете король и министры принимают наконец какое-нибудь решение. Тогда организуется целая армия для церемонии несения тела умершего короля. Для этой цели каждая знатная фамилия столицы снаряжает одного или нескольких рабов и одевает их по назначенной форме. Первоначально этот, в сущности, крайне обременительный обычай был вполне добровольным выражением уважения; теперь это — обязанность, которую должны исполнять все. Некоторые купеческие корпорации выставляют также определенное число людей, а остальное недостающее количество набирается из слуг различных публичных заведений. Всех, кто должен будет нести тело, собрав вместе, делят на отделения, дают каждому из них нумер и знамя, и заставляют в продолжение определенного времени учиться будущим обязанностям с тою целью, чтобы самая церемония совершалась в строжайшем порядке.

Наконец, в день погребения ставят гроб умершего на великолепно украшенные носилки и все отделения, поочередно, торжественно несут его на избранную гору, до места погребения. Все войска созываются к этому дню, все высшие сановники в траурных платьях сопровождают нового короля, который почти всегда лично присутствует на этой церемонии. Умершего зарывают по предписанным обрядам и приносят обычную жертву среди криков, плача и воя несметной толпы.

Через несколько месяцев на месте могилы возвышается памятник, а рядом с ним строится дом для мандарина, обязанного оберегать гробницу и в назначенные дни совершать жертвоприношения, хотя и не столь торжественные. С этих пор вся окрестная земля, иногда на расстоянии трех и четырех миль, принадлежит королевской могиле, и других могил на ней не допускается. Приказывают даже вырывать те тела, которые уже здесь были раньше похоронены, или, если никто за ними не является, срывают

[5] Буссоль — инструмент для измерений на местности (*прим. сост.*).

небольшие холмики, насыпанные под могилами, чтоб уничтожить следы их и изгладить о них всякое воспоминание.

Каждый король предается земле на совершенно отдельном месте, так что могилы королей довольно многочисленны в стране. Охранять эти могилы назначают знатных молодых людей, посвящающих себя государственной службе. Для них это — первый шаг на служебном поприще, через несколько месяцев их переводят на более значительные должности. К могилам назначают обыкновенно по два, по три молодых человека с штатом слуг и низших чиновников. Кроме обязанности совершать жертвоприношения, они облечены полицейской властью над всей местностью, принадлежащей могиле, так как на подобные места не распространяется юрисдикция обыкновенных мандаринов. Блюстители королевских могил сменяются непосредственно советом министров.

Правительство. Гражданская и военная организация

При короле Кореи состоят три первых министра, имеющих свои почетные титулы: сейг-еи-тсиенг — достойный удивления советник, тсоа-еи-тсиенг — левый советник (в Корее левая сторона имеет предпочтение перед правой) и у-еи-тсиенг — правый советник.

За ними следуют шесть других министров, с титулом пан-тсо — (судьи), которые стоят во главе шести министерств. При каждом пан-тсо состоит по одному помощнику и одному советнику. Пан-тсо — министры второго разряда, их помощники третьего, а советники четвертого. Все эти двадцать один советник носят общее имя таи-син или великих министров и образуют королевский совет. Но в действительности вся власть находится в руках верховного совета трех министров первого разряда, а 18 остальных только одобряют и подтверждают их решения. Министры второго разряда или их помощники и советники обязаны ежедневно представлять подробный рапорт, чтобы дать возможность королю всегда быть знакомым с ходом дел по их управлениям. Они занимаются более мелкими делами управления и издают собственною властью распоряжения не особенной важности. Во всех же значительных случаях они обязаны сноситься с верховным советом.

Звание первого министра пожизненно, но не всегда получившие его отправляют самую должность. Из семи-восьми человек, достигших этого сана, только трое действительно управляют. Их сменяют довольно часто.

Вот название, строй и предмет ведомства каждого из шести министерств, как это означено в своде законов, изданном королем Тсиенг-тсонгом в 1785 году.

1. Ни-тсо, министерство или палата государственных мест и должностей.

Это министерство обязано выбирать из числа образованных людей, выдержавших экзамен, наиболее способных, назначать на должности, выдавать патенты мандаринам и другим сановникам, наблюдать за их поведением, повышать их, отрешать или перемещать. Оно рассматривает шестимесячные отчеты, которые присылают правители всех провинций, и докладывает королю о сановниках, заслуживающих особенных наград. Повышение и перемещение мандаринов производится во всякое время, но большею частию оно происходит два раза в году, на 6-й и на 12-й луне. Призвание к исполнению верных поручений и назначение на высокие должности, как, напр., губернатора провинции, не зависит от этого министерства и делается королем в совете первых министров.

2. Го-тсо, министерство или палата финансов.

Это министерство обязано делать народные переписи, раскладывать по провинциям и округам налоги и подати, блюсти за расходами и поступлениями, принимать необходимые меры к продовольствию в неурожайные годы и т. д. На его обязанности лежит также чеканка монеты, но об этом в законе Тсиенг-тсонга умолчено, так как трактаты с Китаем не признают за корейским правительством права бить монету.

3. Нией-тсо, министерство или палата обрядов.

Это министерство, учрежденное для сохранения обрядов и обычаев королевства, обязано наблюдать за тем, чтобы жертвоприношения, разного рода обряды и церемонии совершались по правилам, без нововведений и изменений. Ему подчинены экзамены ученых, общественное образование, законы этикета при приемах, торжествах и других официальных событиях.

4. Пиенг-тсо, министерство или палата войны.

Оно выбирает военных мандаринов, королевских гвардейцев и колонновожатых. Оно должно заботиться обо всем, что касается войск, т. е. о наборе, об оружии и укреплениях, о гарнизоне столицы и о часовых у королевских дворцов. В его ведении находится почтовая часть во всем королевстве.

5. Гиенг-тсо, министерство или палата преступлений.

На его обязанности лежит все то, что относится до соблюдения уголовных законов, до организации судов, наблюдения за ними и т. д.

6. Конг-тсо, министерство или палата публичных работ.

Это министерство обязано поддерживать дворцы и общественные здания, дороги, всякие фабрики, государственные или частные, и торговлю, заботиться о всех делах короля, как, напр., о его бракосочетании, коронации и т. д.

Кроме вышеуказанных 21 министра, к главным придворным сановникам причисляют еще суг-тсиев и по-тсиенгов. Суг-тсии — в сущности, камергеры, но кроме обыкновенных обязанностей, связанных с этой должностью, на них лежит еще особенная: записывать ежедневно, что король говорит и делает. Таких камергеров три и при них два ассистента. По-тсиенгам подчинены королевские телохранители, министерская прислуга и палачи. Их также три при двух лейтенантах. Эти лейтенанты вступают в командование телохранителями, когда нужно произвести какой-нибудь важный арест.

Главный город, где постоянно пребывает двор, называется Ган-ианг. Но это название неупотребительно, вместо него существует другое, Сеуль, что значит по-корейски просто большой город или столица. Это — значительный город, расположенный среди гор при реке Ганк-канге, окруженный высокими и толстыми стенами, крайне населенный, но дурно выстроенный. За исключением немногих довольно широких улиц, весь остальной город перерезан самыми узкими, кривыми переулками, со спертым воздухом от скопления громадного количества нечистот. Дома, большею частью крытые черепицей, низки и тесны. Столица делится на 5 частей, которые, в свою очередь, подразделяются на 49 кварталов. Окружающая город стена построена королем Таи-тсо, основателем теперешней династии Сиеи-тсонг, четвертый после него король добавил еще несколько укреплений. Стена имеет в окружности 9,997 шагов и в высоту 40 корейских футов, равняющихся приблизительно 10 метрам. В ней 8 ворот, четверо больших и четверо малых. Большие ворота довольно красивы и украшены павильонами в китайском вкусе.

Со времени восшествия на престол Таи-тсо, в 1392, Корея разделена на 8 провинций, из которых 2 на севере, 3 на западе, 1 на востоке и 2 на юге.

Обе северные провинции покрыты лесом и мало населены, зато южные и западные — самые богатые и самые плодородные.

Во главе каждой провинции стоит правитель или губернатор, зависящий непосредственно от совета министров, он обладает обширною властью.

Восемь провинций подразделяются на 332 округа и каждый округ, смотря по его относительной важности, управляется мандарином более или менее высокого ранга. Утверждают, что прежде было 354 округа, по числу дней в лунном году, так как каждый округ обязан был содержать короля в продолжение одного дня. Как бы то ни было, но теперешнее число округов доходит только до 332.

Вот различные степени званий или достоинств мандаринов в иерархическом порядке, начиная с высших: кам-са или губернатор, пиу-иун,

се-иун, таи-пу-са, мок-са, пу-са, кун-сиу, гиен-лиенг, гиен-кам. Губернатор живет в метрополии провинции, но под его начальством есть особый мандарин для управления самым городом. Этот мандарин в то же время и помощник губернатора и, при нужде, исправляющий его должность. Он называется пан-коан.

Здесь необходимо сделать оговорку. Не следует смешивать званий или достоинств с должностями. Должность предполагает всегда известное звание или сан, но не наоборот. Звания пожизненны, должности же временны, иногда их занимают несколько недель или даже дней. Существует до дюжины различных званий, из которых каждым титулуются многие, но на действительной службе, связанной с этими званиями, постоянно бывают далеко не все. Большинство служит с большими промежутками.

Все сановники без исключения имеют привилегию не быть арестованными стражей обыкновенных судов. Когда их обвиняют в каком-нибудь преступлении, тогда один из низших мандаринов суда, которому они подсудны, является объявить приказ следовать за ним. Другие привилегии принадлежат исключительно известным классам сановников. Так, сановники первых четырех классов одни только имеют право быть носимы на особых стульях, присвоенных каждому по его рангу.

Вне обыкновенной иерархии стоят четыре ниу-сиу, или коменданта четырех больших крепостей, находящихся по соседству со столицей. Это очень высокое звание и даже первые министры могут отправлять должность. Ниу-сиу сам непосредственно не управляет городом, в котором живет, для этого назначается мандарин низшего класса, называемый пан-коан.— Что касается до иенгов или мелких фортов, расположенных в различных местах на границе, то они подлежат ведомству местных военных властей.

По теории все звания, о которых мы говорили до сих пор, кроме степеней, стоящих выше моко-са, доступны каждому корейцу, выдержавшему публично экзамен на ученую степень, в действительности же эти должности, за весьма немногими исключениями, заняты всегда знатными. В управлении каждого округа только две второстепенные должности всегда предоставляются лицам из простого народа. Тсоа-сиои и пиель-кам, так титулуются эти чиновники из народа, служат ассистентами и секретарями мандарина. Они могут даже заменять его в случае отсутствия, но только в незначительных делах; если же встретится какой-нибудь более важный случай, они обязаны обратиться за советом к соседнему мандарину. Семейства тса-сиу и пиель-камов местных жителей и пользуются известными привилегиями. Если какая-нибудь из провинциальных должностей часто исполнялась членами одного и того же семейства, то последнее через не-

которое время становится, по корейскому выражению, провинциальным дворянством. Кроме секретарей, при мандарине состоят только преторианцы, телохранители и служители.

В каждой провинции находится несколько тсаль-пангов или почтдиректоров. Почтовые станции для перемены лошадей называются иеками; они построены эшелонами, в равном друг от друга расстоянии, почти на всех главных трактах. Лошади, которых держит на них правительство, служат только для путешествия должностных лиц. Тсаль-панги, наблюдающие за почтовым гоном, имеют под своим начальством учреждение с известным числом чиновников, организованное по образцу мандаринских управлений. Слуги, которые убирают лошадей, находятся почти в рабской зависимости от почтового управления. Они не имеют права уйти по своей воле, а остаются как бы прикованными к своей работе из поколения в поколение.

Переходя от гражданской организации Кореи к военной, нас прежде всего поражает громадность цифры войск. Официальная статистика считает более миллиона двухсот тысяч солдат, занесенных в военные списки. Причина этому та, что каждый здоровый человек, не принадлежащий к знати, считается солдатом; закон допускает в этом случае немного исключений. В действительности же огромное большинство этих воображаемых солдат никогда не дотрагивалось до ружья. Их имена заносят в общие списки, а они ограничиваются только ежегодной уплатой известной суммы денег. Наконец, и самые списки не заслуживают доверия. Очень часто они бывают наполнены вымышленными именами; в них встречаются иногда члены семейств, вымерших лет 80 тому назад, и, наоборот, нет тех, кто должен был бы подпасть под воинскую повинность, потому только, что очень легко подкупить чиновников, проверяющих списки.

Единственные сколько-нибудь серьезные войска корейского правительства состоят всего из десяти тысяч солдат, распределенных по четырем большим казармам столицы. Только они несколько обучены военным упражнениям. Но страннее всего то обстоятельство, что, хотя есть особый военный министр, однако генералы, командующие этими избранными войсками, зависят непосредственно от верховного совета, который один только имеет право их назначать и отзывать. Кроме этих войск, следует еще упомянуть о незначительных отрядах, расположенных в казармах, в четырех больших королевских крепостях, и о губернаторских гвардейцах или высших офицерах, командующих в провинциях.

Вот в иерархическом порядке различные титулы военных мандаринов. Тоитсиенгами называются генералы. Их несколько классов, и все они имеют местопребывание в столице. Пиенг-са — командир войск в целой

провинции или только в одной половине ее. Сиу-са — морской начальник. Иенг-тсианг — род полковника, ниже которого есть еще три офицерских звания, соответствующие капитану, поручику и подпоручику.

Здесь необходимо заметить, что смешение военных и гражданских должностей в Корее — дело очень обыкновенное. Часто губернатор провинции есть в то же время и пиенг-са, или военный начальник. Повсюду иенг-тсианги состоят и уголовными судьями и даже под этим последним титулом они больше известны. Это странное обстоятельство, с первого же взгляда, объясняется тем глубоким миром, которым наслаждается Корея уже свыше двух столетий. Армия, сделавшаяся бесполезной, что показывает и ее организация, превратилась в ничто, а результатом этого по силе вещей явилось превращение офицеров в чиновников.

Военные мандарины выбираются только из знатных, но как бы высоко не было их звание, они пользуются гораздо меньшим почетом, чем гражданские. По сравнению с последними, военные мандарины стоят чуть ли не на уровне людей из простого народа. Их обращение с гражданскими сановниками свидетельствует о глубокой почтительности, а известные привилегии, как напр., право пользования экипажем, остаются для них всегда недосягаемыми, хотя бы они были произведены и в генералы. Они живо чувствуют это неравенство и в смутные времена, когда действительная власть переходит в их руки, мстят, оскорбляя и унижая, насколько можно, гражданских мандаринов. Этот антагонизм делает понятным, почему вообще знатные, занимающие гражданские должности, не позволяют своим детям поступать на военные должности и почему последние, так сказать, из поколения в поколение наследственно переходят членам одних и тех же фамилий. Впрочем, бывают и исключения из этого правила, и не раз случалось, что потомки гражданских чиновников променивали почетное положение на доходные военные должности.

Все гражданские и военные должности временны. Губернатор назначается только на два года, впрочем, если он имеет связи при дворе, то тотчас же может выхлопотать себе перевод в другую провинцию. Обыкновенно все мандарины служат только в продолжение двух, много — трех лет, после чего они снова возвращаются к частной жизни, пока не получат какое-нибудь другое назначение. Те, которые служили хоть один раз, навсегда сохраняют внешние знаки своего достоинства; они не выходят из дому пешком и без свиты, и к их имени всегда прибавляется название того округа, где они были, или той должности, которую они исполняли.

Если принять во внимание средства страны, такую дороговизну денег, что нескольких копеек в день совершенно достаточно для пропитания одного человека, то жалованье, получаемое гражданскими и военными

мандаринами, а особенно губернаторами, представляется непомерно большим. Всякий чиновник в один или два года мог бы легко отложить такую сумму, которая обеспечила бы его на всю жизнь. Но мандарины редко бывают экономны. Тотчас по вступлении в должность они становятся на княжескую ногу, обнаруживают безумную роскошь и так как, по обычаям страны, они не только обязаны содержать свою семью, но и всю родню, то по окончании срока службы удаляются такими же бедными, какими были, а иногда и с новыми долгами.

Служащие при дворе не получают никакого жалованья. Говорят, что их оклады отменены со времени войны с Японией, когда правительство не имело никаких средств. Теперь они получают ежемесячно только по несколько мер гороху. Эта порция, со времен воцарения нынешней династии, выдавалась придворным на содержание осла или лошади. Как же после этого им не грабить народ и не совершать невероятных несправедливостей? При всей, по-видимому, невыгодности этих должностей, на них все-таки находится много охотников, потому что всякому придворному сановнику, при некоторой ловкости, очень скоро удается получить богатый мандаринат в провинции. Систему гражданского и военного управления дополняет вполне необходимое учреждение е-саев или анаиксаев — королевских ревизоров. Это чрезвычайные посланники, которые через неопределенные промежутки времени и всегда секретно посещают провинции, наблюдают за поведением мандаринов и подданных и своими собственными глазами следят за ходом дел. Их власть не ограниченна, они имеют право жизни и смерти, могут увольнять и наказывать всех чиновников, кроме губернаторов провинции, и почти всегда по их донесениям правительство принимает наиболее важные решения.

Бесполезно прибавлять, что все вообще места и должности не в большом почете у народа. Они продаются совершенно открыто и естественно, что те, кто их покупает, всеми силами стараются вернуть назад потраченные деньги, даже нисколько не скрывая этого. Каждый мандарин, начиная с губернатора и кончая самым мелким чиновником, выжимает деньги поборами, налогами, штрафами,— словом, всем, чем может. Сами королевские ревизоры торгуют своей властью с самым крайним бесстыдством. Один миссионер рассказывает, что однажды в округе, где он был, несколько человек, тайно предуведомленных, остановили двух лошадей, навьюченных серебром, которое один из этих ревизоров отправлял к себе. Они расседлали тут же у дороги лошадей, и раздали все деньги проходившим, громко объявляя о происхождении этой хорошей находки. Сконфуженный ревизор не посмел потребовать возвращения своих денег и немедленно удалился из города, никому не разглашая о своем приключении. Звание

первого министра не составляет исключения и, как и все прочие должности, также приобретается покупкою. Единственная разница заключается только в том, что это звание покупается за страшно дорогую цену непосредственно у евнухов, как людей самых близких к королю, тогда как все остальные должности — у министров.

Обыкновенные налоги на собственность, на известные профессии и разного рода торговлю невелики, эти законные налоги в действительности представляют собой только незначительную часть той суммы, которую вытягивает из народа алчность мандаринов и чиновников всевозможных степеней. Окладные листы, по которым взимаются подати, не заслуживают никакого доверия. Чиновники мандаринов, приехав в деревню для составления официального податного списка, публично объявляют, сколько им должно быть заплачено теми, кто не хочет быть записанным. Обыкновенно они берут 100 или 150 сапеков (около 60–80 к. с). Если дело идет о записи в военную службу, то освобождение от нее стоит только несколько дороже, вообще же с деньгами можно легко избавиться от всего.

Запасы в правительственных складах существуют только на бумаге. В непосредственной близи столицы, арсеналы еще несколько наполнены. Так, в форте, который взяли американцы во время последней экспедиции в июне 1871 года, оказалось около 50 пушек китайской отливки, заряжающихся с казенной части; также нашлись латы и каски из бумажной материи, сложенной в сорок рядов. Эти латы выдерживают сабельные и штыковые удары, и разве только коническая пуля может пробить их.

Но в арсеналах провинции нет ни хороших одежд, ни провианта, ни порядочного оружия. Все, что было, давно продано управлявшими чиновниками, и вместо прежних запасов положены лохмотья и ни для чего не нужное старое железо. Если какой-нибудь честный мандарин пожелал бы умерить это воровство, все чиновники немедленно соединятся против него, его попытка не удастся, и он должен будет махнуть на все рукой или даже вовсе оставить свой пост, считая еще себя счастливым, что сам не пал жертвой клеветы, готовой выставить его при дворе революционером и врагом династии.

Специальный строй. Различные сословия. Дворянство. Народ. Рабы

Пять веков тому назад, в первое время царствования теперешней династии, корейский народ делился только на два класса: дворян и крепостных или рабов. Дворяне — это были сторонники основателя династии, помо-

гавшие ему вступить на трон и в награду за это получившие богатства, почести и исключительное право приобретать почетные звания и занимать государственные должности. Большинство населения, предоставленное их власти, состояло из людей, прикрепленных к земле, и из рабов. Потомки этих первых дворян и некоторых других лиц, которые в разные времена оказывали королям важные услуги, образуют до сих пор еще корейскую аристократию. Что же касается до крепостных, то с ними случилось то же, что было и в Европе в средние века; большинство из них мало-помалу завоевало себе свободу и с течением времени образовало сословия земледельцев, солдат, купцов, ремесленников и т. п., которые существуют и до настоящей поры. Благодаря этому, в Корее теперь три главных класса людей: дворяне, народ и рабы, в настоящем смысле этого слова. Но последние довольно малочисленны.

Дворянское достоинство наследственно, и так как должности и звания составляют прирожденное право почти одних только дворян, то каждая фамилия принимает все предосторожности к сохранению своих родословных росписей, и все живые члены ее неоднократно проверяют эти и без того уже полные и подробные списки. Дворяне особенно заботятся также о сохранении неразрывных отношений между собой и с представителем главной ветви своего рода, чтобы всегда иметь в случае нужды опору и протекцию.

В прежнее время, в продолжение нескольких веков, закон признавал дворянами только законных потомков аристократических фамилий. Исключение составляли одни побочные дети королей, считавшиеся, по праву, всегда дворянами. Но уже более столетия тому назад незаконные дети дворян, которые некогда составляли особое, очень низкое сословие, сделались до такой степени многочисленны и могущественны, что мало-помалу захватили все привилегии настоящего дворянства. В 1857 году королевский указ уничтожил последнее различие между законно- и незаконнорожденными, предоставив последним право занимать почти все должности королевства. В виде остатка уважения к старым обычаям исключение сделано относительно очень немногих должностей, но оно, конечно, не замедлит скоро совершенно исчезнуть. Тем не менее, настоящие дворяне в глубине сердца питают большое презрение к этим выскочкам, презрение, обнаруживаемое ими довольно часто, хотя в обыкновенных жизненных сношениях они и обязаны обращаться с ними с принятым уважением и вежливостью.

Развращенность нравов не была единственной причиной этого важного переворота в преданиях корейской аристократии. Жестокая борьба между политическими партиями и вследствие этого желание каждой фамилии

иметь как можно больше сторонников, главным образом способствовало возвышению незаконнорожденных. Последние, хотя и женятся, не разбирая политических партий, считаются однако же всегда принадлежащими к фамилии своих отцов. Последние определяют их на должности, протежируют им у уголовных мандаринов, если они совершили какое-нибудь преступление, и, в свою очередь, приобретают в них, от природы недовольных, смелых и буйных, могущественных для себя союзников во времена смут и политических волнений.

Все дворяне имеют известные общие привилегии, как, например, право не быть записанным в рекрутские списки, право неприкосновенности личности и жилища, право носить волосяную шапку как знак своего благородного происхождения. В то же время в самом дворянстве есть несколько разрядов более или менее высоко поставленных. Семейства тех, которые оказали государству какую-нибудь существенную услугу или выказали особенную преданность особе короля, или приобрели громкую научную известность, или всеобщую любовь и т. д., имеют гораздо более значения, чем другие, и торгуют самыми важными придворными должностями. Принцы крови и их потомки, как принадлежащие к королевской фамилии, носят почетные, очень пышные титулы, но никогда не занимают никаких важных должностей. То же самое следует сказать и о родственниках королев. Первая жена короля избирается всегда из какой-нибудь знатной фамилии, и благодаря браку с государем ее отец и братья получают высокие звания, иногда даже прибыльные места, но никогда не отправляют тех обязанностей, которые связаны с действительною властью. Только всякими косвенными путями, влиянием королев, всевозможными интригами, или во времена малолетства наследника трона, они приобретают более или менее могущественное влияние.

Дворянское достоинство утрачивается различными способами: по суду, по давности и по причине неравных браков. Когда какой-нибудь дворянин признается виновным в бунте или оскорблении величества, его родители, дети и родственники до отдаленных степеней лишаются должностей и дворянского звания и низводятся на степень людей простого народа. Когда дворянин вступает в законный брак с вдовой или рабой, его потомки теряют почти все привилегии своего сословия и всякий доступ к должностям для них закрыт. Точно так же, если какая-нибудь дворянская фамилия была исключена из всякого рода государственных должностей в продолжение долгого времени, то тем самым она утрачивает свое звание и правительство отказывает ей в дворянских привилегиях.

Корейская аристократия — сравнительно самая могущественная и самая надменная в свете. Во всех других странах государь, правительство,

различные корпорации образуют силу, которая удерживает дворянство в известных границах и уравновешивает его власть. В Корее дворяне так многочисленны и, несмотря на свои внутренние раздоры, так хорошо умеют соединяться для охранения и увеличения привилегий своей касты, что ни народ, ни мандарины, ни сам король не могут бороться с их мощью. Дворянин из высшей аристократии, подкрепленный несколькими могущественными фамилиями, смело может отрешать министров и нисколько не бояться короля. Губернатор или мандарин, который осмелился бы наказать какого-нибудь высокопоставленного дворянина, был бы немедленно уволен от должности.

Знатный кореец поступает всюду как господин и тиран. Если у него нет денег, он посылает своих слуг схватить какого-нибудь купца или землепашца. Если они добровольно подчиняются, их отпускают на волю; если нет, их ведут в дом дворянина, арестуют, морят голодом и бьют до тех пор, пока они не заплатят требуемой суммы. Наиболее честные из дворян прикрывают подобные грабежи названием займов, но никто этому не верит, так как никогда еще не было примеров уплаты по ним денег. Когда дворяне покупают у простолюдинов землю или дом, большею частью они отказываются от платежа, и ни один мандарин не решается прекратить такой грабеж.

По закону и обычаям каждый дворянин, богатый или бедный, образованный или необразованный, пользуется всевозможными знаками почтения. Никто не смеет к нему приблизиться, и если какой-нибудь телохранитель даже по ошибке наложит на него руку, то будет жестоко наказан. Его жилище — священно; без спроса войти только во двор — было бы уже преступлением; одни женщины, к какому бы они званию и состоянию ни принадлежали, имеют право входа повсюду. Простолюдин, если он верхом, должен сойти с лошади, проезжая мимо дворянского дома. В гостиницах с дворянином нельзя заговаривать и даже смотреть на него; в его присутствии запрещено курить, ему обязаны дать лучшее место и как угодно тесниться, лишь бы только ему было хорошо. При встрече с дворянином, едущим верхом, всякий простолюдин обязан сойти с лошади; обыкновенно встречные делают это добровольно, но иногда их принуждают к тому палкой и, если они не подчиняются, их опрокидывают в пыль или грязь. Дворянин не может ездить верхом один, необходимы слуга, чтобы вести его лошадь в поводу, и, смотря по средствам, один или несколько провожатых. Он ездит всегда шагом и никогда рысью или галопом.

Дворяне крайне дорожат всеми своими прерогативами и иногда жестоко мстят за малейший недостаток почтения к себе. Рассказывают следующий случай про одного из них. Дворянин, впавши в нищету и бедно

одетый, проходил близ мандаринского управления. Четыре телохранителя, отправленные для поимки какого-то вора, встретили его и, заподозрив его по наружному виду, обратились к нему с дерзким вопросом: не он ли тот, кого они ищут. «Да,— отвечал он,— и если вы хотите следовать за мной в мой дом, я открою вам все мои преступления и укажу место, где спрятаны украденные вещи». Телохранители пошли за ним, но только что они переступили порог его дома, как он, позвав рабов и нескольких друзей, велел их схватить, избить, трем выколоть оба глаза, а четвертому только один, и затем отпустил с такими словами: «Теперь вы научитесь яснее видеть и различать людей, а один глаз я вам оставляю для того, чтобы вы могли добраться до мандарина». Само собою разумеется, что этот варварский поступок остался безнаказанным. Подобные примеры вообще нередки, и простой народ, особенно в деревнях, боится дворян, как огня, и их именем пугает даже детей. Большею частью их насилия, их наглость переносятся с полной покорностью, но у многих из простого народа они возбуждают и поддерживают глубокую и непримиримую ненависть, которая при первом благоприятном случае поведет за собой кровавую отместку.

Со времени воцарения настоящей династии, а следовательно, и со времени происхождения теперешней корейской аристократии, насчитывают 16 или 17 поколений. Сообразно с этим, и число дворян, бывшее и вначале довольно значительным, умножилось в страшной пропорции. Дворяне составляют истинный бич страны, и они-то и служат источником всевозможных беззаконий и насилий. В то время как эта аристократическая каста становилась все более и более могущественной, огромное число ее сочленов, дошедшее до полной нищеты, зажило грабежом и лихоимством. На деле нет никакой возможности всем дать места и должности, между тем, все их ищут, все с детства приготовляются к экзаменам, которые должны облегчить к ним доступ, и почти все не имеют никаких других средств к жизни. Они чересчур горды, чтобы честно поддерживать свое существование торговлей, земледелием или какой-нибудь ручной работой; они прозябают в бедности и интригах, по уши в долгах, постоянно выжидая какой-нибудь, хотя незначительной, должности, для чего пускаются на всякие низости, и если им все-таки не удастся поступить на службу, они кончают тем, что умирают с голода. Миссионеры знали между ними таких, которые ели рис только один раз в три или четыре дня, во время жестоких зим не имели топлива и почти никакой одежды, и все-таки упорно отказывались от всякой работы, которая, доставив им довольство, лишила бы их дворянского достоинства и сделала бы недостойными для занятия мандаринских должностей. Несчастнее других христиане из дворян, которые, особенно со времени последних гонений, с большим тру-

дом получают государственные должности. Некоторые из них пробовали делаться землепашцами, но, не зная этой работы и не имея достаточной физической силы, которая приобретается только долгой привычкой, они едва могли удовлетворять самым насущным своим потребностям.

Мы уже говорили, что дворянин, получивший должность, обязан содержать всю свою родню. Если он недостаточно щедр, то наиболее алчные из родственников употребляют различные способы для добывания денег за его счет. Чаще всего они являются во время отсутствия мандарина к какому-нибудь второстепенному сборщику податей и спрашивают у него известную сумму денег. Понятно, сборщик объявляет, что у него в кассе нет ни одного сапека, но ему угрожают, связывают руки и ноги, поднимают за кисти рук к потолку, бьют палками и, наконец, добиваются требуемой суммы. Впоследствии мандарин узнает об этом, но сквозь пальцы смотрит на такой грабеж, который, может быть, и он сам совершал до получения места или еще будет совершать, когда лишится должности.

Так как государственная служба составляет для корейского дворянства единственное почетное занятие и часто единственное средство к жизни, то понятно, какая огромная толпа льстецов, тунеядцев, просителей, несчастных кандидатов и покупателей мест день и ночь наполняет приемные комнаты министров и других важных сановников, от которых зависят назначения. Это сборище жадных нищих пользуется страстями высокопоставленных лиц, льстит их самолюбию и постоянно, с большим или меньшим успехом, без всякой совести пускает в ход всевозможные интриги, угождения и хитрости, на которые только способна человеческая низость.

Один из миссионеров подробно описал обыкновенный тип таких искателей, называемых мун-каиками. Эта характеристика так интересна, что мы приводим ее с небольшими сокращениями.

«Слово мун-каик означает, собственно, гостя, имеющего право входа в приемные комнаты; но в переносном смысле это название применяется к бедным и праздным людям, которые проводят дни в домах сильных мира и, унижаясь и прислуживая, получают в награду кое-какие должности. Есть несколько разрядов мун-каиков, смотря по их положению в среде дворянства и их притязаниям. Хотя одни из них трутся во дворце, другие у министров, третьи у обыкновенных мандаринов, но все они похожи друг на друга.

Как только мун-каик нашел приличный предлог, чтобы вступить в дом министра, мандарина или знатного, милостей которых он ищет, у него является единственная забота: основательно изучить характер, наклонности и прихоти своего покровителя и приобрести его расположение находчивостью, изворотливостью и выражением преданности. Он тщательно

изучает господствующие вкусы общества, с которым он встречается, и присоединяется к ним с поразительной ловкостью. Он беседует, когда хотел бы молчать, кажется веселым и довольным, хотя несчастное положение семьи и финансов тоской отдается в его сердце, притворяется взбешенным и сердитым, печальным и плачущим, когда внутренне он полон счастья и радости. Пусть его жена и дети мучатся от голода, пусть он сам провел несколько дней без пищи, он все-таки является в общество, смеется с теми, кому весело, играет с теми, кто убивает время игрой. Он сочиняет песни и стихи в честь вина, пиров и веселья. Его обязанность не иметь ни собственных манер, ни убеждений, ни вкусов. Радость и печаль, оживление или уныние, страсть или хладнокровие, появляющаяся на лице покровителя, должны как в зеркале отражаться на его собственном лице. Он обязан быть только копией, и чем эта копия будет вернее, тем более он приобретает шансов на успех.

Кроме безграничной угодливости от мун-каика требуется еще быть душою общества. Поэтому он всегда старается развеселять компанию и поддерживать интересные разговоры. Весь репертуар всевозможных рассказов и анекдотов он умудряется передавать по несколько раз, и постоянно интересно; ему первому известны все новости провинций и столицы, все придворные анекдоты, все скандалы и происшествия. Он состоит при сановниках в качестве стоустой молвы, настоящей ходячей газеты. Он проникает все намерения, тайные планы и интриги различных партий; он пересчитывает по пальцам число, имена, положение и шансы всех мандаринов, которые поднимаются или опускаются по лестнице правительственных милостей; он без затруднения высчитывает денежное положение всех дворян королевства.

Новый двуличный Янус, без всякой совести, настоящий политический хамелеон, мун-каик рассыпается в любезностях исключительно перед теми, от кого ждет должности; но кто для него бесполезен, враждебен или стоит ниже его, в сношениях с тем он обнаруживает свою низкую и алчную душу, управляемую одними инстинктами и самым холодным эгоизмом. Он вместе с счастьем льстит тем, кому оно благоприятствует, отворачивается от тех, кого оно покидает, и постоянно соображает, что для него выгоднее: казаться непреклонным или уступчивым, скупым или великодушным, изменить или остаться верным. Внести разлад туда, где это может быть ему полезно, рассорить родственников и друзей, возбудить ненависть и непримиримую вражду между могущественными фамилиями, пустить в ход то правду, то ложь, то похвалу, то клевету, то почтительность, то неблагодарность — вот обыкновенные средства, к которым прибегают мун-каики.

Зная, что в Корее сердца сильных мира размягчаются только после сапеков, они разыскивают тяжущихся, преступников, честолюбцев низшего слоя, предлагают им свое посредничество, обещают свое ходатайство, и все это, конечно, за хорошую сумму для себя и еще большую для своего патрона, влиянием которого они действуют. Благодаря заплаченным деньгам невежи получают докторские дипломы, преступники становятся невинными, воры — чиновниками. Короче, нет таких препятствий, которые мун-каик и деньги не устранили бы, такого пятна, которого они не смыли бы, преступления, которого они не оправдали бы, наконец, такой подлости, которую они не скрыли или не облагородили бы.

Однако, при всем этом, мун-каик не забывает своей конечной цели. Всегда зоркий, всегда настороже, он выжидает только благоприятной минуты, чтобы, напав врасплох, вырвать у своего покровителя какую-нибудь должность или какое-нибудь звание. К его несчастью, не он один добивается того же. За деньги, по родству, за известную выгоду и по иным соображениям выбор министра останавливается на других, и часто несчастный долгие годы проводит в томительном ожидании. В этом случае мун-каик обнаруживает удивительное постоянство. Впрочем, терпение составляет вообще главную добродетель корейского кандидата. Нередко случается видеть седых стариков, с трудом плетущихся в двадцатый, сороковой и даже пятидесятый раз на магистерские экзамены. Точно так же и мун-каик, запасшись геройским терпением, предпочитает лучше без конца переносить бедность и всякие лишения, чем отчаяться и отказаться от своей цели. Если он не может добиться своего посредством лести и любезностей, он употребляет иногда умышленную неосторожность и напускную наглость.

Магистр из одной провинции в продолжение трех или четырех лет был постоянным посетителем одного министра и, будучи от природы не глуп, испробовал все средства, употребляемые обыкновенно в подобных случаях. Но ничто не помогало. Однажды, когда он остался наедине с министром, последний, раздумывая, кого бы назначить мандарином в какой-то округ, спросил: «Доходно ли в нем место мандарина?» Магистр быстро встал, упал на колени перед министром и ответил самым растроганным голосом: «Ваше превосходительство чересчур добры, и мне остается только почтительно благодарить Вас за то, что Вы назначили хотя какой-нибудь округ Вашему преданному слуге». Министр, желавший собрать только сведения об округе, был поражен таким ответом и, не желая сильно огорчить бедного мун-каика, назначил его мандарином».

Кроме дворян по рождению, о которых мы говорили до сих пор, есть еще дворяне по усыновлению. Это богатые люди, которые за деньги по-

купают дворянское достоинство не у короля или министров, а у знатных фамилий. Их записывают в генеалогические списки, как потомков того или другого дворянина, и с этого времени все члены дворянской фамилии признают их своими родственниками перед правительством и обществом и поддерживают и покровительствуют им, как родным во всех нуждах и случаях. Подобное усыновление противно тексту закона, но оно вошло в нравы, и как министры, так и сам король волей-неволей терпят его.

В заключение упомянем о низшем классе дворянства, т. е. о тех родах, которых называют полудворянами или провинциальными дворянами. Они состоят из потомков лиц, занимавших второстепенные провинциальные должности. Эти семьи имеют также некоторые привилегии, как, например, право носить волосяную шапку и, если их члены часто назначались на второстепенные государственные должности, они пользуются в провинции известным почетом. Так, говоря с ними, следует употреблять те же почтительные выражения, с какими относятся к настоящим дворянам, но, в сущности, их значение невелико, и, за пределами своего округа, они ровно ничего не значат.

Бесполезно прибавлять, что в Корее, как и везде, случаи произвольного присвоения себе дворянского звания нередки. Большое число искателей приключений выдает себя в отдаленных провинциях за дворян, надевает волосяные шапки и пользуется и злоупотребляет всеми прочими дворянскими привилегиями с самоуверенностью, поистине аристократическою. Когда обман обнаруживается, их приводят в ближайшее мандаринское управление и жестоко бьют палками; но, если они способны, ловки и особенно имеют деньги, мандарины зажмуривают глаза и несчастный народ обязан терпеть их. Часто, во время гонений, некоторые христиане употребляли это средство для защиты себя от нападений и, находя его удобным, подолгу выдавали себя за дворян.

Между дворянством и народом, в тесном смысле, этого слова, стоит среднее сословие, состоящее из переводчиков, астрономов, медиков и т. д. Об нем мы уже говорили выше.

За средним сословием следует собственно народ, который не имеет на дела ровно никакого политического влияния. Хотя простолюдинам и предоставлено право держать экзамены, но, как уже было сказано выше, какую бы ученую степень они ни приобрели, должностей им все-таки не дают. Для защиты от притеснений, жестокости и произвола дворян, люди различных родов занятий соединяются между собой и образуют род ассоциаций, которые с течением времени сделались довольно могущественны, особенно в столице и больших городах. Некоторые из этих корпораций, как например, гробовщиков, кровельщиков, каменщиков, носильщиков

и т.п., пользуются по закону или по распоряжениям властей правом монополии на свои занятия. За это они платят обыкновенно в королевскую казну определенный налог. Другие ассоциации не имеют права монополии, и единственная цель их членов — помогать друг другу и взаимно облегчать средства к работе. Эти последние принимают под свою охрану всякого, не спрашивая, рабочий он или нет, если только он внес небольшую сумму и изъявил готовность подчиниться общим правилам.

Корпоративный дух, столь естественный и необходимый во всякой стране, где вместо законов царствует право богатого и сильного, очень распространен между корейцами, начиная с княжеских семейств и кончая последними рабами. Мы уже указывали на его существование в политических партиях, на которые разбита аристократия, в среднем сословии и между преторианцами и телохранителями. Его же мы встречаем и во всех классах простого народа. Каждая деревня образует как бы маленькую республику и имеет общую кассу, в которую все жители, без исключения, обязаны делать взносы. На эти деньги приобретается земля, или их отдают на проценты, и доходы употребляют на уплату добавочных налогов, на покупку необходимых предметов для свадеб, погребений и т. д. и на другие непредвиденные расходы. Лица, служащие при храмах Конфуция, сторожа, привратники, рассыльные, различные разряды придворных слуг, малые чиновники министерств и гражданского, военного и судебного управлений,— словом, все исполняющее однородную работу или имеющее общие интересы составляют между собой корпорации или общества, подобные ассоциациям рабочих в настоящем смысле этого слова. Те же, которые не принадлежат по своему званию или состоянию ни к одной из этих корпораций, присоединяются к ним за более или менее порядочную сумму денег в случаях нужды, для приобретения защиты и покровительства.

Одну из самых могущественных и лучше других организованных корпораций составляют носильщики. Внутренняя торговля, производящаяся обыкновенно при помощи последних и вьючных животных, почти вся в их руках. Большинство между ними вдовцов или таких, которые по бедности не могли жениться, впрочем, есть также и женатые. За последними вдоль по дорогам обыкновенно тащатся их жены и дети. Общее число носильщиков доходит во всей стране до 8 или 10 тысяч. Они разделяются по провинциям и округам и подчиняются выборным начальникам, подначальникам, сотникам, инспекторам и т. п. Чтобы узнавать друг друга, у них создан особый условный язык, они здороваются между собой при всякой встрече и взаимно оказывают друг другу внешние знаки самого церемонного почтения. Они подчинены строгим правилам, и их начальники иногда собственною властью казнят смертью провинившихся собратьев. Они

не признают за правительством права вмешательства в их дела, и еще не было примера, чтобы кто-нибудь из них обратился к суду мандарина. Они считаются вполне добросовестными и честными, и кипы и тюки, порученные им для самых отдаленных провинций, всегда верно доставляются по адресам. Утверждают, что их нравы сильно испорчены и что почти все они предаются противоестественным порокам. Тем не менее, жены у них в большом уважении, и тот, кто покусился бы на жену собрата, был бы немедленно казнен. Они наглы в обращении с народом и не боятся даже мандаринов. Когда они считают себя чем-нибудь обиженными или по отношению к ним допущена какая-нибудь несправедливость, они массами уходят из округа или города. Благодаря этому торговля останавливается, всякое обращение товаров прекращается, так что, по необходимости, с ними вступают в переговоры, подчиняются их условиям, и тогда, гордые успехом, они возвращаются назад.

Наиболее презираемую корпорацию образуют мясники или резаки быков. Так как бык, безусловно, необходим для земледелия и перевозки тяжестей, то древний корейский закон запрещает убивать его без разрешения правительства, и общественное мнение, вполне соглашаясь с законом, смотрит на убийство быка, как на самый недостойный поступок. Мясники составляют совершенно отдельный класс, стоящий в глазах всех даже ниже рабов. Они не имеют права жить внутри деревень и помещаются всегда отдельно от прочего населения, которое отталкивает их с ужасом; они женятся только между собой. Из их среды набирают самых главных палачей. Только они одни имеют право бить быков, и всякий другой кореец, рискнувший сделать это, был бы изгнан из своей деревни и своей семьи и принужден искать убежища у мясников. Кстати следует заметить, что общественное презрение клеймит только тех, которые бьют быков, и нисколько не касается продавцов мяса. Последние, большею частью богатые люди, выбираются мандаринами, которым они платят за сохранение монополии очень большой налог. Все прочие, заказывающие убить своего быка, подвергаются штрафу в размере от 14 до 16 рублей серебр., т. е. обыкновенной цены небольшого быка.

Число рабов в настоящее время далеко не так велико, как было прежде и даже постоянно уменьшается. Они встречаются, по крайней мере, в центральных провинциях, только в особенно знатных дворянских фамилиях. Рабами считаются: все родившиеся от рабыни, продавшиеся сами или проданные родителями в рабство и, наконец, покинутые дети, которых призрели и воспитали; но в этом последнем случае признается только личное рабство, дети же утративших этим путем свободу, считаются свободными. Обращение с рабами в Корее крайне мягко. Обыкновенно употребляют

в качестве рабов только молодых людей и особенно молодых девушек для домашних услуг. Когда наступает пора брачного совершеннолетия, мальчиков большею частью отпускают на волю и предоставляют им идти, куда угодно, под условием ежегодной платы господину подушной подати, иногда, впрочем, господин оставляет их у себя и женит на одной из своих рабынь. Девочки сперва живут в семье господина, но после замужества помещаются в небольших отдельных домиках. Их заставляют исполнять некоторые работы, и все их дети принадлежат господину.

Господин имеет право жизни и смерти над своими рабами, но если он воспользуется этим правом при незначительном преступлении рабов, или даже если он только сильно бьет их, он подлежит суду. Миссионеры утверждают, что примеры подобной жестокости редки. В общем, участь рабов лучше участи многих бедных сельчан, и часто последние приходят к знатным, просят у них в замужество рабынь и делаются сами рабами, чтобы под их защитой освободиться от притеснений и насилия дворян или мандаринов.

Кроме рабов, составляющих частную собственность, есть еще рабы, принадлежащие государству. Они причислены к разным управлениям, министерствам и учреждениям, где они исполняют самые грязные работы. Некоторые из них — рабы по рождению, большинство же сделалось ими по судебным приговорам за уголовные преступления. Последний разряд следует назвать скорее каторжниками, чем рабами. Государственное рабство, особенно для женщин, гораздо тяжелее частного. С женщинами-рабынями, состоящими при управлениях, обращаются почти так же, как с животными. Они служат для удовлетворения страстей не только мандаринов, но и преторианцев, телохранителей и слуг всякого первого встречного. Ничто не может сравниться с презрением, которое к ним питают, так что присуждение к подобному рабству для всякой честной женщины в тысячу раз хуже смерти.

Религия. Культ предков. Жрецы. Народные суеверия

По местным преданиям, буддизм или учение Фо, проникло в Корею в четвертом веке по Р. Х. и распространилось с большим или меньшим успехом во всех трех королевствах, существовавших в то время на Корейском полуострове. После воцарения династии Корие, подчинившей своей власти все три королевства и образовавшей из них одну общую монархию, правительство покровительствовало последователям буддийской религии, которая и была признана в то время господствующей. В конце XIV века,

после низвержения династии Корие, короли новой династии Тси-тсиен, уступая влиянию, а может быть, и формальным приказаниям китайских императоров, приняли не только китайские хронологии и календарь, но и религию Конфуция. Они не преследовали прежней религии, они сами только отреклись от нее, и по естественному ходу вещей число буддистов начало год от году уменьшаться и их догматы и жрецы мало-помалу оказались в общем пренебрежении. Наоборот, религия Конфуция, установленная законом, сделалась господствующей, культ ее признан государственным и всякое существенное отступление от него начало преследоваться и тяжко наказываться.

Мы не станем излагать здесь общественную догматику религии Конфуция. Труды миссионеров и исследователей китайского языка и истории за последние два столетия почти исчерпали вопрос, так что, несмотря на преувеличенные восхваления и порицания этой религии, теперь выработались о ней довольно точные понятия. Мы упоминаем о ней лишь настолько, насколько она признается в Корее. Для большинства народа она состоит только в культе предков и в соблюдении пяти великих обязанностей: по отношению к королю, к родственникам, к супругу или супруге, к старикам и к друзьям. К этому присоединяется еще более или менее неопределенное понятие о Сианг-тиеи, которое большинство смешивает с небом. В числе религиозных верований ученых следует еще упомянуть о поклонении самому Конфуцию и другим великим людям, почитание священных китайских книг и, наконец, официально признанное поклонение Сиатсику или духу-покровителю государства. Иногда также в государственных актах упоминается о добрых гениях и о судьбе.

Миссионеры часто спрашивали даже очень образованных корейцев, какой смысл придают они слову «Сианг-тиеи» и никогда не получали ясного и точного ответа. По мнению одних, этим именем называется верховное существо, творец и охранитель мира, другие утверждали, что Сианг-тиеи означает только небо, за которым они признают божескую власть покровительствовать жатве, устранять болезни и т. д.; большинство же просто сознается, что оно не имеет об этом ясных понятий и особенно этим не интересуется. Во время жертвоприношений, при испрашивании дождей, хорошего урожая или отвращения бедствий, молитва обращается или к Верховному Существу или к Небу, смотря по тексту, сочиненному мандарином, заведующим церемонией.

Вот несколько подробностей об этих жертвоприношениях, совершаемых, впрочем, довольно редко. Когда в провинциях или округах начинается засуха, правительство посылает мандаринам особые указы, в силу которых каждый мандарин в назначенный день с утра отправляется в сопровож-

дении преторианцев и телохранителей на особое, вперед определенное место. Здесь он ожидает терпеливо, без пищи и даже без куренья, наступления благоприятного часа, которым обыкновенно признается полночь, так что ранее первого часа ночи мандарин никогда не возвращается к себе домой. В установленный момент он закалывает свиней, овец и коз, кровь которых и сырое мясо приносятся в жертву божеству. На другой день он отдыхает, чтобы на следующий начать опять то же, и таким образом продолжает совершать свои жертвоприношения через каждые два дня до тех пор, пока не пойдет дождь. В столице мандарины ревностнее исполняют свои обязанности и жертвоприношения происходят ежедневно. Если после двух или трех жертвоприношений дождей все-таки нет, тогда оставляют прежнее место и выбирают другое, более благоприятное. Эти различные места определяются исстари установившимся опытом. Если мольбы не приводят ни к чему, мандаринов заменяют министры, и если, наконец, и последние достигают небольшого успеха, то является сам король с громадной свитой, совершает жертвоприношения и молится о спасении и благоденствии своего народа. Как только пойдет дождь, ни приносящий жертву, ни его свита не должны искать какой-нибудь защиты или укрываться от дождя; они обязаны ждать полночи для возвращения домой. Народ подражает им, потому что, по его мнению, было бы великим оскорблением для неба, если бы кто-нибудь стал избегать дождя, о котором так горячо молили, и всякий, кому пришла бы несчастная мысль надеть шапку и распустить зонт, не только лишился бы этих вещей, но еще и сам был бы избит и обруган.

На мандарина, после жертвоприношения которого начинает идти дождь, смотрят как на человека, оказавшего большую услугу отечеству, и король награждает его повышением по службе или каким-нибудь ценным подарком. Несколько лет тому назад один столичный мандарин был немедленно отставлен от должности за то, что совершил жертвоприношение по случаю засухи раньше назначенного часа. Но в ту же ночь пошел дождь, и уволенный мандарин был восстановлен в своей должности и получил награду наравне с другим мандарином, совершавшим церемонию на другой день, уже во время сильного дождя. Каждый из них получил от короля по оленьей шкуре, которые были отнесены в их дома с большою торжественностью и всевозможною пышностью.

Жертвоприношения о ниспослании хорошей погоды совершаются в столице около больших южных ворот. Часы назначаются для этого те же, что и при молениях о дожде, мандарин соблюдает то же воздержание и во все продолжение жертвоприношений день и ночь ворота остаются запертыми и всякое сообщение с загородом прорывается. Иногда даже

запрещают в это время хоронить мертвых. И те, которые выносят в эти дни из домов покойников и отправляют в место погребения, безжалостно задерживаются у городских ворот, без всякого расследования о том, поступили ли они против предписания по неведению, по надежде как-нибудь пройти незамеченными или потому, что день похорон был назначен колдунами и не мог быть изменен. Так как возвращаться назад до погребения покойника, по обычаям страны, не дозволяется, то вся процессия вместе с гробом должна оставаться под дождем иногда в продолжение нескольких дней, пока с наступлением хорошей погоды не отворят снова ворот.

Иногда во времена больших бедствий, как напр. в холеру, частные лица складываются или делают большие сборы для покрытия больших издержек по жертвоприношениям, и король, чтобы умилостивить гнев неба, с своей стороны, дарует частные или общие амнистии.

Кроме этого государственного поклонения Сианг-тиеи или небу, правительство содержит в столице храм, и совершает постоянные жертвоприношения Сиа-тсику. «Я часто спрашивал,— пишет один миссионер,— что такое этот Сиа-тсик? Но ответы были неясны. Большинство утверждало, что Сиа — дух земли, а Тсик — изобретатель земледелия в Китае, причисленный в настоящее время к числу покровительствующих духов». Как бы то ни было, народ не обращает большого внимания на Сиа-тсика, и в провинциях даже не знают ни его имени, ни культа. Зато в столице его храм считается самым священным, так что даже тот храм, где сохраняются именные дощечки предков царствующей династии, занимает только второе место.

Большая часть религиозных верований ученых, и в то же время единственная религия, которую признает и искренно исповедует громадное большинство народа, состоит в поклонении предкам. Отсюда важность законов о трауре, о местах погребения и о сохранении в каждом семействе именных дощечек умерших родителей. Говоря о королевских похоронах и родственных обязанностях, мы уже описывали подробности траура и королевских могил. Теперь, в дополнение, приведем несколько заметок о могилах обыкновенных людей и именных дощечках.

Выбор места погребения для каждого корейца составляет очень важное дело; для людей высокопоставленных в этом, можно сказать, заключается главная забота. Они убеждены, что от этого зависит судьба их семейства, счастье всего потомства и потому не щадят ничего для отыскания благоприятного места. Геоскопы и колдуны, сделавшие себе из этих розысков специальность, встречаются в изобилии в стране. Когда место для могилы выбрано и труп зарыт, всем без исключения запрещается хоронить кого-либо на том же месте из опасения, чтобы счастье не перешло на сторону

нового покойника, и это запрещение простирается иногда на более или менее значительное пространство, смотря по степени власти запрещающего. Для королевских могил, кроме пространства в нескольких миль в окружности, о чем мы говорили уже прежде, отводятся также соседние горы, с которых открывается вид на могилы. С своей стороны, и дворяне захватывают сколько возможно больше места; они сажают на нем деревья, которые навсегда запрещено рубить; из них впоследствии вырастают настоящие леса. Если кому-нибудь удастся тайно похоронить покойника на горе, занятой уже другими, эта гора по закону становится собственностью последнего покойника и, в таком случае, тела прежних покойников выкапываются, если они принадлежали дворянам или людям богатым, если же кому-нибудь другому, то довольствуются только тем, что срывают могильные насыпи, уравнивают землю и тем уничтожают всякий след прежних могил. Отсюда ссоры, распри и непримиримая ненависть, переходящая от поколения к поколению.

Закон запрещает хоронить покойников, принадлежащих к чужой семье, родные одни только имеют право устраивать похороны. Несколько лет тому назад сзади горы, на которой жил один миссионер, какой-то богатый купец выбрал благоприятное место для могилы своего только что умершего отца. Поблизости находилось несколько дворянских могил. Так как расстояние от них до выбранного места по закону было вполне достаточно, то и купец имел право похоронить на нем своего покойника; но право сильного в Корее всегда самое выгодное, и дворяне заявили протест. Купец не уступал; тайно наняв известное число людей, вполне достаточное для устранения всякого противодействия со стороны сторожей дворянских могил, предал покойника земле с соблюдением всех обрядов и удалился вместе с своим отрядом. Было приблизительно часов шесть вечера. Дворяне, прежние владельцы земли, жили в трех линиях от нее и так как их уведомили обо всем происшедшем только утром, то они и успели прибыть с двумя или тремястами людей не раньше, как через полчаса после погребения. Но гора уже была для них потеряна. Не смея трогать свежей могилы, они бросились с своими людьми в погоню за купцом, избили его наемников, схватили его самого, связали ему руки и ноги и среди самых ужасных криков притащили на отцовскую могилу. Несчастный, полуживой от страха и мучений, должен был первым взять лопату и начать раскапывать могильный холм, благодаря этому другие приобретали право отрыть покойника, и, действительно, через несколько минут труп был вырыт и купец был принужден искать другое место для его погребения.

Люди простого народа прибегают ко всевозможным средствам для охранения своих могил. Однажды преторианцы задумали похоронить

одного из своих в месте, принадлежащем одной бедной фамилии. Глава этого семейства, видя, что всякие просьбы бесполезны, спокойно присутствовал при погребении, совершенном преторианцами, и по окончании его предложил могильщикам вина, которое они и приняли. Затем, самым хладнокровными образом, сам разрезал вареное мясо и раздал им по куску для наполнения трапезы. Мандарин, услышав об этом и отлично зная смертельную ненависть, презрение и отчуждение народа от преторианцев, строго наказал их и принудил отрыть своего покойника и возвратить место прежнему владельцу. В другой раз знатный и могущественный дворянин отнял у одного резака быков место, где был погребен его отец, и в двух шагах от его могилы похоронил свою мать. Бедняк, не смея противоречить, предпочел лучше помогать участвовавшим в церемонии, и в награду за свою уступчивость получил место сторожа новой могилы. Через несколько дней он поставил забор между двумя могилами. Дворянин, придя в обычное время к покойнице, потребовал объяснение этому поступку. «Я был вынужден поступить таким образом, но я соглашусь лучше умереть, чем сказать вам причину». Дворянин, крайне заинтересованный, начал ласкать его, льстить ему и уверял, что он может не бояться никакого наказания. Наконец, долго отговариваясь, резак рассказал, что несколько ночей тому назад он видел, как его отец встал из гроба и направился прямо к могиле матери дворянина и «я не смею досказывать,— прибавил сторож,— но утром же я поставил забор, чтобы на будущее время помешать такой безнравственной профанации». Дворянин чуть не сгорел от стыда, и не сказал ни слова, но в тот же вечер приказал вырыть труп матери и перенести его в другое место.

Немедленно после смерти приготовляют дощечки, в которых должна продолжать жить душа усопшего. Эти дощечки обыкновенно делаются из каштанового дерева, которое добывается в лесах, самых удаленных от жилья человеческого. Корейцы определяют такое дерево следующим выражением: «при жизни (т. е. до срубки), оно не должно слышать ни собачьего лая, ни пения петуха». Эти дощечки состоят из гладко выструганной небольшой доски, выкрашенной белой краской, с написанной на ней китайской буквой, означающей имя покойного. С боку доски просверливают несколько дыр, через которые, по убеждению корейцев, входит душа. Дощечка вставляется в четырехугольный деревянный ящик и помещается у богатых в особо предназначенной для этого комнате, у людей же простого звания — в особого рода нишах, устроенных в углах домов. Бедные делают свои дощечки иногда и из бумаги. В продолжение двадцати семи траурных месяцев перед дощечками приносятся ежедневные жертвы. С лбами, вымазанными пылью и грязью, родственники умершего ставят

перед ними старательно приготовленные кушанья, табак и курят фимиам. По окончании траура те же жертвы приносятся только несколько раз в месяц, в известные дни, определенные законом и обычаем, и притом то перед дощечками, то на могилах. Через четыре поколения дощечки всех умерших предаются земле, кроме людей особенно замечательных, дощечки которых сохраняются на вечные времена.

Кроме этого культа предков, общепризнанного в Корее, ученые и дворяне поклоняются Конфуцию и великим людям, которым они в особых храмах приносят жертвы и, хотя и не признают их божествами, но причисляют к духам и гениям-покровителям. Что разумеют они под этими названиями, сказать трудно. «В этой стране,— пишет миссионер Давелей,— не имеют точных понятий об отличии души от тела и о духовном происхождении души. Слова «хан», «син», «линг» и т. д., принятые в христианских книгах для выражения понятия о существе души, употребляются язычниками только в смысле духов, гениев и духа умерших. Один довольно образованный язычник ни за что не хотел верить, что у каждого человека при жизни есть душа. По нашему мнению, говорил он, то, что заставляет нас двигаться и оживотворяет, утрачивается с последним дыханием жизни и только у одних великих людей оно сохраняется еще после смерти.— Говорил ли он об их душе, или указывал этим на ее превращение в дух или гений?— я решить не берусь, да и он сам этого хорошо не знал». В каждом округе есть храм Конфуция.— Это большею частию небольшие довольно красиво построенные здания с обширными флигелями. Эти храмы называют Кианг-кио. Мимо них нельзя проезжать верхом; особые заставы на границах священной земли указывают, где следует сойти с лошади. В этих-то храмах ученые устраивают свои собрания и приносят жертвы в новолуние и полнолуние. Если доходы храма оказываются недостаточными, для покрытия всех его расходов касса округа обязана пополнить их. Ученые избирают из своей среды тех, которые в продолжение известного времени должны нести обязанности по совершению жертвоприношений. Се-уэнами называются храмы, воздвигнутые с разрешения короля в честь великих людей; портреты этих людей бережно сохраняются и им оказывают почтение почти равное с дощечками умерших. Если у великих людей остались потомки, последние по праву считаются служителями их храмов; если же потомков нет, то ученые, живущие по соседству, по очереди отправляют жертвоприношения. Некоторые из этих уэнов особенно знамениты в стране, и если бы какой-нибудь губернатор или министр отказал в отпуске из государственной казны иногда очень больших сумм, требуемых блюстителями храмов для покрытия расходов по жертвоприношениям, он сильно пошатнул бы свое достоинство и свой авторитет.

Священные китайские книги священны также и для корейцев. Есть особый официальный перевод их на местный язык и в этом переводе запрещено изменять хотя бы одно слово без разрешения правительства. Ученый, позволивший себе дать произвольное толкование какому-нибудь важному месту в книге, легко может поплатиться головой за свою смелость. Несколько лет тому назад один дворянин, преследуемый за обнародование нескольких опровержений против толкования ученого, последователя Конфуция, настолько возмутил всех мудрецов, что чуть не погиб в борьбе с ними, и самому королю стоило большого труда спасти его жизнь. Кроме этих книг в Корее существует еще сборник пророчеств или в своем роде сивиллина[6], книга, запрещенная правительством и обращающаяся в народе тайно. Этой книге приписывают большую древность. Говорят, она ясно предсказывает, что в святом году будет принята в Корее новая вера, непохожая на религию Фо и Конфуция. Но что значит и когда наступит этот «святой год», никому не известно и никто не знает.

Наряду с государственной религией существует, как мы упоминали выше, буддизм или учение Фо, которое теперь находится в полном упадке. До воцарения настоящей династии, корейский буддизм, иногда называемый Секаэль (т. е. происшедший от фамилии Се), был в большом почете, как равно и его жрецы. Тогда-то были выстроены большие пагоды, из которых некоторые сохранились еще до сих пор. Они существовали во всех округах и содержались роскошно благодаря пожертвованиям народа и королей. Если добровольных вкладов оказывалось недостаточно, государственная казна доплачивала остальное. Очень многие из королей династии Кореи по набожности желали быть похороненными в пагодах по буддийскому обряду, т. е. чтобы тела их сожгли, а пепел собрали в урны, которые или сберегали бы в особых местах или бросали бы в воду. Один из таких королей издал даже указ, предписывающий каждому корейцу, имеющему трех детей, одного из них посвящать в жрецы. В конце XIV столетия новая династия, вступившая на трон Кореи, нисколько не преследуя буддийской религии, перестала обращать на нее всякое внимание, и с тех пор пагоды, жрецы и жрицы начали постепенно утрачивать в глазах народа свое религиозное значение. Иногда еще и теперь правительство употребляет имя Фо, и королевы и принцессы в некоторых случаях появляются на короткое время в тех или других пагодах,— но и только; так что все, и даже сами буддисты, признают, что через несколько поколений об этом культе останется только одно воспоминание.

Буддийские пагоды, построенные в китайском вкусе, обыкновенно не представляют ничего замечательного. Святая святых, где помещается

---

[6] Сивиллы — легендарные прорицательницы у античных авторов (*прим. сост.*).

статуя Фо, невелика, но вокруг нее много отдельных жилых комнат, кабинетов для занятий и зал для собраний, которыми пользуются жрецы. Большинство этих храмов находится в развалинах. Обыкновенно пагоды помещаются на горах, в пустынях и местоположение для них выбирается часто восхитительное. Летом ученые чаще всего собираются в этих храмах для обыкновенных научных занятий и ученых бесед. Здесь они находят покой, уединение и отдых, и жрецы за небольшое вознаграждение исполняют обязанности их слуг.

Теперь эти жрецы остались почти без всяких средств. Кроме провинции Киенг-Санг, где они сохранили еще небольшое влияние, им приходится для поддержания своего существования или просить милостыню, или наниматься на ручную работу, как напр., по бумажному или башмачному производству. Некоторые из них обрабатывают небольшие участки земли, принадлежащие храмам. А при том равнодушии, которое оказывает народ к их религии, они с трудом пополняют свои ряды, и всякая пропаганда для них совершенно немыслима. Теперешние жрецы набираются большею частью из бродяг, ищущих убежища в пагодах, из людей, не имевших средства жениться, из бездетных вдовцов, которые сами не в состоянии прокормить себя, и т. д. Народ презирает их, смотрит на них как на людей задорных, шарлатанов, ханжей; но, тем не менее, по привычке, а, может быть, и вследствие суеверного страха, легко подает им милостыню.

Как и в прочих буддийских странах, в Корее встречаются также и жрицы, они обыкновенно живут вместе в монастырях, недалеко от пагод, непосредственно в которых им запрещено селиться. Как и жрецы, они обязаны соблюдать целомудрие во все продолжение своего жречества, и если у кого-нибудь из них родится ребенок, виновная подвергается смертной казни. Утверждают, однако, что они очень искусны в гнусном ремесле вытравления плода, и их поведение всеми признается безнравственным. Впрочем, жрецы и жрицы имеют полное право покидать свои монастыри, когда им вздумается, и снова возвращаться к частной жизни, чем они и пользуются очень часто. В монастыри вообще поступают за неимением ничего другого, и после более или менее продолжительного пребывания в них, как только соскучатся, уходят искать счастья на стороне.

Таково положение в Корее религий Конфуция и Фо. Эти два верования, по мнению многих, в сущности составляют только две различных формы атеизма. Из их необходимого взаимного соединения в уме народа, не отдающего себе точного отчета в своих религиозных верованиях, естественно должно было сложиться то практическое неверие, та беззаботность относительно будущей жизни, которыми отличаются корейцы. Все повергаются ниц и совершают жертвоприношения перед дощечками,

но немногие серьезно верят в их сокровенное значение. У большинства корейцев самое смутное понятие о верховном существе и о бытии души, и они не обращают на это большого внимания, так что, когда с ними говорят о том, что будет после смерти, они замечают чисто материалистически: кто знает, с того света никто не возвращался, нужно пользоваться жизнью, пока можно. Но, как и все атеисты, корейцы в силу логической необходимости, в то же время страшно суеверны.

Им повсюду чудится дьявол; они верят в счастливые и несчастные дни, в благоприятные и неблагоприятные места, словом — все представляется им признаком счастья или несчастья. Беспрерывно они обращаются за советами к колдунам; по несколько раз производят заклинания, приносят жертвы и устраивают гадания перед, во время и по окончании всякого важного дела или предприятия. Во всяком доме имеется по одному или по два глиняных кувшина для заключения в них обоготворяемых пенатов: Сенг-тсу, покровителя рождения на свет и дальнейшей жизни, Тсе-тсу, покровителя жилищ и т. д., и от времени до времени перед этими кувшинами совершаются коленопреклонения. Если при проходе через гору происходит какой-нибудь случай, корейцы считают своей обязанностью принести жертву духу горы. У охотников есть свои приметы для счастливых и несчастных дней; моряки еще более суеверны: они приносят жертвы всевозможным ветрам, звездам, земле и воде. При дорогах и особенно на вершинах холмов часто встречаются маленькие храмы или просто груды камней, и каждый проходящий мимо прилепливает к храму бумажку, привешивает ленту или какой-нибудь другой знак, или просто кидает камень в набросанную кучу. Змеи, как везде и у всех язычников, составляют предмет особенно суеверного страха, и немногие из корейцев решаются убивать их. Иногда они даже доставляют в изобилии и аккуратно пищу змеям, которые поселяются на крышах и в стенах их хижин. Человек, носящий траур, не смеет убивать ни одного животного, он не имеет права уничтожать даже насекомых, которые его кусают. Женщины, исполняющие в этой стране всевозможные работы, ни за что не согласились бы убить цыпленка или даже потрошить его, если бы он был уже зарезан кем-либо другим.

Большинство семейств тщательно сохраняет огонь в своих домах и старается, чтобы он никогда не погасал. Если бы случилось подобное несчастие, его сочли бы за дурное предзнаменование и за причину больших невзгод в будущем. Для избежания этого ежедневно, после приготовления пищи утром и вечером, все оставшиеся угли вместе с пеплом кладут в глиняный горшок, устроенный в виде жаровни, и принимают все необходимые предосторожности, чтобы сохранить искры, которыми можно

было бы растопить огонь при первой надобности. Однажды дворянин, у которого было много гостей, увидел, что его раб выходит из дому с пучком соломы в руке как раз в то время, когда следовало готовить кушанья. «Куда ты?» — спросил хозяин. «К соседу за огнем, у нас его во всем доме нет»,— отвечал раб. «Не может быть»,— вскричал хозяин, бледнея; и тотчас же, оставив своих гостей, побежал к горшкам, в которых в разных комнатах сохранялся огонь. Здесь, стоя на коленях, со слезами на глазах он начал разрывать пепел с лихорадочной поспешностью. Наконец, ему удалось заметить слабый свет, он начал дуть и зажег спичку. «Победа! — вскричал он, возвращаясь к гостям.— Мой род еще не погибнет. Я отыскал огонь, который мои предки старательно поддерживали в продолжение десяти поколений и который я, в свою очередь, завещаю своим потомкам».

Мы уже говорили прежде, до какой степени страшны и опустошительны в Корее эпидемии ветряной оспы. В ожидании их наступления в деревнях мужчины и женщины с большим старанием в нескольких водах моют головы, употребляя для этого новые глиняные кувшины. Эти омовения они совершают по несколько раз, чтобы приготовиться достойно встретить будущую гостью. Если есть возможность употреблять в этих случаях морскую воду, последняя считается гораздо действительнее пресной воды. В то же время, в сенях или у дверей каждого дома, ставится стол с различными фруктами. Как только что болезнь появляется в каком-нибудь доме, на нем устанавливают небольшой флаг или пестрят двери желтой глиной, чтобы не допустить посторонних обеспокоить или помешать страшной гостье. Ей стараются оказывать всякое внимание и тем ее умилостивить, перед ней становятся на колени, молятся, поют, в честь ее приносят усиленные жертвы, пекут рисовые пироги и ими от ее имени угощают всех соседей, причем это угощение считается еще более похвальным, если рис для него собран подаянием. Призывают му-тангов, или гадальщиков, со всеми их таинственными атрибутами, и заканчивают особой церемонией проводов оспы, с роскошью и торжественностью, зависящей от состояния каждого. Все корейцы глубоко убеждены, что во время эпидемии заболевшие дети находятся в общении с гениями, приобретают дар ясновидения и видят все происходящее сквозь стены и даже на большом расстоянии. Несколько лет тому назад, в то время как в одном доме лежал в оспе ребенок лет двенадцати или тринадцати, какой-то дворянин, не обращая на это внимания, вошел во двор с волосяной шапкой на голове. Больной ребенок, помня несколько палочных ударов, когда-то полученных от дворянина, из мести закричал: «Этот дворянин в шапке сердит оспу, удваивает мои страдания и будет причиной моей смерти. Для укрощения гнева и болезни, секите его». Испуганный дворянин сознал свою ошибку и для предот-

вращения несчастья тотчас же согласился получить умилостивительную палочную экзекуцию.

Все эти суеверия и еще множество других сильно распространены в стране. Некоторые из образованных людей презирают их и не придают им никакого значения, но женщины всевозможных званий и состояний держатся за них крепко, и мужья для соблюдения семейного мира, хотя и не принимают в них сами участия, но все-таки терпят их, так что, начиная с дворца и кончая последней хижиной, эти суеверия повсюду применяются свободно. По этому уже можно судить, насколько многочисленны должны быть шарлатаны, астрологи, колдуны, прорицатели, гадальщики обоих полов, живущие в Корее на счет народного легковерия. Повсеместно они занимаются указанием мест, пригодных для построек и могил, вопрошением судьбы о легких и тяжелых днях для всяких начинаний, составлением гороскопов будущих супругов, предсказаниями будущего, заклинаниями от несчастий, наговорами от разных большей, изгнаниями злых духов и т. д., и все это они совершают всегда с большими церемониями, страшным шумом, требуя при этом такого громадного количества припасов, что обжорство всех этих колдунов вошло в пословицу.

Больше других имеют успех и пользуются известностью в этом ремесле слепые, которые почти все с самых малых лет занимаются им и передают свои секреты детям, страдающим тем же недостатком. Колдовство составляет для них как бы природное занятие и чаще всего единственное средство к существованию. В отдаленных округах каждый из них промышляет отдельно, на свой собственный риск, но в городах и особенно в столице они образуют вполне организованные корпорации, признанные законом и обложенные известным налогом в пользу государства. Только они одни имеют право ходить ночью по улицам. Днем они встречаются по два, по три вместе и издают особый крик для привлечения внимания тех, кому нужны их услуги. Чтобы быть принятым в подобную корпорацию, нужно выдержать трехлетний искус. Это время посвящается на изучение тайн их искусства и в особенности улиц и переулков столицы. Их ловкость и уменье ориентироваться в лабиринте кривых улиц, глухих переулков, из которых почти состоит весь Сеуль, кажутся поистине чудесными и необъяснимыми естественным путем. Когда их посылают в какой-нибудь дом, они отправляются туда, только слегка постукивая палкой, почти с такой же скоростью и уверенностью, как всякий зрячий.

Слепых зазывают для гаданий о будущем, раскрытия тайн, составления гороскопов, но главным образом — для изгнания бесов. В этом последнем случае они действуют всегда по несколько человек вместе для того, будто бы, чтобы добиться скорее и действительнее нужных результатов. Эту

церемонно они начинают с декламирования громко и медленно нараспев разных заклинаний, затем понемногу возвышают тон и сопровождают все это однообразными, постепенно учащающимися ударами своих палок о доски, глиняные горшки и медные сосуды. Через несколько времени они доходят до полного неистовства; ритм их причитаний делается все более и более неровен и наконец превращается в ужаснейшую смесь диких завываний и криков. «Уверяю вас,— восклицает один миссионер, у которого мы заимствуем эти подробности,— действительно есть отчего обратиться в бегство всем дьяволам преисподней. Каждый сеанс продолжается около 3-х или 4-х часов, иногда возобновляется по три раза в одну и ту же ночь, всякий раз все громче и громче и это длится по несколько ночей подряд. Горе соседям домов, где производится это изгнание бесов, они буквально не в состоянии сомкнуть глаз, что я неоднократно испытал и на себе. В конце концов, изгонители побеждают дьявола, загоняют его в угол, теснят со всех сторон и заставляют искать убежища в горшке или бутылке, которые один из них держит наготове. Бутылку тотчас же закупоривают тщательно, завязывают и, освободив дом от неприятного гостя, затягивают победную песнь. Во время церемонии не перестают задабривать дьявола всевозможными кушаньями, которые потом поступают в собственность слепцов. Кроме того, им дают довольно круглую сумму денег. Что касается до действительности проявления дьявола в этих и подобных им случаях, то определить ее трудно. Что очень часто бывает одно притворство и шарлатанство, это не подлежит никакому сомнению; но верно также и то, что от времени до времени дьявол видимым образом проявляет свое присутствие и свои действия в людях и вещах внешними явлениями, противными законам природы; что есть настоящие колдуны и особенно колдуньи, которые посредством таинственных обрядов находятся в прямых сношениях с адскими силами»[7].

Миссионеры утверждают, что случаи действительного беснования хотя и не часты, но все-таки встречаются, и иногда даже у принявших христианство.

Науки. Промышленность. Торговля. Международные сношения.

Несмотря на официальное покровительство, оказываемое в Корее различным научным занятиям, несмотря на специальные школы, поддержи-

[7] Мы с буквальной точностью приводим эту тираду клерикала-автора как материал для характеристики французских католических миссионеров, просвещавших корейцев (прим. переводчика).

ваемые правительством, уровень, на котором стоят науки,— ничтожен. Так называемые астрономы едва обладают необходимыми сведениями для того, чтобы толково понимать и употреблять китайский календарь, который ежегодно присылается из Пекина; затем все их занятия сосредоточены на одной астрологии. Знания главных счетчиков министерства финансов ограничиваются одними простыми правилами арифметики, необходимыми для ведения приходорасходных книг. Ученики Ниуль-гака, или юридической школы, довольствуются одним механическим заучиванием официальных текстов законов и королевских указов. Одна медицина, по-видимому, составляет исключение. Признавая китайскую науку, корейцы ввели в нее, как кажется, настолько серьезные улучшения, что в Пекине запрещено было даже изготовлять доски для отпечатания знаменитой медицинской корейской книги Тиенг-ои-по-кан. Никакая другая книга не удостаивалась подобной чести.

Действительно образованные врачи встречаются только в столице. Это или дворяне, изучавшие медицину по собственной охоте, или люди среднего класса, работавшие над ней для получения звания придворных врачей. Кроме этого, кое-где можно встретить несколько способных практиков, которых долгий опыт научил правильному употреблению местных средств; но такие люди составляют редкое исключение, огромное же большинство провинциальных медиков состоит из шарлатанов без всяких знаний и совести, которые от всевозможных болезней употребляют всегда одно и то же универсальное средство и никогда не берут на себя труда осматривать пользуемых ими больных.

Говорят, что в Корее, как и в Китае, есть несколько очень действительных средств против различных болезней, и между ними особое питье, имеющее свойство распускать камни мочевого пузыря и, таким образом, излечивать эту болезнь без всякой хирургической операции. Миссионер Ферреоль, третий апостолический викарий в Корее, после долгих невыносимых страданий, в несколько часов вылечился от камня благодаря одному китайскому медику. Но состав этого благодетельного средства составляет секрет, тщательно охраняемый теми, кому он известен. Вообще, большинство лекарств дается в виде питья, исключения из этого правила очень редки. Обыкновенно варят вместе около двадцати или тридцати различных сортов трав и к этому декокту[8] примешивают еще несколько грязных и отвратительных веществ, обыденные названия которых даже не стараются прикрыть какими-нибудь более или менее научными терминами. Укрепляющие средства в большом употреблении. Самое обыкновенное

[8] Декокт — отвар (*прим. сост.*).

из них — мясной бульон, который корейцы приготовляют превосходно. Есть еще и два другие, которые заслуживают особого упоминания, это женьшень, о котором мы говорили в первой главе, и оленьи рога.

Олений рог, как говорят, считается прочнее восстанавливающим средством, чем женьшень; его действие бывает сильнее или слабее, смотря по местности, в которой жило животное. Поэтому корейцы мало ценят оленей, доставляемых из Китая или из их собственных южных провинций. Лучшим они считают тот рог, который привозится из провинции Канг-Уен, причем относительно его достоинства делаются еще различия по округам этой провинции. Олень непременно должен быть убит в то время, когда рога еще растут и прежде, нежели они успеют затвердеть, в противном случае средство не может иметь никакого действия. Животному срубают голову и в продолжение десяти или двенадцати часов держат ее горлом вверх, чтобы вся лучшая кровь могла пройти в рога, которые после этого сушат со всевозможными предосторожностями на среднем огне. Затем несколько обскабливают самые рога и эту пыль, смешав с соками некоторых растений, дают больным. Миссионер Давелей свидетельствует, что он в продолжение многих лет пользовался этим лекарством и всегда испытывал на себе благодетельно укрепляющее его действие. Оленья кровь, еще не остывшая, употребляется также с большим успехом для оживления мускулов и для придания им особенной силы. «Когда напьемся этой крови,— говорят охотники,— самые крутые горы кажутся равнинами, и без малейшей усталости можно было бы обойти все королевство».

Другое медицинское средство, о котором нельзя не упомянуть,— это прокалывание кожи. Существуют особые трактаты, касающиеся этой отрасли хирургии, единственно только известной корейцам; последние умеют даже приготовлять из проволоки модели человеческого тела, чтобы точнее обозначать учащимся те места, в которые можно погружать ланцет. Искусный оператор обыкновенно вводит в тело этот чрезвычайно тонкий инструмент на глубину четырех или пяти сантиметров, и при этом только едва просачивается наружу несколько капель крови. Миссионеры утверждают, что часто они сами были очевидцами поразительного и всегда необыкновенно быстрого результата подобного лечения.

Если корейцы немного сделали для науки, то настолько же они подвинулись и в области промышленности. В течение целых веков все их производства не сделали никаких успехов. Одной из главных причин этого застоя, без сомнения, следует признать то обстоятельство, что в каждом доме почти производятся все ремесла и выделываются все предметы первой необходимости. Жатва доставляет земледельцу все, в чем он нуждается, так что зимой он превращается поочередно то в ткача, то в

красильщика, плотника, портного, каменщика и т. д. Он гонит у себя дома рисовое вино, масло, водку. Его жена и дочери прядут пеньку, хлопок и даже шелк, если удастся взрастить какое-нибудь количество шелковичных червей. Они ткут грубые, но прочные материи, вполне пригодные для ежедневного употребления. Каждый крестьянин знает и собирает семена, нужные для крашенья или изготовления самых обыкновенных лекарств. Он сам приготовляет себе платье, соломенные и деревянные башмаки, корзинки, коробки, метлы, веревки, бечевки, циновки и необходимые земледельческие орудия. В случае нужды он исправляет стены, крышу и делает по дому всякую плотничную работу. Словом, он не нуждается ни в ком, но, как и легко понять, работает каждую вещь только при настоятельной надобности, довольствуясь при этом самыми простыми и первобытными способами и не достигая никогда в своем производстве сколько-нибудь замечательного совершенства.

Специальные рабочие существуют только для таких ремесел, которые требуют особых инструментов и уменья пользоваться ими. Но даже и в этих производствах очень редко встречаются ремесленники, поставившие себя на твердую ногу и работающие в собственных мастерских. Обыкновенно каждый из них, взвалив свои инструменты на спину, идет туда, куда его зовут, и, окончив там работу, отправляется в какое-нибудь другое место. Даже те, которым по свойству занятий нужно было бы особое помещение, не устраиваются окончательно нигде. Напр., горшечники сегодня останавливаются на одном месте, где много лесу и глины, они строят там хижину и печь, выделывают для окружных жителей грубый фарфор и крепкие глиняные горшки, иногда неимоверной емкости, и затем, истребив лес, идут искать счастья в другое место. Кузнецы поступают таким же образом: они уходят тогда, когда добывание железа сделается затруднительным. Отсюда полное отсутствие больших фабрик, серьезных разработок и заведений, которые бы заслуживали какого-нибудь внимания. Дощатые, наскоро сколоченные бараки, которые легко срываются ветром и текут при всяком дожде, заменяют собою все заводские и фабричные строения. Благодаря этому выгоды от предприятия становятся ничтожны, и люди, имеющие деньги, редко и неохотно вкладывают их в подобные дела, а те, которые решаются пробовать счастье с какими-нибудь десятками или сотней рублей, обыкновенно, разоряются в несколько месяцев.

Корейцы утверждают, что они выделывают и отправляют в Китай большие ножи, сабли и кинжалы самого лучшего достоинства; но миссионеры не имели случая проверить справедливость этих уверений. В Корее занимаются также изготовлением довольно прочных ружей с фитилями. Несмотря на то, что страна изобилует очень хорошей медью, вся медь,

употребляемая на поделки, привозится из Японии. Для приготовления кастрюль и других сосудов корейцы примешивают к меди цинк. Этот сплав окисляется в самой незначительной мере, так что, несмотря на постоянное употребление медной посуды в зажиточных домах, случаи отравления медной ржавчиной вовсе не известны. Все украшения, все ювелирные вещи, вообще все предметы роскоши ввозятся из Китая, в Корее же их не умеют делать.

Однако есть одна отрасль промышленности, в которой корейцы превзошли китайцев,— это приготовление бумаги. Из коры тутового дерева они выделывают бумагу толще и прочнее китайской; она похожа на полотно, и только с трудом ее можно разорвать. Употребление ее до бесконечности разнообразно; из нее приготовляются шляпы, мешки, фитили для свечей, башмачные подошвы и т. п. Будучи промаслена, она, по своей дешевизне, с успехом заменяет клеенку и служит материалом для дождевых зонтов и непромокаемых плащей. Все окна и двери точно так же бывают затянуты этой промасленной бумагой. Впрочем, встречаются и исключения. «Если корейцу,— пишет Давелей,— удастся найти маленький кусочек стекла величиной в полдюйма, это считается счастьем. Владелец тотчас же вставляет его в одну из половинок своей двери и сквозь это маленькое стеклышко гордо поглядывает одним глазом на то, что происходит снаружи. За неимением же стекла поневоле приходится прорывать пальцем дыру в бумаге и этим способом сноситься с окружающим миром».

Из всего только что сказанного легко заключить, что внутренняя торговля в Корее развита очень мало. У очень немногих купцов есть постоянные магазины в своих домах, и почти все торговые сделки совершаются на ярмарках и базарах. Эти базары устраиваются в городах и селах, назначенных правительством, числом по пяти в каждом округе. Во всех этих пунктах базары бывают через каждые пять дней, но притом не одновременно, а в разные дни, так что каждый день в каком-нибудь месте округа есть базар. Товары продаются в палатках.

В торговле употребляются следующие меры: для сыпучих тел — горсть. Сто горстей составляет четверик, двадцать четвериков — куль (по-корейски — сом). Жидкости измеряют чашками. Меру веса составляет китайский фунт, и весы употребляются только китайские. Мерой длины считается фут, который в разных провинциях не одинаков или, вернее, у каждого торговца особый. Фут делится на десять дюймов, дюйм — на десять линий.

Одним из главных препятствий для развития торговли следует признать несовершенство монетной системы. Золотых и серебряных монет нет вовсе. Продажа этих металлов в слитках затруднена целой массой мелочных

формальностей; и дорого бы поплатился тот, кто продал бы китайское серебро, даже сплавленное в кусок корейской формы. Это серебро тотчас же было бы узнано, и купец, кроме конфискации самых кусков, должен был бы заплатить большой штраф или подвергнуться палочной экзекуции. Единственная монета, за которой признано право законного обращения в стране,— сапек. Он представляет собой небольшой кусок меди с примесью цинка или свинца, стоимостью в пол с небольшим копейки. В середине этой монеты пробита дыра для продергивания сквозь нее веревки, на которую и навязывается известное количество сапеков. Отсюда происходят так часто употребляемые на востоке при счете денег выражения «связка, полсвязки». Когда кому-нибудь случается уплачивать довольно серьезную сумму, благодаря несовершенству монетной системы приходится обращаться к целой толпе носильщиков, так как каждые стониангов, или связок (около пятидесяти рублей), настолько тяжелы, что равняются полной человеческой ноше. В северных провинциях даже и эта монета не обращается; все сделки основываются по взаимном соглашении на одной мене. Кажется, в прежние времена хлебные зерна заменяли монету, потому что еще и на теперешнем языке тот, кто везет хлеб на базар для продажи, говорит, что он едет покупать, а тот, кто собирается купить хлеб, говорит, что едет продавать. Процент за серебро в Корее громаден. Тридцать процентов считаются при займах серебра самой выгодной и незначительной приплатой, обыкновенно берется пятьдесят, шестьдесят, иногда даже сто процентов. Но при этом, правда, следует признать, что поземельная рента, служащая всегда и везде исходным пунктом всякого денежного курса, сравнительно значительна в этой стране. В хорошие года земледелец получает со своих полей приблизительно до тридцати процентов.

По древним корейским преданиям, при королях предшествовавшей династии употреблялись бумажные деньги, имевшие вид наконечника стрелы и стоимостью в три листа бумаги. После покорения Кореи маньчжурской пекинской династией право чеканить монету было отнято у корейских королей. Первый из них, кто осмелился нарушить в этом отношении договоры с Китаем, был, как кажется, Сук-тсонг, умерший в 1720 году, после сорокалетнего царствования. В настоящее время это право приобретено несколькими давностями, и корейское правительство пользуется и даже злоупотребляет им. В последние года монету чеканят постоянно, но она становится все худшего и худшего качества. Древние сапеки делались почти из одной меди только с небольшим количеством лигатуры[9], теперешние же почти все из одного свинца, так что перетираются очень скоро. Но ви-

[9] Лигатура — вспомогательный сплав, вводимый в жидкий металл для придания ему нужных свойств (*прим. сост.*).

ною такого качества монеты не правительство, оно отпускает литейщикам вполне достаточное количество меди; уже эти последние подменивают ее свинцом и делят выгоды с министром финансов или с чиновником, нарочно назначенным для наблюдения за ними.

Другим препятствием к развитию торговли служит печальное состояние путей сообщения. Судоходные реки очень редки в Корее, только по немногим из них могут ходить барки, и то лишь в самых широких местах течения. С другой стороны, и искусство строить дороги почти неизвестно в этой стране гор и долин, так что все клади перевозятся на спинах быков, лошадей и людей.

«Дороги,— пишет Давелей,— делятся, по крайней мере формально, на три разряда. Первый разряд, который я перевожу словами — королевские дороги, имеет в ширину до трех с лишком аршин, так что четыре человека в ряд могут свободно поместиться. Так как в провинциях экипажи вовсе не употребляются, то эти дороги совершенно достаточны для конных и пеших путешественников. Они бывают хороши или дурны, смотря по времени года. Нередко случается также, что в некоторых местах они становятся уже на целых три четверти, благодаря большим придорожным камням или выступам скал, или, наконец, дождям, которые промывают большую часть дороги. Никто, конечно, не заботится об устранении подобных неудобств, и часто приходится с ношей карабкаться по этим скалам, рискуя сломать себе шею и свалиться в ров. В окрестностях столицы дороги содержатся обыкновенно лучше. Главною из них считается та, которая ведет от Сеуля к китайской границе. Существует, как говорят, и другая не менее важная дорога, только в восемь миль длиною, проложенная от дворца к одной из королевских могил».

«Что касается до дорог второго разряда, то их качество, ширина и доступность меняется чуть не каждые четверть часа. Когда мне попадается плохая тропинка, и я спрашиваю: большая ли это дорога,— мне отвечают утвердительно. На ней вы найдете все: камни, скалы, грязь, кустарники — не увидите только самой дороги. Но что же сказать после этого о дорогах третьего разряда, шириною иногда меньше фута, местами вовсе незаметных, требующих непременно проводника, проложенных вброд через ручьи и по самым окраинам пропастей?!»

«Мне известны два рода мостов. Одни состоят просто из нескольких больших камней, разбросанных в некотором друг от друга расстоянии через ручьи — это самый распространенный вид. Другие, состоящие из вбитых в реку свай, застланных чем-то вроде деревянной настилки, с слоем земли сверху, представляют собой довольно сносные мосты, хотя часто и очень непрочные. Во время высокой воды, что очень часто бывает летом,

все мосты сносит или затопляет течением, так что путешественнику остается только выкупаться при переправе. Важные люди избавляют себя от этого удовольствия, путешествуя на плечах проводников. Кроме этих двух родов мостов, в столице есть еще каменный мост, считающийся великолепным и в своем роде чудом страны. Сколько-нибудь значительные реки переезжают обыкновенно на лодках».

Корейцы почти не ведут никаких торговых сношений с соседними народами. Для лучшего сохранения своей независимости от двух могущественных соседей — Китая и Японии, Корея обрекла себя на совершенную замкнутость. Всякие сношения с иностранцами, кроме предусмотренных законом, составляют преступление, наказываемое смертной казнью. По международным соглашениям, ни один китаец или японец не имеет права селиться в Корее и наоборот. Китайские посланники, приезжающие в Сеуль, оставляют всю свою свиту на границе, за исключением одного или двух лакеев, состоящих при их особе, и во все время своего пребывания в корейской столице не выходят из отведенного им дворца. Корейские посланники, наоборот, въезжают в Китай со всеми людьми своей свиты и свободно ходят по всем улицам Пекина во все время отправления своей миссии. Во время проезда посла вперед и назад через Пиен-мен (пограничный китайский город близ Желтого моря), в этом городе устраивается ярмарка, которая длится несколько дней. Мандарин Эи-Тсиу, последнего корейского города на китайской границе, один только имеет право во всякое время года вести письменные сношения с тиуменскими властями. Каждые два года бывает другая ярмарка — на крайнем севере провинции Гам-киенг между Хунг-тчунгом, небольшой деревенькой той части Маньчжурии, которая не так давно была уступлена России, и Киенг-уеном,— соседним корейским городом. Эта ярмарка довольно значительна, но она продолжается всего два или три дня, и то только по несколько часов ежедневно, обыкновенно от полудня до заката солнца. По данному сигналу всякий спешит перейти границу, и солдаты пиками подгоняют отсталых. Об ежемесячных базарах между корейцами и несколькими японскими солдатами, поселенными в Фузан-каи, мы уже упоминали выше. Этим ограничиваются все сухопутные сношения Кореи с другими народами.

Но морем их ведется еще меньше. Китайским и японским кораблям позволяется приплывать для ловли хаи-сана (holothuria) к берегам провинции Пиенг-ан и для ловли сельдей около берегов провинции Гоанг-гаи, но только под двумя условиями: никогда не высаживаться на берег и не вступать ни в какие переговоры в открытом море с прибрежными жителями под страхом конфискации корабля и заключения под стражу экипажа. Первое условие обыкновенно соблюдается, но второе остается мертвой буквой.

Корейские барки и китайские джонки благодаря прикрытию многочисленных скал и островов корейского архипелага ведут между собой довольно значительную контрабандную торговлю. Мандарины за взятки смотрят на эти операции сквозь пальцы. Если бурей выбросит китайский корабль на корейский берег или наоборот, то спасенный экипаж содержится правительствами, тщательно оберегается от сношений с местными жителями и затем сухим путем приводится в первый пограничный город. Возвращение морем в этих случаях запрещено. Доставка потерпевших крушение японцев производится, конечно, морем, но с соблюдением всевозможных предосторожностей.

Кстати, остановимся здесь несколько подробно на тех затруднениях, которые должны были преодолеть миссионеры, проникая в Корею; из нашего рассказа читатель составит себе понятие о той мелочной строгости, с которою корейское правительство поддерживает свою полнейшую изолированность. Сухопутные и морские границы строго оберегаются военной стражей, исключительно обязанной не пропускать никого из иностранцев и запрещать переход границы местным жителям Кореи. В самых важных пограничных пунктах заседают в качестве ревизоров и таможенных чиновников полицейские агенты, избранные из числа самых ловких и опытных. Они, в своей дневной и ночной службе, пользуются специально выдрессированными для этого собаками, так что перейти незаметно границу, в сущности, почти невозможно.

С сухого пути существуют только две дороги: из Татарии через Гунг-чунг и Киенг-уен и из Китая, через Пиен-мен и Еи-Тсиу. Вся остальная граница, отделяющая Корейский полуостров от континента, соприкасается с гористыми пустынями и непроходимыми лесами. При этом переход корейской границы через оба указанных нами пограничные пункта возможен только во время узаконенных ярмарочных дней; во всякое же другое время не только со стороны иностранца, но и местного жителя, было бы чистым безрассудством думать обмануть бдительность пограничной стражи. Остается или идти вместе с караванами, двигающимися на ярмарку в Гунг-чунг, или присоединиться к корейскому посольству, возвращающемуся из Китая. Наибольшее затруднение в том и другом случае заключается в волосах. Китайцы бреют себе голову и оставляют на одном темени прядь волос, которая заплетается и косой ниспадает по спине; корейцы, наоборот, сохраняют все свои волосы. Если выбриться по-китайски, то на корейской границе увидят и задержат, если последовать корейской моде, то обман откроется еще в самом Китае, раньше прибытия на границу. Во время Киенг-уен'ской ярмарки китайцам запрещается входить в корейские дома, и многочисленные телохранители наблюдают у городских ворот и по ули-

цам за строгим исполнением этого предписания. Поэтому, предполагая даже, что миссионер остался неузнанным во все время пути и в продолжение нескольких дней ожидания перед ярмаркой, он все-таки будет открыт благодаря необходимости вступить на границе в разговоры с пограничной стражей и полной невозможности незаметно переодеться на открытом воздухе в присутствии тысячи людей. С другой стороны, раз переступив границу, он должен был бы, прежде чем прийти в первую христианскую деревню, сделать целое месячное путешествие по редко посещаемой стране, где, следовательно, всякий новый путешественник обращает на себя внимание и при малейшей неосторожности рискует быть задержан. Во всех придорожных гостиницах тотчас заметили бы, что возвращается одним человеком больше, чем шло вперед, и уже одно это обстоятельство возбудило бы подозрения, которые тотчас же, благодаря особому типу лица и произношению, превратились бы в полное убеждение.

На дороге через Пиен-мен затруднения не меньше. Каждый кореец, сопровождающий посольство, в каком бы он ни состоял звании, прописывается и тщательно с головы до ног осматривается на границе. Если сам он и багаж не представляют ничего подозрительного, ему выдают паспорт, где все предусмотрено с мельчайшими подробностями. Предположим теперь, что состоящие в свите посольства, все имея паспорты,— на обратном пути везут с собой миссионера и им удастся перейти китайскую границу; но между этой последней и корейской границей лежит степное пространство в целых пятнадцать миль. Справа и слева от единственной дороги идут непроходимые леса. Если на пути понадобится разложить огонь для приготовления самой необходимой пищи, путешественники непременно воспользуются случаем и сбегутся сами варить свой рис, в этом им отказать нельзя; а при такой скученности и чрезмерном любопытстве корейцев, и опасность для миссионеров сильно увеличивается. Наконец, достигнув берегов реки, где стоят таможенные, путешественники входят на паром, доставляющий их в таможню, устроенную на другом берегу. Здесь каждый обязан предъявить свой паспорт и дать осмотреть и обыскать себя самым тщательным образом. Понятно, что миссионер не может рискнуть явиться в таможню и предпочитает лучше спрятаться на том берегу. Он должен ждать ночи, чтобы попробовать перейти реку по льду, так как корейские начальства всегда возвращаются из Пекина зимой. Но на корейском берегу, в определенном друг от друга расстоянии, поставлены караулы из солдат и собак. Единственным средством остается попробовать пробраться в темноте между двумя сторожевыми пикетами и затем вкарабкаться на ближайшие снежные горы, чтобы оттуда уже выйти на дорогу внутри страны. Первые миссионеры действительно и проходили

этим путем; но вскоре, вследствие гонений, все хитрости христиан были узнаны не только мандаринами, но и таможенной стражей, содержателями придорожных гостиниц и всем языческим населением, так что от этого пути по необходимости пришлось совершенно отказаться.

Остается водяной путь. Мы уже упоминали о действующих морских соглашениях между Китаем и Кореей, из которых ясно видно, что корабли этих двух государств не могут приставать один к другому. Это запрещение не нарушается ни корейцами, ни китайцами. Лучшие китайские джонки, ежегодно отправляющиеся для рыбной ловли к корейским берегам из Лехотонга, Кианг-нана, Шан-тонга, всегда останавливаются далеко от берега; и если бы решились подойти очень близко, то подверглисъ бы самому строгому обыску, так что ни просьбами, ни взятками все-таки нельзя уговорить китайский экипаж высадиться на берег. Что касается до корейцев, то между ними очень трудно найти лоцмана, способного направлять барку в открытом море к известному пункту. Они знают буссоль, называемую ими железом, указывающим юг, и в самой стране можно встретить порядочное количество этих инструментов китайской фабрикации. Но буссоль служит им только для суеверных разысканий благоприятных и неблагоприятных мест погребения. Употребление этого инструмента при мореплавании корейцам вовсе не известно, так как они на своих барках никогда не теряют берегов из виду. При этом и самые корейские суда строятся очень дурно. Будучи предназначены для береговой рыбной ловли, все они плоскодонны, так что во время отливов остаются на прибрежном песке. Волна, немного сильнее и больше обыкновенной, легко ломает их рули, а несколько свежий ветер уже вынуждает срубить мачты, которые всегда бывают очень высоки. Построить судно иначе, значило бы привлечь к себе внимание, вызвать за собой особый надзор и попасть в тюрьму за нарушение исконных обычаев. Но если бы даже удалось преодолеть все эти препятствия при постройке, если бы путешествие в Китай и обратно совершилось благополучно, успех высадки все-таки остается очень сомнительным. Всякий приход корабля с открытого моря уже по одному этому возбуждает подозрения; матросы всех ближайших судов тотчас же спешат на берег, таможенные чиновники немедленно появляются на корабле, и если найдется какая-нибудь подозрительная вещь, корабль сжигается, а экипаж предается смертной казни.

Единственным практическим способом проникнуть в Корею с моря был тот, которым миссионеры пользовались в недавнее время. Именно, выехав из Китая на джонке и условившись предварительно с корейскими рыбаками о месте и времени встречи, они ночью бросали якорь где-нибудь далеко от берега, под прикрытием одного из островов корейского архипелага, поспешно пересаживались в рыбачью барку и до света еще выхо-

дили на берег. Но этот путь, которым без помех пользовались миссионеры до 1866 года, теперь закрыт. Миссионеры Ридель и Бланк уже не могли пройти по нему в Корею в 1869 г. Берега в это время охранялись так строго, что сами они только чудом спаслись от смерти.

В сущности, после экспедиции контр-адмирала Роза, Корея более чем когда-нибудь уединилась от остального мира. В 1867 году были уничтожены ежегодные пиен-менские ярмарки во время проездов посланников; приплывающие по обыкновению китайские джонки для рыбной ловли у берегов были осмотрены до самого дна и немедленно отправлены назад с запрещением останавливаться около корейских берегов. В следующем, 1868 году, более семидесяти таких джонок было сожжено, и триста человек экипажа уничтожено без всяких причин. Один или два американских корабля потерпели ту же участь, и Соединенные Штаты в 1871 году, в свою очередь, совершили такую же бесплодную экспедицию, как и французы в 1866 году. С тех пор сельдяной промысел у берегов Кореи окончательно запрещен китайским судом, и они уже не осмеливаются подходить близко.

А между тем, корейский народ по своей натуре вовсе не враг чужестранцев. Может быть, он расположен к ним даже больше, чем китайцы; он менее высокомерен, менее враждебен всякого рода улучшениям и прогрессу, менее фанатичен в своем воображаемом превосходстве над варварами, населяющими весь остальной мир. Но правительство с ревнивою заботливостью сохраняет эту замкнутость, которую оно считает до такой степени необходимой для своей безопасности, что ни ввиду выгод, ни человечности не изменит своего образа действий. В продолжение 1871 и 1872 годов в Корее был страшный голод. Нищета доходила до того, что жители восточного прибрежья продавали своих дочерей китайским контрабандистам за четверик ржи каждую. Некоторые корейцы, пробравшиеся в Леао-тонг через леса, лежащие на южной границе, описывали миссионерам страшную картину положения страны и утверждали, что на всех дорогах можно встретить человеческие трупы. Тем не менее, Сеульское правительство предпочло дать погибнуть половине жителей, нежели заимствовать съестные припасы из Китая или Японии. Отсюда ясно, что только силой можно принудить его изменить систему. Различные экспедиции или, вернее, демонстрации, совершенные в последние тридцать лет, дурно обставленные, без надлежащей последовательности, без серьезных политических целей, добились только того, что распалили и раздразнили гордость корейского правительства, нисколько не умерив ее. Так что, с какой бы точки зрения мы ни взглянули на них, они принесли гораздо больше вреда, чем пользы, как свободе торговли, так и свободе религиозной проповеди.

Конечно, подобное положение вещей не может продолжаться, и накопившееся зло потребует сильного лекарства. Образованные народы, принужденные оберегать на крайнем востоке свой флот и свою торговлю, не будут равнодушно относиться к тому, чтобы какое-нибудь ничтожное королевство без флота и порядочно устроенной армии позволяло себе жечь корабли, подходящие к его берегам, избивать иностранцев потому только, что они иностранцы, вообще поступать вне законов всякой гуманности. Очень может быть, предел всему этому положат русские, владения которых с 1860 года сделались пограничными с Кореей. Между двумя этими странами уже возникали недоразумения по поводу границ и торговли, эти столкновения могут повториться и когда-нибудь окончатся присоединением Кореи к русской территории. Может быть, также англичане или американцы, выведенные из себя какими-нибудь новыми оскорблениями их флага, насильно введут в Корее свободу торговли. Но не мешало бы и Франции позаботиться смыть с себя позор неудачи 1866 года. Эта несчастная экспедиция, по мысли правительства, должна была наказать за избиение французских миссионеров и сделать повторение подобного варварства на будущее время невозможным. Между тем, на самом деле, она довершила только разрушение корейской церкви и повела к избиению целых тысяч христиан. Чем другим можно поправить это зло, кроме обеспечения братьям и детям несчастных мучеников полной религиозной свободы, заставив корейское правительство заключить трактаты с образованными народами и, раз заключив их, свято соблюдать?

Распространение христианства в Корее

Когда японцы в XVI столетии вторглись в Корею с многочисленной армией для подавления мятежа, почти большинство военачальников и солдат их войска исповедовало христианство. Для всякого другого, менее замкнутого народа, это соприкосновение с христианами не осталось бы бесследным и положило бы прочные зачатки христианства в стране.

Но корейцы, только отступая перед неприятелем и ограждая себя от всяких соприкосновений с ним большими опустошенными пространствами, естественно, не могли заимствовать у своих врагов начал новой религии. Неожиданная смерть японского императора положила скоро конец этой экспедиции, и единственным ее результатом для христианства было обращение около трехсот пленных корейцев, отправленных в Японию. Но никто из них не вернулся в Корею, и почти все они погибли в плену во время гонения, вскоре начавшегося там против христиан. После этого про-

шло целых два века, прежде чем над Кореей, по выражению миссионеров, «впервые взошло солнце христианства».

Мы уже говорили выше о том почете, которым пользовались в Корее китайская ученость и философия. Местные ученые не только изучали китайские сочинения, но и собирались в храмах Конфуция для обсуждений, диспутов и выяснения многого, что представлялось странным, спорным и противоречащим выработанным ими взглядам на истину. Во время своих споров они тщательно обсуждали все, что давал им в учено-философском отношении Китай. Между сочинениями, доходившими из этой страны в Корею со второй половины XVIII века, начали попадаться также и книги христианско-догматического содержания, составленные членами католической пекинской миссии. Понятно, что молодая критическая мысль корейских ученых не могла не остановиться на совершенно новых, неведомых ей до тех пор понятиях; сравнение с учениями Конфуция и Фо, а также с своим культом предков, еще сильнее заставило корейцев убедиться в большей глубине, содержательности и всеобъемлемости христианской доктрины. Естественно, начались диспуты. Такие вопросы, как о божественном верховном существе, о небе, о природе человека, о вечности и т.д., должны были породить столкновения, различные понимания, и вот в начале восьмидесятых годов прошлого столетия трое или четверо ученых прямо объявили себя сторонниками христианского учения, насколько они могли ознакомиться с ним из тех книг, которые были у них под руками и насколько они, при своей научной и философской подготовке, сумели понять его. Но уже скоро им пришлось сознаться, что многое в этом новом учении требует для них разъяснений, дополнений — словом, того, чего они не могли получить в Корее. Поэтому в исходе 1783-го года, они решили отправить в Пекин в свите корейского посольства одного из своих сторонников по имени Сенг-тун-и. Ему поручено было обратиться к пекинскому католическому епископу за разрешением всех возникших недоразумений и затем вернуться назад. И вот в 1784 году первый из корейцев, Сенг-тун-и был добровольно окрещен в Пекине, наставлен в догматах, отпущен пекинским епископом в Корею с обещанием вскоре прислать священника для новой зарождающейся церкви.

С этого времени, в лице первых сторонников христианства, начинается оживленная и успешная пропаганда нового учения. Но так как все они принадлежали к числу ученых, то и новая религия начала распространяться почти исключительно в дворянском и среднем сословиях. Простой народ оставался совершенно в стороне, так что в первые года после 1784-го года христианство в Корее следует скорее признавать за новую философскую школу, нежели за религиозное убеждение. Однако такой порядок вещей продолжался недолго, уже через несколько лет корейские христиане начали

насчитывать в своей среде много земледельцев, ремесленников и бедняков. Видя, до какой степени разрослась паства, первые учителя и обращенные задумали по примеру пекинской миссии создать собственную духовную иерархию. И вот они избрали из своей среды епископа и священников и начали совершать все таинства, отправлять богослужения и давать разрешение грехов. Трудно себе представить, говорит историк, тот энтузиазм и восторг, с которыми корейцы пользовались таинствами, совершаемыми их самозваной иерархией. Они беспрекословно подчинялись даже тем наказаниям, которые накладывали на них священники (милостыня за более тяжкие грехи, бичевание ног и т. д.). Их религиозная жажда была так велика, что не к ним приходили священники, а они сами пешком, при страшных лишениях, отыскивали своих служителей церкви, чтобы только принять участие во всех религиозных обрядах. Около этого же времени впервые возник вопрос и об обращении женщин; после небольших колебаний, совершенно естественных, если вспомнить общественное и семейное положение женщин в Корее, доступ к христианству был им открыт.

Венцом самозваного устройства корейской иерархии был наем особого дома в столице для совершения богослужений. Так устроилась и жила христианская община в Корее до 1789 года. Но в это время, при ближайшем ознакомлении с христианскими догматами, у многих священников и епископа возникли серьезные сомнения в правомерности своего посвящения, и они решились, воспользовавшись посольством, отправлявшимся в Пекин, послать к тамошнему епископу письмо с просьбой разрешить их сомнения. Нечего и говорить, что ответ епископа уничтожил всю их иерархию и утвердил за ними только одно крещение; тогда они снова обратились в Пекин с просьбой выслать им священников и разъяснить несколько религиозных вопросов. Между этими вопросами одним из самых главных был вопрос о культе усопших предков. Нужно заметить, что до сих пор корейские христиане умели соединять свою новую веру с прежнею обрядностью относительно почитания предков. Вероятнее всего, что и самый успех христианской проповеди между большинством адептов следует приписать главным образом тому, что новая религия, по их мнению, не шла вразрез с их коренными и во время многих веков укрепившимися религиозными верованиями. Надо думать, что недостаточно понятое ими христианское учение о загробной жизни и о бессмертии души отождествлялось в их понятии с их верою в возможность присутствия духов умерших предков в табличках и в нравственной необходимости почитать их чуть не до обоготворения.

Это соображение кажется нам тем более вероятным, что после ответа пекинского епископа, в котором, дав обещание выслать миссионера, он разъяснил полную несовместность культа предков с христианством, очень

многие из обращенных корейцев отказались от христианства, и такими отступниками явились не только люди низшего и среднего класса, но даже и некоторые из первых образованных и знатных столпов распространения христианства в Корее. Между тем, так как число сторонников новой веры все-таки оставалось значительно, и даже до такой степени, что, по отзывам противников, на каждый десяток более или менее важных сановников королевства приходилось по 7 или 8 человек, зараженных новым учением, то понятно, что в очень скором времени верховное правительство, подстрекаемое к тому же разного рода придворными интригами, сперва начало к неофитам относиться недружелюбно, а затем в 1791 году подняло против них настоящее гонение. Главным поводом к нему послужило именно несоблюдение христианами культа предков, т. е., иными словами, неуважение господствующей религии. Если мы вспомним, что строгое соблюдение погребальных обычаев, поклонение дощечкам умерших и их обоготворение наполняло до сих пор почти всю религиозно-нравственную жизнь корейца, если мы обратим внимание на то, что и без гонений, только после разъяснений пекинского епископа, многие первообращенники отступились от христианства, то мы, если верить автору, без сомнения должны будем с удивлением и уважением остановиться на результатах этого гонения.

Нас прежде всего поразит малочисленность отступничеств, затем удивительная стойкость, с которою корейцы-христиане переносили всевозможные дозволенные и недозволенные пытки и не выдерживали большей частью только мягких просьб, с которыми со слезами на глазах обращались к ним их престарелые родители. Эта физическая переносливость у некоторых отдельных лиц доходит чуть не до невероятного, так напр., бывали случаи, что люди после палок, в буквальном смысле слова, с оборванными и висящими по всему телу клочьями мяса, выведенные без платья на сильный мороз и облитые водой, коченея в страшных мучениях, отказывались все-таки уступить своим гонителям. Во время этого же первого гонения сложилось много чудесных рассказов о крови мучеников, сохранявшей свою теплоту в продолжение нескольких дней после казни, о телах и головах их, не разлагавшихся по несколько недель... Наконец через два года само правительство, по-видимому, устало в своих преследованиях и решилось прибегнуть к кротким мерам. Христиан начали соблазнять подкупом, доходными местами, почестями и различного рода милостями. Хотя на эти приманки и нашлось много охотников, но тем не менее в 1793 году, почти через десять лет после крещения в Пекине первого корейца, общее число христиан доходило в Корее до четырех тысяч человек. Эти верующие решились еще раз послать в Пекин за священником, и, действительно, в 1794 году, желание их было исполнено. Так зародилось, развивалось и

простояло целых десять лет христианство в Корее, как нечто органическое, исторически необходимое для страны, без всяких миссионеров и присланных иноземных священников и руководителей.

Но и прибытие первого миссионера из Китая почти не изменило хода дел. Христианство по-прежнему продолжало распространяться в силу умственных и нравственных потребностей самого корейского народа, попрежнему, естественно, росло из самого себя, не нуждаясь в искусственной миссионерской пропаганде. Факты, которые мы приведем сейчас, как нельзя более подтвердят это положение.

Перейдя с величайшими опасностями ночью 28 декабря 1794 года корейскую границу, присланный из Пекина первый корейский миссионер Яков Тсиу, родом китаец, первые месяцы по прибытии в столицу занимался приготовлением всего нужного для богослужения и изучением корейского языка. Когда, к Пасхе 1795 года, он наконец вполне приготовился, то уже через несколько дней благодаря болтливости одного корейского дворянина высшая администрация узнала о присутствии в столице иностранца-священника. Тотчас же было отдано предписание разыскать и арестовать, как его, так и всех помогавших ему проникнуть в Корею. Вовремя предупрежденный Яков Тсиу успел найти себе убежище сперва в доме одной дворянки, а затем во дворе жены опального брата короля. Во все продолжение своего пребывания в Корее Тсиу почти никуда не выходил из своих убежищ, только изредка виделся с немногими из христиан, и то с самыми надежными и преданными, которые бы его не выдали ни в каком случае. Большинство остальных христиан никогда его не видало и даже не знало, где он скрывается. Так провел первый корейский миссионер целых 7 лет; наконец, в 1801 году, видя, что преследования и казни не прекращаются, считая себя главной причиной их, Яков Тсиу решился возвратиться в Китай и, действительно, дошел даже до китайской границы. Но здесь, устыдившись ли своей трусости, или по «неисповедимому внушению благости Божьей», как выражается автор компилируемой нами книги, Тсиу изменил свое намерение, вернулся в столицу и отдал себя в руки правосудия. Во время допросов он не подвергался никаким пыткам и затем был приговорен к одной из самых почетных смертных казней, т. е. к военной, которая и была приведена в исполнение 31 мая 1801 года. Сам Далле, благоговейно преклоняющийся перед заслугами и мученичеством Тсиу, прибавляет: «...так как его убежище было окружено непроницаемой тайной, то и не следует удивляться, что корейские предания почти вовсе не упоминают об его миссионерских трудах».

Между тем, во все семь лет бездействия Якова Тсиу распространение христианства в Корее шло своим чередом. Недавно допущенные в хри-

стианство женщины оказались более ревностными пропагандистками нового учения, они обратили многих других женщин и девушек, которые, в свою очередь, внесли и распространили семена христианской веры в своих семействах. Кроме того, хотя король Тиенг-тсонг-таи-оанг, человек от природы мягкий и добрый, и не соглашался на поголовное гонение христиан, но единичные преследования и казни были им все-таки допущены благодаря проискам и доносам придворных. Эти отдельные случаи действительного мученичества корейских христиан, их замечательное мужество и непоколебимость в вере, их несокрушимая твердость убеждений и какое-то фанатическое блаженство и радость во время самых жестоких физических мучений действовали обаятельно на толпу, пробуждали в этом забитом народе инстинктивное чувство сознания свободы человеческой мысли и духа, опьяняли возможностью хотя ценою жизни скинуть с себя цепи векового ярма, иметь право хоть раз в жизни протестовать против всего, что вынесено и выстрадано, и, понятно, только увеличивали ряды преследуемых. Еще многочисленнее сделались случаи обращения после смерти короля Тиенг-тсонга, когда учредившееся по малолетству нового короля регентство объявило в 1800 году поголовное гонение. Несмотря на многочисленные казни во всех провинциях, в продолжение целых полутора лет, в 1801 году, ко времени казни патера Тсиу, число христиан в Корее возросло уже до 10 тысяч. Замечательно также то, что большинство отрекшихся от христианства во время первого гонения теперь добровольно отдало себя в руки мучителей и геройски искупило свое прежнее малодушие. Во время этого же гонения правительство впервые нарушило исконный обычай страны, дозволив телохранителям проникать в женские половины даже дворянских домов и арестовывать заподозренных женщин и рабынь.

Говоря о гонении 1800–1802 годов, мы не можем не привести здесь одного любопытного отзыва о христианстве, сделанного каким-то мандарином и до сих пор считаемого корейскими язычниками за полное выражение существа евангельского учения. «Та религия,— говорит мандарин,— предписывает презирать родителей, так как она повелевает презирать и умерщвлять плоть, созданную ими; она предписывает считать короля своим врагом, так как признает управляемый королем мир врагом человека; наконец, она уничтожает все человечество, проповедуя, что девство лучше брака». Нельзя не сознаться, что этот корейский софист был бы большой находкой для еврейских фарисеев времен земной жизни Иисуса Христа.

Гонением 1802 года, собственно говоря, оканчивается внутренняя история распространения христианства среди корейского народа. С тех

пор корейская жизнь не создала ни одной новой социальной причины, которая могла бы увеличить число адептов Христовой веры. Тот же государственный и социальный деспотизм продолжал вынуждать многих искать какого-нибудь выхода из общего гнетущего строя, и христианство, одинаково доступное и знатному и незнатному, и богачу и бедному, не могло не привлекать к себе многих, давая возможность успокаиваться духом всем труждающимся и обремененным без всякого отношения к их сословному происхождению. Но, как и всегда бывает в подобных случаях, для малоразвитой массы адептов, может быть, это-то именно равенство и служило главной притягательной силой, может быть, для очень многих исповедание христианство было не столько делом религии, сколько политического протеста. Отсюда станет понятным, почему, в свою очередь, и высшее корейское правительство с самого начала нынешнего столетия и до сих пор смотрит на христиан, как на людей вредных в политическом отношении. Этим вполне объясняются неоднократные гонения, которые корейское правительство производило против христиан в продолжение последних семидесяти лет, и то положение «не войны и не мира», как выражается автор компилируемой нами книги, в котором находилось христианское население Кореи в промежутки между гонениями.

Рассматривая внутреннюю историю развития христианства в Корее, нельзя не указать также и на то, что, по мере того, как гонения становились сильнее и чаще, число женщин-христианок увеличивалось все больше и больше и случаев отступничеств между ними встречается несравненно меньше, чем между мужчинами. Столь же пылкие и впечатлительные, по сравнению с мужчинами, как и женщины всех других стран, корейки не могли относиться равнодушно к поражающей стойкости мучеников. Они видели в них героев, перед которыми следует преклоняться, которым можно беззаветно верить и которых нельзя не боготворить. И вот, обоготворяя этих героев и, следовательно, и все, что составляло их внутреннюю и внешнюю жизнь, они преклонились и перед их верой и в качестве жен и матерей, может быть, послужили более распространению христианства, чем сами миссионеры.

Что касается до внешней истории корейского христианства, начиная с 1802 года до 1870, то она крайне однообразна. До 1836 года в Корее не было ни одного миссионера, хотя еще в 1831 году, она была возведена папским декретом в викариатство. Все это время так называемого «ни войны, ни мира» прошло, с одной стороны, в преследованиях и казнях единичных лиц, а, с другой — в попытках миссионеров проникнуть в Корею. Наконец, с 1836 по 1839 год трем католическим миссионерам удалось

вступить в Корею, но все они погибли во время гонения 1839 года. С этого года до 1846 года Корея оставалась опять без миссионеров, но, начиная с 1846 года, миссионеры начали пробираться в Корею не сухим путем, как прежде, а морем, и в 1866 году общее число их в стране достигло до 12. Нечего и говорить, что единичные преследования и казни не прекращались и с 1846 года. Промежуток времени между этим годом и 1866 был самым благоприятным для католиков-миссионеров: число христиан возросло до 18 с лишком тысяч, на корейский язык было переведено несколько религиозных книг, устроено было для их печатания две типографии, составлена корейская грамматика, два лексикона, о которых мы упоминали выше, история корейских мучеников, ботанические, зоологические и геологические заметки о Корее, образована коллегия для подготовления мальчиков к священническому сану, 6 молодых корейцев было послано в католическую миссию в Китай для получения там высшего богословского образования; словом — корейская миссия переживала самое цветущее время, как вдруг в 1866 году разразилось страшное гонение, жертвою которого сделались несколько тысяч христиан, 9 миссионеров и все их ученые труды. Оставшиеся в живых 3 миссионера удалились в Китай, и Корея снова до настоящего времени остается без миссионеров-патеров.

Заканчивая историю распространения христианства в Корее, считаем не лишним сделать одну оговорку. Читатель, вероятно, заметил, что мы до сих пор, говоря о корейцах, употребляли только такие выражения, как «христиане, последователи евангельского учения, адепты Христовой веры» и т. п. и нигде не называли их католиками, несмотря на то, что проповедниками христианства в Корее были только католические миссионеры. Эта терминология употреблена нами не без основания. Внимательно прочитав оба тома истории церкви в Корее миссионера Далле, мы, по крайней мере, пришли к тому убеждению, что корейское христианство меньше всего развивалось посредством и благодаря миссионерам, оно шло, если позволительно так выразиться, скорее — самоучкой, при этом корейцы усваивали себе почти только одни общие евангельские истины, присущие всему христианскому миру, не вдаваясь ни в какие догматические подробности, которые в действительности служат главным поводом к разделению церквей. Кроме того, благодаря преследованиям, келейности при отправлении треб, отсутствию церквей, материальных средств и сравнительно очень непродолжительному по времени присутствию миссионеров в Корее, даже и обрядовый католицизм остался почти совершенно чужд корейцам. Мы думаем тем менее ошибиться в этом случае, что даже сам наш пристрастный к своей вере и к своему делу автор в одном месте говорит: «Корейцы,

в отсутствие миссионеров, мало обучаются в вере. Они не равнодушны к религии, но благодаря своему ограниченному уму, воображают, что учиться вере совершенно бесполезно». Вследствие всего этого мы, по крайней мере, полагаем, что корейцы пока не принадлежат в полном смысле слова к католицизму. Мы были бы вполне довольны, если бы наше замечание обратило на себя внимание русских миссионеров и Корея не увеличила бы собой числа стран, обреченных на невежество и суеверие — этих родных детей католического клерикализма.

Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 1, вып. 1–3 (Приложения). СПб, 1875

ДОНЕСЕНИЕ МИНИСТРА-РЕЗИДЕНТА В ЯПОНИИ К.В. СТРУВЕ Н.К. ГИРСУ

Иедо, 26 февраля/ 9 марта 1876 г.

Милостивый Государь Николай Карлович,

В донесении моем светлейшему князю канцлеру от вчерашнего числа я изложил все, что до сего времени мне сделалось известным о трактате, недавно заключенным между Японией и Кореей[1]. В дополнение к этим сведениям имею честь представить ныне вашему превосходительству еще некоторые подробности об этом предмете.

Общая радость, возбужденная этим дипломатическим успехом не только между правительственными лицами Японии, но и в народе (за исключением недовольных самураев), объясняется нежеланием быть вовлеченными в войну, казавшуюся неизбежной. Отправление в Корею послов для установления правильных соседственных и торговых сношений с этой страною состоялось отчасти в угоду Сацумских самураев, которые рассчитывали на неуспех посольства и хотели тогда заставить правительство послать экспедицию для наказания корейцев. Одновременно с отправлением посольства правительство вынуждено было приступить к приготовлениям к войне. Оно устроило большие склады военных припасов на севере острова Кию-сю у Симоносекского пролива и стало стягивать туда войска. Весьма возможно и даже вероятно, что это было сделано с целью, чтобы посольство было принято недружелюбно... Но в то же время выбор именно этого места, недалеко от Сацумской провинции, заставляет думать, что японское правительство замышляет о подавлении силой оружия всяких волнений со стороны Сацумы, могущих возникнуть вследствие восстановившегося ныне согласия с Кореей.

Невыгодная сторона этого успеха может заключаться в возбуждении чрезмерной самонадеянности, которая прежде уже существовала в

[1] Японо-корейский («Канхваский») договор, подписанный 26 февраля 1876 г. (*прим. сост.*).

японцах, а теперь, вероятно, еще более обнаружится в сношениях с иностранцами. Печать, как японская, так и местная европейская, стала распространяться о нравственной победе Японии над Кореей, сопоставляя неожиданных успех посольства с неудавшимися в прежнее время попытками французов и американцев, и указывает, что Япония путем мирных переговоров достигла таких результатов, каких ни те, ни другие не могли добиться силой оружия.

Весьма возможно, что в близком будущем некоторые из иностранных держав захотят пойти по следам японцев и пришлют в Корею свои эскадры и уполномоченных для заключения выгодных договоров. Быть может, настало время теперь и для нас заняться этим близким соседом и заставить корейское правительство отменить существующее для жителей Кореи запрещение переходить для заработков в наши пределы. От торговых сношений с этой страною нельзя ожидать больших выгод. Японцы, посетившие ныне Корею, вывезли жалкое понятие о благосостоянии народа и естественных богатствах страны. Они все в один голос толкуют теперь о чрезмерной бедности жителей, о жалком их быте и низкой степени развития промышленности и даже земледелия.

Золото там не встречается, серебряных монет также очень мало в обращении. Монетную единицу составляют дзени (около 1/74 копейки); 8 дзени достаточно для пропитания человека в сутки. Податей собирается с народа около 70 миллионов дзени (10 тысяч руб.) деньгами и столько же, приблизительно, натурой, т.е. рисом. На это содержатся: король, его министры и многочисленные чиновники.

Я не берусь судить, насколько верны эти сведения о бедности Кореи; быть может, японцы их теперь с намерением распускают, чтобы отбить охоту у европейцев вступить в сношения с этой страною. Но вряд ли это их удержит. Я был бы весьма счастлив, если бы министерство удостоило меня сообщением вашего взгляда на будущие отношения наши с Кореей и уведомило меня о предложениях правительства по отношению к этой стране.

С отличным почтением и проч. *К. Струве*

Архив внешней политики Российской империи. —
Фонд «СПб. Главный архив, 1–9». Опись 8, 1871 год.
Дело 8.— Листы 25–27

М. И. Венюков

РОССИЯ И КОРЕЯ

Не одна русская Азия служила предметом исследования для русских ученых: их труды охватили и соседние страны: Японию, Корею, Маньчжурию, Монголию, Чжунгарию, Восточный Туркестан, Китай и даже Тибет... Восточный берег Кореи рисуется на европейских картах по русским определениям, сделанным с судов адмирала Путятина...

Отношения наши с Кореей до сих пор очень односторонни, но нельзя сказать, чтобы совершенно ничтожны, как можно бы думать потому, что между правительствами нашим и корейским нет дипломатической переписки. Не забудем, что нами принято в Амурский край более трех тысяч корейских выходцев, которых выдачи корейские пограничные власти неоднократно требовали. Кроме того, одно из наших военных судов, лодка «Соболь», за неуважение к русскому флагу уже бомбардировало в 1869 г. одну корейскую деревню, а в одном из ближайших к этому времени годов русская пограничная стража сожгла несколько корейцев, вопреки запрещению перебравшихся на нашу территорию и вздумавших было сопротивляться в одной брошенной китайцами фанзе. Это, следовательно, такие прецеденты, которые в случае открытия Кореи для иностранцев – к чему Япония недавно проложила дорогу – будут не в нашу пользу. Но как будущее предвидеть трудно, в настоящее же время Корея для России есть политическая *terra incognita*, то и говорить об отношениях к ней здесь нет никакой нужды...

Весьма недавно, именно в 1875 году, Япония добилась открытия для себя трех портов в Корее, отказавшись при этом от всех домогательств на вассальную зависимость этой страны. Обстоятельство это кладет начало важному международному вопросу об **открытии доступа в Корею** всем иностранцам, из которых французы и американцы уже ранее пробовали добиться такого открытия вооруженною силой. В настоящем 1877

году попытка повторяется англичанами, и кажется, что будет успешнее. У французов есть уже счеты с Кореей за католических миссионеров, украдкой пробравшихся в эту страну и подвергавшихся там гонениям: это даст, сверх общего корейского вопроса, **корейско-миссионерский**.

Венюков М. И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. СПБ, 1877, с. 103–104, 130–131, 258

ПИСЬМО ИЗ КОРЕИ[1]

На юго-восточном берегу Кореи, прилегающем к Японии, находится бухта Фузан, на берегу которой образовалось со времени похода Хидеиоси (около 300 лет тому назад)[2] японское поселение из купцов, переселившихся туда с острова Цусима. Это довольно маленькое место было прежде окружено оградою, кругом которой были расставлены корейские караулы, чтобы не дозволять японцам проникать вовнутрь страны, но, после заключения трактата[3], эта ограда была снесена и караулы сняты, и место значительно расширено и теперь вследствие разных построек и перестроек начинает понемногу принимать вид торгового порта.

Японское селение или квартал имеет две улицы: Бентен-маци и Хонцеио, и третью набережную, на которой выстроены магазины для склада товаров. На горе построены дома японских чиновников, с которых очень красивый вид на море, а окружающая их роща кедровых и сосновых деревьев придает им особенно уютный и приятный вид. Недалеко от японского селения, возле берега моря, есть небольшое место с живописным холмом, на котором находится старая часовня, поставленная в память полководца Киомаса, убитого в Корее во время похода Хидеиоси. Это место, прежде запущенное и загаженное корейцами, теперь очищено по распоряжению нашего начальника селения, г. Кондо, и на нем устраивается публичный сад. По его же распоряжению вычищены река, протекающая чрез наше селение, и все канавы и колодцы. Вообще в последнее время здесь идут оживленные работы: воздвигаются новые дома, старые перестраиваются, улицы исправляются; все эти работы совершенно изменили прежний вид

[1] Письмо это благосклонно доставлено географическому обществу г. товарищем министра иностранных дел Н. К. Гирсом.

[2] Неудачная попытка правителя Японии Тоётоми Хидэёси завоевать Корею в 1592–1598 гг. (Имджинская война) (*прим. сост.*).

[3] Японо-корейский торговый договор 1876 г. (*прим. сост.*).

Фузана, так что теперь уже ничего не осталось похожего на то, что было три года тому назад.

В настоящее время в Фузане находится постоянных жителей-японцев более 200 человек и временно живущих около 250; на рейде стоят около 30 японских судов, привезших сюда японские товары. Хотя здесь климат довольно хороший, съестных припасов и вина вдоволь, и все дешево, тем не менее, без друзей, газет и женского общества здесь скучновато жить.

По корейским законам строго запрещено туземным женщинам посещать японское селение, и нарушение этого запрещения наказывается смертной казнью. Вследствие неурожая риса, бывшего в прошлом году, многие голодные женщины из бедного сословия стали тайно приходить к нам в селение по ночам и просить пищи. Наши японцы охотно стали помогать им и раздавать пищу, одежду и проч., кто что мог. Встретив такое сочувствие, многие из этих женщин начали оставаться в японском селении по дням, а некоторые даже совсем поселились жить, несмотря на увещевания японцев. Когда корейское правительство узнало об этом, оно сейчас прислало своих полицейских чиновников, которые и захватили всех этих несчастных женщин и отвели их куда следует для приведения в исполнение жестокого закона. Несмотря на это, голодные женщины по-прежнему продолжают приходить к нам по ночам и просить пищи.

Это бесчеловечное преследование умирающих от голода женщин напоминает мне времена токугавского правительства[4], которое, будучи вынуждено впустить в пределы Японии иностранцев, заперло их в иностранные кварталы и старалось всеми мерами не допускать к ним японцев и в особенности японок.

Едва ли еще найдется на земном шаре такое правительство, которое так бесчеловечно обращалось бы со своим народом, как корейское, и едва ли где-либо рабство так сохранилось, как здесь. За народом в Корее не признается никаких прав, и правительство смотрит на своих подданных как на животных, созданных только для того, чтобы работать и трудиться на благо его и его чиновников. Если узнается, что у кого-либо в народе завелись деньги, то приказывается немедленно их представить в казну; в противном же случае виновник подвергается наказанию. Это в некотором роде напоминает ту систему взимания денег с народа, которая практиковалась в прежние времена в Японии, с той только разницею, что у нас ограбленный награждался правом носить фамилию и саблю, а в Корее это считается лишним. Вследствие таких парадоксов бесправия и рабства, простой народ в Корее находится в самом жалком состоянии бедности и угнетенности,

[4] Токугава — династия правителей Японии в XVII–XIX вв. (*прим. сост.*).

которые производят тем более грустное впечатление, что нигде не видно стремления выйти из этого положения. Каждый считает себя счастливым, если имеет чем утолить голод и жажду, а о лучшей жизни не мечтает, зная наперед, что все будет отобрано, если что-либо лишнее и заведется; поэтому здесь сложилась пословица: «Богатый плачет, а бедный спит»; она хорошо характеризует здешние порядки. Задавленный грубым правительством народ безропотно переносит всевозможные несправедливости и притеснения властей, которые, будучи уверены, что никто из народа не решится возвысить голос протеста против их алчности, не боятся делать то, что им вздумается. Об обязанности заботиться о благосостоянии народа им неизвестно. Во время последнего неурожая множество бедных людей умирало от голода, а власти оставались совершенно безучастными зрителями этого народного бедствия, как будто они всего этого не замечали. В другом месте существование подобных порядков было бы немыслимо, и подобное правительство было бы низвергнуто, но здесь, в Корее, при настоящем неразвитии и задавленности народа, подобные порядки будут, вероятно, существовать еще долго; разве только какой-либо внешний толчок не изменит их и не улучшит положения этого несчастного народа.

Сколько я мог заметить, в простом народе мужчины менее трудолюбивы, чем женщины; первые большую часть времени дня спят или лежат себе дома без всякого дела, в то время как последние выполняют почти все работы, как полевые, так и домашние, и почти все они содержат своих мужей. В среднем классе и в высшем этого нет, но зато здесь почти каждый содержит, кроме жены, еще несколько наложниц, а у важных чиновников их бывает до десяти.

В Корее бывают два раза в год, в феврале и сентябре, большие ярмарки: одна на юге, другая на севере государства. Эти ярмарки бывают очень оживленные, и на них стекается очень много народа со всех концов государства для продажи и покупки вещей. На южную ярмарку привозится много вещей японских, которые очень охотно раскупаются корейцами; на северную ярмарку приезжает много купцов китайских со своими товарами.

Мужской корейский костюм очень похож на японский, который носили прежде чиновники Микадо и который, по всей вероятности, и был заимствован нами из Кореи; женский же костюм имеет более сходства с костюмом, который носят китаянки. Корейцы заслуживают большую похвалу в том отношении, что они, не только женщины, но и мужчины, никогда не показываются на улице или в других публичных местах полураздетыми, как это делается у нас, в Японии. Земледельцы, чернорабочие, шлюпочники и проч. работают всегда одетыми; даже нищие стараются всегда прикрывать чем-нибудь свое тело. Когда живущие здесь наши

соотечественники гуляют по улицам с поднятыми полами халата или же сидят голые в комнатах с раскрытыми щитами (дверьми), то корейцы над ними смеются и называют их дикарями.

В сношениях с японцами корейцы очень дружелюбны и в разговоре употребляют самые вежливые выражения, но манеры и движения их очень неграциозны и неприличны; они в этом отношении совершенно походят на китайцев.

Многим японским купцам, недавно приехавшим сюда, приходится вести разговор с корейскими покупателями посредством китайского письма. Пользуясь этим, корейцы стараются просиживать по нескольку часов в лавках японцев, чтобы купить безделицу, чем страшно надоедают последним. Если кореец купил два-три раза у японца, он считает его уже своим другом и на следующие разы берет товары в долг. Когда же японцы отказывают им в этом, корейцы сердятся и упрекают их в малодушии и нерасположении к ним. Кроме этого обычая, есть еще и другой, более странный, с которым японцы никак не могут свыкнуться. Очень часто бывает, что кореец, пришедши в лавку, купит вещь, просит его угостить вином и накормить обедом. Если же японец откажется это исполнить, то кореец с негодованием начинает его упрекать в нежелании японцев жить с ними в дружбе. Вследствие ли неурожая, приведшего многих к крайней бедности, в последнее время корейцы стали очень часто похищать вещи в лавках у японцев. В то время, когда кореец одной рукой пишет то, что ему нужно, он другой рукой кладет краденую вещь за пазуху и делает это так ловко, что решительно нельзя этого заметить.

Религия в Корее буддийская и находится в самом цветущем состоянии. Около десяти лет тому назад в Корею приезжали французские миссионеры с целью распространения здесь христианства. Они высадились на острове Коква и в некоторых других, близлежащих к нему местах, где и начали проповедовать Евангелие. Лишь только правительство узнало об этом, оно немедленно приняло энергические меры против миссионеров и часть их выслало, а остальных убило. В японском селении существуют еще остатки буддийского храма, который был построен здесь японскими монахами много лет тому назад. Жившие в нем монахи занимались преимущественно изучением Кореи, ее истории и проч., а также заведовали перепиской, которая велась между японцами и корейцами. Недалеко от храма находится японское кладбище, заставленное сплошь несколькими тысячами памятников, надписи которых показывают, что большая часть похороненных под ними японцев были уроженцы острова Цусима. Здесь, в Японском квартале, есть также японский госпиталь, старший доктор которого, г. Яно, очень добрый и знающий свое дело человек, оказывающий помощь всем,

кто к нему обращается. Каждый день приходит к нему много корейцев больных, которых он лечит совершенно бесплатно. В нынешнем году во время тифозной эпидемии он оказал большую услугу, избавив несколько десятков людей от неминуемой смерти. Недавно приходил к г. Яно кореец, у которого рука была несколько лет парализована. Можете представить удивление корейца, когда он, после нескольких сеансов гальванического лечения, начал свободно владеть рукой.

12 июля 1877 года[5].

Известия Императорского Русского географического общества. 1877. Т. 13, вып. 5, с. 370–373

[5] Автор письма не указан. Из текста видно, что это кто-то из японцев в Пусане (*прим. сост.*).

СЕКРЕТНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА В ПЕКИНЕ А. КОЯНДЕРА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.К. ГИРСУ

Пекин, 24 июля (5 августа) 1881 г.

Милостивый государь Николай Карлович,

Вопрос о вступлении Кореи в сношения с иностранцами, насколько мне известно, весьма мало подвинулся вперед за последнее время. Из газетных известий можно было видеть, что партия, которая желала заключения договоров с разными державами и которая одно время казалась как бы господствующею в Сеуле, потеряла вновь свое значение и наиболее видные ее представители даже будто бы вовсе исчезли с горизонта. Сведения эти большею частью доходили до печати чрез корейцев, приезжавших в недавнее время в Японию, и поездка которых первоначально имела, по слухам, целью официальное ознакомление с благами цивилизации, принятой этою страною, но после происшедшего в Сеуле изменения в настроении, получила простой характер путешествия нескольких частных лиц.

Впечатление, которое, по-видимому, было вынесено из доходивших сюда известий прибывающими в Пекин иностранными представителями, то, что благоприятный момент для открытия Кореи теперь уже упущен. По крайней мере, все посланники высказались и продолжают высказываться в этом направлении. При бывшем недавно разговоре между великобританским представителем и германским коллегой, первый выразил сожаление, что г. фон-Брандт не воспользовался обстоятельством минувшей осени, чтобы сделать серьезную попытку вступить в сношения с Кореею. Германский посланник возразил своему собеседнику, что открытие полуострова наиболее выгодно было бы для Англии, имеющей здесь первенствующее торговое значение, и потому англичане и должны были бы первыми приложить свои старания к заключению с корейцами договора. Тогда сэр Томас Уэд сознался, что ему приходила мысль сделать попытку в этом направления, но что, будучи уверен, что Россия, имевшая в то время сильнейшую в здешних водах эскадру, несомненно, обратит

внимание на Корею, он побоялся, как бы подобные его действия не были использованы как направленные против русских или внушенные недоверием к ним, и потому воздержался тогда от всякой инициативы в этом деле. Французский посланник г. Бурэ передавал мне, что на указанную им своему правительству возможность открытия нами Кореи (или, вероятно, занятия нами какой-либо бухты в этой стране) и на просьбу инструкций, ему было поручено по телеграфу из Парижа не принимать на себя какой-либо выдающейся роли, но следить за происходящим и действовать сообразно с обстоятельствами, так как правительство Республики, не желая, из внимания к нашим интересам, быть первым в Корее, в то же время не хочет, однако, быть и последним. Что касается посланника Соединенных Штатов, то и он высказывает мнение, что благоприятный момент едва ли уже не упущен в настоящее время. Однако, несмотря на скрытность г. Энджеля и на тайну, которою американцы окружают свои действия, существуют некоторые признаки, заставляющие предполагать, что они не оставили своих намерений и что ими продолжают делаться попытки к вступлению в сношения с Кореею.

В предыдущих моих донесениях по сему же предмету я имел честь упомянуть об американском коммодоре Шуфельдте, который в минувшем году посетил Корею и который должен был возвратиться сюда с целью продолжать начатое им тогда дело. Как я узнал из достоверного, хотя и секретного источника, генерал-губернатор Ли-хун-чжан предлагал в прошлом году Шуфельдту перейти на китайскую службу с тем, что ему будет поручено командование китайским флотом, для переговоров о чем американский коммодор нарочно приезжал тогда в Тяньцзынь. Но правительство Соединенных Штатов объявило в то время, что оно дозволит своему офицеру поступить на китайскую службу лишь в том случае, если Срединная империя будет находиться в мире и дружбе со всеми другими державами. Возвратившись в Вашингтон, г. Шуфельдт представил своему правительству записку, выдержки из которой были напечатаны в газетах и в которой он ратовал за необходимость для Соединенных Штатов вступить в сношения с Кореею и указывал на то, что, если западноевропейские государства захватили в свои руки торговлю и мореплавание в Атлантическом океане, то Восточный океан со всеми его берегами и островами должен сделаться исключительно достоянием американской предприимчивости и несомненного влияния Соединенных Штатов, которое должно быть направлено к противодействию честолюбивым замыслам России. Вскоре по представлении этой записки г. Шуфельдт был назначен состоять морским агентом при миссии в Пекине. Он приехал в Китай около месяца тому назад и, пробыв несколько дней в столице, отправился в Тяньцзинь, где,

по-видимому, он намерен основать свое местопребывание. До сих пор я еще не могу узнать, какая именно главная цель прибытия сюда коммодора: подача ли советов китайскому правительству по организации его морских сил, или же заключение первого договора с Кореею. Как сам г. Шуфельдт, так и г. Энджель держат эту цель в большой тайне и уклоняются от всяких ответов на ставимые им вопросы.

С другой стороны, здесь не перестают от времени до времени возникать слухи о посылке корейским правительством разных агентов в Тяньцзинь и Пекин для ознакомления с основаниями, на которых происходят сношения Китая с иностранными державами. Говорят даже, будто бы Ли-хун-чжан, еще задолго до приезда в Тяньцзинь г. Шуфельдта, составил проект договора между американцами и корейцами, который и был послан им на рассмотрение в Сеул. Проект этот, если он в самом деле существует, был, вероятно, выработан той комиссиею, которую назначил Ли-хун-чжан весной нынешнего года для рассмотрения оснований вступления Кореи в сношения с внешним миром и о которой я имел честь упомянуть в донесении от 24 марта (5 апреля) с.г.

Получив секретную телеграмму вашего высокопревосходительства от 15 истекшего июня, я, ввиду пребывания коммодора Шуфельдта в Тяньцзине и возможности стараний с его стороны к вступлению в сношения с корейцами, счел своим долгом, при последнем свидании с министрами, завести с ними речь о Корее. Напомнив им, что я неоднократно указывал им на нелепость распространявшихся слухов о каких-то наших замыслах на этот полуостров, я выразил надежду на то, что теперь, с отбытием из здешних вод большей части наших военных судов, китайцы вполне убедились в несправедливости раздававшихся против нас обвинений. Но, сказал, если,— как это стало очевидным для всех,— мы не имеем никаких поползновений на Корею, то, с другой стороны, нам невозможно оставаться равнодушными к тому, что происходит в этом владении, нам пограничном, а потому представляющем для нас большой интерес. До меня в последнее время неоднократно доходили сведения о попытках, делавшихся различными иностранцами, вступить в сношения с этою страною; по слухам, как центральное китайское правительство, так и Ли-хун-чжан дали сеульскому правительству совет заключить договоры с иностранцами, я просил бы министров сказать мне, что есть справедливого в этих слухах и что вообще им известно о ведущихся переговорах.

Сановники мне заметили, что они вполне понимают, что императорское правительство не может совершенно безучастно относиться к происходящему на его границах. На поставленный вопрос они ответили, что король Кореи не прочь от открытия своей страны иностранцам, но что он

встречает очень сильное сопротивление со стороны народа и что поэтому вопрос этот далеко еще нельзя признать решенным.

Воспользовавшись тем, что на этот раз министры, против своего обыкновения не выказали нежелания говорить об этом предмете, я спросил у них: неужели они считают открытие Кореи выгодным или желательным для Китая? Мне известно, сказал я, что некоторые иностранные представителя точно так же, как и китайские сановники, указывали как корейцам, так и здешнему правительству на заключение Кореею договоров, как на единственное средство, могущее гарантировать эту страну от покушений России и Японии. Подобное мнение не выдерживает критики. Трактаты, заключенные Люкийским князем[1] с Соединенными Штатами и с Францией не только не спасли этот архипелаг от захвата его Япониею, но даже послужили последней аргументом к тому, чтобы не признавать Люкийского владения вассалом Китая и стараться устранить вмешательство последнего в это дело. Тунис имел трактаты почти со всеми иностранными державами, что не помешало Франции самовластно там распорядиться, когда она признала это нужным. Смело можно сказать, что сношения с иностранцами не спасли бы и Корею, если бы кто-либо серьезно думал о ее завоевании. Между тем утверждение иностранцев в Сеуле, так сказать, у ворот Пекина, прямо невыгодно для здешнего правительства. Пока Корея закрыта, наибольшим влиянием на нее пользуется, конечно, империя богдыханов; после появления там иностранцев, влияние это несомненно ослабнет и заменится другими, часто враждебными Китаю влияниями, так что, при известных обстоятельствах, здешнее правительство может встретить немало хлопот со стороны до сих пор спокойного и безобидного своего вассала. Усилия, делаемые в настоящее время иностранцами вступить в сношения с последним, едва ли не имеют именно этой затаенной цели. Меня крайне удивляет поэтому, каким образом эти соображения были упущены из виду таким умным государственным человеком, как Ли-хун-чжан, по слухам советовавшим корейскому королю открыть свою страну для иностранцев.

Вышеизложенные заявления были приняты министрами, по-видимому, сочувственно, по крайней мере, они неоднократно выражали свое согласие с проводимыми мною мыслями. Они сказали, что как Ли-хун-чжан, так и они сами писали в Сеул в том смысле, что открытие страны хотя и имеет свои выгоды, однако сопряжено и с большими неудобствами; они отрицали, хотя и весьма слабо, тот факт, что советы, данные ими корейцам, были вызваны опасениями чьих-либо захватов, сказав, что в этом деле они ограничились лишь ответами на вопросы, которые им были поставлены из

---

[1] Правитель о-вов Рюкю (Люкю), включенных в 1870-х гг. в состав Японской империи (*прим. сост.*).

Сеула насчет оснований, на которых Китай имеет сношения с иностранцами, причем они будто бы указали корейскому правительству на то, что при бедности полуострова, даже торговые сношения принесут ему весьма мало выгоды. На замечание мое, что Ли-хун-чжану следовало бы просто подать приезжавшим в Тяньцзинь корейцам совет оставаться в том положении, в каком их страна находилась до настоящего времени, министры сказали, что генерал-губернатор не мог прямо отказать в обращенной к нему просьбе.

Ввиду подозрительности, с которой министры богдохана обыкновенно относятся ко всем действиям и заявлениям иностранцев вообще, и чуть ли не русских в особенности, я не счел возможным сказать им, что открытие Кореи было бы столь же мало в наших интересах, как и в их собственных. Я опасался, как бы подобное заявление не повело к результату прямо противоположному тому, который для нас желателен. Поэтому я, напротив, объявил министрам, что если Корея заключит договор с которою-либо из держав, то мы рассчитываем, что правительство богдахана поможет своим влиянием и нам войти в сношения с этою страною. Собеседники мои ответили мне, что, открыв полуостров для одной державы, правительство оного должно будет открыть его для всех других, и повторили мне, что они вполне понимают, что для России, как для соседа Кореи, все происходящее там имеет больший интерес, чем для других держав.

Общее впечатление, вынесенное мною из разговора с министрами, то, что они сами не желали бы видеть Корею вступившей в сношения с иностранцами. Напуганные в прошлом году перспективой столкновения с нами и возможного занятия нами или японцами этого полуострова, здешние государственные люди подали правительству оного совет — открыть свою страну, не сообразив, что сношения с внешним миром едва ли могут гарантировать чью-либо безопасность или независимость. Теперь они сами желали бы, чтобы встречаемые тамошним правительством настроения народа и известной правительственной партии оказались довольно серьезными, чтобы остановить начавшееся движение. Трудно предположить, чтобы данные мною советы повели к какому-либо практическому результату; единственное, на что еще можно надеяться — это то, что, при своей подозрительности, китайцы теперь воздержатся от дальнейших настаиваний перед сеульским правительством на необходимости для него вступить в сношения с внешним миром. Но и за это трудно поручиться.

Какое бы, впрочем, положение не занял Китай в дальнейшем развитии этого вопроса, едва ли может быть сомнение в том, что иностранцы в очень недалеком будущем добьются доступа в Корею. Открыв сию страну для японцев, сеульское правительство само сделало первую брешь в

стене, которою оно до сих пор себя окружало, и иностранные державы не пожалеют, конечно, усилий к тому, чтобы проникнуть вслед за японцами в заповедную страну. Трудно предположить, чтобы которая-либо из них прибегла в настоящий момент к силе оружия для того, чтобы достигнуть этой цели, разве сами корейцы подадут к тому повод, разграбив, например, какое-либо потерпевшее крушение у их берегов иностранное судно и отказав в удовлетворении потерпевших. Но и не прибегая к этой крайности, одною настойчивостью они, весьма вероятно, добьются своего. Кроме того, могут опять встретиться случайности, которые помогут им убедить корейцев в необходимости открытия своей страны. Одною из подобных случайностей могло бы быть столкновение Китая с Японией из-за Люкийского архипелага. Если обе державы не найдут почвы для соглашения и решатся разрешить свой спор силою оружия, то Япония, без сомнения, воспользуется случаем, чтобы занять некоторые местности в Корее и утвердиться на полуострове. Подобный исход был бы, как мне кажется, более противен нашим интересам, чем даже открытие Кореи для всех иностранцев, и я позволю себе выразить мнение, что, в случае если бы столкновение между двумя державами крайнего Востока сделалось неизбежным, нам едва ли не следовало бы дать понять в Токио, что мы не можем оставаться равнодушными к какому-либо покушению на неприкосновенность или независимость соседнего нам полуострова...

С глубоким почтением и проч. *А. Кояндер.*

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «СПб. Главный архив, 1–9». Опись 8, 1881–1882 гг.
Дело 28 — Листы 149–156 об.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГИРСУ

С.-Петербург, 23 апреля 1882 г.

Милостивый государь Николай Карлович,

По дополнительному договору, заключенному в Пекине 2-го ноября 1860 г., границы наши на крайнем Востоке достигли реки Тумень-Ула и мы сделались соседями Кореи.

Полная замкнутость этой страны, выгодная для нас в том смысле, что обеспечивала ее нейтральность и, позволю себе сказать, малое обращение нами внимания на события в этих отдаленных, хотя и пограничных нам местах, повели к тому, что мы, в течение более 20 лет, не вошли ни в какие определенные сношения с Кореей. Не было между нами крупных недоразумений, но зато не установилось и прочных дружеских пограничных сношений. Впрочем, мы давно уже получаем из Кореи кое-какие жизненные припасы и продукты, крайне необходимые для нашего населения в Южно-Уссурийском крае.

В то время, когда Россия не обращала никакого внимания на Корею и даже умышленно уклонялась от вступления с нею в сношения, дабы не подать повода другим государствам добиваться того же, обстоятельства быстро изменились. Корея сделалась яблоком раздора между Китаем и Японией и привлекла к себе внимание цивилизованного мира. Мало того, Япония успела войти в тесные с нею сношения, получила доступ в страну и, как кажется, бестактным поведением своих агентов и решительным стремлением захватить все в свои руки оттолкнула от себя корейцев, а китайцев привела к убеждению о выгоде для нее заключения Кореею договоров с европейцами; причем край этот станет в условия, практикующиеся вообще между цивилизованными государствами на основании международного права.

Быть может, последние недоразумения наши с Китаем[1] были причиною, что Китай рекомендует ныне Корее вступить в союз не с Россией, а

[1] Российско-китайский конфликт 1879–1881 гг. в Средней Азии («Илийский кризис») (*прим. сост.*).

с Американскими Штатами, но вернее предположить, что боязнь захватов со стороны России никогда не допустила бы китайское правительство подчинить Корею нашему, если не исключительному, то первенствующему влиянию.

Во всяком случае, судя по последней депеше нашего посланника в Пекине от 26-го марта сего года, мы находимся накануне заключения Кореею трактата с Северо-Американскими Штатами, причем страна эта получит весьма большие права. Таким образом, мы не только лишаемся надежды на возможность приобретения выгодных для нас портов, лежащих в пределах Кореи, но должны ожидать, что именно эти порты послужат к водворению в Корею военной контрабанды, направленной противу наших интересов.

При таких условиях едва ли возможно задаваться мыслию успеть склонить Китай к удержанию Кореи от заключения союза с Америкой, напротив, следует, не теряя времени, принять меры, чтобы немедленно за заключением Американско-Корейского трактата получить согласие Кореи и на заключение подобного же трактата и с нами. Мне кажется, нам бы следовало выговорить себе те же условия, какие получает американское правительство, оградив себя от ввоза к нам крепких напитков.

Что касается до порядка достижения этой цели, то едва ли не благоразумнее будет последовать в этом примеру Америки, послав в Корею военное судно. Оно предъявит наши требования и в состоянии будет поддержать их силою, если бы корейское правительство вздумало отказать нам в том, что дает теперь Американским Штатам. Неудобство посылки нашей миссии сухим путем заключается в том, что её могут не пропустить внутрь края и тогда, по её возращении, придется прибегать к силе, т.е. к посылке между прочим и военного судна. Для ведения непосредственных переговоров с Кореею я позволю себе указать на два лица: начальника штаба войск Приморской области Генерального штаба полковника Барабаша и Пограничного Комиссара в Южно-Уссурийском крае надворного советника Матюнина. Оба эти лица были привлечены уже к дипломатическим переговорам с Япониею по поводу соглашения об острове Сахалине и вполне знают местные условия края, а Матюнин, сверх того, близко знаком с Кореею и, согласно с мнением Вашего Высокопревосходительства, получил уже поручение вести первоначальные переговоры с корейскими посланцами на случай прибытия их на нашу границу с заявлением от корейского правительства насчет заключения с нами договора.

Выговорив нам право на условия, предоставленные наиболее благоприятствуемой нации, с разрешением иметь в Сеуле дипломатического агента, полагаю, мы вполне удовлетворим нашим интересам. Следует только иметь в виду, что и после заключения договора вопрос о перешедших к

нам в прежнее время корейцах останется нашим внутренним вопросом, возбуждения коего со стороны Кореи, в смысле возвращения ей этих выходцев, мы никогда не допустим.

Если бы во время переговоров пришлось сделать демонстрацию со стороны нашей сухопутной границы, то все по сему распоряжения можно, с полною надеждою на правильное и благоразумное их направление, возложить на военного губернатора Приморской области генерал-майора Баранова, который 26 апреля предполагал выехать из Хабаровки в Южно-Уссурийский край.

Сообщая о вышеизложенном Вашему Высокопревосходительству, считаю долгом заявить, что в настоящем моем письме я не вхожу в разбор общего вопроса об отношениях наших к Корее, а ограничиваюсь краткими соображениями, вызываемыми лишь настоящими усложнениями. Не могу не прибавить, что выражение ныне сожалений о неустановлении нашего влияния на Корею в прежнее время было бы запоздалым; следует примириться с прошлым, но не упускать представляющегося удобного случая к достижению в этом отношении лучших результатов для будущего.

С отличным почтением и проч. *Д. Анучин.*

Архив внешней политики Российской империи. —
Фонд «СПб. Главный архив, 1-9». Опись 8, 1881 г.
Дело 18. Листы 30–33 об.

ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА В ТОКИО БАРОНА РОЗЕНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н. К. ГИРСУ.

Токио, 27 апреля (9 мая) 1882 г.

Милостивый государь
Николай Карлович,

Недели две тому назад японское правительство получило подтверждение ходившего уже несколько времени слуха о предстоящей новой попытке командора Шуфельдта заключить договор с корейским правительством. Г-н Шуфельдт отправится с этою целью в Корею из Чифу на одном из американских военных судов.

В последнее время внимание японского правительства было поглощено всецело заботами о происходящих ныне переговорах о пересмотре трактатов, и корейские дела отодвинулись совершенно на задний план. К тому же правительство Соединенных Штатов, приписывая, быть может, японским интригам неудачу первой миссии Шуфельдта в 1880 году, оставило на этот раз японское правительство в совершенном неведении о своих намерениях по отношению к Корее.

Подтверждение слуха о предстоящей, и притом в весьма скором времени, новой экспедиции Шуфельдта причинило здесь, по-видимому, некоторый переполох, и г-н Ханабуса получил приказание немедленно возвратиться к своему посту в Корею.

К несчастию, в это же время министр иностранных дел, заболевший серьезно, должен был отправиться в деревню для поправления здоровья и отдыха от чрезмерных трудов.

Поэтому невозможно было добыть достоверные сведения о том, какое положение примет японское правительство по отношению к этой новой попытке американцев завязать сношения с Кореею.

От г-на Ханабуса и от товарища министра иностранных дел я узнал только, что они считают успех Шуфельдта на этот раз весьма вероятным, так как он пользуется поддержкою всесильного в Корее китайского влияния.

Заключение Шуфельдтом договора с Кореею повело бы к открытию американцами и затем и другими нациями открытого уже для японцев порта Генсана в бухте Лазарева.

Открытие иностранцами Кореи, а в особенности помянутого порта, в настоящее время едва ли соответствовало бы нашим интересам, и я поэтому счел нужным, не дожидаясь особых инструкций, употребить под рукою все усилия, чтобы побудить японское правительство, если не открыто противодействовать, то, по крайней мере, воздержаться от всякого содействия Шуфельдту.

Японцы вообще несколько склонны увлекаться славою своей цивилизаторской роли в Корее. Это, как равно и преобладающее здесь теперь весьма либеральное направление в вопросах о сношениях с иностранцами и отчасти также желание оказать услугу правительству Соединенных Штатов, казалось мне, могли побудить японцев отнестись к новой попытке американцев с совершенно нежелательным для нас сочувствием. Ввиду этого я старался всячески реагировать против такого настроения.

Наконец, третьего дня возвратился из деревни министр иностранных дел, и я вчера имел с ним продолжительный разговор о корейских делах…

Из этого разговора я вынес впечатление довольно удовлетворительное.

Г-н Иноуе вполне согласился с высказанным мною мнением, что для Японии открытие Кореи иностранцам было бы невыгодным, как в политическом, так и в торговом отношениях. Первым последствием открытия Кореи, в особенности порта на восточном ее берегу, был бы переход всей японской торговли в этих портах в иностранные руки. Такой результат представляется тем более неизбежным, что вся японская торговля в Корее заключается в привозе преимущественно бумажных тканей и других произведений промышленности. В политическом же отношении, очевидно, выгодно для Японии оставаться как можно дольше единственною нациею, имеющей сношения с Кореею, и не менее ясно, что советы Китая в пользу открытия Кореи иностранцам направлены к подрыву японского влияния в этой стране.

Я старался подыскивать доводы исключительно с точки зрения интересов японских, чтобы не обнаруживать, насколько этот вопрос затрагивает наши интересы. К тому же, мне кажется, что раз мы допустили утверждение японского влияния в Корее, для нас выгоднее, чтобы это влияние осталось единственным и не уступило место более сильному влиянию западных держав; в этом отношении, следовательно, наши интересы пока тождественны с интересами Японии.

Г-н Иноуе признает успех миссии командора Шуфельдта весьма нежелательным с точки зрения японских интересов, и я не сомневаюсь, что

он будет употреблять всевозможные усилия, чтобы под рукою противодействовать ему.

Но открытого противодействия со стороны японского правительства ожидать нельзя, по причинам, с его точки зрения, весьма уважительным.

Г-н Иноуе говорит, что японское влияние в Корее далеко не так твердо установилось, как бы он этого желал.

Притом, влияние это опирается исключительно на либеральную партию в среде корейского правительства и эта именно партия желает, чтобы Корея вошла в сношения с иностранцами. Содействием этой партии невозможно будет воспользоваться, чтобы помешать заключению Шуфельдтом договора.

Но главное затруднение г-н Иноуе предвидит со стороны всесильного в Корее китайского влияния. Ли-хун-чжан, по его словам, не перестает настаивать на скорейшем открытии Кореи иностранцам, твердя корейскому правительству, что это будет лучшим и надежнейшим средством обеспечить Корею от замыслов России и Японии.

В доказательство этого г-н Иноуе предложил сообщить мне весьма конфиденциально копии с переписки, происходившей по этому предмету в начале нынешнего года между Ли-хун-чжаном и корейским правительством.

Сегодня мне он действительно прислал обещанные копии. Документы эти, написанные на китайском языке, весьма объемисты. С содержанием их я еще не мог ознакомиться, так как титулярный советник Маленда только приступил к переводу их при обязательной помощи одного из высших чиновников Министерства иностранных дел. Ко времени отправления сегодняшней почты этот перевод, к сожалению, не может быть готов, но я воспользуюсь отходом через неделю экстренного американского почтового парохода, чтобы представить эти, по-видимому, крайне интересные документы на благоусмотрение вашего высокопревосходительства. Китайские оригиналы предполагаю послать нашему посланнику в Пекине, которому вообще сообщаю все доступные мне здесь сведения о корейских делах.

О ходе предстоящих переговоров командора Шуфельдта с корейским правительством г-н Иноуе обещался сообщить мне немедленно все сведения, которые ему доставляет японский министр-резидент в Корее г-н Ханабуса.

В заключение прошу позволения высказать свое личное мнение о нынешнем положении корейских дел по отношению к нашим интересам.

Прилагая все старания в указанном мне направлении и нисколько не сомневаясь в том, что японское правительство будет стараться под рукою всячески противодействовать успешному ходу переговоров Шуфельдта, я все-таки не уверен в том, что удастся предупредить заключение им

договора с Кореею и открытие американцами корейских портов, уже открытых японцами.

Но, если даже предположить, что американцы и на этот раз потерпят неудачу, все-таки, по моему убеждению, нам нельзя рассчитывать на то, что замкнутое положение Кореи продлится еще долее двух-трех лет. Начавшееся, по-видимому, в Корее брожение свидетельствует о том, что и в эту страну, наконец, стали проникать современные идеи о пользе международных сношений и торговли. Окончательное торжество этих стремлений, даже без всякого давления извне, едва ли может подлежать сомнению. Всякие же старания препятствовать естественному ходу событий в конце концов должны оказаться тщетными.

Таким образом, является вопрос: не выгоднее ли нам самим первыми завязать сношения с Кореею, чем дожидаться открытия этой страны другими и притом как бы в оппозицию нам и под предлогом обеспечение ее от приписываемых нам замыслов.

Дальнейшее развитие и безопасность наших приокеанских владений, как равно и необходимое нам первенствующее политическое значение в этой части крайнего Востока, требуют, мне кажется, если не завладения северною частью корейского прибрежья, то, по крайней мере, прочного установления преобладающего влияния в Корее.

И с этой точки зрения нам было бы полезным быть на месте первыми, или, скорее, вторыми, так как японцы нас уже опередили.

Я надеюсь, что Ваше Высокопревосходительство не припишете изложение этих взглядов нескромному стремлению воспользоваться доверенным мне кратковременным управлением миссиею, чтобы выдвинуть свои личные мнения, а усмотрите в этом лишь желание по долгу службы представлять на благоусмотрение Ваше все соображения, могущие служить материалом для дальнейшей оценки императорским министерством вопросов, связанных с нашею политикою в этих краях.

С глубочайшим почтением и проч. *Барон Розен.*

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «СПб. Главный архив, 1–9». Опись 8, 1882–1883 гг.
Дело 6. Листы 101–110

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПОСЛАННИКА В ТОКИО БАРОНА РОЗЕНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.К. ГИРСУ

Токио, 11(23) июня 1882 г.

...В настоящее время находятся здесь два корейца, принадлежащие к высшим правительственным сферам. Они проживают здесь в качестве простых путешественников. На днях они сделали визиты всем иностранным представителям. Они у меня провели с лишком час времени. Беседа с ними была весьма оживленной. Они мне показались людьми умными, проникнутыми убеждением в пользе и превосходстве европейского просвещения. Мы много говорили о корейских поселениях Приморской области, и они с величайшею похвалою отзывались о покровительстве и попечениях, оказываемых корейским поселенцам нашими местными властями. Об этом хорошо известно самому королю, и корейское правительство весьма признательно и высоко ценит оказываемое корейцам в России покровительство.

При прощании старший из них, г-н Кин-иок-кин[1], выразил надежду, что и Россия теперь последует примеру Соединенных Штатов и Англии и вступит в дружественные сношения с соседним корейским государством.

С глубочайшим почтением и проч. *Барон Розен.*

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «СПб. Главный архив, 1-9». Опись 8, 1882–1883 гг.
Дело 6. Листы 184–188 об.

---

[1] Ким Оккюн — лидер буржуазно-реформаторского движения 1870–1880 гг. в Корее (*прим. сост.*).

ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА В ТОКИО БАРОНА РОЗЕНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.К. ГИРСУ

Токио, 26 июля (7 августа) 1882 г.

Милостивый государь
Николай Карлович,

Из телеграммы моей от 18/30 июня вашему высокопревосходительству уже известно о происшедшем в Сеуле нападении на японскую миссию[1].

Более подробные сведения об этом происшествии Ваше Высокопревосходительство изволите усмотреть из прилагаемой при сем копии с телеграммы японского министра-резидента в Корее г-на Ханабуса.

Копия с этой телеграммы, с содержанием которой тотчас же по получении ее г-н Иноуе поспешил меня ознакомить, была мне сообщена при ноте министра иностранных дел от 2-го августа н.с.

Имею честь представить при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства копии с этой ноты и с моего ответа.

В ноте от 2-го августа министр иностранных дел, излагая в кратких словах ход событий, описанных в телеграмме г-на Ханабуса, сообщает о тех мерах, которые японское правительство решилось принять ввиду этих происшествий.

Меры эти заключаются в немедленной посылке в Корею трех военных судов, необходимых для защиты находящихся в открытых портах Кореи японских подданных, и маленького отряда в 300 человек пехоты, на обязанности которого будет лежать исключительно обеспечение безопасности возвращающегося в Сеул министра-резидента г-на Ханабуса.

Уведомляя иностранных представителей о мерах, принятых для защиты японских подданных в Корее и для требования удовлетворения за нанесенное национальному достоинству Японии тяжкое оскорбление, г-н Иноуе дает положительные уверения в миролюбивых намерениях Японского правительства.

---

[1] Восстание военного гарнизона и населения Сеула в июле 1882 г., сопровождавшееся разгромом японской дипломатической миссии (*прим. сост.*).

Известие о нападении на миссию в Корее произвело весьма сильное волнение в здешних влиятельных кружках. Воинственная партия требовала немедленного открытия военных действий против Кореи и министру иностранных дел с большим трудом только удалось настоять на принятии умеренной и разумной политики. Г-н Иноуе говорил мне, что заседания Верховного Совета были весьма бурными и что ему удалось воспрепятствовать принятию опрометчивого решения только тогда, когда он заявил, что в таком случае подаст в отставку.

За последние дни из Фусана получены телеграммы, из которых узнали, что оставшиеся в Сеуле японские офицеры-инструкторы корейских войск убиты, что король бежал, что отец его Тай-ин-кун[2] принял бразды правления и что несколько высших сановников, принадлежащих к партии, расположенной в пользу сношений с иностранцами, казнены.

Ясного понятия о происшедшем в Корее перевороте пока нельзя себе составить из тех немногих данных, которые мы имеем. Очевидно, однако, что последние события в Корее невозможно объяснить простым возмущением черни. Захват правительственной власти Тай-ин-куном всегда, как говорят, относившимся крайне враждебно ко всему иностранному, по-видимому, свидетельствует о полном торжестве противоиностранной партии.

Трудно представить, какое влияние это обстоятельство окажет на исход порученных г-ну Ханабуса переговоров и на дальнейшие отношения между Япониею и Кореею. Г-н Ханабуса уже находится на пути в Корею и по получении здесь первых его донесений, т.е. недели через три, вероятно, я надеюсь быть в состоянии представить вашему высокопревосходительству более подробные и точные сведения…

С глубочайшим почтением и проч. *Барон Розен.*

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «СПб. Главный архив, 1–9». Опись 8,1882–1883 гг.
Дело 6. Листы 207–211

---

[2] Тэвонгун (принц-регент) — титул Ли Ха Ына, отца корейского короля Коджона (*прим. сост.*).

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ КОНСУЛА В ТЯНЬЦЗИНЕ К. ВЕБЕРА ПОСЛАННИКУ В ПЕКИНЕ С. ПОПОВУ

Тяньцзинь, 14 августа 1882 г.

Командированный вашим превосходительством по поручению имп. Министерства иностранных дел во Владивосток для изучения там наших пограничных вопросов, я выехал из Тяньцзиня 20-го июня, 21 июня я в Чифу пересел на винтовую лодку «Соболь», прибыл во Владивосток 6-го июля.

Во время 12-дневного пребывания во Владивостоке я достаточно успел познакомиться с местными условиями и потребностями, с нашей торговлей и, насколько было это возможно, с ресурсами пограничной с Южно-Уссурийским краем северо-восточной провинции Кореи. При малочисленности населения и первобытном состоянии нашего края, при малом развитии в нем сельского хозяйства и промышленности, он, в особенности после перенесения наших морских средств в Восточном океане из Николаевска во Владивосток, не способен еще покрыть своими произведениями свои потребности. Продовольствие жителей Владивостока поэтому обуславливается не только доставлением на рынок местных продуктов, собираемых большей частью манзами (т.е китайцами) и корейцами, но и заграничным привозом многих припасов, а благосостояние и комфорт их зависит от ввоза морем мануфактурных изделий и предметов роскоши. По отчетам владивостокского военного губернатора, в 1880 г. привезено морем товаров (кроме казенных грузов для порта из Кронштадта) на 2 742 220 р. кред. бил., в 1881 г. — на 3 115 119 руб.

К сожалению, весьма небольшая доля этой торговли приходится на русских купцов, а именно 12 %, между тем как на иностранные фирмы, почти исключительно немецкие, приходится 67 %, на китайцев — 18 %, на японцев — 3 %. Вывозная торговля вся в руках китайцев, успевших в последнее время устранить конкуренцию, которую им приходилось испытывать раньше со стороны других купцов. Вывоз, состоящий из сырых

произведений, как-то: морская капуста, панты (молодые рога изюбра), трепанги, крабы, корни женьшеня, меха и шкуры, вообще, как и следует ожидать, небольшой: в 1880 г. на 280 096 руб., а в 1881 г. — на 220 149 руб. кред. бил.

Кроме морской торговли, производится трудно контролируемый обмен товаров на нашей сухопутной границе с китайскою Маньчжурией и Кореею. Оставляя в стороне китайскую торговлю, центром которой является город Хунь-чунь, я должен заметить, что корейская торговля, по неимению у нас с нашим южным соседом урегулирующего торгового договора, существует контрабандой, но контрабандой довольно открытою, не препятствуемой в последнее время китайскими пограничными властями или стражами. Действительно ли корейское правительство стало смотреть на эти пограничные сношения сквозь пальцы, или же только чиновники ближайших к нам местностей покровительствуют им, потому что извлекают из них кое-какие выгоды, облагая торговлю в свою собственную пользу разными поборами, пока трудно решить. Как бы то ни было, в минувшем году один пригон рогатого скота доходил до 4500 голов стоимостью в 202 500 руб. Кроме того, к нам привозится еще из-за Тумынь-цзяна овес, ячмень и, в незначительном количестве, рис.

Торговля по большей части меновая, и корейцы, получившие за свой товар деньги, тут же покупают и увозят в Корею необходимые для себя иностранные произведения: холст, даба, ластик, дрель, ситцы (русские), плис, иголки, зеркальца, ножи складные, спички, ковры и т.д. Роль русских купцов при этом, так сказать, пассивная, т.е. они сами в спекуляции не пускаются и не заботятся заводить торговые сношения с корейскими потребителями или производителями. Торговля ведется, отчасти, в качестве посредников, нашими корейцами, переселившимися в наши пределы в течение последних двух десятилетий числом свыше 6000 душ, отчасти же коренными жителями Кореи, наезжающими к нам временно.

Как ни маловажною может показаться эта торговля, она составляет для Владивостока жизненный вопрос. Почти весь рогатый скот, потребляемый южно-уссурийскими жителями в пищу или в работу, идет из Кореи, и если нашему соседу вздумается остановить вывоз его, у нас может случиться нечто вроде голода. Наш край совершенно в зависимости относительно мяса от корейского рынка, в особенности в случае войны России с Китаем. Поэтому при заключении нами договора с Кореей необходимо выговорить себе право сухопутной торговли лишь для того, чтобы узаконением существующего теперь тайного ввоза обеспечить продовольствием и мясом жителей нашего края.

Граница наша с Кореею определена 1-ю ст. Пекинского договора 1860 г., в которой сказано: «Граничная линия упирается в реку Тумынь на двадцать китайских верст (ли) выше впадения ее в море». В действительности она, может быть, имеет протяжение в 13 русских верст (22 ли), но не 30, как это показывает М. Венюков. Смежная с Южно-Уссурийским краем корейская провинция Хам-Кёнг-до — страна довольно бедная и бесплодная, простирающаяся с 30 градуса на севере сперва узкою полосою между морем и высоким меридиональным хребтом, разделяющим весь Корейский полуостров на две неровные половины. У верховьев р. Ялу-цзян, составляющей северо-западную границу с Китаем, провинция Хам-Кёнг-до достигает наибольшую ширину, а потом опять суживается на западе и далее на север р. Тумынь-цзян, которая к югу от залива Посьет вливается в Японское море.

Местные жители на восточном склоне водораздельного хребта занимаются главным образом солеваренным производством и рыбными промыслами, между тем как в западной части провинции, пересекаемой плодородными долинами, более развиты хлебопашество и скотоводство. Судоходных рек нет, и даже по Тумыню плавание сопряжено с опасностями вследствие сильного течения ее и множества подводных камней; лишь на несколько десятков верст лодки, сидящие, может быть, 3–4 фута в воде, могут подниматься по реке. Со стороны корейского правительства всякое плавание по реке, однако, запрещено, вероятно, с той целью, чтобы контролировать сношения своих подданных с чужестранными соседями.

Губернатор (камса) этой провинци имеет свое пребывание в г. Хамхыне (по китайскому произношению: Сын-син); второй город по своему официальному значению Кенг-санг (по китайскому произношению: Цин-чан), в котором проживает пёнг-са, то есть главнокомандующий войсками провинции. Вследствие открытия порта Уон-сан (по китайскому произношению: Юань-шан, по-японски — Генсан) в Юнсинской бухте для торговли с японцами, а также и иностранцами (если заключенные в новейшее время договоры будут ратификованы), торговля этой части провинции Хам-Кёнг-до будет тяготеть к этому порту. Между северными городами более заметны по своему торговому значению Хой-рёнг и Кёнг-уон, лежащие на правом берегу р. Тумынь, которая здесь составляет рубеж с китайскою Маньчжурией. Они занимают на высокой окраине Кореи то же самое положение, как Фын-хуан-чен на западной, в том отношении, что в известное время года в них открывается ярмарка для обмена товаров и произведений между корейскими и китайскими купцами, с тою лишь разницею, что Хой-рёнг и Кёнг-уон находятся на корейской территории, а Фын-хуан-чен — на китайской.

Находящийся против нашей границы город Кёнг-хын — бедное местечко. Впрочем, существуют два города этого названия: старый и новый, который лишь в недавнее время перенесен на 30 верст от старого вверх по реке. Причина, побудившая к тому корейцев, весьма для нас интересная.

Осенью 1875 г. переселились в наши пределы до 500 корейских выходцев, и когда они обратились к нашим властям с ходатайством об отведении им земли, полковник Савелов, временно занимавший должность пограничного комиссара, поселил их по своему усмотрению на левом берегу Тумыни. Они выстроили тут дома, стали обрабатывать землю и сделались вполне русскими подданными, отбывая подворные и дорожные повинности и присягая также на верность государю императору. Впоследствии оказалось, между тем, что земля, на которой стоит Савеловка, не наша, а китайская, что граница не упирается на р. Тумынь, следуя отрогу, тянувшемуся по направлению главного хребта с северо-востока на юго-запад, а поворачивает круто на юг, оставляя за Китаем узкую полосу вдоль реки. На этой полосе и находится новое поселение. Китайские пограничные власти не заявляли пока претензий на Савеловку, но если такое заявление последует, то мы можем быть поставлены в затруднительное положение относительно наших новых подданных.

С возникновением этой новой деревни торговый тракт принял через нее свое направление, так как в ней сосредоточились наши сношения с Кореею, и последствием того было, что кёнхынские купцы переселились в деревню напротив Савеловки; старый город стал пустеть, обезлюдел и теперь, говорят, даже местная администрация переведена в новый Кёнг-хын.

Дороги в провинции Хам-Кёнг-до, нужно полагать, самые первобытные. В Кёнг-хыне соединяются две дороги: восточная, тянущаяся в некотором расстоянии от морского берега, и западная, которая следует течению Тумыни. Последняя разделяется у торгового города Хой-рёнг и, направляясь одною ветвью к г. Пу-рёнгу, соединяется здесь с восточным путем. Потом она пересекает всю провинцию, не удаляясь далеко от морского берега и составляя таким образом сообщение между севером и губернским городом Хам-хын и г. Дак-уон, поблизости которого находится порт Уонсан. Корейцы уверяли меня, что по этой дороге могут ходить телеги, но что провоз громоздких товаров местами представляет немало затруднений.

Морской берег, описанный в первый раз нашим флагманом «Паллада» в 1854 г., имеет только одну более защищенную от ветров бухту в заливе Броутона, это Юн-синская бухта с портом Лазаревым и Уон-саном. Плавание здесь довольно затруднительно по причине густых туманов, составляющих чаще всего в мае, июне и июле заметную особенность западных берегов Японского моря.

При занятии нами Южно-Уссурийского края корейцев в нем не было, а они появились уже по утверждению там русской власти. Первые выходцы перешли к нам в 1863 г., сперва поодиночке, а потом, с 1866 г., они стали переселяться в большом числе целыми партиями, вынужденные к тому разными бедствиями. Неурожаи и наводнения, страшный гнет со стороны чиновников и политические гонения, которым подвергались тогда несчастные корейцы забравшим в свои руки власть регентом Дай-ин-гуном, отцом юного короля, заставляли многих искать у нас убежища. С тех пор движение это не прекращалось. Переходя к нам, они отрекаются от своей родины, где, в случае возвращения, их ожидает или, по крайней мере прежде ожидала смертная казнь; они прерывают свои старые связи и делаются мирными гражданами Уссурийского края. Кореец имеет все качества хорошего эмигранта, в противоположность китайцам: он трудолюбивый рабочий, отличный земледелец и хороший семьянин с мягким восприимчивым характером, вследствие чего он легко усваивает себе новые обычаи и порядки и скоро выучивается говорить по-русски. В Суйфунском округе некоторые деревни, как Янчихе, Тизинхэ, Савеловка, Сидими, Цимухэ и др., населены ими почти исключительно. Многие корейские колонии встречаются еще в Ханкайском и Сучанском округах, так как общее число этого населения можно принять в 6000 с лишком душ.

Пограничных сношений между нашими и корейскими властями не существует. Единственный пример, может быть, был в 1869 или 1870 г., когда при массовом переселении к нам корейцев, явившихся беспорядочною толпою, без всяких средств к жизни, губернатор Приморской области, опасаясь повальных болезней, остановил дальнейший их переход. Тогда наш пограничный комиссар князь Трубецкой обязал письменно начальника города Кыгенг-пу остановить переселение и обеспечить безнаказанность желающих вернуться в свое отечество. Насколько я мог узнать во Владивостоке от пограничного комиссара г. Матюнина, доставившего мне много сведений, то за последнее время со стороны корейских властей никаких заявлений или требований не было сделано ни по поводу водворения у нас их подданных, ни вследствие грабежа и увода из Кореи женщин нашими корейцами...

Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе». Опись 32. Дело 311. Листы 193–204

ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА В ТОКИО БАРОНА РОЗЕНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.К. ГИРСУ

Токио, 9/21 августа 1882 г.

Милостивый государь
Николай Карлович,

Министр иностранных дел г-н Иноуе возвратился на днях из Симоносеки, куда он ездил, чтобы повидаться с г-ном Ханабуса и снабдить его словесными подробными инструкциями относительно предстоящего ему образа действий в Корее. В Симоносеки устроено временное бюро Министерства иностранных дел для скорейшей передачи по телеграфу получаемых из Кореи известий. С этой же целью между этим портом и городом Нинсеном в Корее устроено правильное и частое пароходное сообщение.

Сегодня г-н Иноуе прислал мне сказать, что просит меня заехать к нему, так как он имеет сообщить мне только что полученное им весьма важное известие о ходе корейского дела.

Известие это заключалось в следующем:

Г-н Ханабуса прислал через Симоносеки телеграмму из Сеула от 4/16 августа, в которой вкратце уведомляет, что 18-го августа прибыл в Нинсен с эскадрою и отрядом пехоты в 750 чел. под командою генерала Такасима, что на нинсенском рейде он застал три китайских военных судна с комиссаром г-ном Ма, что китайцы ни во что не вмешивались, что г-н Ма выразил ему частным образом надежду, что условия удовлетворения, которого потребует у короля японское правительство, будут не слишком тяжелыми, что правитель Кореи Тай-ин-кун прислал ему в Нинсен просьбу обождать в в этом порту, пока не успеют приготовить для него приличное помещение в Сеуле, что он на это не согласился и, в исполнение данных ему инструкций, отправился без дальнейшего замедления с конвоем в 350 чел. в Сеул, куда прибыл 4/16 августа и был принят весьма хорошо, что ему отвели помещение внутри дворцовой ограды и что в городе все было спокойно.

Г-н Иноуе казался весьма обрадованным этими известиями и с большою похвалою отозвался о выказанных г-ном Ханабуса энергии и настойчивости.

Он выразил надежду, что порученные г-ну Ханабуса переговоры поведут к желательному исходу, тем более что условия удовлетворения, которого требует японское правительство, весьма умеренны.

На мой вопрос, в чем именно заключаются эти условия, г-н Иноуе ответил, что правительство его намерено потребовать торжественного выражения корейским правительством сожаления о случившемся, с салютом японскому флагу, строгого наказания виновных в нападении на японскую миссию, возмещения расходов, причиненных посылкою в Корею эскадры и конвоя, и, наконец, открытия для японцев местечка Ампен в нескольких милях от Генсана.

Одно лишь обстоятельство внушает г-ну Иноуе некоторые опасения – это присутствие китайской эскадры в Нинсене и ожидаемое прибытие туда еще двух китайских судов с отрядом войск в 1000 человек.

Ввиду этого японское правительство вынуждено было в последний момент усилить посланный с г-ном Ханабуса конвой до 750 человек.

До выяснения действительных намерений китайского правительства г-н Иноуе считает положение дела довольно серьезным.

В связи с этим он рассказал мне, что во время его отсутствия в Министерстве иностранных дел была получена весьма странная нота здешнего китайского посланника, в которой последний уведомил, что китайское правительство решилось послать в Корею морские и сухопутные силы, чтобы помочь этому маленькому государству и также чтобы обеспечить безопасность японской миссии, так как миссия Японии, имеющей трактат с Китаем, подверглась нападению в этой вассальной Китаю стране.

Копию с этой ноты г-н Иноуе сообщил мне весьма доверительно. Имею честь представить при сем русский перевод этого интересного документа.

Г-н Иноуе ответил на эту ноту, что Япония уже шесть лет тому назад заключила трактат с Кореею, как с независимым государством, что японское правительство само примет меры к обеспечению безопасности японской миссии в Корее, что оно для этого в посторонней помощи не нуждается и потому с благодарностью отклоняет заботы об этом китайского правительства.

Сообщая мне содержание данного китайскому посланнику ответа, г-н Иноуе присовокупил, что охотно воспользовался бы услугами китайского правительства для улажения возникших в Корее затруднений, если бы эти услуги ограничивались внушением корейскому правительству о необходимости дать Японии без замедления требуемое удовлетворение, но

что японское правительство никакого другого вмешательства Китая в это дело не допустит.

Что же касается вопроса о независимости Кореи от Китая, то он желает пока совсем не затрагивать его, так как возбуждение его в настоящее время считает крайне неудобным. К тому же он находит, что вопрос этот в равной мере касается и других правительств, в последнее время заключивших договоры с Кореею, и потому он желал бы прежде чем приступить к обсуждению этого вопроса, удостовериться, какого именно взгляда на этот предмет держатся эти правительства. При этом он заметил, что было бы весьма безрассудным со стороны Японии продолжать признавать Корею независимым государством в то время, как другие правительства, также в этом вопросе заинтересованные, готовы, быть может, признать зависимость Кореи от Китая. Полагая, что ввиду близкого соседства Кореи с нашими владениями на Тихом океане, вопрос этот в значительной степени затрагивает наши интересы, он выразил желание ознакомиться со взглядом на этот предмет императорского правительства.

Я ему сказал, что положительного ответа не могу ему дать теперь, но что я не замедлю довести о его желании до сведения императорского правительства.

Ввиду полной откровенности, которую мне постоянно выказывает г-н Иноуе, мне было бы весьма полезно быть поставленным в возможность ознакомить его, насколько ваше высокопревосходительство признаете это возможным, с воззрениями императорского правительства на корейский вопрос, столь близко затрагивающий интересы как Японии, так и нашей восточной окраины.

С глубочайшим почтением и проч. *Барон Розен.*

К № 28-1882 г.

Токио

Перевод ноты китайского посланника в Токио Ли-шунь-чонан к Управляющему японским Министерством иностранных дел Иосида Киионари от 9-го августа 1882 года н.с. (по китайскому счислению 20-го числа 6-го месяца 8-го года Коцио).

Я, Дай-дзин, почтительно уведомляю вас, что вчера получил из Цзун-ли-ямына телеграмму, в которой говорится, что он (Цзун-ли-ямын) донес (императору) о произведенных мятежниками в Корее беспорядках и что просил разрешения отправить в эту страну военные суда и сухопутное войско для оказания ей помощи и покровительства, чтобы исполнить долг справедливости в отношении этого маленького государства. Так как миссия

Японии, имеющей договор с Китаем, подверглась в вассальной нам стране нападению, то китайские военные силы будут в то же время охранять и безопасность ее. О вышеизложенном китайское правительство сообщило японскому поверенному в делах в Пекине, г-ну Танабе, который, вероятно, донес уже об этом по телеграфу вашему Министерству иностранных дел, а также и о том, что отправление китайским правительством в Корею военных сил имеет цель охранения Кореи и покровительства Японии. Препровождаю поэтому копию с полученной мною телеграммы для сведения вашего Министерства иностранных дел.

Архив внешней политики Российской империи. Фонд «СПб. Главный архив, 1–9». Опись 8, 1882–1883 гг. Дело 6. Листы 228–229

ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА В ТОКИО БАРОНА РОЗЕНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.К. ГИРСУ

Токио, 6/18 октября 1882 г.

Милостивый государь
Николай Карлович,

Мирное улажение корейского дела было встречено здешним правительством весьма сочувственно. В первое время по получении известия о нападении на японскую миссию в Сеуле, была здесь партия, весьма воинственно настроенная по отношению к Корее. Но угрожающее положение, принятое Китаем, отправившим с совершенно неожиданною быстротою в Корею довольно значительные морские и сухопутные силы, без сомнения, убедили и эту воинственную партию в том, что г-н Иноуе был совершенно прав, настаивая на необходимости твердой, но в то же время умеренной политики. С одною Кореею, разумеется, Японии было бы нетрудно справиться, но весьма серьезным было бы делом для Японии быть вовлеченною в войну с Китаем из-за Кореи.

То обстоятельство, что одновременное присутствие в Нинсене и Сеуле отрядов японского и китайского обошлось без всяких столкновений, свидетельствует об умеренности и искусстве лиц, которым с обеих сторон было доверено ведение дела.

Нельзя, однако, не заметить, как выгодно отличается прямой и открытый образ действий японского правительства от вероломства китайцев, предательски схвативших и увезших Тай-ин-куна, отца короля и главного руководителя бунта.

Г-н Ханабуса, подписавший в Сайбуцу-хо соглашение с корейскими уполномоченными, возвратился с конвоем в Сеул, чтобы следить за приведением в исполнение тех условий соглашения, которые касались наказания виновников бунта.

В его присутствии происходил суд над главными зачинщиками дела, за исключением, разумеется, Тай-ин-куна. Несколько человек из их числа были казнены, остальные приговорены к другим строгим наказаниям.

Затем г-н Ханабуса выехал в Японию, где ему вручили орден Восходящего Солнца 2-го класса, с пожизненною пенсиею в 500 иен.

На этих днях возвратился, наконец, г-н Иноуе. С ним на одном пароходе прибыло также и корейское посольство. Г-н Иноуе уверяет, что во время плавания посланник в откровенной с ним беседе выражал большое неудовольствие по поводу проявленных Китаем поползновений обращаться с Кореею как с вассального Китаю страною. Хотя корейский король, вероятно, предвидя восстание противной сношениям с иностранцами партии Тай-ин-куна, обратился за помощью к китайскому правительству, он едва ли имел в виду признать или допустить полную подвластность Кореи Китаю.

Между тем китайское правительство, очевидно, сочло возможным сбросить маску и совершенно открыто заявить о своих притязаниях. В обнародованном в Китае богдоханском указе по поводу последних событий в Корее и принятого китайским правительством решения водворить Тай-ин-куна на жительство в Китае, встречаются выражения и содержатся такие распоряжения, которые могут относиться только к стране, входящей в состав Китайской империи.

Здесь находят эти притязания китайского правительства весьма неуместными и очень интересуются вопросом, как на это посмотрят те из держав, которые уже заключили трактаты с Кореею.

Г-н Иноуе спросил меня, какое решение приняло наше правительство относительно заключения договора с Кореею. Я ему сказал, что о намерениях императорского правительства мне ничего не известно, но что, по всей вероятности, ввиду теперешнего положения дел в Корее, мы сохраним положение выжидательное.

С глубочайшим почтением и проч. *Барон Розен.*

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «СПб. Главный архив, 1–9». Опись 8, 1882–1883 гг.
Дело 6. Листы 252–256

ДОНЕСЕНИЕ ПОСЛАННИКА В ТОКИО БАРОНА РОЗЕНА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Н.К. ГИРСУ

Токио, 1/13 ноября 1882 г.

Милостивый государь
Николай Карлович,

Пребывающее здесь корейское чрезвычайное посольство состоит из посланника Пак-Ионг-Хио, вице-министра Ким-Ман-Сика и нескольких чиновников меньшего ранга. При посольстве состоит, но без официального характера, брат королевы корейской, принц Мин-Ен-Ик и в качестве негласного советника Кин-Иок-Кюн. Этот последний уже был в Японии минувшим летом, и я имел случай упомянуть о нем в моем донесении за № 22.

На этот раз корейские посланники всячески старались завязать сношения со здешними иностранными представителями. Обменявшись визитами с начальниками всех аккредитованных при здешнем Дворе миссий, они пригласили нас на торжественный обед в запасный дворец Эн-риокван, отданный японским правительством для этой цели в распоряжение корейского посольства. Во время обеда, провозгласив тост за здравие государей и глав государств всех стран, представители которых присутствовали на обеде, корейский посланник выразил удовольствие видеть себя окруженным представителями всех стран цивилизованного мира и высказал от имени короля корейского надежду, что в скором времени установятся дружественные отношения между Кореею и всеми державами.

С корейскими представителями я имел, по собственной их инициативе, несколько разговоров о положении дел в Корее.

Они с едва скрываемым озлоблением высказываются по поводу вмешательства в корейские дела китайского правительства. Они уверяют, что корейское правительство вовсе не обращалось за помощью к Китаю, когда в Сеуле вспыхнул бунт и произошло нападение на японскую миссию. Посылку китайских войск и эскадры они приписывают инициативе

Ли-хун-чжана, получившего от здешнего китайского посланника по телеграфу преувеличенное известие о предполагавшейся посылке в Корею весьма сильной японской экспедиции. Особенно сильное раздражение, по их словам, вызывают вероломное похищение китайцами Тай-ин-куна, присуждение ему китайским императором наказания и изданные по этому поводу богдыханские указы, в которых Корея прямо называется вассальною Китаю страною.

Корейские посланники уверяют, что Корея вполне самостоятельное и независимое государство и нисколько не признает себя вассальной Китаю в том смысле, в котором это слово понимается на Западе. Они говорят, что с Китаем связывают Корею одни лишь духовные узы — единство религии, письменности, летосчисления, что Корея привыкла смотреть на могущественную китайскую империю, как на старшего брата, что посылаемые королем китайскому императору подарки и принимаемая им инвеститура составляют лишь добровольную дань уважения слабого к сильнейшему и не должны быть приняты как доказательство вассальных отношений Кореи к Китаю. Если, тем не менее, корейское правительство решилось поместить в проект трактатов с Соединенными Штатами заявление, заключающее в себе, хотя в довольно неясных и противоречивых выражениях, признание вассальной зависимости Кореи от Китая – заявление, которое впоследствии было выражено в письме короля к президенту Соединенных Штатов, так как командор Шуфедьдт не согласился на помещение этого заявления в самый текст трактата – то это случилось лишь вследствие давления Китая, которому корейское правительство было не в силах противостоять. К тому же правительство их, по незнакомству с началами международного права, регулирующими отношения между цивилизованными странами, не отдавало себе ясного отчета в действительном значении такого признания. Но теперь заявленные Китаем притязания на владычество над Кореею открыли глаза корейскому правительству. Для ограждения себя от этих притязаний и для обеспечения самостоятельности и независимости Кореи правительство теперь видит одно лишь средство – скорейшее заключение договоров с остальными державами, и в особенности с соседнею я могущественною Россиею, без всякого посредничества или содействия Китая. О высказанных мне мыслях и желаниях посланники просили меня довести до сведения императорского правительства.

Я им обещал исполнить эту просьбу. В разговорах с ними я избегал входить в обсуждение вопроса о взаимных отношениях между Кореею и Китаем, так как мне неизвестно, какое положение императорское правительство намерено принять по отношению к этому вопросу. Но я высказал им, как мое личное мнение, что при близком соседстве Кореи

с нашими владениями, императорскому правительству, без сомнения, представится желательным завязать с Кореею дружественные сношения, и что наиболее удобным средством для достижения этой цели было бы вступление в переговоры непосредственно с корейским правительством.

Японское правительство в настоящее время, насколько мне известно, очень желает заключения договоров между Кореею и остальными державами либо непосредственно, либо при посредстве Японии, с тем чтобы добиться признания независимости Кореи от Китая. Члены корейского посольства, в том числе и принц Мин-Ён-Ик, принадлежат к расположенной в пользу Японии прогрессивной партии, очевидно, находятся под влиянием японцев. Не имею здесь никакой возможности судить о том, насколько партия их действительно сильна в Корее и насколько поэтому заявления их заслуживают внимания. Но я счел долгом столь подробно донести вашему высокопревосходительству о моих разговорах с корейскими представителями потому, что высказанные ими весьма определительно и откровенно мнения и желания, во всяком случае, свидетельствуют о существовании в некоторой части корейских правительственных сфер такого настроения, которым императорское правительство, быть может, найдет возможным воспользоваться для противодействия упрочению в Корее китайского влияния и для весьма, мне кажется, желательного, с точки зрения наших интересов, обеспечения независимости Кореи от Китая.

С глубочайшим почтением и проч. *Барон Розен.*

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «СПб. Главный архив; 1-9». Опись 8, 1882–1883 гг.
Дело 6. Листы 257–262

ВЕСТИ С ВОСТОКА

Пекин, 16-го ноября 1882 года

Благодаря совершившемуся в недавнее время открытию Кореи для иностранцев и последовавшему за сим, под руководством отца короля, возмущению, сопровождавшемуся нападением на японскую миссию, повлекшим за собою отправление туда японской и китайской экспедиций, страна эта с каждым днем приобретает в глазах иностранцев, привлекаемых туда как желанием найти новое поле для своей эксплуататорской деятельности, так и утвердить с помощью оной свое политическое там влияние, все больший и больший интерес. Понятно после этого, какое важное значение должно иметь для нас, русских, восточные владения которых находятся в непосредственном соседстве с Кореей, всякое известие о ней и в особенности передаваемое лицом, имевшим случай посетить ее в недавнее время вслед за возмущением, имевшим место 11-го июля сего года. Не считая возможным, в данный момент, при недостаточности других сведений о стране, входить в критический разбор известий о ней, сообщаемых корреспондентом шанхайской китайской газеты «Шень-бао», полный перевод которой приводится ниже, я, однако, считаю нелишним заметить, что сомнение, высказанное мною в одной из прежних моих корреспонденций относительно бедности Кореи, нашло себе довольно веское подтверждение в известиях шанхайского корреспондента. Принимая за верные сведения, сообщаемые им о естественных богатствах страны и характере населения ее, мы смело могли бы утверждать, что при известной доле самодеятельности и ближайшем знакомстве с плодами иностранной цивилизации, Корея нашла бы в себе самой все средства к своему умственному, политическому и материальному процветанию. Насколько основательны только что представленные нам умозаключения, читатели могут лучше судить по самым известиям, гласящим следующее:

Просвещенная за одиннадцать столетий до нашей эры китайским выходцем Цзи-цзы Корея из рода в род следовала учению Конфуция и постоянно находилась в полной зависимости от Китая.

Столица корейского короля лежит в центре провинции (Кин-ки-тао), находящейся в свою очередь в центре Кореи, и известна под именем Хань-чэн (город на Хане). Такое название она получила, вероятно, от р. Хань, протекающей недалеко от нее. Самый город имеет в окружности более 20 верст, в стенах которого находится семь ворот, из них трое обращены на юг, двое на запад, одни на восток и одни на север. В северном углу города расположен Красный, или заповедный, город с королевским дворцом. Северной стороной своей город упирается в высокие скалистые и величественные горы; восточная и западная стороны его также прилегают к горам; верстах в двух на юго-запад от города протекает р. Хань, извилистая, глубокая и широкая; во время весеннего половодья ее воды несутся с неимоверною быстротою, и переправа через нее совершается также не без замирания сердца. Верстах в пяти на восток от города лежат две горы, Тянь-мо-лин и Яй-э-шань, отличающиеся своим необыкновенно скалистым и утесистым характером. С точки зрения обороны, эти горы делают из местности такие неприступные твердыни, в которых один человек в состоянии удержать целые массы неприятеля. Восточная часть города населена мало; улицы ее, на которых в беспорядке разбросаны лачуги, носят на себе печать уныния и безлюдности. В северной части его расположены разные присутственные здания, крытые черепицею, с теми же соломенными лачугами в промежутках. Юго-западная часть города, служащая торговым центром, отличается своей многолюдностью и оживленностью; быки и ослы, вьючные животные Кореи, тянутся по ее улицам непрерывною вереницею. За южными воротами утопающие в зелени деревушки раскиданы словно звезды на небе. За западными воротами хотя также немало деревушек, но все-таки их не столько, как за южными.

Как чиновное сословие, так и простой народ любят наряжаться и одеваются чисто; грязные оборвыши составляют здесь явление довольно редкое. Кореец любит предаваться праздности, и если заработка еще достаточно для удовлетворения насущных потребностей, то он уже и не ищет ничего большего. Такое отсутствие стремления к улучшению своего быта объясняется тем простым обстоятельством, что богатства всякого простолюдина мало того, что делаются добычею хищных чиновников, но иногда навлекают на него еще беду. С трубочками в руках группами от 3-х до 5-ти человек корейцы разгуливают целый день по улицам, а их жены и дочери занимаются шитьем, мытьем и другими домашними работами, за исключением очищения дома от сора, а потому насколько опрятно и чисто их платье, настолько же невыносимо грязны их жилища.

Корейские женщины выходят на улицу всегда с покрытым лицом; братья, живущие в одном доме, не вступают в разговор с женами друг друга;

что же касается друзей, то при взаимных посещениях им редко приходится слышать голоса обитательниц гинекея.

Городские улицы хотя чрезвычайно широки, но заброшены и грязны до безобразия. На десять зданий приходится только четыре с черепичными крышами, а шесть – это соломенные лачуги. Вся торговля производится через руки чиновников. Земледелие ведется на началах древней колодезной системы, существовавшей в Китае, и заключается в том, что из поля, разделенного на девять равных квадратов, один возделывается в пользу государства.

Черты национального характера корейцев: твердость, прямота, отсутствие роскоши и крайняя бережливость. Торговля в Корее исключительно меновая; единственным обладателем серебра является только чиновничье сословие. Летнее платье делается, по преимуществу, из материи белого цвета, шляпа черная из конского волоса.

Корея имеет в окружности более 3500 верст, из которых на восточную, западную и южную стороны ее приходится более 2500 верст. Почва ее отличается плодородием. В административном отношении Корея, как известно, разделяется на 8 провинций, а именно: Кин-ки-до (по китайскому северному произношению Цзин-цзи-дао), Хам-киан-до (Сянь-цзин-дао), Пин-ань-до (Пин-ань-дао), Кан-юань-до (Цзян-юань-дао), Хуан-хай-до (Дао), Цзион-цзин-до (Чжун-цин-дао), Кин-сан-до (Цинь-шан-дао) и Цзиянь-ла-дао (Сянь-ло-дао).

Провинция Кин-ки-до лежит в центре Кореи; благодаря этому обстоятельству владетели Кореи основали здесь столицу с той целью, чтобы отсюда, как из центрального места, удобнее было управлять всею остальною страною. Провинция эта на юго-западе, на расстоянии более 100 верст, омывается морем, на юге граничит с провинцией Цзион-цзин, тоже приблизительно на расстоянии 100 верст, на востоке, на расстоянии более 150 верст, она соприкасается с провинцией Кан-юань-до, а на севере, на расстоянии более 50 верст, примыкает к провинции Хуан-хай. Она перерезана чудными горами и реками, служит большим торговым центром и изобилует минеральными богатствами. В расстоянии 40 верст от столицы лежит недавно открытый для торговли с иностранцами город Жень-чуан. Все правительственные распоряжения исходят от короля, а чины королевства являются только исполнителями его указаний и предначертаний.

Провинция Хам-киан, лежащая на север от столичной провинции, имеет в окружности более 1650 верст; наибольшая ширина ее около 250, наименьшая около 50 верст. Открытый для торговли с иностранцами порт Юань-шань (Гэн-сан) лежит в горах Янь-юань-шань в расстоянии более 300 верст от столицы. Провинция эта на востоке омывается морем

на расстоянии более 600 верст; на СВ., на протяжении более 100 верст, граничит с Хунь-чуньским округом в Маньчжурии; на С., на протяжении около 400 верст, она соприкасается с Гириньскою провинциею в той же Маньчжурии; на З., на протяжении около 350 верст, прилегает к провинции Пин-ань, и на юге, на расстоянии около 100 верст, граничит с провинцией Кан-юань. Она тянется на огромное расстояние и покрыта множеством высоких гор и больших водовместилищ, изобилующих каменноугольными залежами и металлами, из которых наиболее преобладающими являются золото и серебро. Климат ее холодный, население редкое; прибрежные жители ее занимаются по преимуществу земледелием и рыболовством. По морскому побережью этой провинции можно возвести укрепления, которые сделали бы из нее ключ к Восточной Азии. Если Корея не сбросит с себя рутину и не займется обогащением и усилением себя, то неизвестно, что станется из нее по истечении 10 лет, когда положение дел изменится; тогда опасность будет угрожать не только ей одной, но и Китаю. Произведения этой провинции: сало, пшеница, просо, корень женьшень и кожи. Хотя омывающее ее море и изобилует разными предметами, но, к сожалению, добывание их производится в весьма ограниченных размерах.

Провинция Пин-ань-до, лежащая на СЗ. от столицы, имеет в окружности более 1300 верст. Северными своими пределами она, на расстоянии более 100 верст, примыкает к Гириньской провинции; на западе, на протяжении более 300 верст, она также граничит с упомянутою провинцией Маньчжурии и далее на таковом же расстоянии примыкает к морю. Реки Я-лун-цзян, отделяющий ее от Маньчжурии, и Да-тун-цзян, протекающий внутри ее, представляют важные стратегические пункты; на В. она, на протяжении более 350 верст, соприкасается с провинцией Хам-киан, на юге, на расстоянии более 150 верст, граничит с провинцией Хуан-хай, а на ЮВ., на протяжении более 100 верст, с провинцией Кан-юань; она также богата минеральными рудами и каменным углем. Соприкасаясь с Гириньскою и Мукденскою провинциями в Маньчжурии, она, по своему географическому положению, имеет важное стратегическое значение для Китая, открывая с одной стороны доступ к колыбели настоящей династии, а с другой в провинции Чжилийскую и Шаньцунскую.

Провинция Кан-юань лежит на В. от столицы и имеет в окружности более 1000 верст. На В. она, на протяжении более 350 верст, граничит с провинцией Кин-сан, на ЮВ., на протяжении тоже более 50 верст, соседит с провинцией Цзион-цзин, на З., на расстоянии более 150 верст, с провинцией Кин-ки, а затем, на протяжении более 50 верст, с провинцией Хуан-хай. На СЗ., на расстоянии нескольких десятков верст, она примыкает к провинции Пин-ань, а на С., на протяжении более 100 верст, к провин-

ции Хам-киан. Отличаясь своею торговою деятельностию, провинция эта особенно изобилует минеральными богатствами. Почва ее годна для произрастания всех родов хлеба, а также шелковицы и пеньки. Население ее многочисленно и богато. Но, к сожалению, корейцы, по слепой привязанности своей к старине и совершенному непониманию современных требований, едва ли будут в состоянии обезопасить ее благосостояние навсегда. Россия и Япония уже не первый день обращают на нее свои завистливые взгляды.

Провинция Хуан-хай лежит на СЗ. от столицы и имеет в окружности более 800 верст. На юге она омывается морем на протяжении 150, а на СЗ.— 300 верст. На С., на расстоянии 200 верст, она граничит с провинцией Пин-ань, на В., на протяжении более 100 верст,— с Кан-юань, а на юге, на расстоянии более 100 верст, с столичною провинцией. Климат ее несколько холодноват; но естественными произведениями она также богата и к тому же, как и другие провинции, изобилует металлами. Почва ее способна к произрастанию всех родов хлеба, шелковичного червя и пеньки. Морские произведения ее также разнообразны и многочисленны. С развитием просвещения и поднятием материального благосостояния ее, она приобретет значение важного опорного пункта, могущего служить для взаимной обороны Кореи и Китая.

Провинция Цзион-цзин лежит на юг от столицы и имеет в окружности более 750 верст. С севера, на протяжении более 100 верст, она граничит с столичною провинцией, с СВ., на расстоянии более 50 верст, с Кан-юань, с ЮВ., на протяжении более 100 верст, с провинцией Цзиянь-ла, а с З. омывается морем на пространстве более 150 верст. Население ее весьма густо, и в недрах земли таится много минеральных богатств, произведения ее: шелк, пенька и хлеб. Характер жителей отличается большею мягкостью, чем у жителей северных провинций.

Провинция Цзиянь-ла лежит на юге от столицы и имеет в окружности более 700 верст. С В., на протяжении более 100 верст, граничит с провинцией Кин-сан, с ЮЗ. омывается морем на пространстве более 400 верст, с С., на протяжении более 150 верст, соседит с провинцией Цзион-цзин. Она составляет самую южную часть Корейского полуострова, усеяна множеством островов, богата рыбою и солью, а также минеральными рудами. Находясь на середине японско-китайского морского пути, она, без сомнения, будет служить предметом спора. Она отличается мягкостью характера своих обитателей, изобилует лесом и скотом и составляет житницу королевства.

Провинция Кин-сан лежит на юг от столицы и имеет в окружности более 800 верст; в ней находится открытый для иностранной торговли порт

Фу-сан, отстоящий от столицы всего в 450 верстах. Границы ее: с СВ., на расстоянии около 100 верст, она примыкает к провинции Кан-юань; на ЮВ. омывается морем на протяжении более 350 верст, с З., на пространстве более 100 верст, прилегает к провинции Цзиянь-ла, с СЗ., на протяжении более 200 верст, примыкает к провинции Цзион-цзин, а на ЮВ. отделяется от японского острова Цусима (Тай-ма-то) проливом не более 50 верст ширины. Земля ее превосходная и богатая, обладает различными минералами и всевозможными произведениями. Благодаря этим счастливым условиям у японцев давно уже текли на нее слюни.

Нравы жителей ее сходны с нравами обитателей провинций Цзион-цзин и Цзиянь-ла. Японцев, проживающих в порте Фу-сан, насчитывается не менее 3-х тысяч человек. Дорога от этого порта до столицы не представляет особенных трудностей.

Корейское королевство по занимаемому им пространству менее Японии на 1/5, а по населению только на одну треть. Что же касается скрытых в недрах земли минеральных богатств ее, то она превосходит ими Японию в несколько десятков раз; другими естественными богатствами она также не уступает ей, а жители ее силою и твердостью характера далеко оставляют за собой японцев. Если она будет в состоянии сбросить с себя рутину и пойти по пути прогресса, то в этом она найдет средство к самосохранению, и китайскому правительству нечего будет обращать боязливые взоры на восток.

Мао-линь[1]

Восточное обозрение.
Газета литературная и политическая № 5(3.02), № 6 (10.02), 1883

---

[1] Мао-линь — Попов П. С., китаевед, чл.-корр. АН (*прим. сост.*).

ТАИНСТВЕННАЯ СТРАНА

Очерк Кореи

На восточном берегу Азии есть таинственная страна из тех культурных стран, о которых наименее имеется сведений. Между тем, она богата и в высшей степени интересна. Для торговли европейцам она открыта только на этих неделях. Коммодор Шуффельд, прибывший на американском корвете «Swanure», добился переговоров с корейцами и 5-го мая, в бухте Рен-шан заключил, наконец, от имени заатлантической республики, торговый договор с Кореей. По этому договору, для американцев будут открыты пока три порта: Рен-шан, Фу-зан и Гензан-шан. По получении известий об этом тотчас же отправились на своих судах в Корею для заключения подобных же договоров: английский адмирал Уоллэс, французский адмирал Менар и германский командор.

Одна экспедиция за другою идут к Северному полюсу; неустрашимые путешественники проникли в неведомые страны Центральной Африки и исследуют их теперь в видах пользы торговли и науки, Корея же упорно и постоянно противилась допуску иностранцев. Таким образом, она известна только по весьма немногим сообщениям японских и китайских писателей. Французским миссионерам также удавалось проникать внутрь страны. Книга Опперта, побывавшего три раза на Корейском полуострове, дает нам самое пока подробное описание Кореи.

К книге приложен корейский словарь и азбука, а рисунки прекрасно поясняют текст.

Корея отличается прекрасным положением, роскошным климатом, богатством металлов и производительностью, и заслуживает не меньшего изучения, чем другие азиатские страны.

Уже ранее было сделано несколько попыток открыть Корею для торговли. В 1880 г. американский корвет «Ticonderoga» пришел 2 мая в Фу-зан, и через японского консула послал письмо в столицу Кореи. Письмо, однако,

было возвращено нечитанным, и корвет, простояв три дня, ушел. Корейцы припомнили, что американцы нападали на их селения у р. Кока. В это же время русский уполномоченный вел в Онжио-жу переговоры о заключении торгового трактата, но, по-видимому, безуспешно. По этому поводу рассказывали тогда, что корейское правительство думало перенести столицу в один из имеющихся открыться портов. Но слухи оказался преждевременными.

Корея не оставалась, впрочем, вовсе закрытою для внешней торговли. После экспедиции 1876–77 года японцы вынудили у корейцев открытие для себя некоторых портов, где устроили фактории. Торговля с Кореей оказалась весьма выгодной, но из привозимых японцами товаров в Корею, только одна десятая часть состояла из произведений самой Японии, а девять десятых были европейские мануфактурные произведения. Таким образом, японцы, являясь лишними посредниками и извлекая выгоды и для себя, возвышали цену товаров и тем уменьшали их сбыт, тогда как при прямых сношениях Кореи с европейскими державами, европейские торговые дома могли бы продавать свои товары дешевле, что, несомненно, способствовало бы и большему употреблению их в Корее.

Плодородность почвы в Корее в некоторых местах, по словам Опперта, весьма значительна, минеральные богатства также достаточно велики, чтобы возбудить интерес в людях, ищущих наживы. Что касается местных мануфактур, то вот некоторые более положительные указания для тех, которые пожелали бы торговать с Кореей. Производство изделий из хлопка и пеньки составляет главную отрасль местной промышленности, эти изделия качеством ниже обыкновенного английского шертинга; ткани, употребляемые для детей и солдат, выкрашены в темно-синий цвет. Шелковые изделия не делаются в Корее и единственный предмет этого рода, виденный Оппертом, это шелковые плетеные кушаки, которые носят высшие классы. Все шелковые ткани, которые носит аристократия и служащие,— китайского происхождения. Материя, употребляемая для чулок, немного тоньше.

Есть два предмета, в которых корейская промышленность замечательна — это приготовление бумаги и затем плетение соломы для шляп и т. п. Корейская бумага превосходна и стоит гораздо выше китайской, она даже выше лучших сортов японской бумаги и так плотна, что нужно много силы, чтобы разорвать ее. Она приготовляется по большей части из пеньки и, вымазанная маслом (лакированная), служит для зонтиков, ватерпруфов (непромокаемых плащей.— *Сост.*), шапок и т.д. Небольшие количества этой бумаги, попадающие через границу Китая, там высоко ценятся. Что касается стекла, то оно и его приготовление в Корее совершенно неизвестны. Намасленная бумага заменяет стекло в окнах и дверях домов. Шерсти совсем не выделывается, потому что овцы чрезвычайно редки и даже во многих местах Кореи

неизвестны, так как там мало нуждаются в очень теплой одежде, между тем меха заменяют шерстяные изделия, и нет сомнения, что последние могли бы играть большую роль в торговле.

Металлические и деревянные изделия, а равно предметы роскоши из слоновой кости и лакированного дерева, которые дошли до такого совершенства в Китае и Японии, в Корее совсем плохи. Трудно даже найти что-нибудь достойное внимания. Медная посуда самой обыкновенной работы, без всякой претензии на искусство. Золотые и серебряные изделия стоят немного выше; украшения из этих металлов чище по работе и обличают некоторый вкус. Фарфоровые изделия корейцам неизвестны и местная глиняная посуда самого простого сорта.

По занятиям своих жителей Корея — страна по преимуществу земледельческая, и теперь она торгует с нашею Приморскою областью рогатым скотом и овсом, а с Японией — рисом, получая взамен мануфактурные товары. Торговля эта могла бы значительно развиться, почему Россия должна поспешить последовать примеру предприимчивых американцев и заключить отдельный торговый трактат с Кореей. Надобно удивляться даже, как это мы, ближайшее соседи Кореи, не успели сделать этого ранее американцев.

Надобно заметить, кстати, что торговля с Кореей для нас не новость. Корейцы торговали с Россией еще в XVII столетии, именно приходя в Нерчинск и Наун, а также на Аргун, потому что в Пекине китайские императоры торг корейцам запретили из опасения конкуренции. В Наун и Нерчинск корейцы привозили шелковую бумагу обойную, посуду, золотую и серебряную бумагу, бумажные материи, циновки, веера, табак, золото, шелк-сырец, китайские шёлковые материи, брали же от русских меха.

От китайской империи Корея отделена морем и цепью гор Тшанг-Петшанг, или Белых гор. Самая большая из этих гор считается высочайшею в свете. Кроме материка, Корее принадлежат бесчисленные, различной величины, острова, расположенные на западе, юге и востоке, находящиеся под ее владычеством. За небольшими исключениями, острова эти заселены красивым, здоровым населением, занимающимся рыболовством и земледелием. Острова западного берега очень плодородны и покрыты прекрасными лесами. Островитяне, несмотря на свою отдаленность от материка, держатся в строгом подчинении центральному правительству его чиновниками. Из этих островов некоторые значительны по протяжению и населенности. Острова северного берега менее плодородны; жители занимаются исключительно рыболовством и отличаются нетерпимостью по отношению к иностранцам. Из всех островов более замечательны — Кванг-ва на Западе, Квель-парт на юге и Олон-то на востоке. Квель-парт особенно плодородный и прекрасный остров. С моря он очень красив со своими высокими, лесистыми

горами, которые пересекаются превосходно возделанными долинами. Цепь гор, перерезающая остров, задерживает течение холодных ветров с материка, и потому летом здесь бывает очень жарко. Высочайшая вершина этих гор, Aукланд, поднимается на 6600 футов и вся состоит из громадных меловых скал, которые издали кажутся покрытыми снегом. В вековых сосновых и лиственничных лесах держатся табуны маленьких крепких полудиких лошадок, которых ловят, выезжают и снабжают ими Корею. Население острова довольно редкое. Городов на острове два. Главный кустарный промысел жителей островов — приготовление прекрасных плетеных шляп, которые все носят в Корее. Островитяне — народ довольно дикий и суровый и не пользуется хорошей славой. До сих пор остров все еще служит местом ссылки преступников.

Полуостров Корея разделяется на восемь провинций, провинции на 80 округов, в которых около 360 городов, и из них разве 60 могут быть названы собственно городами. Остальные же, собственно, различной величины деревни, отличающиеся от последних только кирпичными домиками, обнесенными невысокими каменными оградами — это помещение лиц административных.

Некоторые города обнесены стенами, которые, однако, далеко не так высоки и массивны, как стены даже третьестепенных городов Китая. Корейские стены не выше шести футов, сложены из неправильных камней и рассыплются от первого снаряда средней величины.

Населения Кореи от 7/2–8 миллионов. Цифра эта, однако, едва ли верна. Так как каждый округ платит дань сообразно числу жителей, то в интересах каждой местности уменьшать действительное число жителей. Принимая во внимание затруднительность контроля на отдаленных от материка островах, неудивительно, что официальные данные совершенно неверны. Действительное население Кореи, со всеми островами, вероятно, доходит до 15–16 миллионов.

На всем своем протяжении Корея изрезана горами, долин мало. Некоторые вершины достигают 6–8000 футов. Белые горы до сих пор не исследованы — никто из европейцев там не был. Гористость Кореи представляет препятствие развитию рек, из которых нет ни одной судоходной. Это обстоятельство и еще отсутствие хороших дорог замедляют и затрудняют сообщения внутри страны.

Нынешняя столица государства известна под именем Ганг-Тшинг или Кин-ки-тао; корейцы же зовут ее Сауль, т. е. «место жительства властителя». В Сауле сосредоточивается все центральное управление страны; он составляет самый значительный город, с 100–150,000 населением. Кроме двора и высших сановников, сюда, на известное время года, съезжаются мно-

гие семьи из привилегированного класса, что значительно оживляет город. От прочих корейских городов Сауль отличается правильно разбитыми улицами, сравнительно красивыми и довольно большими зданиями, но улицы здесь не мощеные и общественные здания и дворец уступают много даже жилищам просто зажиточных классов больших городов Китая. Сауль, как и все города Кореи, окружен стеной в 9–10 футов вышины. Он стал главным городом только в конце XIII века, и после разрушения древней столицы страны. До того времени местом пребывания королей был Сунто — город, считающийся и теперь одним из самых значительных, а жители его богатейшими.

Трудно определить первоначальное происхождение корейцев. Сами они тоже, как полагают, ничего не знают о своих предках, хотя незнакомые с жизнью и письменностью страны европейцы не могут и судить, есть ли ученые у корейцев, сохраняющие предания и историю прошлого. Они происходят, однако, не из того племени, как китайцы и японцы, так как от них очертаниями лица, хотя также с монгольским отпечатком, совершенно отличаются. Кореец рослее японца, но редко бывает выше $5^1/_2$ футов. Он силен, сложен очень пропорционально, оживлен и ловок.

После соединения здесь различных племен и после образования отдельных государств, все они стали неограниченно управляться самостоятельною властью. Предположение, что корейцы находились в зависимости от китайцев, совершенно неверно. Если некогда и существовало некоторое подчинение Китаю, то это было очень давно. Высший совет страны состоит из трех членов первой степени, членов тайного совета и шести членов второй степени; все они вместе составляют род министерства, которое, в свою очередь, подчинено тайному совету, высшему государственному учреждению. Восемь округов управляются начальниками вроде губернаторов, которые и живут в главных городах каждого округа. Каждый округ еще делится на части, управляемые, смотря по их величине и значению, служащими высших или низших степеней. Округи подразделяются на участки для сбора податей, наблюдения за порядком и торговлей. Затем идут разные чиновники, досмотрщики и другие представители власти в местечках и деревнях. Все эти власти, начиная с высшей и кончая последним должностным лицом, назначаются только на два года. Затем их перемещают на другие места. Хотя этим систематическим перемещением чиновников подрывается порядок управления, но правительство хочет таким образом препятствовать чиновникам обживаться на местах и сближаться слишком с местным населением.

В Корее самая строгая кастовая система, имеющая много общего с индийскою, хотя у корейцев она обусловливается не религиозными, а политическими причинами. Первую касту, непосредственно после главы

страны и членов его семьи, составляет высшая каста — потомки древних фамилий. Каста эта распадается на два класса: лиц военных и невоенных. За этими двумя кастами следует малая по численности каста, так сказать, полудворян, составляющих как бы переход от высшего к среднему сословию. Эта каста пользуется правом занимать некоторые должности. Затем идут в нисходящей степени другие касты. Есть еще странное установление — так называемые «презренные» касты, также с разными подразделениями.

Господствующая религия в Корее — буддизм, занесенный сюда в 372 г. после Р. Х. из Китая.

Одеваются корейцы очень просто. Мужчины носят короткую куртку и широкие полотняные панталоны, иногда их собирают около лодыжек. Только в редких случаях люди более зажиточные поверх куртки надевают широкий кафтан и подпоясываются бумажным или шелковым шнуром. Цвет полотна обыкновенно белый, но кафтаны бывают также и светло-голубые. Шерстяные ткани вовсе неизвестны в Корее. Люди сановные и простой народ носят одинаковые прекрасные, плетеные из бамбука шляпы, главное производство которых на острове Квель-парт. Шляпы покрыты черным лаком, надеваются сильно назад. Полы очень широки. На шляпе важных чиновников есть маленькие серебряные значки. Шляпы отличаются необыкновенною прочностью, прекрасно защищают от солнца и, несмотря на то, что очень легки, тонки и крепки как железные.

В Корее существует многоженство, и положение женщин мало чем рознится от положения китаянок. Число жен зависит прямо от степени зажиточности, и так как среднее и низшее сословия мало пользуются довольством, то у них всегда одна жена. При заключении брака нет никаких особенных формальностей. Жених входит в переговоры с родными намеченной им девушки о вознаграждении, и затем берет ее к себе в дом, где она находится у него в полном подчинении и живет в доме на особой половине. Женщины высших классов никогда посторонним не показываются. В деревнях, где женщины принимают участие в полевых работах, они более свободны, но все же не так, как китайские женщины. В городах появление женщины на улице днем считается неприличным. Чтобы хотя отчасти вознаградить женщин за их дневное затворничество, по словам Опперта, летом, обыкновенно около 9 часов вечера, а зимою несколько раньше, по данному знаку затворяются ворота города, после чего мужчины скрываются по домам и предоставляют женщинам возможность несколько часов свободно гулять по городу. Если же случается, что запоздавший мужчина проходит в это время по улице, то он должен, не оглядываясь, как можно скорее пройти мимо. Но мы думаем, что это принадлежит к тем нелепым рассказам, какими, быть может, иногда и морочат туземцы европейцев, которые-таки немало

небывалых вещей наговорили о Китае, Японии, да и о России... Всякий оскорбивший женщину дорого платится за это. Вежливость требует даже, чтобы мужчина при встрече с женщиной закрыл лицо веером и перешел на противоположную сторону улицы.

Дома в городах и деревнях большею частью одноэтажные, сложенные из соломенного кирпича и крытые соломой или глиной. В больших городах дома строят также из дерева и настоящего кирпича и кроют черепицей. Стекло мало известно в Корее, окна же у большинства залеплены масляной, прозрачной, крепкой бумагой. В домах, кроме необходимой посуды для пищи и питья, нет почти никакой мебели. В богатых домах пол устлан толстыми, прекрасными соломенными матами. Корейцы сидят, поджав ноги, у них нет надобности в стульях. Вместо столов употребляются низкие резные скамеечки. О кроватях корейцы не имеют никакого понятия; обыкновенно они спят на матрацах или просто на полу, на толстых матах.

Образ жизни населения очень прост и первобытен. Едят очень умеренно, большею частью рис, овощи, рыбу, изредка свинину. Чай пьют редко и мало.

Нива, 1882, № 33, с. 787–788

К.А. Скальковский

КОРЕЯ

Одною из важнейших задач для развития нашей торговли в Тихом океане мы считаем возможность открытия доступа русским торговцам и русским товарам в Корею. Этот вопрос заслуживает в настоящую минуту самого серьезного внимания.

Корея, как известно, оставалась закрытою для торговли до 1882 года, когда пришло известие, что коммодор Шуффельд, прибывший в Корею на американском корвете «Swanure», добился переговоров с корейцами и 5-го мая в бухте Рен-шин заключил, от имени заатлантической республики, торговый договор с Кореей. По этому договору для американцев открыты в Корее три порта: Рен-шин, Фузан и Гензан-шин. По получении известия об этом тотчас же отправились на своих судах в Корею для заключения подобных же договоров: английский адмирал Уоллэс, французский адмирал Менар и германский командор, и каждому удалось выговорить какие-либо уступки для своей нации. Хотя после означенных уступок в Корее произошел род революции, но последняя на открытие корейских портов не повлияла.

Уже ранее было сделано несколько попыток открыть Корею для торговли. В 1880 году американский корвет «Ticonderoga» пришел 2-го мая в Фузан и через японского консула послал письмо в столицу Кореи. Письмо, однако, было возвращено нечитанным, и корвет, простояв три дня, ушел. Корейцы припомнили, что американцы нападали на их селения у р. Кока. В это же время русский уполномоченный вел в Онжио-жу переговоры о заключении торгового трактата, но также безуспешно. По этому поводу рассказывали тогда, что корейское правительство думало перенести столицу в один из имеющихся открыться портов. Но слух оказался преждевременным.

Корея не оставалась, впрочем, вовсе закрытою для внешней торговли. Японцы с начала семидесятых годов получили здесь концессию, но до

1873 г. ворота концессии стереглись корейскими часовыми, и число торговцев было ничтожно. Население увеличилось только с прибытием переселенцев с островов Тцучима. После экспедиции 1876–77 года японцы вынудили у корейцев открытие для себя двух портов, где устроили фактории, а также добились права ездить свободно до города Тукунейгифу. Число японских купцов возросло тогда до 200. Торговля с Кореей оказалась весьма выгодной, но из привозимых японцами товаров в Корею только одна десятая часть состояла из произведений самой Японии, а девять десятых были европейские мануфактурные произведения. Таким образом, японцы, являясь лишними посредниками и извлекая выгоды и для себя, возвышали цену товаров на 10–20 % и тем уменьшали их сбыт, тогда как при прямых сношениях Кореи с европейскими державами европейские торговые дома могли бы продавать свои товары дешевле, что, несомненно, способствовало бы и большему употреблению последних в Корее.

Для американцев торговля с Кореей имеет, впрочем, второстепенное значение, хотя американцы желают даже заменить корейцами, как рабочими, китайцев и надеются что при учащении сношений с Кореей найдется в ней немало охотников переселиться в Америку, основываясь на примере переселения их на русскую территорию. Расчет американцев окажется, вероятно, ошибочным, так как корейцы выказывают более наклонности к земледельческой оседлости, чем к работе пролетария, а американцам вовсе не нужно, чтобы корейцы сделались у них земледельцами-собственниками, как на русской территории. Даже для Японии торговые сношения с Кореей не слишком существенны, ибо главные предметы корейской производительности: рис, хлеб, маис, те же, что и в Японии, поэтому привоз, как мы сказали, состоит не из японских изделий, а из европейских. Затем, по избытку своего населения, японцы не нуждаются вовсе в рабочих из Кореи. Совсем в другом положении находится по отношению к Корее Россия. Мы имеем непосредственную границу с Кореей; наш Уссурийский край нуждается в мясе, хлебе и других произведениях корейского земледелия; наконец, и в настоящее время тысячи корейцев находят себе работу в наших владениях, пробираясь тайком через границу или приезжая по морю на лодках. Очевидно, что при открытии корейской границы эта торговля и эмиграция возрастут в огромной пропорции, почему Россия должна поспешить последовать примеру предприимчивых американцев и заключить отдельный торговый трактат с Кореей. Надобно удивляться даже, как мы, ближайшие соседи Кореи, не успели сделать этого ранее американцев.

При этом кстати заметить, что торговля с Кореей для нас вовсе не новость. Корейцы торговали с Россией еще в XVII столетии, именно приходя в Нерчинск и Наун, а также на Аргунь, потому что торговать в Пекине

китайские императоры корейцам запретили из опасения конкуренции. В Наун и Нерчинск корейцы привозили шелковую бумагу обойную, посуду, золотую и серебряную бумагу, бумажные материи, циновки, веера, табак, золото, шелк-сырец, китайские шелковые материи; брали же от русских меха. Правда, мы мало ушли вперед по части активной торговли с XVII столетия, но можем утешить себя, что и корейцы не очень-то быстро шагали с тех пор на пути прогресса.

Нам кажется, что наши переговоры в 1880 г. получили бы совсем другое направление, если бы, по примеру известной экспедиции американского командора Перри в Японию, открывшей эту страну для всемирной торговли, наши представления были подкреплены тихоокеанскою эскадрою, находившеюся тогда в ее полном составе. Корейцы едва ли согласились бы противиться такой внушительной демонстрации. А открытием Кореи наш флот сослужил бы России службу, которую Россия вправе требовать после стольких затрат на поддержание и улучшение своих военно-морских сил. Ставши же прочною ногою в корейских водах, и с Китаем можно бы говорить другим тоном. Открытие Кореи получило бы для России еще более значения, если бы, кроме права свободной торговли, Россия выпросила себе, за известное вознаграждение, исключительное право устроить торговую факторию в незамерзающей бухте Лазарев.

Открытые в Корее для японцев порты были Фузан и Гензаншин. Оба этих порта очень удобны для больших судов. Недурен еще порт Шоген; затем порты Кокай, Киришу и Гожо доступны только мелким судам. В Фузане гавань похожа на озеро, окруженное горами, и доступна судам большой осадки, пароходы не идут, впрочем, далее южной части Вакана (где находится японская концессия), ибо канал, отделяющий концессию от острова Зекея, узок и наполнен камнями. В Фузане японская концессия занимает 100,000 тцубов[1] земли, за которые японское правительство платит корейцам 50 иен. Каждый японец свыше 15 лет обязан платить в год 10 сен, японка 6 сен, кроме того, есть налог, установленный в 1877 г. и пониженный в 1879 г. по 2 иены с 1,000 с привозимых товаров. Жителей в концессии было в 1879 г. 1,115, земли давались даром с обязательством в шесть месяцев построить дом. Поселению составлен план, но пока обстроено оно плохо. Повсюду, где водворились японцы, прежде всего процветают у них публичные дома и гейчи, тоже и в Фузане. Торговлей с корейцами занимаются немного домов; вот важнейшие товарищества: Окура из Токио, Сумитомо и Кийдо-Кайша из Осака, Икеда из Кобе, Сен-Вуша и Ричинча из Тцучимы. В Фузане есть даже торговая палата,

[1] Тцубо (цубо) — мера земельной площади (3,3 кв. м). (*прим. сост.*).

выбирающая своего президента. Температура в Фузане в апреле и мае от 72 до 92° Фаренгейта, дожди малые.

В другом открытом для японцев в Корее порте, в Гензаншине, японское правительство испросило концессию в 300,000 тцубов земли. Эта земля раздавалась даром каждому японцу, желавшему поселиться для торговли, с выдачею на постройку домов для бедных 500 иен пособия. Очень много желающих переселиться явилось с острова Киу-Шиу, и земля была живо разобрана. В этом же городе японцы предполагали устроить постоянную выставку своих произведений и агентство морских страхований (общество Токио). Расстояние от Гензаншина до Фузана по японским измерениям 112 ри сухим путем и 125 ри морем.

Торговля Кореи с Японией представляется в следующем виде:

	Вывоз, иен	Привоз, иен
В 1873 г.	52382	59664
1874	55935	57522
1875	59787	68930
1876	82572	81374
1877	166823	229249
1878	205281	244544
1879	677062	566954

Таким образом, в один год торговый оборот увеличился на 794191 иену или на 176 %, что дает возможность судить, как может развиться торговля, если будет открыт свободный доступ всем иностранным товарам. Движение судоходства в Фузане видно из следующих данных:

	Парох.	Парусн.	Джонок
В 1876 г.	20		100
1877	6	–	318
1878	13	–	236
1879	30	15	644

Надобно заметить, что в общем итоге привоза в 1879 г. европейские товары составляют 511307 иен, или с лишком 90 %, а именно было привезено на сумму:

	иен		иен
Серого шертинга	353879	Буры	80
Столового полотна	28573	Никеля	1399
Полотен	72433	Олова	486
Ниток	14276	Пуговиц	287
Шертинга плиссе	918	Стекол	2368
Бумажной пряжи	172	Часов	61
Ситцев	1072	Спичек	1284
Красных ситцев	224	«Тамбоку»	2668
Одеял	50	Красок	24167
Хлопка	2250	Керосина	71
Сахара	136	Карандашей	5
Перцу	821	Мешков	15
Квасцов	12	Стекла	9
Леденца	835	Разн. товаров	130
Гвоздики	110		

Японские товары доставлялись только для потребления японских резидентов, что и понятно, так как предметы производительности Кореи, страны по преимуществу земледельческой: рис, хлеб, шелк и пр., почти те же, что и в Японии.

В 1880 г. торговля Кореи с Японией увеличилась, сравнительно с 1879 г., в особенности увеличился вывоз риса, хотя корейское правительство воспрещает вообще отпуск жизненных припасов. Вот цифры, извлеченные из шанхайского отчета:

С 1 июля 1879 по 1 июля 1880 года ввоз 122800 ф. стерл., вывоз 167600 ф. стерл.

С 1 июля 1880 по декабрь 1880 года ввоз 135600 ф. стерл., вывоз 181400 ф. стерл.

Таким образом, оборот торговли Японии с Кореей замечателен по быстроте развития; в числе ввозных товаров за последние шесть месяцев 1880 года, из 135600 ф. ст., 110,000 ф. ст., представляют английские мануфактурные товары.

За 1881 год у нас имеются сведения только об одном Гензаншине, в который пришло 18 паровых и парусных судов, привезших товаров на 770444 иены, а вывезших на 728438 иен, причем против 1880 г. привоз увеличился на 40 %, а вывоз увеличился с лишком в три раза.

В 1882 году торговля несколько пострадала по недостатку безопасности, так как многие склады японцев были разграблены революционерами, а корейское правительство оказалось бессильным обуздать грабителей и

отказалось дать вознаграждение. Общий годовой оборот торговли с июня 1881 года по июнь 1882 года (несмотря на бывшие смуты) составил все-таки миллион мексиканских долларов.

По заключенному с Кореей договору, американцы имеют право на покровительство своей жизни и торговли, подчиняясь притом в уголовных делах законам своей страны. Америка получает право иметь дипломатических агентов. Таможенная пошлина назначается в 10 % с цены на обыкновенные товары и 30 % на предметы роскоши, куда причисляются спиртные напитки, вино и табак. Никакими другими налогами внутри страны американские товары не облагаются. С кораблей будет взиматься ластовый сбор в размере 5 % и в случае крушения корейцы обязаны подавать помощь, получая потом вознаграждение за свои труды по оценке. Привоз опиума запрещается. Трактат заключен на 5 лет с правом возобновить его с необходимыми улучшениями. Китайцы также добились себе широких прав для торговли в Корее. Обе нации получают право иметь консулов. Если кореец обидит китайца, или китайцы друг друга, то их будут судить китайские консулы, если же китаец обидит корейца, то суд будет смешанный. Торгующие получают право покупать недвижимые имущества; пошлины, кроме красного женьшеня, не должны превосходить 5 %; остальные постановления сходны с американским трактатом.

Открытие корейских портов для торговли сразу произвело большое оживление в складах товаров в Шанхае и др. местах Китая, так как там все уверены, что и в Корее будет то же, что в Китае и Японии. Важен первый доступ, а затем торговля сама расширит свое русло, тем более, что хотя Корея страна не очень богатая, но новейшие исследования показали, что торговля с Кореей способна к значительному развитию и может доставить большие выгоды. Относительно Кореи возникли поэтому очень сангвинические надежды, тем более, что новые сведения об этой стране выяснили два весьма важных обстоятельства: во-первых, то что японцы, желая остаться посредниками в торговле между корейцами и иностранцами, распространяли о корейцах самые невыгодные слухи, тогда как эти люди оказываются сильными и неутомимыми работниками, любящими опрятную одежду, охотно покупающими поэтому европейские мануфактурные произведения, хотя им и приходится еще получать оные не дешево, вследствие посредничества китайцев и японцев; во-вторых, что земледельческий класс очень дружественно относится к иностранцам; враждуют же против них только торговцы, которые, получая европейские товары из вторых рук — прежде чрез пограничную торговлю с китайцами, а в последнее время морем от японцев, и разумеется не дешево — до сих пор непомерно возвышали цену и теперь, естественно, опасаются, что при

открытии прямых сношений населения в разных местах с иностранцами потеряют свои значительные барыши. По словам шанхайских газет, корейцам надо отдать преимущество во многих отношениях и пред китайцами, и пред японцами. Они очень солидны, и если не так враждебны к нововведениям, как китайцы, то и не так падки на них, как японцы. Сановники у них знакомы и с текущими европейскими событиями и признают пользу некоторых перемен и позаимствований у европейцев, но считают невозможным вводить их с такою поспешностью как в Японии, не расстраивая экономического положения народа, связанного всегда с известным бытом и привычками.

Японцы от перепродажи европейских товаров в Корее выигрывали не менее ста процентов. Корея имеет много металлов и отпускала японцам золото, и притом весьма различных проб, что доказывает, что в Корее есть месторождения этого металла. Из других предметов отпуска можно упомянуть о серебре, меди, тигровых кожах, корне женьшеня, живом скоте и продуктах скотоводства: бычачьих и лошадиных кожах, костях, лесном товаре, рисе, горохе, бобах, пшенице, морской капусте, акульих перьях и других предметах рыболовства. Рыбные ловли около берегов Кореи очень развиты и значительная часть рыбы добывается и солится на счет казны для продовольствия населения.

Плодородность почвы в Корее в некоторых местах, по словам Опперта, новейшего путешественника в этой малоизвестной стране, весьма значительна; минеральные богатства также достаточно велики, чтобы возбудить интерес в людях, ищущих наживы. Что касается местных мануфактур, то вот некоторые более положительные указания для тех, которые пожелали бы торговать с Кореей. Производство изделий из хлопка и пеньки составляет главную отрасль местной промышленности, эти изделия качеством ниже обыкновенного английского шертинга; ткани, употребляемые для детей и солдат, выкрашены в темно-синий цвет. Шелковые изделия не делаются в Корее и единственный предмет этого рода, виденный Оппертом, это шелковые плетеные кушаки, которые носят высшие классы. Все шелковые ткани, которые носит аристократия и служащие,— китайского происхождения. Материя, употребляемая для чулок, немного тоньше и соткана в один кусок.

Есть два предмета, в которых корейская промышленность замечательна — это приготовление бумаги и затем плетение соломы для шляп и т. п. Корейская бумага превосходна и стоит гораздо выше китайской; она даже выше лучших сортов японской бумаги и так плотна, что нужно много силы, чтобы разорвать ее. Она приготовляется по большей части из пеньки и, вымазанная маслом (лакированная), служит для зонтиков, плащей

от дождя, шапок и т. д. Маленькие количества этой бумаги, попадающие через границу Китая, там высоко ценятся. Что касается стекла, то оно и его приготовление в Корее совершенно неизвестны. Намасленная бумага заменяет стекло в окнах и дверях домов. Шерсть совсем не обрабатывается, потому что овцы чрезвычайно редки и даже во многих местах Кореи неизвестны. Так как там мало нуждаются в очень теплой одежде, между тем меха заменяют шерстяные изделия, то нет сомнения, что последние могли бы играть большую роль в торговле. Металлические и деревянные изделия, а равно предметы роскоши из слоновой кости и лакированного дерева, которые дошли до такого совершенства в Китае и Японии, в Корее весьма плохи. Трудно даже найти что-нибудь достойное внимания. Медная посуда — самой обыкновенной работы, без всякой претензии на искусство. Золотые и серебряные изделия стоят немного выше; украшения из этих металлов чище по работе и обличают некоторый вкус. Фарфоровые изделия корейцам неизвестны и местная глиняная посуда самого простого сорта.

В Корее не существует пока ни золотой, ни серебряной монеты, в торговле знают только медную разменную монету. Ее два сорта. Один вроде старинных японских монет в два рина, другой поменьше. На последней вырезана надпись: Жо-гей тцу-го (монета для ежедневного употребления). Впрочем, курс обеих одинаков. Некоторое количество их равняется кан-мону (на японский счет две иены 24 или 25 центов). Но эта величина колеблется, хотя никогда не превосходит 2,27 иены. По трактату японские монеты должны свободно обращаться в Корее, но этого не существует, за недостатком их.

Японцы еще в 1879 г. установили срочное пароходное сообщение два раза в месяц между Фузаном и Нагасаки на Тцучима, но пароходы ходят почти пустыми, что и понятно при соображении, что несколько кусков коленкора не составляют груза, а несколько смазливых японских «гетчей» — пассажиров. Совсем будет другое, если та же линия протянется до Владивостока. Кроме грузов из Сибири в Японию и обратно, явится тогда очень много промежуточных грузов из Кореи в Россию, а также пассажиров: корейских рабочих и поселенцев, направляющихся в Уссурийский край, где, конечно, такой колонизации рады. Корея имеет, по приблизительным исчислениям, от 8 до 10 милл. жителей, следовательно представляет достаточный контингент для эмиграции, избыток населения подтверждается также низкой заработной платой,— заработная плата в Корее 60 монсов (5½ сен) в день.

Мы уже упоминали о корейской колонизации в Южно-Уссурийском крае; частью она доходит и до Амура. Корейцы причислены в Приморской области к государственным крестьянам и получают для жительства билеты

от волостных старшин. Корейцы пользуются расположением русского населения, и желательно создать им в русских владениях более спокойное житье. Теперь же они нередко разбегаются и уходят обратно от грабежей хунхузов.

По пограниченной торговле корейцы привозят к нам быков и овец, покупают же у нас мануфактурные товары: ситцы, дрильсы, дабу. В платежах корейцы не всегда исправны, случаются мошенники, которых нельзя отыскать. Судя по отзыву японцев, в их факториях корейцы характера скромного и услужливого, но воры и любят все делать из-под палки, привыкнув к тиранству своего управления. В Фузане корейцы поступают на службу японцев с жалованьем от 3 до 7 иен в месяц, хотя это воспрещалось корейскими властями; последние запрещают также корейцам низкого звания носить обувь.

Как пункт, ближайший к нашей границе с Кореею и Китаем, Новгородский пост будет иметь важное значение в близком будущем, потому что ближайшие города — китайский Хун-Чун (на реке Хун-Чуне, притоке Тюмень-Улы), и корейский Бянь-Лянь-Дзи-Чень, на реке Тумень-Ула, — лежат лишь в нескольких десятках верст от залива Посьета. Кроме того, от него идет, именно из деревни Ханцы, во внутрь Маньчжурии наезженная дорога, по которой увозятся туда значительные грузы рыбы и разных морских продуктов, морской капусты и трепангов, добываемых летом по прибрежью Японского моря. Без всякого сомнения, когда завяжутся торговые сношения с Маньчжурией и Кореей, большая часть их произведений пойдет чрез залив Посьета, тем более что населенные места Маньчжурии находятся к нему ближе, чем к другим гаваням; про близость же его к Корее и говорить нечего. От поста Новгородского (по карте), через Хун-Чун, до города Сань-Сина — около 450 верст, до г. Нингуты — около 250 верст, а до гор. Гирина — около 350 верст. Парусные суда плавание от Посьета до города Чифу, в Бей-джилийском заливе, совершают зимою средним числом в 14 и 15 дней, а от Чифу до Посьета плывут от 25 до 30 дней; летом же — обратно, т. е. от 25 до 30 дней продолжается рейс от Посьета до Чифу и 14или 15 дней от Чифу до Посьета, что зависит от господствующих ветров.

Пост Новгородский составляют пока лишь несколько зданий, частью каменных, из кирпича, выделанного на месте, а более деревянных. В будущем значение этого поста определяется и близостью к нему месторождения каменного угля, что очень удобно для пароходов. Копи угля находятся на северо-западном берегу полуострова Новгородского, в 400 саж. к западу от мыса Тироля, у самого прибрежья залива Экспедиции, подле прежнего места поста. Копи эти, открытые в 1859 г. и ныне не действующие, разрабатывались солдатами постовой команды; но велики ли залежи

угля, тщательной разведки не сделано еще; качество угля одинаково и даже хуже сахалинского, но, при привычке к нему, оно не представляет затруднений для отапливания машин паровых судов; зато выгода дешевизны вся на его стороне, так как добыча угля на месте обходилась казне не дороже 5–7 руб. за тонну. Нагрузка судов производилась в Новгородском посту при помощи шлюпок, мешками; для этого суда переходили в бухту Экспедиции, огибали в 3-х или 4-х кабельтовых м. Тироля, имеющий заметный кекур при северной оконечности, и становились на якорь севернее копей, кабельтовых в 2½ от берега, на глубине 17–18 футов, где грунт – ил; но для осени стоянка тут беспокойна, так как ветры NW и WNW дуют с противоположного берега бухты очень свежо, почему приходится на судах держать готовые пары, чтобы при порывах не быть сдрейфованным к подветренному утесистому берегу.

Кроме Новгородского поста, в этой местности имеет значение селение Янцика, где живет комиссар, назначенный для поддержания сношений с Кореею. Янцика, официально переименованное русскими в Новый Киев, отстоит от бухты Посьет в 15 верстах на материке и имеет без малого дюжину домов; оно избрано местом телеграфной и почтовой станций по причине морского своего положения, по близости лучшего якорного места. Пост расположен на левом берегу реки Тумень-Ула, составляющей границу между Россиею и Кореею, в 25 верстах от нее; гарнизон поста состоит из одного батальона пехоты и одной батареи горной артиллерии. Считают около тысячи корейцев, которые ежегодно в этом месте переходят границу.

Сама река Тумень-Ула осмотрена была подробно в 1861 году корпуса штурманов поручиком Григорьевым, который поднимался по ней вверх на значительное расстояние, и составленный на основании произведенных им тогда разведок план реки издан гидрографическим департаментом. Река имеет неровное, с ямами, дно; и хотя при устье ее глубина 1½ саж., но несколько далее лежит бар с глубиною только 3 фута. В низменных берегах река вливается прямо в открытое море, поэтому можно полагать, что летом, при господствующих ветрах прямо в берег, вход в реку не всегда возможен. На части берегов ее, входящей в русскую территорию, поселений никаких не имеется, кроме нашего военного поста; даже корейских деревень нет вблизи, хотя, как рассказывают, до проведения нашей границы с Китаем, тут было их несколько. На реке находится, верстах в 30 от берега, корейский город Бянь-Лянь-Дзи-Чень, в котором в половине февраля бывает значительная ярмарка, куда допускаются и жители соседнего китайского города Хун-Чуна; русские же на корейскую ярмарку не допускаются; для развития же края, добиться этого права от корейцев необходимо, так как, напр. в 1866 году, быки, покупаемые на ярмарке за 12 серебряных рублей,

или коровы, покупаемые там за 7, после продавались китайцами нам, русским, первые за 25 и 30 руб., а вторые за 16 и 18 рублей. Попытки с нашей стороны проникнуть в корейский город на Тумене были сделаны еще в 1865 году, но не имели успеха, только в 1868 же году г. Пржевальскому, первому из русских, удалось побывать в корейском городе. В будущем, по всей вероятности, на Тумене разовьется судоходство, теперь же здесь лишь изредка ходят плоскодонные лодки корейцев, имеющие, впрочем, значительную величину. Зимою река эта нередко покрывается льдом, по которому можно ездить.

Скальковский К.А. Русская торговля в Тихом океане.
Экономическое исследование русской торговли и мореходства
в Восточной Сибири, Корее, Китае. Японии и Калифорнии.
СПб. 1883, с. 110–121

Д. М.

ОБ ОТКРЫТИИ КОРЕИ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ

Летом 1882 года на крайнем востоке произошло несколько событий, обративших на себя внимание как военных, так и коммерческих моряков, находившихся на месте.

Главнейшими из них следует считать заключение между Кореею, с одной стороны, и Северо-Американскими Штатами, Англиею и Германией, с другой, договоров о взаимном мире, дружбе и торговле, по которым в пяти своих прибрежных местах Корейское королевство открылось для иностранцев.

До 1882 года с корейцами имели торговый договор только одни японцы[1], которые через три приморские порта: Гензан, Пузан и Броутон-бэй или порт Лазарева и могли сноситься с Кореею; попытки же остальных наций открыть эту страну для торговли и международных сношений оставались без результата. Корейское королевство или, по-туземному, Чозен или Хозен (Chosen), до недавнего времени упорно отказывалось от всякого сближения с иностранцами. Первыми, изменившими это упорство корейцев на согласие их начать торговлю с Америкою, были моряки военного флота Соединенных Штатов. Бывший начальник американской эскадры у восточных берегов Азии, коммодор Шуфельд[2], действуя под покровительством Ли-хунг-чана, генерал-губернатора провинции Чили, 9 (21) мая 1882 года заключил с корейцами трактат о торговле. Текст этого договора неофициальным образом печатался в шанхайских газетах, но действующим законом он еще не сделался за неутверждением его сенатом и президентом Соединенных Штатов; утверждения же не последовало, по

[1] Китай для Кореи не считается чужим, а потому торговля между этими странами издавна велась на основаниях внутренних сношений.

[2] Тот самый, который еще в 1867 году, будучи в чине командора, вел переговоры с корейцами по случаю сожжения последними нескольких американских судов, потерпевших крушение у берегов Кореи.

местным слухам, именно потому, что при заключении этого договора Американская Республика оказалась в недостаточно высоком положении страны, не самостоятельно заключающей договор с другою, а лишь благодаря покровительству и посредничеству китайцев. Но, во всяком случае, хотя американцы и возбудили вопрос о том, правильны ли притязания Китая на вмешательство во внешние сношения Кореи и потому с утверждением заключенного договора медлят, трактат этот все-таки останется навсегда первым в своем роде, открывшим Корею для западно-образованных наций.

Из факта участия Ли-хунг-чана в заключении трактата Шуфельда, а также из событий, сопровождавших восстание в столице Кореи против партии сближения с иностранцами, восстания, случившегося также летом 1882 года, видно, что Китай желает деятельно поддерживать свое право государственного главенства над Кореею, которое английскими историческими сочинениями и в особенности политическими писателями за ним и признается. Но сомнение в том, что это право действительно существует, возбуждается трактатом о морской торговле между Япониею и Кореею 1876 года, в котором находится совершенно определенная статья, говорящая о полной независимости Корейского королевства от кого бы то ни было, по отношению права на заключение международных актов.

Вопрос о соглашении этой статьи о независимости Кореи с фактом действительного ее подчинения китайскому губернатору, может быть, также влияет на то, что Северо-Американские Штаты медлят с утверждением договора Шуфельда; если и другие государства также затрудняются вступить в сношения с вновь открывшейся страною не иначе, как с одобрения китайского чиновника, то в морях крайнего востока возникнут усложнения, в которых непременно примут участие суда военных флотов, но для участников интересно знать все подробности дела, дошедшего до них на известной ступени его развития.

Дело открытия Кореи для европейцев, которое летом 1883 года необходимо должно продолжаться, весьма недавно находилось в таком положении: После заключения Шуфельдом договора, 25-го мая (6 июня), в Корейском порту Гензан был подписан второй торговый трактат Кореи с западными иностранцами, а именно — с англичанами, уполномоченным которых в данном случае был теперешний флагман английской эскадры в китайских водах вице-адмирал Вельс.

18-го (30) июня подобным же образом начальник германской Тихоокеанской эскадры коммодор фон-Бланк заключил третий трактат с Кореею. Оба эти трактата, как и американский, в январе текущего года еще не были объявлены во всеобщее сведение и не попали в календарь крайнего востока под заглавием «Chronicle and Directory for China and Japan», издающийся в

Гонконге и заключающий в себе, между прочим, все трактаты восточных народов с другими государствами.

В то время, когда корейское правительство заключало новые договоры, открывавшие страну чужеземцам, в самой Корее существовала сильная партия, имевшая во главе дядю короля по имени Дайен-Куна, которая не желала предстоящих сближений с иностранцами. 11-го (23) июля 1882 года эта партия в Сеуле, столице Корейского королевства, произвела беспорядки, лишила свободы царствующего короля и королеву, напала на японское посольство, убила 8 лиц из его состава, остальных же четырех человек с посланником во главе вынудила бежать к берегу, схватить первую попавшуюся лодку и, спасая жизнь, выйти на ней в открытое море без одежды, без карт и без провизии. Бедственное положение спасшихся японцев прекращено было английским клипером Flying Fish, производившим опись у берегов Кореи, с которого бедствовавшая среди моря лодка была замечена, пассажиры с нее приняты на палубу и затем доставлены в Нагасаки. Одно время думали, что Сеульское побоище поведет к войне между Кореею и Япониею, но вмешательство китайцев предотвратило войну; на корейском престоле был снова восстановлен прежний король, дядю же его — узурпатора, китайцы обманом захватили, отправили внутрь Китая и водворили там на пожизненное заключение.

Осенью 1882 года генерал-губернатор провинции Чили отправил в Корею партию чиновников с неким г-ном фон-Моллендорфом (германский подданный, служащий при Ли-хунг-чане переводчиком и делопроизводителем) во главе для организации таможенной службы, которой до сих пор вовсе не было в Корее. Следовательно, административно-фискальные учреждения в Корее, с которыми главным образом придется сталкиваться иностранцам, будут организованы наподобие уже существующих в Китае таможен, которые, как известно, созданные сэром Робертом Гартом, считаются в своем роде совершенством.

На этом дело открытия Кореи для иностранцев в 1882 году остановилось для того, по всей вероятности, чтобы со вскрытием моря, в апреле или мае текущего года, продолжаться — появлением у берегов Кореи купеческих судов тех стран, которые имеют уже свои трактаты заключенными, военных — от тех, которые пожелают таковые трактаты заключить вновь, и т. д.

Япония, Соединенные Штаты, Англия и Германия уже приобрели для своих подданных права пребывания в Корее с торговыми целями. До настоящего времени Корея считается очень бедною страною, явная отпускная торговля которой может состоять только из риса и еще из осо-

бенно прочной прозрачной бумаги, употребляемой в Китае и Японии для заклейки оконных рам вместо стекол.

Кроме этих предметов явной отпускной корейской торговли, на крайнем востоке ходят слухи, что имеется еще один товар, тайно вывозимый из Кореи, состоящий из золотого песку. В Японии говорят, что на почтовых японских пароходах Митзу-Баши (трех алмазов), по трактату 1876 года имеющих право заходить в Корейские порта: Гензан (порт Сеула), Пузан и Броутон-бэй (порт Лазарев), японцы иногда привозят мешочки, заполненные самородками, выгодно приобретенными в Корее. Насколько справедливы эти слухи, не далее как к осени текущего года, вероятно, вполне выяснится, так как с настоящей весны в корейские порта будут заходить суда не одной только японской компании, но и многих других...[3].

Морской сборник. Т. CXCVI, № 5, СПБ, 1883, с. 67–71

[3] Статью завершают тексты следующих документов: Договор мира и дружбы Японской империи и Корейского королевства Хозен (Chosen); Дополнительный договор между Японией и Кореею; Правила ведения японской торговли в Корее (*прим. сост.*).

П.А. Дмитревский

ИЗ «ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОРЕИ»

(перевод с китайского)[1]

Тань-цзюнь (кор. Тамкунь, жил за 2.330 лет до Р. Х.) основал государство (Корею), а Цзи-цзы (Кые-ца, жил за 1.100 лет до Р. Х.) принял пожалование (во владетели Кореи от Китайского Богдохана), и у обоих столицей был город Пин-жан (П'иэн-ян). Династия Хань (Китай 206 до Р. Х. по 8 год по Р. Х.) учредила четыре области и два департамента. Затем три Хань разделили между собой Корею (в 194 г. до Р. Х.). Владение Ма-хань заключало в себе 54 удела, Чэнь-хань и Бянь-хань владели каждое по 12 уделов. После этого (в Корее) утвердились, как три ножки треножного жертвенного сосуда, три других владения: Синь-ло, Гао-гоу-ли и Бо-цзи. Синь-ло граничило с востока и юга морем, на запад достигало горы Чжи-и (Ци-и, в провинции Циэнь-ра, или Циэнь-на), а на север до реки Хань. Гао-гоу-ли на восток достигало моря, на юг до реки Хань, на северо-запад заходило за реку Ляо. Бо-цзи на юго-запад простиралось до моря, на восток до горы Чжи-и, а на север до р. Хань. Синь-ло уничтожило Гао-гоу-ли и Бо-цзи, а потом пало и само. Гун-и овладел Те-юань (кор. Т'иэль-уэнь, департамент пров. Кан-уэнь) и назвал свою династию Хоу-Гао-гоу-ли (последующая Гао-гоу-ли); Чжэнь-сюань овладел Вань-шань и назвал свою династию Хоу-Бо-цзи (последующая Бо-цзи).

Основатель династии Гао-ли (Ко-риэ, оттуда Корея) соединил под своей властью владения трех Хань (в 918 году по Р. Х). Границей его государства на северо-западе стала река Я-лу-цзян (Ап-нок-кан), на северо-востоке горы Сянь-чунь-лин (Сиэнь-ц'юнь).

Затем наш[2] Кан-сянь-ван (Кан-хиэнь-ван, или оан, основатель настоящей династии, 1392–1398 по Р. Х.) основал свою столицу в Хань-ян и учредил восемь провинций (дорог). Средняя из провинций названа Цзин-

[1] Имя автора «Географического описания Кореи» неизвестно. П.А. Дмитревский полагал, что это кореец периода Минской династии в Китае (1368–1628) (*прим. сост.*).

[2] Это показывает, что автор книги — кореец.

цзи (Киэн-кые), а юго-западная Чжун-цин (Ц'юн-циэн): обе они на западе опираются на великое море и заключают в себе древнее владение Ма-хань. Из земель, состоявших под властью Гао-гоу-ли и Бо-цзи, составились: на юго-востоке провинция Цин-шан (Киэн-сян), которой юго-восточные границы доходят до великого моря и которая составляла древнее владение Чэнь-хань; на юге провинция Цюань-ло (Циэнь-ра), которой южная граница доходит до моря и которая составляла древнее владение Бянь-хань и после него находилась во власти Бо-цзи; на западе провинция Хуан-хай (Хоан-хае), которая на западе граничит с морем и состояла в древнее время во владении Ма-хань, перейдя от Ма-хань во власть Гао-гоу-ли. Танский Гао-цзун (Китай 650 — 683 по Р. Х.) уничтожил Гао-гоу-ли, но не мог удержать его земель, и они присоеденены были к Синь-ло, после падения которого их захватил Гун-и; затем ими овладел основатель династии Гао-ли. На востоке образовалась провинция Цзян-юань (Кан-уэнь), которой восточные границы опираются на море, и которая прежде состояла во власти Хуй-мо, а после перешла под власть Гао-гоу-ли. На северо-западе образовалась провинщя Пин-ань (П'иэн-ань), которая на западе опирается на Я-лу-цзян, а на севере граничит с Мо-э. Она составляла древнее владение Чао-сянь (Тио-сиэнь. Название настоящей династии тоже), а после была под властью Гао-гоу-ли, уничтоженного первыми двумя владетелями Синь-ло и танским полководцем Ли-цзи. На северо-востоке учреждена провинция Сянь-цзин (Хам-киэн), опирающаяся восточной частью на реку Доу-мань-цзянъ (Ту-мань-кан), а на севере гранича с Мо-э. Она состояла прежде также под властью Гао-гоу-ли.

Три из 8 провинций: Чжун-цин, Цин-шан н Цюань-ло отличаются от прочих своим пространством и богатством своих произведений; округи и области в них большие, самые населенные и богатые; жители их отличаются любовью к стихам и прозе (образованности) и процент выходящих отсюда способных людей более чем вдвое превышает другие провинции. Провинции Цин-ань н Сянь-цзин граничат с Мо-э и жители их отличаются искусством стрелять из лука и ездить верхом на лошадях; войско из них энергично и сильно.—

1) СТОЛИЦА.

Гора Хуа-шань (Хоа-сань) защищает столицу с севера, представляя из себя свившегося (готового для нападения на врага) дракона и сидящего на задних лапах (грозное положение) тигра. На юге столицы река Хань-цзян представляет из себя большую полу (широкую, прикрывающую всю переднюю половину тела) и пояс. На востоке столица опирается на горные ущелья и горы, а на западе море Бо-хай замыкает окружающее ее кольцо.

В столице в дворцовом городе (кремле) находятся:

Цзин-фу-гун, дворец, в котором живет Ван (корейский король имеет титул Вана; по-китайски это название князя 1 степени).

Цинь-чжэн-дянь, дворец, в котором Ван дает обыкновенные аудиенции сановникам, приходящим с докладами по делам.

Сы-чжэн-дянь находится на север от Цинь-чжен-дянь и служит для приема ученых и для рассуждений с ними о способах доброго правления.

Кан-нин-дянь, дворец, находится на север от Сы-чжэнъ-дянь.

Цзяо-тай-дянь, опочивальня Вана, на север от Кан-нин-дянь.

Хань-юань-дянь на северо-запад от Кан-нин-дянь.

Ян-синь-дянь (зала питания сердца) на запад от Кан-нин-дянь.

Пэй-сянь-гэ, на восток от Сы-чжэн-дянь, служит для приема ученых чиновников и для рассуждений с ними о трудных местах в классиках (китайских).

Линь-чи-тан (Храм ножного пальца Ци-линя, доброго мифического животного,— дворец наследника престола) — на восток от Цзяо-тай-дянь.

Цзы-вэй-тань — также на восток от Цзяо-тай-дянь.

Цин-янь-лоу (башня, или возвышенное здание чистого щебетанья, как ласточки) — на восток от Цзяо-тай-дянь.

Чжун-шунь-тан находится в заднем саду. Такое имя дано этому храму для того, чтобы Ван постоянно помнил о правлении и дабы он служил ему напоминанием о должной почтительности и повиновении (завещаниям предков).

Лун-вэнь-лоу (башня возвышения гражданской службы) находится на восток от Цин-чжэн-дянь (Гражданские чиновники называются также восточными).

Лун-у-лоу (башня возвышения военного звания) — на запад от Цинь-чжэн-дянь (Военные чиновники называются еще западными).

Цин-хуй-лоу (башня спокойного собрания) находится на запад от Сы-чжэн-дянь; кругом башни — широкий и глубокий пруд, в котором разводят ненюфар (кувшинки.— *Сост.*); по средине пруда есть два острова.

Цинь-цзин-гэ находится на запад от Кан-нин-дянь. Из меди вылита гора вышиной 7 с лишком футов и поставлена среди этого здания; внутри горы вделана хитрая машина, управляемая падающей водой, от которой колеса в машине сами двигаются. Пять облаков ходят кругом солнца; утром и вечером они выходят и исчезают. При этом устроены фигуры заведующих часами военных офицеров, яшмовых женщин и 12 духов; каждый раз, как оканчивается час, военные офицеры бьют в колокольчик, яшмовые женщины выходят вне, держа дощечку, показывающую час, и каждый из 12 духов одновременно встает на своем месте; когда час окончится,

то яшмовые женщины скрываются назад, и 12 духов уходят. Не понять чудесности этой машины, как будто духи управляют ее ходом. С четырех сторон горы написаны виды четырех времен года, дабы, сообразуясь с временем, выражать почтение небу.

Бао-лоу-гэ на юг от Цин-хуй-лоу. На этой башне поставлены два седалища, над которыми находятся три духа: заведующий часами (12 в сутках) бьет в колокол, заведующий стражами ночи (периодами ночи) бьет в барабан, заведующий часами (24 в сутках) бьет в гонг. Внизу находятся 12 духов, и каждый из них держит дощечку, показывающую час; когда час наступает, то соответствующий дух выходит; когда час окончится, то дух уходит. Фигуры духов все вырезаны из дерева. В движение машина приводится напирающей водой, без всякого употребления человеческой силы, и так верно показывает она время, что не ошибается ни на секунду. Искусство в ней весьма удивительное. Уличные (городские) колокола и барабаны всегда, и утром и вечером, бьют время, руководствуясь ею.

Цзянь-и-тай находится в северо-западном углу дворцового города. Башня построена из камней с каменными перилами кругом. На вершине ее положен простой круг; в западной части вершины поставлен медный указатель. Столб, по тени которого узнают время дня, сделан из синего камня и на лицевой стороне его вырезаны сажени, футы, вершки и дюймы. Пред столбом положена доска, на которую падает тень. Когда солнце находится в зените, то берут длину тени и высчитывают по ней состояние полноты или ущерба двух начал (инь и янь, животворных сил мира).— У западного основания дворца Чань-дэ-гун построена башня Чжань-син-тай, на которой поставлен малый простой круг (сяо цзянь-и) для наблюдений над звездами, для исследований — случатся ли впоследствии бедствия, или будет счастливое время, и — для наблюдений над формами облаков. На краю большой улицы также есть башня, на которой поставлен большой котел с ножками; в котле вырезана градусная распланировка всего неба и нарисованы 12 духов; извне котла показаны страны света и положена поперечная линия от севера к югу, в средине которой пробита маленькая дыра для наблюдений над проходящим чрез нее лучом солнца и для указания времени невежественному народу.

Цзы-шань-тан находится в восточном дворце; в нем наследник престола вместе со своими сверстниками учится читать и толковать книги.

Чан-дэ-гун — на восток от Цзин-фу-гуна; особенный Ванский дворец.

Жэнь-чжэн-дянь — зала для приемов.

Сюань-чжэн-дянь — на восток от Жэнь-чжэн-дянь; зала для рассуждений о способах управления.

Фэй-гун-тан — на юг от ворот Янь-ин-мынь.

Чан-цин-гун — на восток от Чан-дэ-гун.

Мин-чжэн-дянь — зала для официальных приемов.

Вэнь-чжэн-дянь — на юг от Мин-чжэн-дянь.

Жэнь-ян-дянь — на запад от Мин-чжэн-дянь.

Цзин-чунь-дянь — на север от Мин-чжэн-дянь.

Тун-мин-дянь — на север от Цзин-чунь-дянь.

Хуань-цуй-тин, павильон — на север от Тун-мин-дянь.

Лунь-сюй-тин находится в заднем саду. В нем происходят приемы родственников, братьев и сыновей Вана.

Шэ-цзи-тань (жертвенник духам земли и хлебов) находится в западной части столицы.

Сянь-нун-тань (жертвенник изобретателю земледелия) находится в восточном предместье столицы.

Сянь-цань-тань (жертвенник изобретательнице шелководства) также в восточном предместье.

Ли-тань (жертвенник для жертв душам умерших без потомства, злым духам) — в северном предместье.

Цзун-мяо (храм предков) — в восточной части столицы.

Вэнь-мяо (храм в честь Конфуция) находится на юге от Чэн-цзюнь-гуань и Мин-лунь-тан.

Му-хуа-гуань — подворье за западным предместьем столицы. Пред ним находятся ворота Ин-чжао-мынь, у которых Ван встречает Китайских посланников и выражает почет Китайскому Двору.

Ду-шу-тан (Храм для чтения книг, публичная библиотека) находится на восточном озере в уединенном и спокойном месте. Избранные и подающие особенные надежды из молодых ученых поочередно приходят сюда для занятий, когда бывают свободны от своих частных и должностных дел. В этой библиотеке они выбирают нужные им книги, предаются тщательному их изучению и самоусовершенствуются, дабы тем приготовить себя к важным государственным должностям. Здесь приготовлены все необходимые для занятий предметы, как-то: мебель, бумага, кисти, тушь, хлеб, каша, вино, свечи и проч., без малейшего исключения. Часто Ван посылает сюда евнухов с вином и кушаньями со своего стола, чтобы тем выразить свое расположение и желание особенно отличить (ученых). Про избранных для посещения библиотеки обыкновенно говорят, что они поднялись на горы, где обитают духи.

2) ОБЫЧАИ

Самыми высшими добродетелями (у корейцев) считаются верность и справедливость; они глубоко уважают ученость; вежливость и уступ-

чивость сделались их обычаем, кротость и тщательность сделались их природными качествами. Ученые и сановники во всем, касающемся церемоний при трауре н жертвоприношениях (предкам), поступают согласно с указаниями книги Цзя-ли (Семейные правила), составленной Чжу Вэнь-гун'ом (или Чжу-си, китайский философ, 1130–1200 по Р. X). При трауре по отцу или матери все живут в шалашах по три года; если кто не будет тщательно соблюдать этого, то он не будет уважаем как ученый. Между держащими траур бывают такие, которые во все время траура едят только похлебку (рис с водой) и не касаются соленых кушаньев; а иные сами приготовляют кушанья, приносимые в жертву (умершим). При женитьбе и выдаче замуж непременно посылают свах и берут выкуп (на-цай). Не женятся на женщинах одинаковой фамилии.

Все ученые и сановники устраивают домашние кумирни и в каждое из четырех времен года непременно приносят в них жертвы. В дни смерти родителей (поминки) дети и внуки не едят мяса и приносят жертву своему господину (главному, самому отдаленному предку) в комнате, где он жил (спал). Чиновники 6 степепи и выше приносят жертвы трем поколениям предков, 7 степени и ниже — двум поколениям, а простой народ — только отцу и матери. Если старший сын от главной жены не имеет потомства, то жертвы приносят другие сыновья; если и другие сыновья не имеют потомства, то жертвы приносит сын наложницы. Если родственник из побочной линии (дядя по отцу, двоюродный брат по отцу и проч.) не имеет потомства, то ему приносят жертвы при жертвоприношениях своим предкам. Если кто не имеет сыновей ни от главной жены, ни от наложниц, то объявляет об этом подлежащим властям и делает своим наследником сына брата (усыновление). В семействах ученых жены по смерти мужей соблюдают верность им до самой своей смерти. Ученые и сановники, потерявшие жен, женятся в другой раз только по прошествии трех лет; но если им будет приказано жениться снова их родителями, или если им уже за 40 лет от роду и они еще не имеют детей, то позволяется жениться в другой раз и через год по смерти жены.

Каждый год Ван приносит жертву изобретателю земледелия и сам вспахивает свое поле, чтобы тем доставить просо (ароматное,— на жертвы предкам). Супруга Вана приносит жертву изобретательнице шелководства и сама воспитывает шелковичных червей в заднем саду, дабы руководить тем женскими работами.

Каждый год в конце осени Ван дает пир для стариков (Ян-лао-янь), причем приходящие на пир повышаются на одну степень в чинах. Отличившиеся почтительностью к родителям дети и внуки и справедливые мужи также получают угощение от Вана. Супруга Вана дает пир для женщин во

внутреннем дворце, а также угощает женшин, отличившихся верностью своим мужьям. Все угощаемые получают, кроме всего, наградные вещи.— Достигшие столетнего и более возраста ежегодно награждаются рисом от Двора. Чиновники высшего разряда (Тан-шан), достигшие 70-летнего возраста, отец, мать и жена оказавшего особенные заслуги чиновника и жены чиновников высшего разряда каждый месяц получают от Двора кушанья и вино. Чиновники 2 степени и выше, достойные особенного почтения и известные своими добродетелями, весной и осенью каждого года награждаются Ванским пиром, который называется Лао-ин-хой (собрание старых — мужественных). Почтительные к своим родителям, любящие своих братьев, отличившиеся верностью, справедливостью и самопожертвованием женщины, по представлении о них местных властей, награждаются должностями или вещами, или получают доску на ворота своего дома (прославляющую их подвиг), или получают какие-либо льготы по состоянию (освобождаются от податей, из рабов делаются свободными и проч.). Отличившиеся бескорыстием чиновники, если они находятся еще в живых, представляются к наградам, а если уже умерли, то их дети и внуки записываются в списки для определения на службу. О детях и внуках погибших на войне Ваном выражается также сожаление, и они записываются для определения на службу.

Когда умрет сановник — родственник Вана, то Ван предается печали и прекращает приемы, а чиновники, заведующие церемониями (обрядами), совершают жертвоприношения, и правительство на свой счет справляет его погребение. На казенной службе и в провинции умершие также получают вспоможение на погребение и жертвы. Родственники Вана, хотя бы они имели и малый чин, но если они принадлежат к разряду родственников, по которым полагается годичный и более траур, также получают жертвоприношения и издержки по погребению. Для чиновников, которые толкуют книги Вану, а также для цензоров (Юй-ши), не обращая внимания на их чины, всегда выдается вспоможение при погребении; если у этих чиновников случится траур по родителям, то также выдается вспоможение для погребения их. Учреждение Гуй-хоу-шу, в котором приготовляют гроба, и основано специально для того, чтобы помогать народу при непредвиденных нуждах.

Имена нарушивших пять главных семейных и общественных обязанностей, виновных во взяточничестве, а также женщин, вышедших во второй раз замуж, записывают в трех правительственных учреждениях, и их дети и внуки уже не могут состоять в разряде ученых.

Родители пяти выдержавших экзамен сыновей ежегодно награждаются рисом; когда они умрут, им приносят жертвы и награждают титулом.

Выдержавшие гражданский и военный экзамены награждаются пиром, который называется Энь-жун-янь (пир блистающей милости); если их родители живы, то повелевается местным властям дать им угощение (вино) с музыкой для прославления их, что называется Жун-цинь-янь (пир прославления родителей); если же родители уже умерли, то им приносятся жертвы, что называется прославлением кладбищ. Выдержавший экзамен первым награждается рисом.

Для всякого человека из простого народа, остающегося вследствие бедности непогребенным по прошествии известного срока по смерти, а также для всех пропустивших урочное время для брака (женитьбы или выхода замуж) — из казны выдается пособие. Голодающим, холодающим, сиротам и старикам, не имеющим опоры, выдается от казны платье и пища.

Чиновники учреждения Хун-вэнь-гуань (заведующего книгами во Дворце, составляющего потребные сочинения — манифесты и проч. и доставляющего справки из книг Вану) поочередно каждый день остаются на дежурстве во дворце в ночное время. Ван ежедневно открывает толкования книг (китайских классиков) и высшие сановники и ревизоры (Юй-ши) обязаны поочередно приходить на эти толкования, причем они должны держать также ночные дежурства, дабы тем истощить (усовершенствовать) природу (характер) своих подвластных.

Когда чиновник достигнет первой степени, а от роду будет ему 70 лет, и если он имеет важное значение в государственном управлении, то не позволяется ему оставлять службу, но он награждается рескриптом, столиком (когда чиновник представляется Вану, то он стоит на коленях, и старикам обыкновенно разрешается при этом ставить пред собой столик, на который они могли бы опираться, когда бывали утомлены долгим коленопреклонением) и костылем, дабы тем выразить особенную милость. Чиновники высшего разряда, состоящие на действительной должности второй степени и выше, смотря по их чину, награждаются распространением дарованных им прав на их потомков до третьего поколения. В семействах ученых и чиновников, а также солдат, когда отцу или матери будет 70 лет от роду, один сын должен воротиться из службы домой для ухода за ними; если отцу или матери будет 80 лет, то возвращаются из службы два сына; по достижении же родителями девяностолетнего возраста все сыновья возвращаются домой.

Ежегодно в летние месяцы раздается лед родственникам Вана, гражданским и военным чиновникам высшего разряда, а также чиновникам высшего разряда, по преклонности лет состоящим без определенных должностей. Учреждение Хо-жэнь-шу (для подачи помощи больным в столице) раздает лед больным, преступникам и заключенным в тюрьмах.

Собираются сведения и вносятся в учрежденную для того книгу о прославившихся верностью женах, почтительностью к родителям детей и преданностью престолу сановниках при настоящей и прежних династиях. Книга эта называется: Сань-ган син ши (Подлинное описание поведения по отношению к трем началам, т. е. поведения чиновников в отношении государя, детей в отношении родителей и жен в отношении мужей); она переводится на все местные наречия и распространяется повсеместно, чтобы могли понять ее даже женщины и малые дети.

В Корее учреждено Чэн-цзюнь-гуань (учреждение, заведующее образованием юношества) и устроена Ян-сянь-ку (собственно — кладовая для прокормления добродетельных), на счет которых постоянно содержатся ученые шэн-юань и цзинь-ши (степени ученых) в числе 500 человек. В цветущие годы жизни они живут в гуане (ученое учреждение), усердно предаются учению и совершенствуют свое поведение. Несколько раз подвергавшиеся экзаменам, но не выдержавшие их, по достижении 50-летнего возраста, получают должности. Хотя бы кто-либо не получил степеней шэн-юань и цзинь-ши, но если вполне понимает Сяо-сио (малое учение — название книги), Четырекнижие и одного из классиков, то повышается в должности. С восточной и западной сторон главного здания Чэн-цзюнь-гуаня находятся четыре побочные здания, в которых помещены училища. В них для обучения детей высших сановников, а также способнейших уличных (?) мальчиков из простого народа, имеющих 8 лет от роду и старше и не могущих учиться на частные средста, поставлены Тун-мэн-цзяо-хой (детские учителя). В округах и областях также учреждены должности заведующих учебной частью на основании постановлений о четырех училищах Чэн-цзюнь-гуаня. Гуань-ча-ши (начальники провинций) при объездах своих провинций, прибыв в известный город, испытывают местных начальников и ученых в толкованиях книг, распределяют ученые занятия их и отмечают степени усердия или лености к занятиям в видах поощрения и исправления. Весной и осенью каждого года приносят жертвы в честь Конфуция и знаменитейших его учеников и последователей, каковые жертвоприношения совершаются самими начальниками провинций, областей и уездов,— причем даются большие угощения ученым. Ученики Чэн-цзюнь-гуаня ежегодно весной и осенью получают темы от чиновников высшего разряда разных ученых учреждений, Шести Палат (министерств) и И-чжэн-фу, и составляют на них сочинения. Сообразно отметкам на экзаменах ученики распределяются по порядку в списках, и трое лучших из них отправляются прямо на повторительный (поверочный) экзамен по гражданскому отделу. Для окончивших учение учеников Чэн-цзюнь-гуаня и для учеников Четырех Училищ в 6-м месяце каждого года назначаются

чиновники — экзаменаторы, которые день за днем заставляют их писать сочинения и испытывают в рассуждениях и толкованиях книг. Лучшим ученикам из выдержавших экзамен в числе 50 человек позволяется отправляться на повторительный (поверочный) экзамен на степени шэн-юань и цзин-ши. Таким же точно образом делается и во всех провинциях.

Наследник престола ежедневно справляется о здоровье Вана и пробует подаваемые ему кушанья. Он по три раза в день занимается толкованиями классиков и рассуждениями со своими учителями, посетителями (гостями) и своими сверстниками. При каждой встрече и проводах учителей он спускается с крыльца. 15 числа каждого месяца бывает у него собрание для толкования книг, причем непременно подается большое угощение. По окончании толкования одной книги (когда наследник Вана вполне усвоит одну книгу классиков) устраивается пиршество в больших размерах и раздаются награды.

Всякий вновь назначенный на провинциальную должность чиновник низшего разряда не позже 10 дней со дня назначения должен представиться в И-чжэн-фу, Палате Чинов (заведует выбором, производством, повышением и понижением гражданских чиновников) и министерстве (палате), которому он подчинен.

Учреждена зала Чун-и-дянь, которой распорядителями состоят потомки ванских фамилий прежних династий. Им выдаются жалованье и провиант и отмежованы жертвенные поля, чтобы они могли приносить жертвы своим предкам. Правительство запретило возделывать землю и рубить деревья на кладбищах Ванов прежних династий: Синь-ло, Бо-цзи и Гао-гоу-ли. В честь основателей прежних династий, а также в честь оказавших особенные заслуги и примерно добродетельных по отношению к народу мужей — учреждены кумирни, в которые Ван посылает курительные свечи и в которых повелено местным чиновникам каждой весной и осенью приносить жертвы. Построен жертвенник Ли-тань в северном предместье столицы и чиновники Хань-чэн-фу (Губернаторство нынешней столицы Кореи, заведует заставами столицы, рынками, домами, дорогами, мостами, каналами, взысканием недоимок и долгов, спорами и драками, свидетельствованием трупов, потерянными вещами и проч.) каждой весной и осенью должны приносить на нем жертвы стротам — душам неоставивших потомков. То же делается и во всех округах и областях.

Зимой выдаются заключенным в тюрьмах одеяла и циновки, а летом чистится и починяется внутренность тюрем, моются канги (квадратные доски, надеваемые на шею преступникам) и наручники (деревянные), дабы не было замерзших от холода и заразившихся болезнями. Учреждены официальные врачи и имеются лекарства для помощи больным преступникам.

Бедным, не могущим кормиться в тюрьме на собственные средства, правительство выдает провиант и платье. Вне столицы устроен Чан-пин-цан (магазин постоянной ровности — хлебный магазин): когда хлеб бывает дорог, то этот магазин по возвышенной цене покупает холст (на хлеб. По корейским законам простой народ может носить платье только из холста); когда же хлеб дешев, то магазин по пониженной цене продает холст (на хлеб),— дабы оказать тем помощь бедному народу. Учреждены еще другие магазины, которые весной обыкновенно выдают заимообразно народу зерно для полного обсеменения полей, а осенью принимают занятой обратно для того, чтобы обеспечить будущий год. Это производится непременно каждый год. Если случится наводнение, засуха или другое бедствие для земледелия, то в разных местах устраиваются даровые народные кухни для вспоможения голодающим.

В областях и уездах весной и осенью каждого года совершается церемония Сян-инь-цзю (сельского винопития). Вне столицы между простым народом в каждой деревне ставится сельский староста (сян чжан), который заведует тем, сколько каждый дом должен платить риса и холста в подать. Весной и осенью в деревнях бывают общие собрания для питья вина (Цзю-гун-хой) для выражения дружеских взаимных отношений (жителей деревни), что называется Цзян-синь — толковать о доверии. Во всяком случае, когда кто из жителей деревни сделается больным или поставлен будет в затруднительные обстоятельства, соседи оказывают ему помощь. Если случится у кого в доме смерть, то соседи помогают в издержках по трауру, приобретению гроба и похоронам, чтобы можно было исполнить все, что следует въ таком случае.

Сыновья и внуки чиновников, состоявших на должности 3 степени, государственных ревизоров (Юй-ши) и членов ученых учреждений, получившие степень инь-шэн (за заслуги родителей — право экзаменоваться прямо на степень кандидата), ежегодно в 1-м месяце подвергаются экзаменам и получают места. Выбираются способнейшие из не получивших степени инь-шэн сыновей и внуков высших сановников и представляются к занятию должностей за поручительством чиновников 2 степени и выше, причем Палата Чинов производит им экзамен из одной из классических книг и соответственно их способностям дает назначение. Если они совершат какое-либо преступление по должности, то вина падает и на их поручителей.

Экзамены бывают в годы под циклическими знаками: цзы (мыши), у (лошади), мао (зайца), ю (курицы). Они состоят из трех приемов: на первом приеме полагается написать два листа рассуждений, на втором — два листа стихов и официального слога, на третьем — устные ответы на

задаваемые вопросы. На генеральном экзамене (на степень цзинь-ши, доктора) на первом приеме пишут рассуждение на изречение из Четырекнижия и Пяти Классиков, и получившие удовлетворительные отметки допускаются ко второму приему экзамена, на котором составляют стихи и сочинения официального слога и мемуары — всего на двух листах; на третьем приеме дают устные ответы на задаваемые вопросы. На дворцовом экзамене предлагаются вопросы о современных делах государства и по ответам определяется знакомство с ними экзаменующихся. Если случится великое счастливое обстоятельство (рождение наследника престола и проч.), а также если Ван сам отправляется в учебный дворец (т. е. если Ван малолетен и сам еще учится), то учреждаются чрезвычайные экзамены.

Ван часто сам приносит жертвы Конфуцию и по временам неожиданно посещает училища, вступает в рассуждения с учителями и учеными, или, толкуя классиков, спрашивает разъяснений затруднительных мест в них. Иногда он отправляется на большую церемонию стреляния из лука, а иногда лично экзаменует учащихся.

Как только кто-либо выдержал дворцовый экзамен, имя его немедленно провозглашается и в присутствии Вана он получает в награду вино, цветы и зонт. Чтобы прославить выдержавших экзамен, в продолжение трех дней возят их по улицам столицы и в это время впереди их идут актеры, представляя драмы, бьют в барабаны и играют на флейтах. Если Ван прибудет лично на экзамен в училище и выдержавшие будут в тот же день объявлены, то они награждаются лошадьми, седлами, курьмами и ху (узенькая дщица, которую держат в руках при представлении Вану), чтобы особенно отличить их.

В день рождения Китайского Богдохана и в день зимнего солнцестояния (в древнее время это был первый день нового года) Ван со своим наследником и высшими сановниками, обращаясь ко Дворцу (в сторону Пекинского дворца), делает поклонение. Каждый раз, когда отправляется посланник для представления докладов в Пекин, Ван с наследником престола и всеми чиновниками сожигает курения и исполняет церемонию четырех поклонов; при этом он, держа в руках доклад, на коленях передает его посланнику и, спустившись назад с возвышения, кланяется в пояс; затем, когда будут приготовлены желтая палатка и разные значки (употребляемые при поездках Вана), он сам выезжает из своего дворца и провожает посланника за предместья столицы. В нашем государстве всякий раз, когда посланник отправляется в столицу (Пекин), или когда при его возвращении принимают указ (Богдохана), делают шатер с украшениями и встречают за предместьями столицы, так же как и при приеме

китайского посланника. Всякий раз, когда отправляют подарки (в Пекин), Ван сам осматривает их.

Родственники Вана, по достижении 15-летнего возраста, поступают в специально для них устроенное училище (Цзун-сио) для обучения. Каждый день они вынимают жеребейки для чтения и толкования в видах поощрения состязанием в уроках.

Палата обрядов (Реи-цо, кит. Ли-цао, министерство Церемоний,— заведует обрядами и музыкой, жертвоприношениями, угощениями, сношениями с посланниками, казенными училищами и экзаменами) каждый месяц производит экзамен ученикам Четырех Училищ в толковании читаемых ими книг. Провинциальные учащиеся ведут журнал за каждый день о том, какие книги читали, какой чин имеет их учитель, с обозначением его имени и фамилии,— и представляют этот журнал на хранение в Палату Обрядов. Если после какого-либо экзамена три ученика одного учителя выдержат высший экзамен, или десять учеников и более выдержат на степени шэнюань и цзинь-ши, то учитель повышается в чине.

Платье, употребляемое при жертвоприношениях, при представлениях Вану и вообще официальное, делается согласно с постановлениями о том в Китае. В дни восьми годовых праздников, в конце летних месяцев и в дни, подчиненные стихии земли, трут дерево и добывают новый огонь.

Потерянные дети (найденыши) Хань-чэн-фу и местными управлениями в провинциях передаются за поручительством желающим принять их на воспитание, причем правительство выдает платье и провиант.

П.А. Дмитревский. Географическое описание Кореи.
Перевод с китайского. Ханькоу. 1883, с. 1–12

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ В КИТАЕ Е. БЮЦОВА

Пекин, 13 /25 мая 1883 г.

По полученным здесь из Вашингтона известиям, заключенный 10(22) мая минувшего года в Нинсене между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Кореею договор ратификован президентом, и вслед за тем некто г. Фут (Zuctus H. Foote) из Калифорнии, бывший консулом в Вальпарайзо, был назначен Чрезвычайным Посланником при сеульском дворе. Назначение это произвело неприятное впечатление на богдоханское правительство, так как оно может служить доказательством признания Соединенными Штатами самостоятельности Кореи и политической ее равноправности с Китаем, и что если в сообщении корейского короля к президенту от 3-го мая прошлого года и говорится о вассальном отношении Кореи к Китаю, то это вассальство не следует понимать в том смысле, в каком мы до сих пор привыкли на оное смотреть, основываясь на выработавшихся на Западе понятиях международного права.

Относительно ратификации английского договора с Кореей, насколько поверил мне великобританский поверенный в делах, не имеется пока известий, но судя по отзывам, данным коммерческими коллегиями (Chamber of Commerce) в Гонконге и Иокогаме, которым лорд Гренвиль конфиденциально сообщил договор, и по настроению купцов в Шанхае, высказывающимся в издаваемых там газетах, Сент-Джемский кабинет едва ли согласится принять трактат в настоящем его виде.

При сем имею честь представить Вашему Высокопревосходительству доверительно сообщенный мне отзыв гонконгского купечества. Разбирая постановления договора, оно обращает внимание лорда Гренвиля главным образом на международное положение Кореи и на обратное действие, которое некоторые статьи договора, невыгодные для иностранной торговли, могут оказать впоследствии на положение английских и других купцов в Китае и Японии. Когда в 1866 и 1871 гг. Франция и Соединенные Шта-

ты потребовали от корейского правительства удовлетворения за казнь католических миссионеров и сожжение американского судна и избиение его экипажа и предприняли военные экспедиции в Сеул, китайское правительство отреклось от ответственности за корейские дела и не считало объявление войны нарушением своих суверенных прав и прерогатив. Тем не менее, китайское правительство, после нападения в прошлом году на японское посольство в Сеуле, послало туда свои войска и, захватив обманом отца короля Дай-инь-гуна, бывшего зачинщиком нападения, увезло его в Бао-дин-фу, где он содержится в заточении, несмотря на просьбы короля о его освобождении. Китайские войска и теперь еще находятся в Корее и, как слышно, восстановили против себя жителей своим буйным и дерзким поведением.

Гонконгское купечество указывает вместе с тем на заключенные в конце прошлого года между Китаем и Кореею Торговые Правила, в которых Правитель Кореи ставится на одну линию с Чжилийским Генерал-губернатором Ли-хун-чжаном. Не более как два года тому назад, когда первые переговоры шли между Коммодором Шуфельдтом и Ли-хун-чжаном о заключении Корейского договора, известный своим тщеславием Канцлер высказался в разговоре со мною, что Король Кореи занимает такой же Генерал-губернаторский пост, как он сам, Ли. На мои замечания, что Канцлер от своего имени не может заключить договора, что он не пользуется правом назначения от себя Посланников при иностранных дворах, точно так же, как при его Генерал-губернаторстве не будут аккредитованы чужие Посланники, и далее, что он не управляет страною по законам, составленным им самим или его предками, и что он не может передать управление Чжилийской губернией в наследство своему сыну, между тем, как подобные права и преимущества он едва ли не признает за Корейским Королем, Канцлер, растерявшись, уговаривал меня не придавать такого значения его словам, необдуманно высказанным в дружеской беседе. В составленных под его редакцией Китайско-Корейских Правилах он старался, однако, проводить ту же идею.

Ввиду неопределенных отношений Корейского Короля к Китаю, Гонконгское купечество находит необходимым, чтобы Английское Правительство выяснило себе, до вступления с Кореей в дипломатические и торговые отношения, степень зависимости этой страны и насколько ее можно считать ответственною за принимаемые на себя международные обязательства.

Чем более распространялось в последнее время знакомство с запретною страною, с ее произведениями и ресурсами, тем более охлаждалось рвение купцов попытать в ней свое счастье. Она относительно бедна. Большой

вывоз местных произведений не предвидится, а иностранные товары, в особенности бумажные, ввозятся японцами в Фусан и Генсан и по сухопутной границе китайцами, и на значительное увеличение сбыта оных, по крайней мере, в ближайшем будущем, также не рассчитывают. Насколько же надежды на минеральные богатства корейских гор оправдаются, пока трудно сказать. С другой стороны, новый договор не представляет условий к свободному развитию торговой деятельности английских купцов, обставляя ее более стеснительными ограничениями, чем в Китае, и предоставляя англичанам менее прав в Корее, чем пользуются там японцы и китайцы…

Судя по тем скудным известиям, доходящим до нас большей частью через японцев в Фусане, либеральное движение между корейцами все более усиливается. Если они, может быть, не сознаются еще вполне в силе и могуществе Европейских Держав или в превосходстве иностранных учреждений, то, по крайней мере, они пришли к тому убеждению, что политика замкнутости, которой до сих пор держались, более невозможна и что ход событий заставляет их входить с другими народами в дружественные и торговые сношения. В сближении со всеми иностранными государствами они видят еще гарантию неприкосновенности корейской территории.

Доказательством такой перемены в их взглядах может служить появившаяся в здешних иностранных газетах прокламация Корейского Короля:

«Страна наша,— говорится в прокламации,— находится на Дальнем Востоке, в уголке океана, и по сие время не имела сношений с иностранцами; по этой причине мы и не видели их и лишь немного слыхали о них. Мы придерживались политики недоверчивого уединения около 500 лет, в продолжение которых мы никогда не уклонялись от древних обычаев. Теперь же Западные Государства, как Англия, Франция, Америка и Россия, придумали новые приспособления весьма остроумного и благодетельного рода, благодаря которым они стяжали громадные богатства и политическое могущество».

Указывая далее на поучительный пример Китая и Японии, также заключивших договоры с Иностранными Державами, Король говорит, что и Корея решилась входить с ними в международные отношения. «Если какая-нибудь страна стоит отдельно, она лишается в случае нужды помощи от других и дает повод к враждебному отношению к ней всех прочих держав; она делается предметом всеобщего нападения и, потерпев поражение, окончательно разоряется».

Относительно иностранной религии Король уверяет, что проповедование ее не будет дозволено.

По совету Канцлера Ли-хун-чжана некто г. фон-Мёллендорф, служивший раньше в китайской морской таможне, а потом состоявший на Германской Консульской службе, получил назначение советника при корейском правительстве.

В конце прошлого года он отправился в Сеул и, получив поручение устроить таможни в открытых договорами портах, объехал порты и потом вернулся в Шанхай с целью сделать заем под залог ожидаемых таможенных сборов. Многие обращались к нему с просьбой о принятии их на службу, но денег он не мог достать и поэтому должен был обращаться в Тяньцзинь к Ли-хун-чжану, который побудил Китайскую Пароходную Компанию выдать ему 200 000 лян (400 000 руб. сер. мон.).

По Корейскому вопросу наступило теперь затишье; все в ожидании, какие решение примет Великобританское правительство.

Для России, я полагаю, нет особенной надобности торопиться с заключением договора и поэтому позволяю себе выразить мнение, что для нас полезнее будет выждать, пока положение в Корее более выяснится.

С глубочайшим почтением и проч. *Е. Бюцов.*

Архив внешней политики Российской империи,
фонд «СПб. Главный архив, 1–9».
Опись 8, 1881–1886 гг. Дело 22. Листы 91–98

ИЗ ПРОЕКТА ИНСТРУКЦИИ ПОСЛАННИКУ В ПЕКИНЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ ПОПОВУ

6 июля 1883 г.

Отношение к Корее

Из вопросов, состоящих в настоящее время на очереди в Тихом океане, наиболее интересует императорское правительство вопрос о вступлении в сношения с иностранцами пограничной нам Кореи, до сих пор ревниво охранявшей себя от всякого общения с внешним миром. В прошедшем году был заключен корейцами чрез посредство Китая договор с уполномоченным Соединенных Штатов. Вслед за тем, такие же договоры были подписаны и с уполномоченными Великобритании и Германии на основании полного равенства договаривающихся сторон, так что, благодаря им, Корея в некоторых отношениях поставлена в условия более благоприятные, чем те, которыми, по существующим договорам, пользуются Китай и Япония. Так как, ввиду обстоятельства этого, американский уполномоченный отказался включить в договор статью о вассальных отношениях Кореи к Китаю, на чем настаивали сами корейские уполномоченные, то владетель полуострова обратился к президенту Соединенных Штатов, к английской королеве и к германскому императору с письмами, в которых заявил, что, хотя Корея и составляет издавна вассальное владение Китая, но что во внутренних и внешних делах она пользуется полною самостоятельностью. Из держав, уполномоченные которых подписали договор, одни Соединенные Штаты ратификовали свой и даже назначили в Сеул представителя в звании посланника, тогда как Англия и Германия медлят с утверждением заключенных ими конвенций по причинам, нам не вполне известным.

Не найдя удобным безучастно относиться к стараниям держав войти в сношения с Кореею, императорское правительство, со своей стороны, решилось последовать их примеру и в минувшем году уполномочило предместника вашего превосходительства командировать в Сеул консула в Тяньцзине г. Вебера для заключения договора. Вспыхнувшее вслед за тем в

Сеуле восстание, вызвавшее посылку на полуостров китайских и японских войск, помешало осуществлению предположения нашего.

Самым существенным представляется для нас вопрос о международном положении Кореи. При слабости своей она, сама по себе, не в состоянии оказать какое-либо противодействие державам, добивающимся доступа в нее, и потому мы находим, что вассальные отношения ее к Китаю служат до известной степени гарантиею ее неприкосновенности в будущем и что, под рукою, нам следует поощрять китайское правительство не отказываться от своих притязаний на страну эту. Что же касается заключения договора с Кореею, то нам казалось бы лучшим выждать время, когда Англия и Германия придут к окончательному решению относительно заключенных ими, но еще не ратификованных до сих пор договоров с Кореею. В случае ратификации и прибытия в Сеул представителей держав этих, нам, конечно, предстоять будет последовать их примеру и вступить с корейским правительством в соглашение на тождественных основаниях.

Как бы то ни было, для нас желательно урегулировать в договоре и пограничные сношения наши с Кореею, но нельзя не предвидеть, что, по новизне своей, предположение это может встретить противодействие со стороны как местного правительства, так и Китая, почему мы полагаем, что разрешение вопроса этого должно быть отложено до назначения постоянного агента нашего в Сеуле.

Архив внешней политики Российской империи.
Фонд «Китайский стол». Дело 3. Листы 49–74

Э. Плошю

КОРЕЯ[1]

(Уединенное царство)

В настоящее время отношения Кореи к европейцам и американцам меняются: Соединенные Штаты, Германия и Великобритания пользуются уже правом посылать свои произведения в эту страну, а подданные их могут в ней селиться. Что же касается до азиатских государств Китая и Японии, то они заключили условия с Кореею еще ранее; в 1875 г. некоторые корейские порты были уже открыты для японских судов.

По французским источникам, Корея лежит между 34°20' и 42°30' северной широты и 122°15' и 127°1.4' восточной долготы.

Пространство, ею занимаемое, составляет около 200.000 кв. верст[2]. Характер местности гористый. Цепь гор, берущая свое начало в Маньчжурии, направляется с севера на юг, вдоль восточного берега полуострова, наполняя отрогами его внутреннюю часть. Только на западном берегу Кореи встречается равнина Наи-По, засеваемая рисом, вследствие чего носит название «житницы столицы».

Собственно полуостров Корея имеет в длину 375 верст, в ширину 56. По западную и южную его стороны находится множество мелей и островов, из которых наибольшим считается остров Кульпар.

В горах Шан-иян-алин, отделяющих Корею от Маньчжурии и Азиатской России, подымается наивысшая вершина всего края — Паик-ту-сан, что значит гора с белою вершиною. По словам местных жителей — европейцы на вершину не поднимались — на горе находится озеро, дна которого нельзя достать. Снег лежит на высотах до конца мая.

Две самые большие реки края берут начало в этих горах. Одна из них, Ам-но-канг, течет на запад и впадает в Желтое море; другая, Ту-ман, направляется на восток и вливается в Японское море. Сверх того есть множе-

[1] Извлечение из статьи: «Le royaume solitaire», Edmond Plauchut (Revue des deux mondes, 15 fevrier 1884).

[2] 220.000 квадр. километров (Dictionnaire de geographie de M. Vivien de Saint Martin).

ство небольших рек и каналов, или *арройо,* но так как они незначительны, то говорить о них не стоит. Место, где берут начало две упомянутые реки в горах Шан-иян-алин, покрыто лесами; оно не носит никакого названия, а населяющие его разбойники из Кореи, Маньчжурии и Китая предаются грабежу, подобно черным флагам в Тонкине[3], и находятся в открытой борьбе со своими правительствами.

Несмотря на то, что корейцы охотно занимаются земледелием, многие горы, в особенности в северной части полуострова, все еще покрыты березовыми, сосновыми и буковыми лесами. В долинах растет рис, просо, конопля и т. п. На склонах горных цепей, лежащих на высоте умеренного климата, произрастают лавр, дуб, вяз, каштан, орешник, древовидная камелия и т. д. Здесь же встречаются лаковое дерево *(Rhus vernicefera),* восковая мирика *(Rhus succedana), Urtica nivea, Dolychos soya* (род бобов), а также *жинзенг (Panax quinque folium),* корень которого, употребляемый китайцами как возбуждающее средство, продается по 50.000 франков за фунт. Но настоящее богатство страны должно состоять, по-видимому, не в земледелии, а в минеральных произведениях, которые в настоящее время строго воспрещено разрабатывать; достоверно известно, что в некоторых местах южной части Кореи встречается золото.

Население Кореи определяется в 7.000.000–9.000.000 человек[4]; все они язычники, за исключением нескольких тысяч, обращенных в христианство.

Древняя история Кореи в точности неизвестна; даже нет сведений, когда ее жители обратились в земледельческий народ.

В I веке по Р. Х. Корея делилась на три *ханства:* северная и северо-восточная ее части составляли ханство Као-ли, западная — По-тси, а юго-восточная — Син-ла. В продолжение первого тысячелетия история этих ханств состояла в междоусобных войнах и в борьбе ханства Као-ли с Китаем, а ханства Син-ла с Япониею. В конце XI века три ханства соединяются в одно государство; владетель Као-ли, завоевавший По-тси и Син-ла при помощи Китая, признал над собою верховные права нового императора Срединного царства. В XIV веке, с падением Монгольской династии в Небесной империи, пала и в Корее царствовавшая в ней в то время династия. В 1392 г. Таи-тсо, называемый китайскими историками Си-таном, под покровительством династии Мингов, сменившей в Китае Монгольскую династию, вступил на престол Кореи и основал ныне цар-

---

[3] «Черные флаги» («Черное знамя») — отряд китайских повстанцев, участвовавших в борьбе против французских колонизаторов в 1860–1880-х гг. в Тонкине, Северный Вьетнам (*прим. сост.*).

[4] Японский журнал «Nitchi Nitchi Chimboun» определяет население Кореи в 7294367 чел., из которых 3560317 мужского пола и 3734050 женского пола.

ствующую династию Тси-тсиенов. В 1636 г., когда Маньчжурская династия в свою очередь низвергла династию Мингов, корейский король принял сторону последней. Он был побежден; трактатом, заключенным между Китаем и Кореею, определялся размер дани, которую последнее государство должно выплачивать ежегодно. За исключением незначительных изменений, сделанных после того, размер дани и самый трактат остаются в силе и по настоящее время. Япония, также предъявлявшая свои права на Корею, отреклась от них окончательно в 1868 г.

Форма правления в Корее — абсолютная монархия. Королю воздаются божеские почести. Братья, дяди, племянники и прочие родственники короля не пользуются никакими правами. На них смотрят подозрительно и в течение последних шестидесяти лет три принца были обезглавлены. Вся власть находится в руках высших фамилий.

Полуостров пересечен восемью большими дорогами. Столица Ган-ян, которую неверно называют Саулем[5], находится почти в центре королевства, несколько ближе к западной границе. Город обнесен высокою стеною, имеющей восемь ворот.

В административном отношении королевство делится на восемь провинций, управляемых губернаторами, или *кам-са,* провинции в свою очередь подразделяются на уезды, вверяемые мандаринам. Названия провинций и их главных городов следующие: на севере — провинция Хамкиэнг-то, главный город Хам-Хэнг; провинция Пиэнг-ан-то, главный город Пиэнг-анг; на западе — провинция Хоанг-Хаи-то, главный город Хаи-тэу; провинция Киэнг-Каи-то, главный город Ган-ян; провинция Тсионг-Тсиэнг-то, главный город Конг-Тсионг; на востоке — провинция Канг-уэн-то, главный город Уэн-тсиэн; на юге — провинция Киэнг-санг-то, главный город Таи-Ку; провинция Тсиэн-ла-то, главный город Тсиэн-тсиу.

В каждой провинции расположены особые войска, несущие гарнизонную службу; их насчитывается от двухсот до трехсот тысяч солдат. Вообще же к составу армии принадлежат все корейцы, способные носить оружие. Точных сведений о корейских войсках не имеется; хотя японцы и определяют их численность в 1.430.859 солдат, но цифра эта, по-видимому, преувеличена. Из них на долю королевской гвардии приходится 5.770 чел., получающих плохое военное образование. В настоящее время командиром гвардии состоит Сио-нес-Ка, двоюродный брат короля, считающийся одним из важнейших лиц королевства. Он, по-видимому, заботится о реорганизации корейской армии; японцы признают его единственными чело-

[5] Сауль по-корейски значит столица.

веком, способным на подобного рода дело. Военные чины, существующие в корейских войсках, могли бы быть подведены, применительно к европейским понятиям, под следующие категории: 1) маршалы; 2) генералы; 3) начальники отрядов не менее тысячи человек; 4) начальники отрядов в пять тысяч человек; 5) начальники отрядов в сто человек.

Вооружение пехоты и кавалерии состоит из ружей, сабель, пик и луков. Незначительное количество огнестрельного оружия европейского образца приобретено корейцами всего несколько лет тому назад, при посредстве японской компании Окува; корейцы никогда не покупают более трехсот ружей за раз, полагая, что, по образцу приобретенного оружия, они могут наделать его сами. Солдаты королевской гвардии получают жалованья 15 франков в месяц, а кроме того ежедневно рацион рису. Солдаты прочих войск получают около 2 франков в месяц. Им ежегодно выдается мундирная пара. Солдатам королевской гвардии выдаются, кроме того, палатки, в которых они живут во время всей своей службы. Кавалерия формирует корпус в три тысячи человек, разделенный на эскадроны, каждый в триста всадников.

Военный флот корейцев состоит из рыбачьих судов, не имеющих никакого артиллерийского вооружения. В мирное время морских команд не содержится. В последнее время несколько корейских офицеров ездили в Японию, после чего убедились, что их флот нужно вполне реорганизовать.

В Корее, подобно тому, как и в Китае, многие города обнесены стенами и имеются крепости. Самое сильное укрепление Канг-ва, расположенное при устье реки Хан-канг, протекающей мимо столицы. Подобного рода укреплениями обносятся большие деревни, как напр. Тонку-Вагни-фу. Они строятся по большей части на холмах и состоят из цитадели, обнесенной гранитною стеною, вышиною около 10 футов и толщиною около 3 футов с прорезанными бойницами. Административные власти почти всегда помещаются в местах, укрепленных подобным родом.

В городах, даже первоклассных, постройки по большей части представляют настоящие лачуги. Они строятся из камня или земли. Наибольшие из построек занимают около 30 квадр. аршин пространства, но чаще не более 20. Наружная высота их около 2 аршин; внутри же домов земля вынимается на глубину от ½ до 1 аршина, где кладутся балки, на которые настилается пол. Это встречается только у богатых, так как бедные спят на циновках, положенных прямо на землю. Дома без окон, имеют одну дверь; человек высокого роста не может выпрямиться. В г. Фузане, где существует японская фактория, постройки больше и лучше. Европейцев поражает, что корейцы не умеют рыть колодцев; чтобы получить воду, они вырывают яму в шесть футов глубиною и три фута в диаметре и проводят в нее воду

из ближайшего ручья при посредстве бамбуковых трубок. Улицы грязны и до того узки, что по ним не может проехать обыкновенная повозка. Каждые пять дней устраиваются базары, на которых продаются говядина, зелень, рыба, хлеб, материя и мебель. В лавках торгуют трубками, табаком местного произведения, бумагою, шпильками, маленькими зеркалами, гребнями, ножами и тому подобными мелочами. В лавках с домашними принадлежностями продаются блюда, тазы и чашки, как фарфоровые, так и металлические.

Богатых чайных домов, наподобие японских, в Корее не существует. В городах и деревнях содержатся небольшие дома, где путешественники могут остановиться и поесть.

Между корейцами преобладает монгольский тип, но они более похожи на японцев, чем на китайцев. Очень может быть, что корейцы образовались из смешения различных рас, так как между ними встречаются довольно чистые типы японцев, китайцев, татар, тунгусов и даже малайцев. Вообще они имеют желтый цвет лица, небольшой, слегка приплюснутый нос, выдающееся скулы, круглый череп и высоко поставленные брови. Цвет волос черный, но нередко встречаются темнорусые и даже светлорусые; борода у многих не растет. В южной части Кореи народ среднего роста, в северной же ее части, на границе с Маньчжуриею, население замечательно по своему высокому росту, по своей силе и дикости. Женщины тоже крепкого сложения, большинство из них выше пяти футов двух дюймов. Вследствие мира, в котором долгое время пребывала Корея, и притеснений правительства народ сделался покорным и невежественным. Бедность переносится им легко.

В домашнем быту все работы исполняются женщинами; мужчины же ничего не делают.

Корейцы делятся на три класса: благородных, простой народ и рабов.

Права благородных считаются наследственными. Вследствие большого числа незаконнорожденных права их королевским указом 1857 г. сравнены с правами законнорожденных. Благородные по большей части — потомки воинов, которые пятьсот лет тому назад возвели на престол основателя нынешней династии. Они занимают все общественные места. В числе преимуществ, которыми они пользуются, можно указать на право освобождения от военной службы. Класс благородных так многочислен и действует так единодушно, что ни народ, ни мандарины, ни король не могут с ним бороться. Если у благородного нет денег, он приказывает слугам схватить купца или земледельца и от него добыть деньги. Одним словом, этот класс составляет больное место страны.

Между благородными и простым народом находится, собственно говоря, средний класс, который встречается в столице; он так малочислен, что о нем выше не упомянуто. К среднему классу относятся семейства, которые уже несколько поколений исполняют некоторые особенные правительственные обязанности, как, например, астрономов, переводчиков и докторов. За средним классом следует простой народ, не имеющий никакого политического значения. Люди этой категории, хотя и пользуются правом держать публичные экзамены, требуемые от желающих поступить на гражданские и военные должности, но на практике они назначаются только на самые низшие места. Служители храмов, гробовщики, кровельщики, каменщики и вообще люди, имеющие одни и те же интересы, образуют общества взаимного вспоможения.

Рабов, насчитывавшихся прежде в большом числе, находится теперь немного. Рабами считаются родившиеся от матери рабыни, проданные своими родителями в этом качестве и брошенные дети, воспитанные богатыми корейцами. Вообще говоря, положение рабов часто предпочтительнее положению бедных крестьян, так что последние, чтобы избегнуть притеснений мандаринов, иногда отдаются добровольно в руки благородных. Люди, приговоренные за уголовные преступления, становятся правительственными рабами.

Язык корейцев принадлежит к группе монгольских, в него вкралось много китайских слов. Так как в восьми правительственных школах литература и науки преподаются по-китайски, то корейский язык находится в пренебрежении. Указы, манифесты, постановления судов и ученые книги также пишутся по-китайски.

В IV веке по Р. Х. в Корею проник буддизм, замененный в XIV веке учением Конфуция, которое признается до некоторой степени государственною религиею; в настоящее время осталось всего несколько буддийских пагод. В сущности же говоря, религия народа состоит в почитании предков и исполнении некоторых особенных обязанностей.

Христианство проникло в Корею в 1784 г., т. е. через двести лет после того, как его начали проповедовать в Небесной империи и в Японии. Вследствие притеснений, начавшихся в 1791 г., оно не может распространиться до сих пор.

В 1846 г. французы, желая наказать корейцев за убийство своих миссионеров, отправили фрегат «*la Gloire*», под командою Лапиера, и корвет «*la Victorieuse*» под командою Риго де Женульи. 29-го июля (10-го августа) оба судна стали на мель в Желтом море, а 31-го июля (12-го августа) французские матросы, в числе шестисот, видя, что спасения нет, высадились на близлежащий остров. Английские суда, узнав о крушении, забрали

французских матросов, чтобы отвезти их на родину. Тем дело и кончилось.

В 1866 г. французское правительство, узнав об убийстве Бернё и его спутников, снова отправило в Корею эскадру, под начальством контр-адмирала Розы, в составе: фрегата «*Guerriere*», винтовых корветов «*Laplace* и «*Primauguet*», вестовых судов «*Deroulede*» и «*Kien-Chan*» и канонирских лодок «*Tardif*» и «*Lebreton*». 10 сентября (22 сентября) три из названных судов вошли в р. Хан-канг; а 13 сентября (25 сентября) два из них, «*Tardif* и *Deroulede*», садясь беспрестанно на мель, дошли до места и стали на якорь напротив столицы. 18 сентября (30 сентября) суда спустились обратно вниз по реке, ничего не добившись от корейского правительства, 4 октября (16 октября) заняли город Канг-ва, расположенный на острове того же имени. Нисколько корейских солдат, защищавших город, были убиты; жители же бежали, так что город оказался пустым. В ямуне, т. е. в месте, где жил губернатор, нашли луки, стрелы, а также значительное число сабель, фитильных ружей и медных орудий.

Контр-адмирал Роза, утомленный бездействием, не получая никакого ответа на свои письма к королю Кореи и считая возможным ограничиться демонстрациею, произведенною против г. Канг-ва, ушел обратно со своею эскадрою.

С 1866 г. по 1875 г. корейцы еще более чуждаются иностранцев. С 1867 г. ежегодные ярмарки в Пиэн-Мэне, или Пограничных Вратах, уничтожены. Китайским джонкам, пользовавшимся правом рыбной ловли у корейских берегов, запрещено показываться. В 1868 г. сожжено семьдесят джонок и убито триста китайских матросов, под пустячными предлогами, большею частью вследствие подозрения, что они везут христиан. В 1871 г., когда подобная же участь постигла одно или два американских судна, правительство Соединенных Штатов произвело неудачную демонстрацию, как и две первые попытки французов. Только русским удалось в 1860 г. благодаря приобретениям, сделанным в северо-восточной Азии, распространить свои владения до границ Кореи.

В 1875 г. японское правительство за то, что корейские укрепления открыли огонь против японского военного судна, выговорило себе право иметь фактории в трех корейских портах. Это вознаграждение показалось японцам недостаточным, вследствие чего в 1877 г. у них произошло Сатсумское восстание. В 1880 г. Италия также хотела заключить трактат при посредстве Японии, но не успела. В 1882 г. американский коммодор Шуфельд, требования которого были поддержаны присутствием четырех китайских канонирских лодок, заключил условия с корейцами. После некоторых изменений, сделанных в нем правительством Соединенных

Штатов, трактат подписан обеими сторонами 5 мая (17 мая) 1883 г. В настоящее время американское посольство имеет уже свое местопребывание в столице Кореи. Англия, при помощи адмирала Вильса, также заключила трактат[6]. Германия сделала то же самое. Франция, если бы не настаивала на праве приобретения земель французскими подданными и миссионерами, тоже могла бы войти в соглашение с Кореею.

Во время всех этих переговоров корейский король умер, назначив себе в наследники своего малолетнего приемного сына. Родной отец нового короля, враг иностранцам, захватив в свои руки власть, возмутил 11 июля (23 июля) 1882 г. солдат, которые напали на японское посольство. Получив об этом известие, японское правительство снарядило эскадру, отправив на ней пять тысяч солдат; 31 июля (12 августа) японский посланник Ханабуза, в сопровождении конвоя в шестьсот человек, вернулся в столицу Кореи. При посредстве китайского комиссара Ма-чиен-Чунга Корея обязалась выплатить 250.000 франков вознаграждения родственникам убитых 11 июля (23 июля) и 2.500.000 франков вознаграждения японскому правительству за понесенные им убытки. Кроме того, заключено условие, что отряд японских солдат, оставляемый для охраны посольства, пока то признается нужным посланником, будет содержаться на счет корейцев, что пределы, где, могут селиться иностранцы в открытых для торговли портах, будут расширены; что зачинщики восстания будут казнены и т. д.

Настоящий виновник, родной отец молодого короля, не был, однако, казнен. Он находится в изгнании в китайском городе, откуда раз в год, по желанию своего сына, может ездить в столицу Кореи.

В настоящее время для иностранцев открыты порты: Дженсан, Фузан и Нинсен или Иен-шуань. Вскоре будут открыты еще некоторые пункты, но пока они не выбраны. Из упомянутых портов наиболее блестящая будущность ожидает Фузан. Он имеет хорошую бухту, удобную для якорной стоянки и хорошо расположенную по отношению к сообщениям с внутренностью страны.

Торговля Кореи, по сведениям английских консулов в Японии, представляется в следующем виде.

Торговые обороты между Кореею и Япониею достигли с 1877 по 1881 г. сорока пяти миллионов франков. Общая стоимость предметов японской производительности, ввезенных в Корею за эти пять лет, составляет 537.846 иен[7], то есть менее одной восьмой всего количества ввезенных товаров; треть упомянутой цифры приходится на долю меди. Кроме этого

[6] Ратификован 16 апреля (28 апреля) 1884 г.

[7] Иена стоит около 5 франков.

металла, как на главные предметы, привозимые из Японии в Корею, можно указать на шелк и чай.

Общая стоимость предметов иностранной, но не японской, производительности, ввезенных в Корею, составляет 4065591 иену. Наибольшая сумма приходится на долю английских бумажных тканей. Они доставляются из Шанхая в Кобе, а оттуда отправляются в корейские порты. Как скоро Корея сделается доступною для иностранной торговли вообще, Япония перестанет играть роль посредника в коммерческом деле.

Вывозная торговля из Кореи в Японию за пять лет — с 1877 по 1881 г.— составляет 5104859 иен. Главный предмет вывоза — рис; золото, преимущественно в виде песка, шкуры и зелень.

О числе японских судов, вошедших в корейские порты, сведения имеются только за 1881 г. Общее водоизмещение всех этих судов, как паровых, так парусных и джонок, определяется в 60459 тонн. Пароходы принадлежат главным образом японской компании Митсу-Биши, установившей правильное сообщение между Кобе, Нагасаки и корейскими портами.

Сборник географических, топографичесаких
и статистических материалов по Азии.
Вып. XII. СПб. 1884, с. 292–302

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ОТЧЕТА О ПОЕЗДКЕ Г-НА КАРЛСА В ДВЕ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПРОВИНЦИИ КОРЕИ

в ноябре 1883 г.[1]

Г.г. Карлс, Петерсон и Моррисон, пользуясь случаем посетить Корею, отправились из г. Шанхая 25 октября (6 ноября) 1883 года на пароходе «Нанкин», а 27 октября (8 ноября) прибыли в г. Чимулфо (Chimulpho), лежащий на западном берегу Кореи и служащий портом г. Дженшуаню (Jenchuan), который находится в 8 верстах от берега. Дождливая погода не позволила съехать с парохода в тот же день; пришлось ограничиться наймом лодок для доставки на берег имущества пассажиров утром следующего дня. Между тем с рассветом поднялось волнение. Туземные лодки, несмотря на помощь двух шлюпок, посланных с парохода, не могли справиться с волнением и с противным приливным течением, что задержало их, пока направление течения не переменилось. Засим прислуга, пони, собаки и багаж пассажиров были отправлены на берег.

Лодки корейцев, с скреплением из деревянных болтов, имели жалкий вид, веревки были пеньковые грубой работы; о плохих мореходных качествах этих шлюпок можно судить по тому, что для избежания столкновения с японскою шхуною, стоявшей вблизи, корейцам пришлось отдавать якорь. Подняв и снова отдав его еще несколько раз, прежде чем пройти расстояние в 80 шагов, лодочникам удалось наконец бросить находившимся на берегу корейцам веревки, за которые уж и подтянули шлюпки. От тридцати до сорока носильщиков, ожидавших на берегу, помогли выгрузить имущество.

Трудность выгрузки и нагрузки товаров в Чимулфо должна служить серьезным препятствием для торговли этого порта. Г-н Карлс, вернувшийся в Чимулфо в конце путешествия, убедился, что то, что он считал исключением, снова повторилось: туземная лодка, на которой находились прислуга и багаж, три часа боролась с противным течением и все-таки

[1] Report by M-r Carles on a Journey in two of the Central Provinces of Corea, in 1883 (Blue Book, Corea, № 1, 1884).

не дошла до парохода, до которого считалось 3 версты, вследствие чего путешественники оставили на берегу часть груза, который хотели взять с собою.

Суда, пользуясь узким проливом, могут проходить за остров Розы, но и в этом случае, даже при помощи туземных шлюпок и лодочников, выгрузка и нагрузка товаров часто затруднительна, а иногда даже невозможна.

Тем не менее, порт Чимулфо быстро растет. Корейцы строят, работая чуть ли не скорее японцев, дома, стены которых обмазываются глиной с соломой; иногда крыша еще не готова, а нижний этаж уже отдается внаймы. Дом японского консула, стоящий на собственной земле, есть единственный построенный на европейский манер. Общее впечатление, что город расположен неудобно, нечист и недостроен.

Выйдя из города на окрестную местность, которая представляет в малую воду грязную равнину, простирается на несколько верст. Дорога, соединяющая Чимулфо с Саулем, т. е. столицею Кореи, проходит на расстоянии десятков верст по волнообразной местности, с которой там и сям виднеется море. За столицею вдали подымаются горы, нижняя часть которых покрыта высокою травою и небольшими лесами. Долины частью заняты под рисовые поля, а частью представляют необработанные пространства.

Упомянутая дорога, направляющаяся в г. Сауль, достигнув крутого подъема на высоту в сто пятьдесят футов и затем круто спустившись, следует в этом месте вдоль подошвы лесистых холмов, имея по другую сторону широкую долину, местами обработанную, местами покрытую травою. Пройдя еще некоторое расстояние, дорога пересекает долину, минует несколько деревень и, не доходя девяти верст до Сауля, приводит, к неглубокому ручью, через который переправляются вброд; далее до р. Хан-канг простирается песчаная равнина, по-видимому, покрывающаяся водою летом во время разлива.

От г. Чимулфо до переправы через р. Хан-канг, т. е. до города Мапю, который лежит на северном берегу, считается около 36 верст сухим путем; по этой дороге, несмотря на то, что она удобна для следования повозок, колесного движения не существует и пассажиры перевозятся на людях, пони или быках. Во время приезда г. Карлса в г. Сауль, т. е. в ноябре, движение по дороге было небольшое, но оно значительно усилилось месяц спустя, с прекращением сообщения по реке между г. Мапю и морем.

Ширина р. Хан-канг у г. Мапю около 250 шагов, глубина ее у южного берега менее, чем у северного, но все-таки достаточная для судов. Джонки в сто тонн и более подымаются вверх по реке, а если верить словам автора книги «The Hermit Kingdom», то в 1866 г. до г. Мапю доходили француз-

ские канонирки «Derowlede»' и «Tardif». Река Хан-канг, допуская, что она действительно доступна для пароходов, приобретает большое значение. В настоящее время, вследствие сильного противного течения, суда следуют из г. Чимулфо в г. Мапю несколько дней; неизвестность, сколько времени придется оставаться в пути, заставляет путешественников предпочитать грунтовую дорогу, по которой переезд, если не будет задержки во вьючных животных, может быть сделан в 24 часа, но при этом надо иметь в виду, что не относительно людей, а товаров, доставка их сухим путем потребует более времени и обойдётся дороже, чем водою. Судя по величине джонок, приходящих в г. Мапю, очень вероятно, что по реке могут ходить и мелко сидящие пароходы; при длине реки от г. Мапю до устья в 68 верст, пароходы, пользуясь каждый раз попутным течением, могли бы совершать путь взад и вперед в один день.

Будь в г. Чимулфо еще, кроме того, баржи, то товар излишне было бы выгружать на берег, пароходы не простаивали бы из-за этого лишнее время и в г. Чимулфо уплачивались бы одни таможенные пошлины. Надо полагать, что выгоды пароходного сообщения столь очевидны, что оно неминуемо будет введено со временем.

Несмотря на то, что Хан-канг судоходна до г. Мапю, где уровень реки в высокую воду подымается до восьми футов и где течение при переезде г. Карлса было так сильно, что чуть не унесло паром, в декабре месяце путешественник нашел, что в трех верстах выше, где река значительно шире, глубина ее не превосходила трех футов, а лодка, на которой он охотился, беспрестанно касалась дна. Правда, в это время высота воды была почти самая низкая, но тем не менее г. Карлса поразило то обстоятельство, что количество воды в нижних частях реки слишком мало, если принять в соображение длину ее и величину притоков, впадающих в 150 верстах выше.

Мапю, служащий портом г. Саулю, расположен, вместе с другими деревнями, как выше упомянуто, на северном берегу реки. Дома отстоят недалеко от воды, построены скученно и тянутся до самой вершины холмов. Хотя от Мапю, где ведется оживленная торговля, до столицы считается шесть верст, но оба города соединяются между собою двумя отвратительными дорогами. Впрочем, у г. Сауля, у одних из его южных ворот, видна хорошая дорога, направляющаяся к реке несколько ниже г. Мапю; по ней поддерживается сообщение на повозках, запряженных быками. Плата за такую повозку в два быка, поднимающую 1.500 катти, составляет 200 каш[2]

[2] 1.000 малых каш = 200 больших каш и по курсу = 5 шиллингам. Плата за наем пони или быков, как вьючных животных, та же самая — 20 малых каш за ли; при этом предполагается, что разница в грузе, так как пони поднимает от 150 до 200 катти, а бык от 300 до 350, уравнивается тихим шагом последнего.

за путь туда и назад в 12 ли (шесть верст). Это была единственная дорога, на которой г. Карлс видел движение повозок.

Дорога из Мапю в Сауль, имеющая оживленный вид вследствие торгового движения делается все хуже и хуже по мере приближения к столице. Причиною тому служит отчасти месторасположение г. Сауля, построенного у подошвы крутых гор, подымающихся по северную его сторону и отделяющих от себя низкие отроги, из которых один направляется на соединение с высотою в 900 футов, расположенною по южную сторону столицы; кроме неудобства, представляемого подъемом дороги, она портится еще жителями, которые вывозят на нее всякую дрянь из предместий, тянущихся по сторонам.

Городские ворота, прочной каменной постройки, имеют двухэтажные башни с амбразурами для орудий, на манер китайских; городская стена, высотою около 25 футов, тоже каменная и выглядит прочною, хотя не раз возобновлялась. Внутренность города представляет совершенный контраст с его наружными оборонительными постройками: дома покрыты соломенными крышами, на главных широких улицах встречаются площади. Здесь видно большое скопление народа, а по улицам проходят навьюченные быки и пони. На площадях быки с хворостом останавливаются и ожидают покупателей.

Боковые улицы узенькие, извилистые, часто следуют вдоль ручьев, которые служат для канализации города; на этих улицах построено большинство хороших домов. Род архитектуры повсюду один и тот же, а именно: деревянные столбы, поддерживающие крышу и составляющие остов глиняных стен. В лучших домах наружная стена выложена камнями, обвязанными в пучки соломою, промежутки между которыми замазываются. Характер построек есть как бы применение японской архитектуры к более холодному климату, хотя, без сомнения, Япония сама заимствовала как архитектурное искусство, так и много других вещей из Кореи. Весьма естественно, что дома богатых сравнительно с жилищами бедных представляются усовершенствованными как по отношению законченности построек, так и по отношению качества материалов, но что касается расспланировки зданий, то она одна и та же: главный корпус обращен фасадом на юг, с крыльями под прямым углом, образующими двор. При входе в дом устроена задвигающаяся дверь, имеющая три фута высоты и состоящая из деревянной рамы, обклеенной бумагой, которая, не пропуская воздуха, пропускает свет. Снаружи двери устроена площадка или в хороших домах галерея, на которой хозяева и гости при входе в комнаты оставляют башмаки; под полом дома находится пустое пространство, куда проходит комнатный воздух и затем вытягивается через отверстие наружу.

Дома корейцев за отсутствием стульев и столов плохо меблированы. Внутри строений, стены, окна и двери которых обклеены белой бумагой, встречаются только следующие предметы: складные ширмы, сундуки, деревянные вешалки для шляп, а на дверях железные ручки и кольца для запирания. Пол иногда полирован, иногда покрыт масляной бумагой, а по большей части циновками. Таким образом, внутренняя обстановка весьма простая, но воздух в комнатах чище и теплее сравнительно с домами неимущего класса в северном Китае.

По сторонам более широких улиц устроены лавки, в которых продаются различного рода бобы, пшено, рис, ячмень, горох, грецкие орехи, каштаны, груши, айва, крыжовник, различные ягоды, грибы, имбирь, рыба и говядина. Здесь же можно получить упряжь и туфли, но лавки, торгующие одеждою и материалом, из которого она делается, отодвинуты дальше от улицы; торговцы сидят в них на корточках, как в Каире, на деревянных подмостках, имея товар под рукою и стараясь переманить покупателей у товарищей но ремеслу. Лавок десять, в которых продается один и тот же товар, расположены кругом площадки, имеющей не более 10 шагов в длину. Этим объясняется обыкновение, что на улице выставляются люди, зазывающие покупателей.

Судя по числу лавок с головными уборами и башмаками, надо полагать, что торговля этими предметами стоит на первом плане; следующее производство, обращающее на себя внимание — это особенный процесс, которому подвергаются бумажные материи, чтобы получить лоск, составляющий отличительную черту одежды корейцев. По-видимому, женщины заняты этою работою день и ночь, так как стук палочек, которыми они бьют материю, никогда не прекращается.

Столярная работа отличается некоторым искусством, бронзовые изделия и корзиночное плетенье не без вкуса; зато книжная торговля в плохом состоянии, да и то, что продается, по большей части китайские произведения; искусство живописи существует почти исключительно в применении к ширмам.

Вообще, как на улицах, так и внутри домов заметно полное отсутствие погони за яркими цветами и эффектом, что, напротив того, существует в Китае, так как там позолота и резная работа составляют характерную черту; в Корее же, даже на дверях и окнах, украшения сравнительно встречаются редко.

Другое различие в характере китайцев и корейцев составляет небольшое число лавок с кушаньями у последних. В то время как китайцы низшего класса едят обыкновенно вне дома и часто поодиночке, корейцы, по-видимому, всегда обедают дома и большею частью в компании.

Вследствие этого на улицах должно было бы быть просторнее, но г. Карлс нашел, что толкотня в г. Сауле нисколько не менее, чем в Пекине. Город имеет не более пяти верст в длину и двух в ширину, если не принимать в соображение большого пространства, где мало построек, к северу от города.

Г. Карлс и его спутники, пробыв в г. Сауле несколько дней в ожидании паспортов, отправились далее, взяв с собою небольшое число прислуги и двух солдат. Приобретение достаточного числа пони составляло немалое затруднение. На одном из переходов г. Карлс насчитал 39 пони, каждое с своим погонщиком, 3 носилок, 2 солдат и 7 человек китайской прислуги. При таком числе людей и лошадей путешественникам часто не хватало помещения.

Вид гор, возвышающихся к северу от г. Сауля, поражает своим бесплодием. Даже в нижней части их, где растут деревья, последние, за отсутствием кустарника, не могут совершенно закрыть белеющей поверхности гранита; на вершине же высот трава видна только изредка. Зато в долине, по которой пролегал путь путешественников, почва была почти всюду обработана, но, судя по ее рыхлости, она казалась наносною, принесенною водою с гор.

При движении на север деревни, находящиеся вблизи столицы, расположены по сторонам дороги; находящиеся далее от столицы и, следовательно, ближе к горам, отстоят от дороги и от обработанных мест на некоторое расстояние, а иногда, чтобы не подвергнуться наводнению горных потоков, защищены со стороны высот дамбами.

Дорога настолько хороша, что на расстоянии первых 60 верст путешественники встретили только два места, где повозки не могли бы проехать, да и то при помощи мотыги и лопаты эти места легко было бы поправить. Имеющиеся мосты не прочны и узки, но зато грунт реки настолько тверд, что можно переезжать вброд. В настоящее время колесного движения по этой дороге не существует: путешественникам, считая с выезда и до их возвращения в г. Сауль, попалось не более дюжины подвод. В 18 верстах от города, у ворот одного дома, стояла тачка, а вблизи этого места встретилось должностное лицо, путешествовавшее в экипаже, который представлял нечто среднее между носилками и тележкою. Более никаких повозок не попадалось; в горах же хворост перевозится быками на легких рамах, сделанных из жердей, нижние концы которых тащатся по земле и прыгают по камням и пням, встречающимся по дороге.

По мере движения на север долины становились уже и каменистее, а возвышенности лесистее и менее круты. Хотя на расстоянии 135 верст путешественники следовали местностью, покрытою белеющимся грани-

том, тем не менее, он постепенно делался менее заметен для глаз, так как высокая трава, густой лес и кустарник стали все чаще и чаще закрывать нижнюю часть гор. Беспрестанно встречавшиеся реки затрудняли движение. Каждая гора, на которую путешественникам приходилось подниматься, служила источником новому потоку, хотя все эти воды направлялись к р. Хан-канг, тем не менее, казалось невероятным, чтобы они могли слиться в одну реку. Общее количество текущей воды, получающееся от слияния этих рек, хотя каждая из них не шире 80 шагов, должно было бы превзойти количество текущей воды в р. Хан-канге у г. Мапю, а поэтому вероятно, что значительная часть воды проходит внутрь земли, не доходя до р. Хан-канг. Подтверждением этому служит и быстрота, с которою дороги высыхают после сильных дождей.

Время года не позволило определить в точности, какие хлеба растут в долине и в каком отношении они находятся между собою. По-видимому, первое место занимает рис. За ним следуют бобы, идущие на корм скота, а также употребляемые людьми или как отдельное блюдо, или в соленом и сушеном виде, как приправа. К главным предметам производительности относятся также пшено, ячмень, горох, хлопчатая бумага, табак, конопля; кроме того, по сторонам дороги встречается много фруктовых садов с грушами, каштанами и т. п.

До Ким-хуа путешественники следовали по дороге, которая ведет в Дженсан — порт на восточном берегу полуострова, недавно открытый для торговли[3]. От г. Сауля до г. Дженсана считается 370 ли, или 185 верст; торговля между этими двумя пунктами, несмотря на разделяющие их горы, оживленная. Пони, нагруженные сушеною рыбою и т. п., направляются

[3] Для иностранной торговли в ноябре 1883 г. открыты следующие порты: Иен-шуань — на западном берегу Кореи, Фузан — на юго-восточном и Джен-сан — на восточном. Фузан и Джен-сан вели торговлю с Япониею и до того; что же касается Иен-шуаня, то он до сих пор не может завязать настоящих торговых сношений с Китаем. В ноябре 1883 г. в служебный состав вновь устроенных корейских таможень поступили многие европейцы, но расходы по их содержанию не окупились вследствие обманутых ожиданий касательно развития торговли; а между тем заем в 200000 долларов (265540 рублей), сделанный у китайцев в 1883 г., пошел исключительно на упомянутые таможенные и другие реорганизационные потребности. Привоз и вывоз товаров в 1883 г. составлял в совокупности 1100000 рублей, т.е. на 706000 рублей меньше, чем в 1882 г. Что же касается собственно вывозной торговли (главным образом рис и кожи), то в 1883 г. она составляла на 190425 рублей более, чем в 1882 г. В Корее существуют теперь две партии: нороны и шороны. Первая, состоящая из лиц благородного происхождения, считается консервативною и преследует всякие нововведения; вторая, если и не совсем охотно, то все-таки без сопротивлений, уступает требованиям европейцев, Действительно же за сношения с Европою в Корее стоит только один человек — молодой король.

В 1884 г. порт Фузан связан подводным телеграфом, проходящим через остров Цусима, с Япониею (Нагасаки).

десятками в г. Сауль, откуда возвращаются в Дженсан с солью и разным штучным товаром.

Товар во время переезда покрывается особого рода циновками. По уверению корейцев (г. Карлс, тщательно осмотревший циновки, нашел объяснение правдоподобным) они делаются из человечьих волос, которые покупаются людьми, ходящими для этого из дома в дом. Подобного рода производство объясняется несколько обычаем корейцев, по которому мужчины отпускают длинные волосы, пока не женаты, и обстригают их перед свадьбою; с другой стороны, имея в виду, что волоса в значительном количестве вывозятся в Китай, где из них делаются косы, становится невероятным, чтобы их хватало на обе потребности.

Ким-хуа, как пункт, официально носящий название города, должен был представить много интересного для путешественников. К своему удивлению, они увидали, однако, что Ким-хуа имел вид длинной, раскинутой деревни, в которой можно насчитать домов 400; город не окружен стеною и не имеет ничего замечательного. Для иностранца главную особенность составляет обыкновение устраивать базар один раз в пять дней; в другие же дни, за неимением лавок, в городе ничего нельзя приобрести. По-видимому, обычай этот распространен по всей Корее; путешественники, не попавшие ни на один базар, должны были ждать десять дней, пока представился случай купить столь простую вещь, как трубку. Еще лучшим примером, как трудно доставать самые обыкновенные предметы, за исключением установленных дней, служит случай, что в деревне в 100 домов невозможно было приобрести листа корейской бумаги. В Ким-хуа и Ким-саинге путешественники могли добыть муку только из частных складов магистратов, и при их же помощи удалось приобрести великолепный местный мед.

Не найдя лавок в Ким-хуа, г. Карлсу нельзя было узнать, какого рода торговля процветает в этом городе, но по возвращении в г. Сауль ему сообщили, что Ким-хуа замечателен бумажно-шелковыми изделиями. Образчики этих произведений, виденные путешественниками, казались грубыми и плохой работы, к тому же настолько узкими, что не могли бы продаваться на европейских рынках. Сырой шелк и коконы стоят так дорого, что вывоз их за границу не может быть выгоден.

Из Ким-хуа путешественники проехали горами по направлению к северо-востоку и северу, где местность великолепная. Крайний пункт, достигнутый ими на востоке, была небольшая деревня Тал-тайен, отстоящая не более 60 верст по прямому направлению от берега Тихого океана. Дорога, пройдя версты три среди березового, дубового и кленового леса, где беспрестанно встречались ручейки, журчавшие среди покрытых мхом

камней, вышла в долину, ограниченную со всех сторон известковыми скалами, внизу которых там и сям виднелись хвойные деревья. Серый цвет скал и рыжевато-бурый исландского мха представлял совершенную противоположность с богатою растительностью долины.

В гористой местности к северо-востоку от Ким-хуа, где долины меньше, пространства обработанной земли встречаются на высоте двух и трех тысяч футов, хотя, сравнительно с Китаем, земледелие мало развито. Судя по описаниям, надо полагать, что в других местностях Кореи, где жители богаче, обработка земли находится в лучшем состоянии. Следуя по дорогам, через каждые три, четыре версты, встречаются группы в 10–20 домов; с пресечением же дорог и с подъемом выше, в горы, жилища и обработанные поля прекращаются. Отсутствие строений на более высоких горах следует приписать отчасти боязни подвергнуться нападению диких зверей, так как число жертв, уничтожаемых тиграми, весьма значительное.

Г. Карлс убедился, что прекрасный лес, сплавляемый по р. Я-лю и вывозимый в Китай, не растет в местности, где ему пришлось быть. Леса, им виденные, состояли обыкновенно из сосны и дуба, вперемежку с кленом, ясенем и можжевельником; в горах примешивались иногда береза, орешник, рябина и *Thuja orientalis*; в долинах встречались обыкновенная и плакучая ивы, *Sophora japonica*, *Euonymus alatus* и еще реже катальпа и telkown. Вообще флора этой местности сильно походит на флору г. Чжи-фу, в китайской провинции Шань-дунь; роскошные азалии свидетельствуют о климате, более мягком, но, с другой стороны, г. Карлсу удалось видеть одно растение, которое прежде он встречал только в горах к северу от Пекина, на высоте 3.000 футов.

Тал-тайен — единственный пункт, жители которого выразили неудовольствие видеть путешественников. Во всех же прочих местах они относились хорошо, без низкопоклонства, без навязчивого любопытства, и лучшее помещение в деревне отдавалось безропотно в распоряжение путешественников, хотя последние прибывали часто, не предупредив жителей. Так как все переговоры с населением велись через туземных переводчиков, то поведение корейцев заслуживало удивления.

В Тал-тайене же прибытие путешественников навело панику — все мужчины, женщины и дети убежали из деревни. Этот страх можно объяснить отчасти поведением прислуги, которая, достигнув, когда смерклось, переправы напротив деревни, развела большие костры, чтобы дать знать о своем присутствии. Какая бы ни была причина, но путешественники, прождав целый час парома, должны были послать за ним человека кружным путем. Переправившись на другой берег реки, они нашли дома по-

кинутыми и послали людей уверить в своих мирных намерениях жителей, которые, однако, начали возвращаться не ранее полночи.

Ширина реки в этом месте — 190 шагов; глубина ее значительная, но, подобно всем прочим рекам, плавание по ней невозможно из-за плотин, которые устраиваются, чтобы получить сильный поток воды для особого рода машин, служащих для шелушения риса. Устройство этих машин очень простое. Струя воды наполняет чан, вместимостью от 10 до 20 ведер, привязанный к одному концу бревна — рычага, к другому концу которого прикреплен большой деревянный молот; чан, наполняясь водою, поднимает другой конец бревна, а опоражниваясь — заставляет молот падать и ударять о рис. Эти машины не требуют за собой никакого ухода; в некоторых долинах рек их можно видеть целую дюжину, работающих одновременно. Это было единственное приспособление, виденное путешественниками, устроенное на основании физических законов природы.

Вблизи Тал-тайена нет пункта, откуда можно было бы осмотреть окрестную местность, так как ширина долин небольшая и высоты приблизительно одинаковые; но с горы у Танг-хсайена, далее к западу, об окружающей местности можно получить хорошее понятие. Оттуда видно, что горы, тянущиеся с севера на юг и составляющие главный хребет полуострова Кореи, имеют наименьшую высоту у Тал-тайена, не превышающую, вероятно, 3.000 футов. Самые высокие вершины были видны по направлению к юго-востоку, да и они едва ли превышали 5.000 футов.

На высотах, где рис не может расти, он заменяется овсом; горные жители питаются главным образом овсяною мукою, картофелем, а также медом диких пчел.

Даже в местах, стоящих в стороне от путей сообщения, люди находят себе пропитание; глиняные лачуги выглядят прочными постройками; топлива вдоволь, одежды тоже достаточно. По мнению г. Карлса, единственные признаки, свидетельствующие о нужде,— это сморщенные лица детей, которые, хотя и выглядят здоровыми, но малорослы за недостатком питательной пищи. Сравнительно с северным Китаем, страна кажется в одно и то же время и беднее, и в лучшем положении. Больших богатств, по-видимому, нет, но рабочий класс находится в лучших условиях, чем в Китае. В пищу обыкновенно употребляется рис; овес и картофель растут в изобилии в горах, а бобы и репа находятся всюду. Этот род пищи, при употреблении рисовой воды или вина, следует предпочесть тому, что китайские земледельцы и рудокопы едят в провинциях Чжи-ли и Шань-дунь. Нищие встречаются очень редко, и ничто не говорит об общей нужде, хотя, по случаю неурожая в 1883 г., в северные провинции были посланы комиссионеры для закупки зерна.

Ввиду холодных зим платье рабочего класса кажется не довольно теплым. Кожаной или шерстяной одежды не употребляется, а жакетки, подбитые ватой, шьются таким образом, что часть тела остается незащищенной. У женщин эта манера шить платье доходит до крайности, вследствие чего груди их остаются открытыми. Руки защищены узенькими рукавами до локтя; зато ноги обертываются в кусок материи и не имеют другой обуви, кроме соломенных туфель.

Женщины и даже девушки ведут отчужденную жизнь. Как бы ни была бедна лачуга, в которой останавливались путешественники, им, хотя бы мельком, редко удавалось видеть женщину; встречавшиеся же на дороге или свертывали в сторону, или повертывали спину и оставались в таком положении, пока путешественники ехали мимо. В окрестностях г. Сауля одни рабыни, имевшие голову и плечи завернутыми в плащ, оставляли лица открытыми, но с удалением в глубь страны эти правила соблюдаются менее строго.

Торговля в Корее ведется главным образом мелочная, да оно иначе и быть не может, за отсутствием хороших перевозочных средств. Существующая же торговля сильно стеснена употреблением новых медных денег, которые введены пять лет тому назад. Каждая такая монета (большой каш) равняется пяти прежним монетам (малым кашам), но так как большие каши берут неохотно, то курс прежней мелкой монеты поднялся на 30 процентов. Большое количество малых каш ради золота, которое входит в их состав, вывезено в Японию, в настоящее время поднят вопрос об изъятии из употребления больших каш, потерявших свою стоимость, что еще более мешает их обращению. О том, насколько неудобно употребление медных денег, можно судить по затруднениям, с которыми была сопряжена доставка 24.000 каш, посланных путешественникам из г. Сауля. Деньги были нагружены на двух пони, так что каждый пони вез около 8 пудов, и отправлены под конвоем двух солдат. Последние, однако, вернулись в г. Сауль и потребовали, чтобы им дали для охраны китайца. Наконец, партия в шесть человек и четыре пони отправилась в путь. Несмотря на ее многочисленность, люди страшно боялись за сохранность денег, стоимость которых не превышала 200 рублей.

Купцы иногда дают друг другу кредитивы, хотя в меняльных лавках этого не допускается; кредитив может быть разменен на наличные деньги только в том месте, где он дан, что поручается делать большею частью торговцам из г. Сауля и г. Ай-чжоу, лежащего в провинции Пинг Ан на границе с Китаем, так как туземные жители этих мест обладают коммерческими склонностями. За неимением бумажных и медных денег, принимаются

иногда серебряные слитки и золотой песок, но не в большом количестве и не по определенной цене.

При этих условиях иностранным купцам нет расчета привозить свои товары, разве что они пожелают обменять их на местные произведения, так как в противном случае медная монета имела бы ничтожное значение вне Кореи. Тем не менее очень возможно, что через несколько лет вывозная торговля разовьется, в особенности если минеральные богатства страны окажутся значительными.

В Корее, за исключением леса и местных произведений, могут развиться еще и другие отрасли торговли.

Рогатый скот замечательно хорош, а в провинции Пинг Ан, как уверяли путешественников, он еще лучше. Средняя цена около двадцати пяти рублей за голову; тяжесть же, поднимаемая быками из провинции Пинг Ан (пятьсот катти, или свыше шестнадцати пудов), заставляет подумать, не выгоднее ли будет, в случае войны, употреблять вместо мулов быков для перевозки войсковых тяжестей. Кормят их бобами и рубленою соломою. Животные выглядят крепкими и покорными, управляются обыкновенно за веревку, которая привязана к деревянному кольцу, продетому через нос, и обнесена кругом рогов. Так как коровье молоко в Корее не пьют, то коровы редко держатся для молочных ферм. Кожи вывозятся за границу в значительном количестве.

Овёс в горах продается очень дешево; он мог бы служить до некоторой степени предметом вывоза в китайские порты, открытые для европейцев.

Попытка снабжать иностранные рынки корейским табаком уже сделана; сигары оказались из хорошего табаку.

Мед так хорош, что мог бы продаваться по высокой цене, но в настоящее время его мало получается.

Из мелких произведений можно указать на работы слепых из расщепленного бамбука и на циновки. Образцы последних, взятые из дворца, значительно превосходили кантонские произведения подобного рода.

Отличительную черту корейской торговли составляет участие, принимаемое в ней лицами служащими и высокопоставленными, занимающимися этим делом через посредство агентов, с которых они требуют известную сумму дохода в год. Даже отец короля, еще очень недавно, пускал свои деньги в подобного рода обороты. Появление иностранных капиталов, которые неминуемо вызовут конкуренцию, может быть принято корейскими властями недружелюбно.

За всякого рода торговыми сделками, по-видимому, ведется строгий надзор; но, несмотря на все расспросы г. Карлса, он не мог узнать никаких подробностей, за исключением того, что об этом доносится ежедневно

местным властям. Торговцы платят небольшую сумму офицеру, который следит за торговлею, но есть ли это средство заставить молчать или подать в пользу правительства, осталось без разъяснения. Относительно торговли, которая ведется властями, г. Карлс тоже не мог ничего добиться. Будучи гостями, путешественники стеснялись первое время делать намеки, что им нужны кое-какие вещи; но охота, с которою предлагались вещи, и то обстоятельство, что многие из них можно было получить только от хозяев, заставляют думать, что такое изобилие в предметах не есть случайное. Впоследствии оказалось, что путешественники находились в долгу не у одних местных властей. По возвращении в г. Сауль г. Карлс узнал, что пони, на которых они путешествовали, составляли собственность короля. К каждому королевскому пони приставлен погонщик, получающий ежемесячно определенное жалованье за уход за лошадью; когда же король не нуждается в своих пони, то погонщики имеют право отдавать их в наем высокопоставленным лицам, к числу которых были причислены и путешественники. Купцы для езды по своим делам держат собственных животных, на которых и совершают небольшие переезды в окрестности; но такого числа пони, какое нужно было для путешественников, нанять в частных конюшнях было бы трудно, хотя животные были бы и лучшего качества. Открытие, кто был владельцем пони, нанятых путешественниками, разъяснило, почему погонщики могли пропивать спокойно деньги, которые им платились ежедневно.

Кроме рогатого скота, корейцы не могут похвастаться домашними животными. Овцы оставляются для королевских жертвоприношений, а коз путешественники совсем не видали. Пони хорошо сложены, чистокровны, но зато надорваны, плохо кормлены и вышиною менее 12 ладоней. Жеребцы, поднимающие большую тяжесть, делают в день при частых привалах по 45 верст, но шаг у них плохой. Кобылы употребляются для земледельческих работ, под вьюком же ходят редко. Ослов мало, и они маленькие; мулов, по-видимому, совсем не существует. Свиньи по величине и по весу очень дурные. Собаки несколько видоизмененной китайской уличной породы. Гуси держатся случайно, как дворовая птица; домашние утки и голуби не разводятся; кур много, и они хорошо откормлены. Дикие звери встречаются разных пород, но их не так много, как ожидали путешественники, которые даже не видели этих животных; на рынке же в г. Сауле продавалось всего несколько плохих шкур. Нет сомнения, что в стране водятся тигры, леопарды, дикие кошки, медведи, лисицы, барсуки, олени разных пород, зайцы и дикие свиньи. Из диких птиц встречаются лебеди, гуси, дрофы, журавли двух пород, японские ибисы, цапли, очень хорошие фазаны и много водяных птиц.

Главные государственные доходы составляют поземельный налог и налог на дома, из которых первый уплачивается в два срока; на содержание королевского двора назначается пошлина, налагаемая на китайское растение жинзенг. По-видимому, немыслимо, чтобы это были единственные источники, идущие в пользу казны и на содержание королевского двора. Объяснения, дававшиеся по этому поводу корейцами, противоречили друг другу. Сам же г. Карлс пришел к убеждению, что прямых налогов на местные произведения не существует, но в случае продажи их из рук в руки уплачивается известная сумма; соль составляет в этом случае исключение, но на право вываривать выдается особая привилегия; транзитной пошлины не установлено; значительная часть доходов раздается в виде подарков придворным и правительственным чинам. Один налог на растение жинзенг превышает 600.000 рублей, уплачиваемых на китайской границе.

Несмотря на раннее возникновение цивилизации в стране, интересного в историческом отношении мало: путешественники видели только род жертвенников, воздвигнутых в долинах во время японского вторжения в конце 16-го века, чтобы умилостивить земные силы.

О суеверии народа свидетельствуют разные приношения горным силам. За исключением этих приношений и буддийского храма вблизи от городских ворот Сауля, религиозных признаков не встречалось. Несколько верст севернее места, до которого доезжали путешественники, у Чин-Канг-Шана в горах находится много храмов, куда пилигримы стекаются летом; но г. Карлсу, не ездившему так далеко, не удалось видеть религиозных обрядов.

Сборник географических, топографических
и статистических материалов по Азии.
Вып. XII. СПб. 1884, с. 302–320

КОПИЯ С ДОНЕСЕНИЯ СТАТСКОГО СОВЕТНИКА ВЕБЕРА РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКОМУ ПОСЛАННИКУ В ПЕКИНЕ

от 4-го июля 1884 года

Донося Вашему Превосходительству о благополучном окончании Высочайше возложенного на меня поручения заключить договор с Кореею, имею честь препроводить при сем копию с договора, подписанного в Сеуле 25-го июня сего года[1].

Прибыв в порт Чемульпо 10-го числа, а в Сеул 14-го числа прошлого месяца, я на другой же день отправился с официальным визитом в Министерство Иностранных Дел. Самые переговоры начались 17-го числа, и так как мною заранее были приготовлены как Русский, так и Китайский тексты нашего договора, отличающегося от заключенных в конце прошлого года англичанами и германцами трактатов лишь в немногих пунктах, то мы скоро пришли к соглашению.

Я весьма рад сообщить Вашему Превосходительству, что Корейское Правительство уступило нам во всех наших требованиях, которые Вы изволили указать в данной мне инструкции. Кроме того, оно согласилось на сбавку ввозной пошлины с морской капусты с 7 1/2 на 5 процентов, на причисление кваса к более дешевым напиткам и на некоторое изменение статьи в Особом Протоколе, касающейся торговли в столице.

На другой день после подписания договора я, Секретарь Миссии Барон Врангель и находившиеся в Сеуле командиры и офицеры наших военных судов имели честь представиться Его Величеству Корейскому Королю, весьма милостиво и радушно нас принявшему. Между прочим, Его Величество изволили сказать, что давно желали войти с Россиею в дружественные сношения и поэтому весьма рады заключению настоящего договора, который послужит к сближению Русского и Корейского народов и к развитию их торговли.

27-го числа выехали из Сеула обратно в Чемульпо, где отчасти вследствие густых туманов простояли до 1-го числа сего месяца.

Архив внешней политики Российской империи. — Фонд «СПб. Главный архив, 1–9».— Опись 8, 1881 г. —Дело 18. —Листы 105–106

[1] 8 июля 1884 г. по новому стилю — (*прим. сост*).

Серия
«Российское корееведение
в прошлом и настоящем»

Том 7

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КОРЕЕ В РОССИИ (1675–1884)

Составители Ю. В. Ванин, Б. Д. Пак, Б. Б. Пак

Подписано в печать 14.08.2009. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 22,375.
Тираж 700 экз. Заказ № 326.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Российское корееведение в прошлом и настоящем

Том VII